

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ

THE NEW RESEARCH OF TUVA

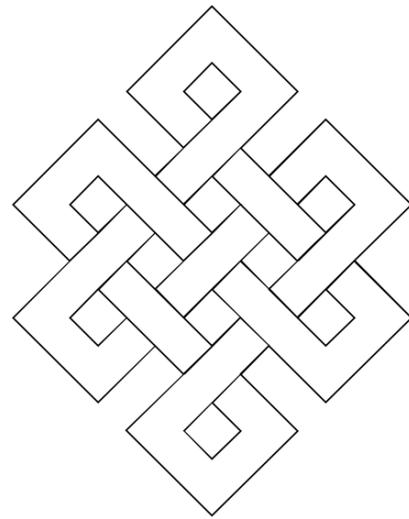
2019

№ 2

ТУВА РЕСПУБЛИКАНЫМ
НАЦИОНАЛ
МУЗЕЙИ

nit.tuva.asia

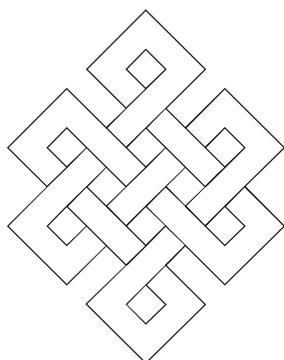
НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ

№2
2019

Эл. адрес: article@tuva.asia
<https://nit.tuva.asia>

ISSN 2079-8482

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ

THE NEW RESEARCH OF TUVA

2019

№ 2

nit.tuva.asia

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ламажаа Ч. К., Московский гуманитарный университет, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

СЕКЦИЯ ИСТОРИИ (ИСТОРИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ)

Харитонова В. И., Институт этнологии и антропологии РАН, Россия
Ерекешева Л. Г., Институт востоковедения им. Р. Б. Сулейменова МОН РК, Казахстан
Донахо Б., Институт социальной антропологии Макса Планка, Германия
Монгуш М. В., Российский государственный архив Российской Федерации, Россия
Дацышен В. Г., Сибирский федеральный университет, Россия
Отрошенко И. В., Институт востоковедения имени А. Е. Крымского Национальной академии наук Украины
Чулуун Сампилдондов, Институт истории и археологии Академии наук Монголии
Харунова М. М.-Б., Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов Сибирского отделения РАН, Россия
Бакаева Э. П., Калмыцкий научный центр РАН, Россия

СЕКЦИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК (ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ)

Ламажаа Ч. К., Московский гуманитарный университет, Россия
Попков Ю. В., Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, Россия
Федотова В. Г., Институт философии Российской академии наук, Россия
Балакина Г. Ф., Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов Сибирского отделения Российской академии наук
Кара-оол Ш. В., Правительство Республики Тыва, Россия
Хомушку О. М., Тувинский государственный университет, Россия

СЕКЦИЯ КУЛЬТУРОЛОГИИ (КУЛЬТУРОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ)

Сузукей В. Ю., Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований, Россия
Левин Т., Дартмаус колледж, США

СЕКЦИЯ ФИЛОЛОГИИ (ЯЗЫКОЗНАНИЕ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ)

Бичелдей К. А., Национальный музей им. Алдан Маадыр Республики Тыва, Россия
Шамина Л. А., Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук, Россия
Широбоква Н. Н., Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук, Россия
Киндикова Н. М., Горно-Алтайский государственный университет, Россия
Бавуу-Сюрюн М. В., Тувинский госуниверситет, Россия

ТЕХНИЧЕСКАЯ ГРУППА

Папын А. С., редактор, администратор, Россия,
Макаров В. С., Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Россия

Журнал публикует статьи на русском и английском языках.
 Выходит 4 раза в год.

Зарегистрирован в качестве СМИ Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации Эл №ФС77-37967 от 5 ноября 2009 г.

Индексация журнала: ERIH PLUS, РИНЦ, КиберЛенинка, PKP Index, Google Scholar, DOAJ, Scopus.
 Включен в Перечень ВАК Минобрнауки РФ.

В оформлении обложки номера использована фотография Валерия Балчый-оола (Россия)

EDITOR-IN-CHIEF

Chimiza K. Lamazhaa, Moscow University for the Humanities, Russia

EDITORIAL BOARD

SECTION OF HISTORY (HISTORY, ETHNOGRAPHY, ANTHROPOLOGY)

Valentina I. Kharitonova, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Laura G. Yerekesheva, Institute of Oriental Studies (Almaty), Kazakhstan
Brian Donahoe, Max Planck Institute for Social Anthropology, Germany
Marina V. Mongush, State Archives of the Russian Federation
Vladimir G. Datsyshen, Siberian Federal University, Russian Federation
Ivanna V. Otroshchenko, Krymsky Institute of Oriental studies, National Academy of Sciences of Ukraine, Ukraine
Chuluun Sampildondov, Institute of History and Archaeology, Academy of Science Mongolia, Mongolia
Marianna M.-B. Harunova, Tuvanian Institute for Exploration of Natural Resources, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
Elza P. Bakaeva, Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Science

SECTION OF SOCIAL SCIENCES (PHILOSOPHY, SOCIOLOGY, RELIGIOUS STUDIES)

Chimiza K. Lamazhaa, Moscow University for the Humanities, Russian Federation
Yuri V. Popkov, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Galina F. Balakina, Tuvanian Institute for Exploration of Natural Resources, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Sholban V. Kara-ool, The Government of the Republic of Tuva, Russia
Olga M. Homushku, Tuvan State University, Russian Federation

SECTION OF CULTUROLOGY (CULTURAL STUDIES, ART HISTORY)

Valentina Yu. Suzukey, Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research, Russian Federation
Theodore Levin, Dartmouth College, United States

PHILOLOGY SECTION (LINGUISTICS, FOLKLORE, LITERARY STUDIES)

Kaadyr-ool A. Bicheldey, National Museum of the Republic of Tuva, Russian Federation
Lyudmila A. Shamina, Institute of Philology, Siberian branch, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Natalya N. Shirobokova, Institute of Philology, SB RAS, Russian Federation
Nina M. Kindikova, Gorno-Altay State University, Russian Federation
Mira V. Bavuu-Syuryun, Tuvan State University, Russian Federation

TECHNICAL GROUP

Alexander S. Papyn, Editor, Manager, Russian Federation
Vladimir S. Makarov, St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities, Russian Federation

The New Research of Tuva welcomes contributions in Russian and English.
 The journal is published quarterly.

The journal is indexed in ERIH PLUS, RINTs, KiberLeninka, PKP Index, Google Scholar, DOAJ, Scopus.

Cover photo by Valery Balchy-ool (Russian Federation)

ISSN 2079-8482

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons «Attribution-NonCommercial» («Атрибуция — Некоммерческое использование») 4.0 Всемирная.
 This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License.

Тема выпуска

**«Проблемы сохранения исторической
памяти народа и культурного наследия Тувы
(к 90-летию Национального музея им. Алдан-
Маадыр Республики Тыва)»**

Ответственный редактор — доктор
филологических наук, профессор
Каадыр-оол Алексеевич Бичелдей
(Национальный музей им. Алдан-Маадыр
Республики Тыва, Россия).

Special Issue:

**“Preserving the historical memory and
cultural heritage of Tuva:
the 90th anniversary of the Aldan-Maadyr
National Museum
of the Republic of Tuva”**

Guest-edited by

Kaadyr-ool A. Bicheldey
Doctor of Philology, Professor
Aldan-Maadyr National Museum
of the Republic of Tuva, Russia

DOI: 10.25178/nit.2019.2.1

Развитие музейного дела в Республике Тыва: история и современность

Каадыр-оол А. Бичелдей, Солангы Ю. Чыргалан, Оттук Ю. Иргит

Национальный музей им. Алдан-Маадыр Республики Тыва, Российская Федерация,

Хулербен К. Кадыг-оол

Национальный музей им. Алдан-Маадыр Республики Тыва; Тувинский государственный университет, Российская Федерация

90-летний юбилей Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва — повод подвести определенные итоги в области музейного дела Тувы. Музей сегодня является культурным и научным центром республики, играет важную роль в сохранении культуры, в развитии воспитания и пр. В статье анализируется история развития музейного дела в Туве, формулируются современные проблемы и новые вызовы на фоне глобальных трендов, которые происходят с музеями мира.

Даны количественные характеристики на сегодня: число сотрудников музея (в том числе по разным категориям), показатели фондов музея. Имеется 7 филиалов. Отмечено, что тувинский музей по фондам является одним из самых богатых в Южной Сибири. Проанализированы виды и показатели научно-исследовательской деятельности коллектива. Отмечены организационные проблемы. Перспективным направлением работы названо археологическое в сотрудничестве с другими научными учреждениями.

Представлены формы работы с посетителями. Возможности расширения и улучшения работы показаны на примере филиала — музея истории политических репрессий. Сформулирована задача полной реэкспозиции в залах до 2021 года, которая рассматривается как творческая. Насущная задача — использование современных технологий, которая сейчас решается, но в минимальном виде. Важно соблюсти баланс с привычными формами работы и сохранить статус ведущего культурного и просветительского учреждения Тувы.

Международное сотрудничество музея сегодня развивается в двух основных направлениях: обмен выставками с зарубежными музеями и предоставление своей площади для международных мероприятий.

Ключевые слова: Национальный музей Республики Тыва; Тува; тувинская культура; культурное наследие; музееведение

Для цитирования:

Бичелдей К. А., Чыргалан С. Ю., Иргит О. О., Кадыг-оол Х. К. Развитие музейного дела в Республике Тыва: история и современность [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2019, № 2. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/841> (дата обращения: дд.мм.гг.). DOI: 10.25178/nit.2019.2.1

Бичелдей Каадыр-оол Алексеевич — доктор филологических наук, директор Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Титова, д. 30. Тел.: +7 (394-22) 2-28-04. Эл. адрес: bka.hural@mail.ru ORCID ID: 0000-0002-6754-7794

Чыргалан Солангы Юрьевна — научный сотрудник отдела истории Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Титова, д. 30. Тел.: +7 (394-22) 2-28-04. Эл. адрес: solangy.tchyrgalan@yandex.ru ORCID ID: 0000-0002-4067-120X

Иргит Оттук Юрьевич — научный сотрудник филиала политических репрессий Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Титова, д. 30. Тел.: +7 (394-22) 2-28-04. Эл. адрес: irgit_06x@mail.ru ORCID ID : 0000-0002-4026-8373

Кадыг-оол Хулербен Кок-оолович — кандидат философских наук, магистр математики, заместитель директора по научной работе Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва; старший преподаватель кафедры алгебры и геометрии Тувинского государственного университета. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Титова, д. 30. Тел.: +7 (394-22) 2-28-04. Эл. адрес: hoolerben@yandex.ru ORCID ID: 0000-0002-9162-4470

Bicheldy Kaadyr-ool Alexeevich, Doctor of Philology, Director, Aldan-Maadyr National Museum of the Republic of Tuva; Member, Russian Academy of Natural Sciences; Russian Academy of Social Sciences. Postal address: 30 Titov St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (394-22) 2-28-04. E-mail: bka.hural@mail.ru

Chyrgalan Solangy Yuryevna, Research Fellow, Aldan-Maadyr National Museum of the Republic of Tuva. Postal address: 30 Titov St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (394-22) 2-28-04. E-mail: solangy.tchyrgalan@yandex.ru

Irgit Otuk Yuryevich, Research Fellow, Aldan-Maadyr National Museum of the Republic of Tuva. Postal address: 30 Titov St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (394-22) 2-28-04. E-mail: irgit_06x@mail.ru

Kadyg-ool Khulerben Kok-oolovich, Candidate of Philosophy, Master of Mathematics, Deputy Director for Research, Aldan-Maadyr National Museum of the Republic of Tuva; Senior Lecturer, Department of Algebra and Geometry, Tuvan State University. Postal address: 30 Titov St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (394-22) 2-28-04. E-mail: hoolerben@yandex.ru

Development of Museum Affairs in the Republic of Tuva: history and present time

Kaadyr-ool A. Bicheldey, Solangy Yu. Chyrgalan, Ottuk Yu. Irgit

Aldan-Maadyr National Museum of the Republic of Tuva, Russian Federation,

Khulerben K. Kadyg-ool

*Aldan-Maadyr National Museum of the Republic of Tuva; Tuvan State University,
Russian Federation*

90th anniversary of the Aldan-Maadyr National Museum of the Republic of Tuva provides an opportunity to take stock of museum work and its development in the republic. The museum currently functions as a cultural and research center of the region, playing a significant role in education, as well as preservation of culture and other spheres. The article examines the history of museum work in Tuva, also focusing on contemporary issues and new challenges offset by global trends in the museum industry.

Provided are some quantitative indicators of the current state of affairs, such as the overall number of museum workers (classified by category), including all of its 7 branch offices. By the size of its collections, National Museum of Tuva is one of the largest in South Siberia. The authors assess the types and outcomes of research done by the museum staff, and also describe the problems to be solved. Archaeological work in collaboration with other research institutions is said to have a lot of potential.

The most important priority at the moment lies in collaborating with other research institutions. The article also looks at how museums can work with their visitors. Methods of expanding and improving this work are exemplified by the case study of the Museum of political repressions, a constituent part of the National Museum. By 2021, all museum spaces have to undergo an exposition upgrade – a task which can only be seen as a creative one. Another important challenge is the adoption of contemporary technologies, which so far has had only a minimal solution. In doing so, a balance should be found between innovative and traditional forms of museum work. The status of the leading cultural institution of Tuva, which the museum currently has, should never be threatened.

International cooperation at the museum is now developing along two major lines – exchanging exhibition projects with foreign partner museum and providing venues for international events.

Keywords: National Museum of the Republic of Tuva; Tuva; Tuvan culture; cultural heritage; museum studies

For citation:

Bicheldey K. A., Chyrgalan S. Yu., Irgit O. Yu. and Kadyg-ool Kh. K. Development of Museum Affairs in the Republic of Tuva: history and present time. *The New Research of Tuva*. 2019, no. 2. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/841> (access date ...). DOI: 10.25178/nit.2019.2.1

Введение

Национальный музей имени Алдан-Маадыр Республики Тыва (далее — НМ РТ) в 2019 г. празднует 90 лет со дня создания. С 13 мая 1929 г. также начинается официальная история музейного дела Тувы. За это время музей добился значительных успехов. Сформировались уникальные коллекции, которые стали широко известны за пределами республики. Существенно изменился подход к музейному делу как к профессиональной деятельности. В стенах НМ РТ выросли ученые-исследователи республиканского, общероссийского и мирового уровней, само учреждение играет важную роль в научной, культурной, общественной жизни Тувы. В 2008 г. музей обрел новое современное здание, которое открыло новые возможности для развития музейного дела в целом и стало одним из символов культуры Тувы.

Тем не менее, было бы наивно утверждать, что за фасадом перечисленных достижений не осталось серьезных вопросов разного характера. Особенностью НМ РТ является то, что в одной организации сконцентрированы все направления музейного дела: от естественно-научных исследований до организации и кураторства музеев в образовательных организациях и различных ведомствах Тувы. Как правило, в регионах с более развитой соответствующей системой имеются несколько музеев, включая частные, которые работают в более специализированных направлениях. В Туве же координация республиканских усилий в этом направлении ведется именно в одном музее.

90-летие для музея — хороший повод для того, чтобы подвести ряд итогов, рассмотреть проблемы и очертить перспективы развития. В данной статье мы поразмышляем над почти вековой историей музейного дела Тувы, сквозь призму истории становления и развития главного музея республики, а также проанализируем новые вызовы, стоящие перед ним.

Музейное дело

Прежде всего определимся с основными терминами.

Мы говорим о музейном деле, что подразумевает не только научные изыскания, но и всю деятельность, связанную с работой музеев. До сих пор отсутствует устоявшееся определение того, что есть музейное дело. Его нет и в соответствующем Федеральном законе от 26.05.1996 № 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» (Федеральный закон «О Музейном фонде ...», Электр. ресурс). Тем не менее, исследователи отмечают, что музейное дело представляет собой особую форму культурной деятельности, в которой выделяются теоретический и практический уровни (Музейное дело России, 2003). В Российской музейной энциклопедии приводится следующее определение: «Музейное дело, область культурной деятельности, нацеленной на обеспечение функционирования музея как учреждения и выполнения им социальных функций музея. Становление М. д. неразрывно связано с формированием направлений музейной деятельности и музейных профессий. В 20 в. М. д. становится объектом культурной политики государства. В разных странах имеет свою специфику» (Музейное дело, Электр. ресурс)¹.

Собственно термин «музей» в Федеральном законе от 26.05.1996 № 54-ФЗ трактуется как «некоммерческое учреждение культуры, созданное собственником для хранения, изучения и публичного представления музейных предметов и музейных коллекций, включенных в состав Музейного фонда Российской Федерации, а также для достижения иных целей, определенных настоящим Федеральным законом» (Федеральный закон «О Музейном фонде ...», Электр. ресурс)..

Интересно сравнение с тем, что понимают под «музеем» в других странах. К примеру, Американская ассоциация музеев определяет музей в XX в. как «организованный институт, работающий на постоянной основе, деятельность которого не подразумевает получения прибыли, по существу направлен на достижение образовательных или эстетических целей, имеющий профессиональный штат сотрудников, данный институт владеет материальными объектами или использует их, хранит их, а также выставляет на общественное обозрение по некоторому графику» (Alexander P., Alexander M., 2008: 2).

В 1995 г. Международный комитет музеев (ИКОМ) определил музей как «некоммерческий, действующий на постоянной основе институт, предназначенный для служения обществу и его развития, а также открытый для широких слоев населения, который приобретает, хранит, изучает, выстраивает коммуникации и делает экспозиции материальных объектов, принадлежащих людям или из их среды обитания, в целях изучения, образования и развлечения» (там же). Видно, что в целом все приведенные определения подчеркивают некоммерческий характер музеев и предполагают примерно одинаковые цели.

В 2015 г. вышел очередной номер официального журнала ИКОМ, темой которого стали новые тенденции в музейном деле. Опираясь на обзорную статью президента этой организации Ф. Мэрэсса (Maigrasse, 2015: 15), мы выделим следующие основные тренды:

- трансформация экономики и вытекающая отсюда трансформация музейной деятельности в сфере комплектования фондов, прежде всего шедевров живописи, фактически, музеи становятся полноправными участниками рыночных отношений в рамках неолиберальной экономики;
- развитие цифровых технологий, появление т. н. «кибермузеологии», влияние Интернета и социальных сетей на деятельность музеев;
- изменение отношений и ролей в схеме «музей-посетитель».

Так, музеи понимаются нашими зарубежными коллегами не просто как узкоспециализированные учреждения, а как социальные институты, некоммерческие по своему характеру, где важна деятельность профессионалов. И эти социальные институты сегодня испытывают значительные трансформации в связи с широкими социальными и культурными изменениями всего мира.

Мы принимаем данную трактовку музея, а также соответствующего ей музейного дела, и полагаем, что музейное дело в Республике Тыва, будучи важным элементом культуры и общества в целом, претерпевает сегодня существенные изменения, которые требуют осмысления. Результатом этого анализа должны стать новые подходы к развитию, которые позволят, с одной стороны, сохранить классические функции музея, с другой стороны более органично интегрировать в свою деятельность современные тенденции.

¹ В уже упомянутой коллективной монографии «Музейное дело России» предлагается наравне с данным термином говорить о «музейном мире», правда, также без четкого определения (Музейное дело России, 2003: 3).

Из истории развития музейного дела Тувы

Мировая история музейного дела уходит корнями в древние времена. Исследования истории появления естественно-научных коллекций приводят к собраниям скальпов горилл в Карфагене или рогов скифских быков, которые Александр Македонский пожертвовал храму в Дельфах (Hagen, 1876: 81). Если музейное дело рассматривать таким образом, то возникает вопрос о том, было ли музейное дело на территории Тувы до 13 мая 1929 г. — официальной даты основания нынешнего НМ РТ. Мы считаем, что было.

Например, по мнению авторов книги «Музеи в движении», в Древней Греции и Древнем Риме прототипами музеев можно считать богато обставленные храмы, посвященные разным богам (Alexander P., Alexander M., 2008: 4). Помимо того, что собрания артефактов в них предназначались для религиозных целей, они представляют собой организованные коллекции, предназначенные для хранения, определенного использования, передаче последующим поколениям. Согласно такому пониманию, буддийские храмы Урянхайского края также можно рассматривать как прототипы музеев. Частные коллекции состоятельных лиц, воинов, знати, аристократии также можно рассматривать подобным образом (там же: 7), что позволяет говорить и о деятельности тувинской знати, скажем, XVIII и XIX вв., которые в своих юртах хранили замечательные образцы утвари, мебели, одежды, разных принадлежностей и т. д. Не все коллекции сохранились, какие-то были уничтожены, утеряны. Но известна, например, судьба имущества чиновника Идан-Сюрюна, которая была конфискована государством в 1928 г. и стала основой для будущего музейного фонда (Дыртык-оол, 2009b: 9).

Данное событие оказало существенное влияние на принятие решения о создании музея в Туве. Сама же официальная история музейного дела начинается, как уже было сказано выше, 13 мая 1929 г.

В целом, научную литературу, посвященную НМ РТ, можно условно разделить на три группы: исследования истории музея; публикации о деятельности музея (сохранение культурного наследия, описание коллекций, экспозиций и т. д.); работы по теоретическим аспектам (музееведение или музеология).

Первая группа. Наиболее ценными трудами по истории НМ РТ являются работы А. О. Дыртык-оол (Дыртык-оол, 2009ab, 2013). Например, автором приведены основные этапы развития музейного дела в Туве. Отмечается, что заметные улучшения в работе НМ РТ были связаны с именами выдающихся личностей: В. П. Ермолаева, Н. М. Богатырева, Д. Б. Данзын-оола, С. И. Вайнштейна, М. Б. Кенин-Лопсана, К. И. Черненко и др. Благодаря их прорывным достижениям разные отрасли музейного дела Тувы (научные исследования, формирование фондов, культурно-просветительская работа, экспозиционная деятельность и др.) сложились в единую систему.

В целом, историю музейного дела в Туве, по нашему мнению, можно рассматривать по следующим этапам:

- предыстория;
- зарождение в качестве особой профессиональной сферы;
- развитие в советское время;
- развитие в 1990–2008 гг.
- развитие с 2008 г. по настоящее время.

Предыстория музейного дела в Туве еще нуждается в исследованиях, поскольку не все ее страницы освещены достаточно. Отдельные эпизоды можно найти в воспоминаниях, в художественной литературе. Например, история уничтожения коллекций описывается в романе С. Тока «Слово арата»:

«И вот уже сотня всадников помчалась в Аксы-Барлык и Алдын-Булак. Араты с ходу набрасывали арканы на ограду, на купола монастырских строений и, гикая, нахлестывая коней, тянули арканы на себя. В клубах пыли рушилось хуре. В воздухе летали разорванные в клочья молитвенные книги.

Кто-то проткнул барабан. Трещали по швам занавески» (Тока, 1973: 389).

Зарождение музейного дела в республике тесно связано с деятельностью В. П. Ермолаева, легендарного первого директора краеведческого музея. Ему удалось собрать заметную коллекцию этнографических предметов, не рискуя быть обвиненным в симпатиях к феодалам или «старорежимному», «отсталому» образу жизни аратов. Он же стал первым профессиональным фотографом Тувы, который на протяжении 45 лет систематически делал снимки людей, природы и т. д. (Дыртык-оол, 2013: 11). Ермолаев был многосторонним человеком. Например, М. Б. Кенин-Лопсан считает его одним из основателем русскоязычной литературы Тувы (Кенин-Лопсан, 2013: 8).

В 1933 г. в фонде тувинского музея насчитывалось 4669 единиц хранения.

В советское время музейное дело Тувы обрело основную материальную базу, было поставлено на профессиональную основу. Музей развивался, в его деятельности сложились определенные традиции, что было отмечено на всесоюзном уровне¹ (Дыртык-оол, 2009b: 14). Самым важным в становлении музея мы считаем формирование коллектива заинтересованных и глубоко преданных делу специалистов, многие из которых посвятили музею всю свою профессиональную жизнь. Их энтузиазм, активность, авторитет помогли формировать фонды. Население, доверявшее специалистам, несло и до сих пор продолжает нести в музей ценные предметы из семейных архивов, причем на безвозмездной основе. В этой связи необходимо отметить глубокую заинтересованность и особый талант М. Б. Кенин-Лопсана, который много выезжал в районы, встречался с людьми, вел разъяснительную работу (*фото 1*).

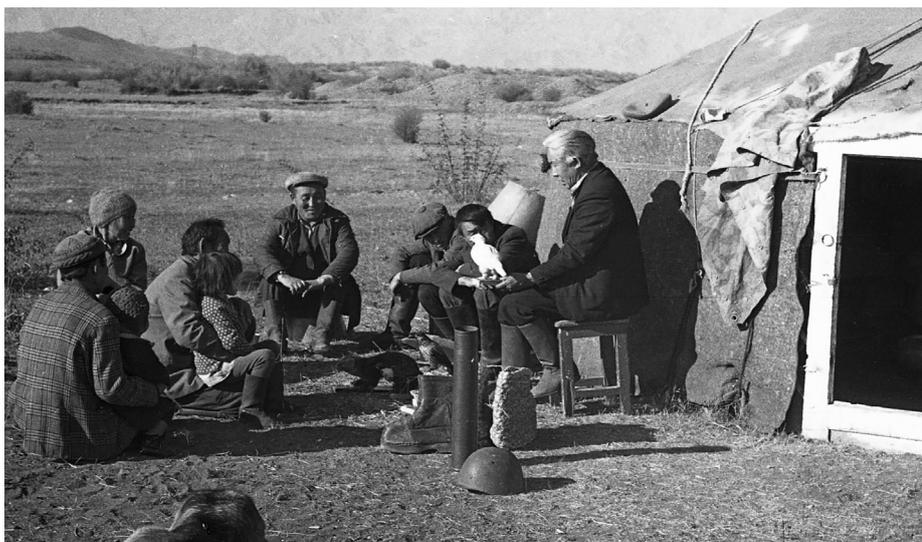

Фото 1. М. Б. Кенин-Лопсан рассказывает на выезде к чабанам об экспонате. Село Чыраа-Бажы, Дзун-Хемчикский район, 1975 г. Автор фото неизвестен. Из фондов НМ РТ.
Photo 1 M.B. Kenin-Lopsan explaining an exhibit to herders. Village Chyraa-Bazhy, Dzun-Khemchinsky rayon, 1975. Photographer unknown. Courtesy of National Museum, Republic of Tuva

В постсоветское время, когда многие отрасли культуры, да и вообще положение дел в республике как таковое, находились в глубоком и затяжном кризисе, именно энтузиазм работников музея позволял учреждению не просто выживать, но и реализовывать новые проекты (Дыртык-оол, Мартынов, 2019: Электр. ресурс).

Последние годы принесли одновременно и новые возможности, и определяют новые задачи. Например, в 1993 г. в музее был создан отдел религии, в том же году открылась выставка «Шаманы в Центре Азии. Мифологическое наследие тувинцев». Годом позже был создан филиал музея, основной темой которого стали политические репрессии (Дыртык-оол, 2009b: 15–16).

2008 год стал особо важным для музея, поскольку произошел ряд важных событий, сформировавших современный облик НМ РТ. Во-первых, было сдано в эксплуатацию здание музея, строительство которого началось еще в далеком 1991 г. Музей переехал в красивый комплекс по ул. Титова, д. 30. Во-вторых, в этом же году произошло долгожданное открытие выставки знаменитого золота скифов из кургана Аржаан-II. Само здание музея и прилегающая к нему территория стали одной из главных достопримечательностей города, а постоянная экспозиция в «Золотом зале» принесла НМ РТ мировую славу. Таким образом, с 2008 г. идет современная летопись музейного дела Тувы.

Вторая группа. Среди публикаций по отдельным вопросам деятельности музея необходимо отметить оригинальные работы М. Б. Кенин-Лопсана. Необходимо оговорить, что в целом научное наследие Монгуша Бораховича, разумеется, выходит за рамки музееведения. Вместе с тем, некоторые из его работ посвящены непосредственно музейному делу Тувы или предметам из коллекций НМ РТ (Кенин-Лопсан, 2009, 2013). Широко известны его труды по традиционной культуре тувинцев (Кенин-Лопсан, 2006).

¹ Например, в 1956 г. по результатам Всероссийского конкурса по содержанию экспозиций Тувинский областной музей был признан одним из лучших и награжден дипломом I степени.

Особняком в трудах нашего выдающегося исследователя стоят работы по шаманской тематике (Кенин-Лопсан, 1987, 2007, 2008 и др.). В целом, в данном разделе можно отметить целую россыпь интересных статей разных авторов.

Например, в продолжение темы шаманизма и соответствующих коллекций отметим работу А. М. Допай, посвященной собранию шаманских предметов (Допай, 2013). Тувинскому искусству посвящена одна из работ ветерана музейного дела А. С. Хертека (Хертек, 2006). Проблемам реставрации посвящена работа главного хранителя НМ РТ и крупнейшего специалиста по традиционной одежде тувинцев Р. Б. Ховалыг (Ховалыг, 2013). Некоторые темы буддийской коллекции раскрываются в статьях Р. П. Сумба, главного специалиста по буддологии НМ РТ (Сумба, 2013). Заслуживает внимания работа по этнографическим коллекциям музея, автором которой является У. Б. Нурзат, один из опытейших специалистов по фондам (Нурзат, 2013).

Третья группа литературы (музееведение, музеология) является до сих пор самой незначительной. Пожалуй, отметим лишь ставшее незаменимым для каждого начинающего музейного работника Тувы методическое пособие А. О. Дыртык-оол «Экспозиционно-выставочная работа в музее» (Дыртык-оол, 2014).

На конец 2018 г. в НМ РТ работало 138 человек, из них 75 — специалисты, включая научных сотрудников. Только 8 чел. имеют профессиональное образование в области музейного дела. Подобное соотношение ставит задачи повышения квалификации, которые музей решает. В 2018 г. 21 специалист НМ РТ прошел обучение по программе «Музейное дело». В музее числятся 1 доктор наук и 4 кандидата наук, то есть 6,9% сотрудников имеют ученые степени. В настоящее время к защите кандидатской диссертации готовятся трое научных сотрудников (по историческим специальностям): С. Ю. Чырглан, О. Ю. Иргит, М. О. Дыртык-оол. В аспирантуре обучаются два человека: С. А. Лакпаева, Р. Р. Сангы-Бадра. Таким образом, имеется перспектива в обозримом будущем заметного пополнения рядов остепененных научных сотрудников.

Согласно внутреннему годовому отчету за 2018 г., фонды НМ РТ насчитывают 154815 музейных предметов, из них: 119156 единиц основного фонда и 35659 единиц научно-вспомогательных материалов. Для сравнения: фонд Хакасского национального краеведческого музея имени Л. Р. Кызласова составляет более 120 тысяч экспонатов (Хакасский национальный...: Электр. ресурс), фонд Национального музея имени А. В. Анохина (Республика Алтай) — более 60 тысяч единиц хранения (История музея: Электр. ресурс). То есть тувинский музей один из самых богатых в Южной Сибири.

Музей имеет 7 филиалов. Последний был открыт в 2018 г. Это музей-заповедник (под открытым небом) в местечке Белдир-Кежи Улуг-Хемского района Республики Тыва. Изначально это был проект Тувинской региональной общественной организации «Мир тувинцев». Предполагалось, что будет создан единый комплекс. На его территории с 2014 г. были возведены объекты, которые связаны с буддизмом, тенгрианством, историей Тувы¹.

Научные исследования в музее Тувы

Научно-исследовательская деятельность является одним из ведущих направлений деятельности НМ РТ. В музее на сегодняшний день имеется 4 научных отдела: истории; археологии; культуры, искусства, религии; краеведения и туризма. Наряду с научными сотрудниками научно-исследовательской работой в музее занимаются хранители фондов, экскурсоводы, специалисты. Исследовательская деятельность музея ведется в двух основных направлениях: изучение всего музейного собрания НМ РТ и исследования, связанные в целом с музееведением.

Изучение музейного собрания является базовой основой для фундаментальных и прикладных исследований. Научным описанием музейных предметов, являющимся одним из видов исследовательской работы, занимаются все научные сотрудники НМ РТ. Кроме того, материалы фондов НМ РТ используются в качестве источниковой базы для научных работ сотрудников, занимающихся различными темами.

Научная деятельность музея реализуется в стандартных формах: научно-практические конференции, организованные музеем; апробация научных трудов сотрудников в научно-практических конференциях, организованных другими учреждениями, и публикация научных работ в виде монографий и статей в периодических изданиях.

¹ Более подробно с проектом можно ознакомиться на сайте ТРОО «Мир тувинцев» (Проект БЕЪЛДИР-КЕЪЖИИ, Электр. ресурс).

Согласно статистическим данным из отчетов НМ РТ, за 2014–2018 гг. музей организовал 24 научных мероприятия, в том числе 5 научно-практических конференций (2014 г. — 1; 2015 г. — 1; 2016 г. — 1; 2017 г. — 2), 9 круглых столов (2014 г. — 2; 2015 г. — 1; 2016 г. — 1; 2017 г. — 1; 2018 г. — 4). Также музей выступил соорганизатором одной научно-практической конференции (2015 г.), одного научного заседания (2014 г.); 3 круглых столов (2015 г. — 1, 2017 г. — 2). Музей оказал содействие в проведении одной республиканской конференции (2018 г.) и 2 круглых столов (2018 г.). Динамика показателей проведенных мероприятий по годам (2014 г. — 4, 2015 г. — 4, 2016 г. — 2, 2017 г. — 7, 2018 г. — 7) свидетельствует о том, что научная жизнь музея с каждым годом становится активнее, расширяется. Необходимо отметить весьма важные сборники конференций, которые выходили ранее, в 2009 и 2013 гг. соответственно (Наследие народов ..., 2009; Первые республиканские ..., 2013).

Однако, если взглянуть на ситуацию с другого ракурса, становится очевидно, что речь идет скорее о развитии научно-организационной формы без тесной связи с научно-исследовательской и публикационной форм.

Одной из главных сложностей в научном направлении НМ РТ является то, что музей не является научной организацией с точки зрения своего официального статуса, а является учреждением культуры. Соответственно на него не распространяется действие Указа Президента Российской Федерации № 597 от 7 мая 2012 г. «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» (Указ Президента ..., 2012: Электр. ресурс), то есть не имеется оснований для повышения заработной платы по результатам научной деятельности.

Это сказывается на публикационной активности. В 2018 г. сотрудники опубликовали 44 работы, из них статьи в журналах списка ВАК — 5 единиц, индексируемых в РИНЦ — 23 единицы. Для сравнения, в 2017 г. всего было 33 публикации, из них ВАК — 2, РИНЦ — 6. В 2016 г., к примеру, «ваковских» статей и вовсе не было. До сих пор Национальный музей Тувы не зарегистрирован в РИНЦ. И до 2019 г. у его сотрудников не было ни одной публикации в журналах, индексируемых в международных базах научной индексации, в т. ч. в Scopus и Web of Sciences.

Главную проблему можно обозначить следующим образом: научные сотрудники НМ РТ часто видят свою роль в музее в исключительно узкоспециальном ракурсе, а именно — в организации выставок (разных типов), составлении научных описаний экспонатов, чтении лекций, проведении экскурсий. Примерно так же обстоят дела в части научно-фондовой работы. Хранители, которые приравнены к научным сотрудникам НМ РТ, как правило, видят свои задачи преимущественно в обновлении данных каталога, составлении описей и т. д., т. е. фактически, речь идет о, скорее, технической, ежедневной, рутинной работе. Последняя, разумеется, также крайне важна, но не является исчерпывающей.

Подобное положение дел негативно сказывается на всех остальных направлениях деятельности НМ РТ. Ценные и редкие экспонаты оказываются «забытыми» в подвалах музея, поскольку о них не пишут статей, по ним не составляют каталоги. И вопрос в данном случае стоит не только в увеличении известности музея и его коллекций, а гораздо глубже. Фактически, речь идет о сохранении и популяризации культурного наследия. Без современной системы научной работы музей становится в некотором смысле обычным складом артефактов.

Большие надежды сейчас мы связываем с археологическим направлением научных исследований как самих сотрудников музея, так и коллег из научных учреждений, с которыми у НМ РТ традиционные многолетние связи. На сегодняшний день идет формирование отдельного отряда археологов музея, которые будут принимать участие в раскопках в составе крупных экспедиций. Два научных сотрудника отдела археологии — К. М. Монгуш и М. А. Монгуш — получили право на открытый лист, т. е. на проведение археологической разведки. Летом 2019 г. оба будут работать в составе международной группы археологов на раскопках кургана «Туннуг» в «Долине Царей» Пий-Хемского района Республики Тыва.

Также в наших планах большая работа с архивами, сданными в фонды музея. Например, запланирована публикация большого архива археологических отчетов С. И. Вайнштейна.

Возможно, ситуацию могло бы преломить внесение научных сотрудников НМ РТ в соответствующий республиканский реестр, чтобы таким образом они смогли бы подпадать под действие упоминавшегося Указа Президента РФ. Одной из сложностей является то, что до сих пор не имеется четких критериев, согласно которым то или иное учреждение может обладать статусом «научно-исследовательского института» или «научно-исследовательского центра»¹. Вопрос признания специалистов Тувы научными

¹ В 2018 г. мы делали запрос в Министерство образования и науки Российской Федерации по поводу данных критериев, в ответном письме нам разъяснили, что в законодательстве РФ не закреплены понятия «научно-исследовательский институт» и «научно-исследовательский центр».

сотрудниками, которые уже подпадают под действие упоминаемого Указа, решается Правительством Республики Тыва. В результате данного шага существенно улучшится финансовое положение указанной категории работников, в связи с чем можно было бы ожидать увеличение количества опубликованных научных трудов.

Необходимы и иные способы стимулирования научных исследований, не связанные исключительно с финансовыми механизмами. В 2018 г. в качестве своеобразного эксперимента в музее был введен дополнительный, вспомогательный критерий эффективности — индивидуальный рейтинг научного сотрудника, подразумевающий комплексный анализ достижений. По итогам 2018 г. на его основе было осуществлено небольшое денежное премирование для тройки лидеров. Также был разработан новый формат индивидуального плана.

Работа с посетителями музея

Фото 2. Знаменитая золотая шпилька «царицы» — находка из кургана Аржаан II. Фото Т. Уоллеса, 2018 г.
Photo 2 The “queen”’s famous gold hairpin. A find from Arzhaan II mound. Photo by Trevor Wallace, 2018.

В настоящее время основные экспозиции музея размещены в 16 залах на двух этажах в главном здании по адресу г. Кызыл, ул. Титова, д. 30. Отметим, что настоящая структура размещенных выставок нас не удовлетворяет и соответственно мы ставим задачу полной реэкспозиции в залах НМ РТ до 2021 года.

Это связано с тем, что из единого полотна «выпали» целые фрагменты истории. Например, в постоянной экспозиции нет материалов по эпохе хунну, средних веков. Парадоксально, но музей, который носит имя Алдан-Маадыр¹, не имеет хотя бы небольшого «куска» экспозиции, который бы рассказывал посетителям об этой странице нашей истории. Филиал в одноименном селе является довольно удаленным (примерно в 250 км от г. Кызыла) и не доступен для массового посещения.

Также можно отметить, что залы природы «раскиданы» по всему 2 этажу (в 1, 2 и 7 залах). Исторические или этнографические залы идут вперемежку с залами искусства, религии и т. д.

Очевидно, что подобная ситуация сложилась в результате спешки при заезде в новое здание в 2008 г., когда надо было скорее ввести здание в эксплуатацию, чтобы как можно скорее принять знаменитую коллекцию скифского золота (фото 2).

В связи с этим интересно отметить, что в старом здании по адресу г. Кызыл, ул. Ленина д. 7, несмотря на то, что оно было на порядок меньше нынешнего, экспозиция выглядела более логичной, структурированной. Таким образом, требуется определенное время для того, чтобы постоянная экспозиция в новом здании стала в большой степени завершенной, гармонично выстроенной.

Весьма важной задачей является не простой выбор уникальных экспонатов (их в фондах НМ РТ более чем достаточно) и какой-то их механической компоновке согласно заявленной

теме того или иного зала, но более глубокое осмысление связи «экспонат — пространство — смысл» в целом. Условно говоря, для восточного человека более важны не стенки сосуда, но пустота, благодаря которой эти стенки существуют (Чжуан-Цзы, 1995: 236). Так и в НМ РТ, по нашему мнению, предстоит кропотливая работа по организации особой «пустоты» вокруг экспонатов. Тогда они получают больше смыслового пространства для выражения полноты своей семиотической нагрузки, наполняя пустоту вокруг себя эмоциями, переживаниями, мыслями, озарениями посетителя.

Интересной и творческой задачей представляется осмысление прилегающей территории к главному зданию НМ РТ. В старом здании как таковой прилегающей территории не было, если не считать внутренний дворик. Теперь главное здание НМ РТ и прилегающая территория занимают, фактически, целый квартал.

¹ Восстание шестидесяти богатырей (тув. — алдан маадыр) (1883–1885 гг.) — крупнейшее восстание тувинцев против китайской империи. Было жестоко подавлено, участники казнены. Музей был назван в честь восставших в 1942 г.

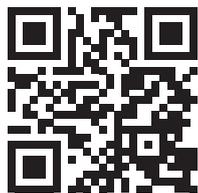

Одной из первых попыток своеобразной экспозиционной эманации за пределы стен самого здания можно считать прошлогоднее оформление ниш по бокам четырех лестниц, которые раньше использовались под цветочные клумбы. В прошлом году там были установлены стелы древнетюркского периода (фото 3 и 4). Возможно, в дальнейшем подобные попытки превращения территории вокруг музея будут продолжены.

Фото 3 и 4. Скульптуры на боковых нишах лестницы НМ РТ, 2019 г. Фото А. Э. Мижита.
Photos 3 & 4 Statues in side niches of the National Museum stairway, 2019. Photo by A. E. Mizhit.

С неизбежностью встает вопрос использования современных технологий при экспонировании предметов. Развитие музейного дела в наше время показывает, что его основа — весьма гибкая (Alexander P., Alexander M., 2008: 10). Музеям необходимо ориентироваться на посетителей — активных пользователей всевозможных гаджетов. И использование в тувинском музее современных технологий также — одна из насущных задач. В настоящее время данная деятельность только начинает получать свое развитие. Помимо использования виртуальных киосков, несложной мультимедийной техники, наш музей в 2019 г. получил «виртуальную копию», т. е. была создана 3D-модель всего помещения с залами. В самих экспозициях используется система QR-кодов, которая позволяет самостоятельно знакомиться с экспозициями.

QR-код сайта музея.
QR code of the Museum website.

Тем не менее, очевидно, что перечисленный арсенал технических решений — своеобразный «минимальный» набор. Необходимо расширение ассортимента соответствующего инструментария. К примеру, во многих учреждениях культуры, в том числе в музеях, прекрасно зарекомендовала себя технология дополненной реальности. Также можно перенимать опыт учебных заведений, которые, например, давно используют интерактивные доски.

Наконец, отдельным пунктом идут технологии, которые полностью размывают границы традиционного музейного дела, например, связанные с досуговыми формами культуры. Нам кажется интересным опыт Музея естествознания в Лондоне (основанном в 1881 г.), в котором проводятся так называемые бесшумные дискотеки (*silent disco*). Посетителям раздаются специальные наушники, с помощью которых люди слушают музыку от специально нанятого диджея. Таким образом, дискотека проходит в тишине, создается необыкновенная атмосфера, когда разными цветами подсвечиваются, например, скелеты динозавров (*Silent disco*: Электр. ресурс). Билеты на такие дискотеки раскупаются очень быстро за много дней до назначенного.

В деятельности НМ РТ необходимо соблюсти баланс между его «всеядностью» (с неизбежностью ведущей в менее традиционные для музейного дела сферы досуга и развлечений) и более привычными формами работы. Тогда наш музей сможет быть ведущим культурным и просветительским учреждением региона.

Развитие музейного дела Тувы через филиалы, музеефикация современности

На примере одного из филиалов НМ РТ — музея истории политических репрессий — рассмотрим возможности расширения и качественного улучшения музейного дела на местах.

Музей истории политических репрессий в Туве был открыт 14 февраля 1994 г. усилиями Тувинской правозащитной общественной организации «Мемориал» и старейшего сотрудника Национального музея М. Б. Кенин-Лопсана, по распоряжению Госкомитета Республики Тыва по управлению госимуществом и при поддержке министерства культуры Республики Тыва (Дыртык-оол, 2009а: 47). По информации В. С. Стафа, этот музей является первым государственным музеем по теме репрессий в России, так как другие музеи на базе ГУЛАГа и зданий НКВД, открытые до 1994 г., создавались по инициативе частных лиц (Стаф, 2018).

В настоящее время филиал активно развивается, постепенно налаживая связь с другими музеями по аналогичной теме. Приоритетной задачей филиала является реализация Концепции государственной политики по увековечиванию памяти жертв политических репрессий, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 15 августа 2015 г. № 1561-р (Концепция..., Электр. ресурс). Согласно этому документу, во всех субъектах России должны быть созданы условия для сохранения памяти жертв политических репрессий. Именно в этих целях 30 октября 2017 г. в Москве был открыт мемориальный комплекс «Стена скорби», при создании которого были использованы камни с мест расстрела жертв репрессий со всех субъектов России, в том числе из Республики Тыва. Камень, специально выбранный сотрудниками НМ РТ с местечка Агар-Элезин, где предположительно расстреляли семерых государственных деятелей ТНР, лежит под № 64 в столичном мемориальном комплексе.

В целях реализации упомянутой Концепции в 2015 г. Государственным музеем истории ГУЛАГа также была создана Ассоциация российских музеев памяти, которая объединяет все тематические музеи России, посвященные репрессиям, ГУЛАГу и НКВД (Об ассоциации, Электр. ресурс). Филиал тувинского музея вступил в ряды Ассоциации в ноябре 2017 г. Благодаря членству филиала в Ассоциации 30 марта 2018 г. в стенах Национального музея РТ была открыта выставка «Стена скорби», посвященная проекту создания одноименного мемориального комплекса. Во время открытия выставки был подписан специальный договор о сотрудничестве между Национальным музеем РТ и Музеем истории ГУЛАГа. Отметим, что благодаря соседству Тувы с Монголией, именно наш музей и его филиал рассматриваются коллегами из Музея истории ГУЛАГа, как мост для налаживания связей между музеями репрессий России и Монголии.

Фото 5. Памятник тувинскому языку на территории филиала НМ РТ «Белдир-Кежии».

Фото Х. К. Кадыг-оола, 2016 г.

Photo 5 Tuvan language monument at the Beldyr-Kezhii branch of the National museum, Republic of Tuva.

Photo by Kh. K. Kadyg-ool, 2016.

В целях реализации Концепции и решения круглого стола «Дело девяти: особенности политических репрессий в Туве», который прошел в Национальном музее РТ 17 апреля 2018 г. (Круглый стол..., 2018: Электр. ресурс), 30 октября 2018 г. в Кызыле был открыт мемориальный комплекс Оюну Танчаю Чырандай оглу — первому финансисту Тувы, инициатору создания тувинской национальной валюты «акша». Несмотря на выдающиеся заслуги в сфере политического и экономического строительства ТНР, в 1938 г. он был необоснованно обвинен в организации «контрреволюционной группы» тувинских «троцкистов» и в шпионаже в пользу империалистической Японии (Кара-оол, 2018: 52–53). Бюстом Оюну Танчаю было заложено начало в создании мемориального комплекса жертвам политических репрессий в Туве — «Аллее памяти», которая будет располагаться около здания филиала (г. Кызыл, ул. Комсомольская, д. 5). В будущем он пополнится памятниками шестерым государственным деятелям, расстрелянным в 1938 г., а также тумбами с именами расстрелянных в 1926–1952 гг. граждан Тувы по политическим мотивам.

На сегодняшний день в филиале работает пять человек: заведующий, научный сотрудник, смотритель и два сторожа. Четверо из сотрудников имеют высшее

образование, из них один учится в аспирантуре и ведет научно-исследовательскую работу по теме политических репрессий в Туве (Доржу, Иргит, 2017; Иргит, 2018).

Таким образом, на примере филиала репрессий, можно выработать следующую стратегию развития других филиалов. На федеральном уровне разрабатываются разные проекты по развитию музейного дела и филиалы тувинского музея также должны участвовать в их реализации, чтобы получить больше возможностей для продвижения своей экспозиции и обмена опытом с коллегами, чтобы выйти на межрегиональный, а затем и на международный уровень сотрудничества.

С помощью филиалов НМ РТ производит музеефикацию¹ ценностей, которые создаются в наше время. Так, с 2014 г. в местечке Белдир-Кежи Улуг-Хемского района начал создаваться одноименный этнокультурный комплекс с установленными объектами (фото 5–7).

Фото 6. Памятник «Тенгир-Демдее»² на территории филиала НМ РТ «Белдир-Кежи». Фото Х. К. Кадыг-оола, 2016 г.
Photo 6 Tengir Demdee monument at the Beldyr-Kezhii branch of the National museum, Republic of Tuva.
Photo by Kh. K. Kadyg-ool, 2016.

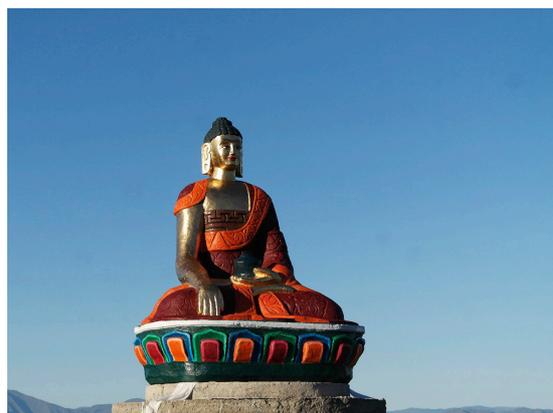

Фото 7. Статуя Будды Шакьямуни на территории филиала НМ РТ «Белдир-Кежи». Фото Х. К. Кадыг-оола, 2016 г.
Photo 7 A statue of Shakyamuni Buddha at the Beldyr-Kezhii branch of the National museum, Republic of Tuva.
Photo by Kh. K. Kadyg-ool, 2016.

В 2018 г. приказом министра культуры Республики Тыва А. К. Тамдына начался процесс создания филиала НМ РТ в виде музея-заповедника. Это означает, что материальные ценности, созданные на этом месте, теперь станут государственной собственностью, что подразумевает соответствующие меры по охране, эксплуатации и т. д. Данный прецедент показывает, что охрана культурного наследия не сходит с актуальной повестки республики. Филиал НМ РТ «Белдир-Кежи» представляет собой пример, как вновь создаваемые культурные ценности входят в поле духовного дискурса, становятся частью мирового наследия. Таким образом, культурное наследие не ограничивается только лишь артефактами прошлого, развитие идет и в наши дни.

В планах НМ РТ также открытие филиала на территории 55 мотострелковой (горной) военной дивизии в г. Кызыле — по просьбе руководства дивизии — постоянной экспозиции о Туве. Таким образом, деятельность филиалов весьма важна в музейном деле Тувы, как минимум, с двух точек зрения: расширение географии и музеефикация современности.

Международное сотрудничество

Международное сотрудничество НМ РТ сегодня развивается в двух основных направлениях: обмен выставками с зарубежными музеями и предоставление своей площади для международных мероприятий.

В 2017–2018 гг. НМ РТ реализовал совместный проект с музеем Глауберга (Германия) «Двух миров одно мгновение». Суть проекта заключалась в том, чтобы выявить общее в двух столь разных культурах.

¹ Музеефикация — направление музейной деятельности, заключающееся в преобразовании историко-культурных или природных объектов в музейные объекты с целью максимального сохранения и выявления их историко-культурной, научной, художественной ценности (Каулен, 2012: 13).

² Тенгир-Демдее (букв. с тув. «Знак Тенгри») — памятник, который напоминает буквы «Т» и «Д», соответственно. Посвящен древней религии потомков тувинцев — тенгрианству.

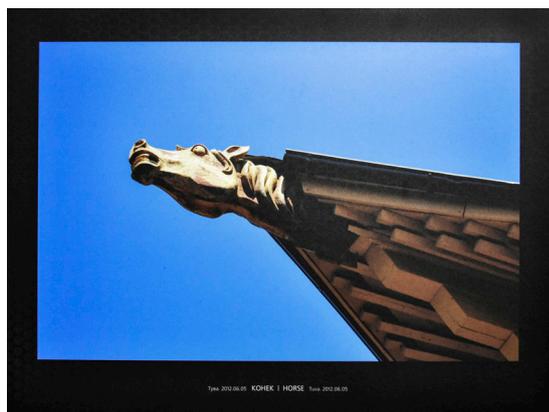

Фото 8. Фрагмент выставки Т. Буркхарда в Национальном музее РТ, 2018 г. Фото А. Д. Куулар.
Photo 8 Fragment of a Thomann Burkhard exhibition at the National Museum, Republic of Tuva, 2018.
Photo by A. D. Kuular.

И в этом был определенный месседж для всех участников саммита, стран СНГ и Монголии: руководители вооруженных сил своих стран не являются «свирепыми» военачальниками, которые думают только о войнах, согласно общераспространенным стереотипам. Коллекции НМ РТ и творчество С. К. Шойгу продемонстрировали своеобразный культурный актив, который удалось капитализировать в виде успешного, привлекательного, миролюбивого имиджа республики и страны в целом. Данная интерпретация мероприятия вписывается в концепцию т. н. «мягкой силы» (Nye, 2004: 44). Таким образом, международная деятельность НМ РТ выходит за рамки непосредственно культурно-просветительской деятельности, а имеет все возможности для решения и политических задач.

Фотограф Буркхард Томанн, выступая в качестве строительного эксперта, побывал в Туве в 2012 г. Он попытался выразить с помощью фотоснимков определенные параллели между культурами кочевников Центра Азии и кельтов Германии. Экспозиция заключается в том, что на стене в два ряда выставляются фотографии. Верхняя «линия» посвящена Туве, нижняя — Германии. К примеру, дается фотография элемента декора крыши Центра тувинской традиционной культуры и ремесел в виде конской головы и фотография примерно такого же элемента из Германии (фото 8). Расположение снимков призвано побудить зрителя к размышлению над единством смыслов разных культур.

Сначала выставка открылась в Глауберге в 2017 г. В 2018 г. эта выставка открылась в НМ РТ (фото 9).

На 2022 г. между музеями намечается новый проект-обмен выставками. Планируется выставить в Кызыле копию знаменитого кельтского князя, а в Германии — манекены скифских царя и царицы в полном одеянии с использованием гальваноконий золотых находок из кургана Аржаан II.

Другой вариант международного сотрудничества музей смог реализовать на открытии Саммита министров обороны СНГ и Монголии, который состоялся в г. Кызыле в 6–7 июня 2018 г. Посещение НМ РТ и открытие там персональной выставки Героя России, Генерала Армии, Министра обороны РФ С. К. Шойгу стало первым официальным мероприятием саммита.

Фото 9. Томанн Буркхард и Каадыр-оол Бичелдей на открытии выставки в г. Кызыле, 2018 г. Фото А. Д. Куулар.
Photo 9 Thomann Burkhard and Kaadyr-ool Bicheldey at the exhibition opening in Kyzyl, 2018 Photo by A. D. Kuular.

Заключение

Обзор почти вековой истории развития музейного дела Тувы показал нам богатую историю, в которой музей был и самостоятельной организацией со своими внутренними задачами, и социальным институтом, испытывавшим все перипетии истории республики. Сегодня, очевидно, что музей продолжает быть центром музейного дела всей Тувы, продолжая решать массу разнообразных задач. В их числе и новые задачи, связанные как с быстрыми социальными, культурными изменениями тувинского общества, так и с общими глобализационными тенденциями.

В НМ РТ сегодня, как и на протяжении всей его истории, работают преданные своему делу замечательные специалисты. На смену ветеранам растет новое поколение музейщиков. Постепенно раскрывается научный потенциал музея, его научные сотрудники стремятся к получению ученых степеней, к расширению области практических исследований. Ширятся межрегиональные и международные связи, в связи с этим также можно проследить определенную трансформацию роли музея как хранителя «души» народа — культурного наследия.

Как мы указали в начале статьи, направления развития музеев весьма разнообразные. Для качественного развития необходимо отталкиваться от научной основы — музееведения. Следующий важный шаг — создание профессионального сообщества музейных работников, которое будет включать в себя программистов, ученых, ремесленников и многих других, но именно тех людей, которые решили посвятить себя музею и получили в связи с этим соответствующее профессиональное образование. Для этого НМ РТ должен быть конкурентным работодателем на рынке труда с одной стороны, с другой — привлекать специалистов своими потрясающими коллекциями, возможностью выезжать на всевозможные международные события, строить научную карьеру и т. д. Таким образом, развитие музея должно быть обусловлено не только материальными и финансовыми аспектами.

Музей будет стараться наращивать и, в конце концов, довести свою роль до одного из лидеров в сохранении культурного наследия кочевых народов Центральной Азии. В данном направлении весьма важна научно-популярная, медиа составляющая нашей деятельности. В некотором роде можно даже говорить о своеобразной пропаганде. При качественном планировании развития Национальный музей им. Алдан-Маадыр будет играть все более важную роль в Туве, России и во всем мире музеев, чего мы ему и желаем в связи с юбилеем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2012 г. № 597 О мероприятиях по реализации государственной социальной политики (2012) [Электронный ресурс] // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/35261> (дата обращения: 15.02.2019).

Федеральный закон «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» от 26.05.1996 N 54-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс] // Консультант-Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10496/ (дата обращения: 15.02.2019).

Допай, А. М. (2013) К вопросу о составе шаманской коллекции Национального музея Республики Тыва // Первые республиканские Ермолаевские краеведческие чтения : сборник материалов конференции / отв. за вып. В. С. Чигжит. Кызыл : КЦО «Аныяк». 238 с. С. 119–122.

Доржу, З. Ю., Иргит, О. Ю. (2017) «Дело Девяти»: судебный процесс 1938 года над государственными деятелями Тувинской Народной Республики в годы политических репрессий // Вестник Калмыцкого университета. № 2 (34). С. 32–39.

Дыртык-оол, А. О. (2009а) Музейное строительство Тувы в составе Российской Федерации. Кызыл : Тув. книжн. изд-во. 136 с.

Дыртык-оол, А. О. (2009б) Основные вехи Национального музея имени Алдан-Маадыр Республики Тыва // Наследие народов Центральной Азии и сопредельных территорий: изучение, сохранение и использование : сборник материалов конференции : в 2 ч. / отв. ред. В. С. Чигжит. Кызыл : КЦО «Аныяк». Ч. 1. 198 с. С. 9–17.

Дыртык-оол, А. О. (2013) Владимир Петрович Ермолаев — первый директор Тувинского музея // Первые республиканские Ермолаевские краеведческие чтения : сборник материалов конференции / отв. за вып. В. С. Чигжит. Кызыл : КЦО «Аныяк». 238 с. С. 11–14.

Дыртык-оол, А. О. (2014) Экспозиционно-выставочная работа в музее. Кызыл : КЦО «Аныяк». 68 с.

Дыртык-оол, А. О., Мартынов, А. И. (2019) Выставочная деятельность Национального музея Республики Тыва (1990–2018 гг.) [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 2. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/842> DOI: 10.25178/nit.2019.2.2

Иргит, О. Ю. (2018) Первая волна политических репрессий в Туве (1923–1933) // Проблемы социально-экономического развития Сибири. № 1 (31). С. 94–99.

История музея [Электронный ресурс] // Национальный музей имени А. В. Анохина. URL: <http://www.musey-ano-hina.ru/index.php/o-muzee/istoriya-muzeya> (дата обращения: 20.02.2019).

Кара-оол, В. Х. (2018) Оюн Танчайнын орук-чолу [Судьба Оюна Танчая]. Кызыл : Тув. книжн. изд-во. 240 с. (На тув. языке).

Каулен, М. Е. (2012) Музеефикация историко-культурного наследия России. М. : Этерна. 432 с.

Кенин-Лопсан, М. Б. (1987) Обрядовая практика и фольклор тувинского шаманства. Конец XIX — начало XX в. Новосибирск : Наука. 162 с.

Кенин-Лопсан, М. Б. (2006) Традиционная культура тувинцев. Кызыл : Тув. кн. изд-во. 232 с.

Кенин-Лопсан, М. Б. (2007) Алгыши тувинских шаманов / пер. авт. с тув. М. Б. Кенин-Лопсан. Якутск : Бичик. 206 с.

Кенин-Лопсан, М. Б. (2008) Дыхание черного неба : мифологическое наследие тувинского шаманства. Москва : Велигор. 180 с.

Кенин-Лопсан, М. Б. (2009) Шаманское зеркало с когтем медведя // Наследие народов Центральной Азии и сопредельных территорий: изучение, сохранение и использование : сборник материалов конференции : в 2 ч. / отв. ред. В. С. Чигжит. Кызыл : КЦО «Аныяк». Ч. 1. 198 с. С. 29–34.

Кенин-Лопсан, М. Б. (2013) Владимир Петрович Ермолаев — знаменитый краевед Тувы // Первые республиканские Ермолаевские краеведческие чтения : сборник материалов конференции / отв. за вып. В. С. Чигжит. Кызыл : КЦО «Аныяк». 238 с. С. 7–11.

Концепция государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий [Электронный ресурс] // Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. URL: <http://www.president-sovet.ru/files/73/3d/733de2e296875c3538917ea679fa02d1.pdf> (дата обращения: 21.11.2018).

Круглый стол «Дело девяти: особенности политических репрессий в Туве» (2018) [Электронный ресурс] // Национальный музей Республики Тыва им. «Алдан-Маадыр». 17 апреля. URL: <http://museum.tuva.ru/?p=3265> (дата обращения: 15.02.2019).

Музейное дело [Электронный ресурс] // Российская музейная энциклопедия. URL: <http://www.museum.ru/rme/dictionary.asp?98> (дата обращения: 20.02.2019).

Музейное дело России (2003) / под ред. М. Е. Каулен (отв. ред.), И. М. Коссовой, А. А. Сундиевой. М. : Изд-во «ВК». 614 с.

Наследие народов Центральной Азии и сопредельных территорий: изучение, сохранение и использование : сборник материалов конференции (2009) : в 2 ч. / отв. ред. В. С. Чигжит. Кызыл : КЦО «Аныяк». 198 + 223 с.

Нурзат, У. Б. (2013) Тувинские этнографические коллекции Национального музея Республики Тыва: состав и степень изученности // Первые республиканские Ермолаевские краеведческие чтения : сборник материалов конференции (2013) / отв. за вып. В. С. Чигжит. Кызыл : КЦО «Аныяк». 238 с. С. 114–119.

Об Ассоциации [Электронный ресурс] // Сайт Ассоциации российских музеев памяти. URL: <http://memorymuseums.ru/#about> (дата обращения: 21.11.2018).

Проект БЕЪЛДИР-КЕЪЖИИ [Электронный ресурс] // ТРОО «Мир тувинцев». URL: https://mirtuvintsev.ru/?page_id=149 (дата обращения: 20.02.2019).

Стаф, В. С. (2018) Мемориализация «негативного наследия» в современной России на материале лагерных музеев в Пермском крае // Вестник Томского государственного университета. № 428. С. 183–187.

Сумба, Р. П. (2013) Описание тувинских семейных обрядов, связанных с детьми, в «шаманских текстах» из собрания тибетских рукописей и ксилографов в фондах Национального музея Республики Тыва // Первые республиканские Ермолаевские краеведческие чтения : сборник материалов конференции (2013) / отв. за вып. В. С. Чигжит. Кызыл : КЦО «Аныяк». 238 с. С. 107–114.

Тока, С. К. (1973) Слово арата. М. : Современник. 432 с.

Хакасский национальный краеведческий музей им. Л. Р. Кызласова [Электронный ресурс] // Хакасский национальный краеведческий музей им. Л. Р. Кызласова. URL: http://www.nhkm.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=24&Itemid=200&lang=ru (дата обращения: 20.02.2019).

Хертек, А. С. От народного к профессиональному : (традиции и преемственность) в изобразительном искусстве Республики Тыва // Культура Тувы : прошлое и настоящее : сб. материалов науч.-практ. конф., (г. Кызыл, 3 марта, 31 марта 2004 г.) / ред.-сост. И. В. Подик. Кемерово : Изд. КемГУКИ. Вып. 1. 223 с. С. 28–33.

Ховалыг, Р. Б. (2013) Проблемы реставрации и консервации музейных предметов в Национальном музее Республики Тыва // Проблемы сохранения, изучения и использования культурного наследия в современном музее : сб. статей межрег. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию Музея истории Бурятии им. М. Н. Хангалова и 155-летию со дня рожд. выдающ. этногр. М. Н. Хангалова, 21–25 окт. 2013 г. / редкол. : Т. А. Боронаева [и др.]. Улан-Удэ : Изд-во БГСХА им. В. Р. Филиппова. 259 с. С. 118–123.

Чжуан-Цзы. Чжуан-Цзы // Философское наследие : в 138 т. / вступ. ст. и примеч. В. В. Малявина. М. : Мысль. Т. 123. 440 с. С. 58–284.

Alexander, P. E., Alexander M. (2008) *Museums in Motion: An Introduction to the History and Functions of Museums*. 2nd ed. Lanham : AltaMira Press. 352 p.

Hagen, H. A. (1876) *The History of the Origin and Development of Museums* // *The American Naturalist*. Vol. 10, No. 2. P. 80–89. DOI: 10.1086/271587

Mairesse, F. (2015) *New trends in museology* // *ICOFOM Study Series*. 43b. P. 15–17.

Nye, S. J. (2004) *Soft power. The means to success in world politics*. New-York: Public Affairs. 192 p.

Silent disco [Электронный ресурс] // *Natural History Museum*. URL: <http://www.nhm.ac.uk/events/silent-disco.html> (дата обращения: 20.02.2019).

Дата поступления: 01.03.2019 г.

REFERENCES

Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 07.05.2012 g. № 597 O meropriiatiakh po realizatsii gosudarstvennoi sotsial'noi politiki [Decree of the President of the Russian Federation No. 597 of 07.05.2012 On measures of implementing the state social policy] (2012). *Prezident Rossii* [online] Available at: <http://kremlin.ru/acts/bank/35261> (access date: 15.02.2019). (In Russ.).

Federal'nyi zakon «O Muzeinome fonde Rossiiskoi Federatsii i muzeiakh v Rossiiskoi Federatsii» ot 26.05.1996 N 54-FZ (posledniaia redaktsiia) [Federal law “On the Museum Fund of the Russian Federation and museums in the Russian Federation” of 26.05.1996 N 54-FZ (latest edition)]. *Konsul'tant-Plius* [online] Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10496/ (access date: 15.02.2019). (In Russ.).

Dopai, A. M. (2013) *K voprosu o sostave shamanskoi kollektcii Natsional'nogo muzeia Respubliki Tyva* [On the issue of the shamanic part of the collection of the National Museum of Tuva Republic]. In: *Pervye respublikanskii Yermolayevskie kraevedcheskie chteniia [1st Yermolayev readings in local history, Republic of Tuva]*: conference proceedings / ed. by V. S. Chigzhit. Kyzyl, KTsO «Anyiak». 238 p. Pp. 119–122. (In Russ.).

Dorzhu, Z. Yu. and Irgit, O. Iu. (2017) «Delo Deviaty»: sudebnyi protsess 1938 goda nad gosudarstvennymi deiateliami Tuvinskoj Narodnoj Respubliki v gody politicheskikh repressii [“The case of the Nine”: the 1938 trial of the statesmen of the People's Republic of Tuva during the years of political repressions]. *Vestnik Kalmytskogo universiteta*, no. 2 (34), pp. 32–39. (In Russ.).

Dyrtyk-ool, A. O. (2009a) *Muzeinoe stroitel'stvo Tuvy v sostave Rossiiskoi Federatsii* [Museum-building of Tuva as a subject of the Russian Federation]. Kyzyl, Tuva book publishing house. 136 p. (In Russ.).

Dyrtyk-ool, A. O. (2009b) *Osnovnye vekhi Natsional'nogo muzeia imeni Aldan-Maadyr Respubliki Tyva* [Major milestones in the history of the Aldan-Maadyr National Museum, Republic of Tuva]. In: *Nasledie narodov Tsentral'noi Azii i sopredel'nykh territorii: izuchenie, sokhranenie i ispol'zovanie* [Heritage of the peoples of Central Asia and adjacent territories: study, conservation and use] : proceedings of the conference : in 2 parts / ed. by V. S. Chigzhit. Kyzyl, KTsO «Anyiak». Part 1 198 p. Pp. 9–17. (In Russ.).

Dyrtyk-ool, A. O. (2013) *Vladimir Petrovich Yermolayev — pervyi direktor Tuvinskogo muzeia* [Vladimir Petrovich Yermolayev, the first director of the Museum of Tuva]. In: *Pervye respublikanskii Yermolayevskie kraevedcheskie chteniia [1st Yermolayev readings in local history, Republic of Tuva]* : conference proceedings / ed. by V. S. Chigzhit. Kyzyl, KTsO «Anyiak». 238 p. Pp. 11–14. (In Russ.).

Dyrtyk-ool, A. O. (2014) *Ekspozitsionno-vystavochnaia rabota v muzee* [Exhibition work at the Museum]. Kyzyl, KTsO «Anyiak». 68 p. (In Russ.).

Dyrtyk-ool, A. O. and Martynov, A. I. (2019) *Vystavochnaia deiatel'nost' Natsional'nogo muzeia Respubliki Tyva (1990–2018 gg.)*. [Exhibition work at the National Museum, Republic of Tuva, 1990–2018]. *The New Research of Tuva*, no. 2 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/842> (In Russ.). DOI: 10.25178/nit.2019.2.2

Irgit, O. Iu. (2018) *Pervaia volna politicheskikh repressii v Tuve (1923–1933)* [The first wave of political repressions in Tuva (1923–1933)]. *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia Sibiri*, no. 1 (31), pp. 94–99. (In Russ.).

Istoriia muzeia [History of the Museum]. *Natsional'nyi muzei imeni A. V. Anokhina* [online] Available at: <http://www.musey-anokhina.ru/index.php/o-muzee/istoriya-muzeya> (access date: 20.02.2019). (In Russ.).

Kara-ool, V. Kh. (2018) *Oiun Tanchainyn oruk-cholu* [The fate of Oyun Tanchay]. Kyzyl, Tuva book publishing house. 240 p. (In Tuv.).

Kaulen, M. E. (2012) *Muzeifikatsiia istoriko-kul'turnogo nasledii Rossii* [Museumification of historical and cultural heritage in Russia]. Moscow, Eterna. 432 p. (In Russ.).

Kenin-Lopsan, M. B. (1987) *Obriadovaia praktika i fol'klor tuvinskogo shamanstva. Konets XIX — nachalo XX v.* [Ritual practices and folklore of Tuvan shamanism: late 19th — early 20th century]. Novosibirsk, Nauka. 162 p. (In Russ.).

Kenin-Lopsan, M. B. (2006) *Traditsionnaia kul'tura tuvintsev* [Traditional culture of Tuvans]. Kyzyl, Tuva book publishing house. 232 p. (In Russ.).

Kenin-Lopsan, M. B. (2007) *Algysyhi tuvinskikh shamanov* [Algyshy of Tuvan shamans] / transl. from Tuv. by M. B. Kenin-Lopsan. Iakutsk, Bichik. 206 p. (In Russ.).

Kenin-Lopsan, M. B. (2008) *Dykhaniye chernogo neba: mifologicheskoe nasledie tuvinskogo shamanstva [Breath of the black sky: mythological heritage of Tuvan shamanism]*. Moscow, Veligor. 180 p. (In Russ.).

Kenin-Lopsan, M. B. (2009) Shamanskoe zerkalo s kogtem medvedia [A Shamanic mirror with a bear's claw]. In: *Nasledie narodov Tsentral'noi Azii i sopredel'nykh territorii: izucheniye, sokhraneniye i ispol'zovaniye [Heritage of the peoples of Central Asia and adjacent territories: study, conservation and use]* : proceedings of the conference : in 2 parts / ed. by V. S. Chigzhit. Kyzyl, KTso «Anyiak». Part 1 198 p. Pp. 29–34. (In Russ.)

Kenin-Lopsan, M. B. (2013) Vladimir Petrovich Yermolayev — znamenityy kraeved Tuvy [Vladimir Petrovich Yermolayev, prominent local historian of Tuva]. In: *Pervyye respublikanskyye Yermolayevskyye kraevedcheskiye chteniya [1st Yermolayev readings in local history, Republic of Tuva]* : conference proceedings / ed. by V. S. Chigzhit. Kyzyl, KTso «Anyiak». 238 p. Pp. 7–11. (In Russ.).

Kontseptsii gosudarstvennoy politiki po uvekovecheniiu pamiati zhertyv politicheskikh repressii [The concept of state policy to perpetuate the memory of victims of political repression]. *Sovet pri Prezidente Rossiiskoy Federatsii po razvitiyu grazhdanskogo obshchestva i pravam cheloveka* [online] Available at: <http://www.president-sovet.ru/files/73/3d/733de2e296875c3538917ea679fa02d1.pdf> (access date: 21.11.2018). (In Russ.).

Kruglyi stol «Delo devyati: osobennosti politicheskikh repressii v Tuve» [Round table “The case of the Nine: features of political repression in Tuva”] (2018). *Natsional'nyi muzei Respubliki Tyva im. Aldan-Maadyr*, 17 April [online] Available at: <http://museum.tuva.ru/?p=3265> (access date: 15.02.2019). (In Russ.).

Muzeinoe delo [Museum business]. *Rossiiskaya muzeinaya entsiklopediya* [online] Available at: <http://www.museum.ru/rme/dictionary.asp?98> (access date: 20.02.2019). (In Russ.).

Muzeinoe delo Rossii [Museums business of Russia] (2003) / ed. by M. E. Kaulen, I. M. Kossova and A. A. Sundieva. Moscow, VK Publ. 614 p. (In Russ.).

Nasledie narodov Tsentral'noi Azii i sopredel'nykh territorii: izucheniye, sokhraneniye i ispol'zovaniye [Heritage of the peoples of Central Asia and adjacent territories: study, conservation and use]: conference proceedings: in 2 parts / ed. by V. S. Chigzhit. Kyzyl, KTso «Anyiak». 198 + 223 p. (In Russ.).

Nurzat, U. B. (2013) Tuvinskyye etnograficheskiye kollektzii Natsional'nogo muzeia Respubliki Tyva: sostav i stepen' izuchennosti [Tuvan ethnographic collections of the National Museum of the Republic of Tyva: composition and depth of study]. In: *Pervyye respublikanskyye Yermolayevskyye kraevedcheskiye chteniya [1st Yermolayev readings in local history, Republic of Tuva]* : conference proceedings / ed. by V. S. Chigzhit. Kyzyl, KTso «Anyiak». 238 p. Pp. 114–119. (In Russ.).

Ob Assotsiatsii [About the Association]. *Sait Assotsiatsii rossiiskikh muzeev pamiati* [online] Available at: <http://memorymuseums.ru/#about> (access date: 21.11.2018). (In Russ.).

Proekt BELDIR-KEZHYY [Project BELDIR-KEZHYY]. *TROO «Mir tuvintsev»* [online] Available at: https://mirtuvintsev.ru/?page_id=149 (access date: 20.02.2019). (In Russ.).

Staf, V. S. (2018) Memorializatsiya «negativnogo naslediya» v sovremennoy Rossii na materiale lagernykh muzeev v Permskom krae [“Negative heritage” memorialization in contemporary Russia: the case of camp museums in Perm Krai]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 428, pp. 183–187. (In Russ.).

Sumba, R. P. (2013) Opisanie tuvinskikh semeinykh obriadov, svyazannykh s det'mi, v «shamanskikh tekstakh» iz sobraniya tibetskikh rukopisei i ksilografov v fondakh Natsional'nogo muzeia Respubliki Tyva [A description of Tuvan family rites related to children in the “shamanic texts” from the collection of Tibetan manuscripts and woodcuts in the collections of the National Museum, Republic of Tuva]. In: *Pervyye respublikanskyye Yermolayevskyye kraevedcheskiye chteniya [1st Yermolayev readings in local history, Republic of Tuva]* : conference proceedings / ed. by V. S. Chigzhit. Kyzyl, KTso «Anyiak». 238 p. Pp. 107–114. (In Russ.).

Toka, S. K. (1973) *Slovo arata [The word of an Arat]*. Moscow, Sovremennik. 432 p. (In Russ.).

Khakasskiy natsional'nyi kraevedcheskiy muzei im. L. R. Kyzlasova [L.R. Kyzlasov Khakass National Museum]. *Khakasskiy natsional'nyi kraevedcheskiy muzei im. L. R. Kyzlasova* [online] Available at: http://www.nhkm.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=24&Itemid=200&lang=ru (access date: 20.02.2019). (In Russ.).

Khertek, A. S. Ot narodnogo k professional'nomu : (traditsii i preemstvennost') v izobrazitel'nom iskusstve Respubliki Tuva [From folk to professional art: traditions and continuity in the fine arts of the Republic of Tuva]. In: *Kul'tura Tuvy : proshloe i nastoiashchee [Culture of Tuva : past and present]* : conference proceedings. (Kyzyl, March 3, 2004) / ed.: I. V. Podik. Kemerovo, KemGUKI Publ. Vol. 1 223 p. Pp. 28–33. (In Russ.).

Khovalyg, R. B. (2013) Problemy restavratsii i konservatsii muzeinykh predmetov v Natsional'nom muzee Respubliki Tyva [Issues of restoration and conservation of museum objects in the National Museum, Republic of Tyva]. In: *Problemy sokhraneniya, izucheniya i ispol'zovaniya kul'turnogo naslediya v sovremennom muzee [Problems of preservation, study and use of cultural heritage in the modern museum]* : proceeding of the conference on 90th anniversary of the Khangalov Museum of Buryatia and the 155th anniversary of M. N. Angelov, 21–25 Oct. 2013 / eds.: Borodaeva T. A. et al. Ulan-Ude, BGSKhA Publ. 259 p. Pp. 118–123. (In Russ.).

Zhuang Zhou. Zhuangzi. In: *Filosofskoe nasledie [Philosophical heritage]*: in 138 vol. / introductory article and notes by V. V. Maliavin. Moscow, Mysl'. Vol. 123 440 p. Pp. 58–284. (In Russ.).

Alexander, P. E. and Alexander M. (2008) *Museums in Motion: An Introduction to the History and Functions of Museums*. 2nd ed. Lanham, AltaMira Press. 352 p.

Hagen, H. A. (1876) The History of the Origin and Development of Museums. *The American Naturalist*, vol. 10, no. 2, pp. 80–89. DOI: 10.1086/271587

Mairesse, F. (2015) New trends in museology. *ICOFOM Study*, Series 43b, pp. 15–17.

Nye, S. J. (2004) *Soft power. The means to success in world politics*. New-York, Public Affairs. 192 p.

Silent disco. *Natural History Museum* [online] Available at: <http://www.nhm.ac.uk/events/silent-disco.html> (access date: 20.02.2019).

Submission date: 01.03.2019.

DOI: 10.25178/nit.2019.2.2

Выставочная деятельность Национального музея Тувы в 1991–2018 гг.

Анна О. Дыртык-оол

Национальный музей им. Алдан-Маадыр Республики Тыва, Российская Федерация,

Анатолий И. Мартынов

Кемеровский государственный университет; Кемеровский государственный институт культуры и искусства, Российская Федерация

В статье анализируются основные тенденции выставочной деятельности Национального музея Тувы в постсоветское время: в 1990-е, 2000-е и 2010-е годы. С начала 1990-х годов изменились роль и место музеев в бывшем советском обществе, в том числе и в Туве. Изменение социокультурной ситуации повлекло за собой критическое осмысление исторического процесса, пересмотр памятников базы музеев, поиск новых тенденций музейной коммуникации. Осложняло дело отсутствие новых данных, но появилась возможность самостоятельно творчески организовывать проекты.

С 1992 по 2000 гг. музей имел практически постоянный рост стационарных выставок и регулярно проводил передвижные — в различных учебных заведениях, организациях, предприятиях Кызыла и районах республики. На стационарных выставках в эти годы музей акцентировал основное внимание на материалах, посвященных юбилейным датам известных личностей (в основном представителей тувинской культуры) и исторических событий. На передвижных выставках экспонировались разнообразные темы о материальной и духовной культуре тувинского народа, периодически — рисунки Нади Рушевой. Интересные события в жизни Тувы также нашли отражение в работе музея.

С 2001 по 2018 гг. музей активизирует свою работу каждый год. Дан обзор самых значительных выставок этих лет, дается их классификация и краткий обзор каждого типа. Тематически наиболее популярными в республике и за ее пределами являются выставки, посвященные жизни и творчеству Нади Рушевой, материальной и духовной культуре тувинского народа, декоративно-прикладному искусству Тувы.

Источниковой базой исследования выступила музейная документация, в состав которой входят научные концепции, тематико-экспозиционные планы и отчеты.

Ключевые слова: *Национальный музей Тувы; Тува; тувинская культура; тувинский шаманизм; выставка; выставочная деятельность; музей; культурное наследие; постсоветское время*

Для цитирования:

Дыртык-оол А. О., Мартынов А. И. Выставочная деятельность Национального музея Тувы в 1991–2018 гг. [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2019, № 2. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/842> (дата обращения: дд.мм.гг.). DOI: 10.25178/nit.2019.2.2

Дыртык-оол Анна Оюновна — кандидат исторических наук, доцент, заведующая отделом истории Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Титова, д. 30. Тел.: +7 (394-22) 3-06-56. Эл. адрес: annaajun@yandex.ru ORCID ID: 0000-0002-5899-9721

Мартынов Анатолий Иванович — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры археологии Кемеровского государственного университета; профессор кафедры музейного дела Кемеровского государственного института культуры и искусства. Адрес: 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Спортивная, д. 91. Тел.: +7 (3842) 35-94-07. Эл. адрес: prof_martynov@mail.ru

Dyrtuk-ool Anna Oyuunovna, Candidate of History, Associate Professor, Head of the Department of History, Aldan-Maadyr National Museum, Republic of Tuva. Postal address: 30 Titov St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. Tel. +7 (394-22) 3-06-56. Email: annaajun@yandex.ru

Martynov Anatoly Ivanovich, Doctor of History, Professor, Professor, Department of Archaeology, Kemerovo State University; Professor of the Department of Museum Management, Kemerovo State Institute of Culture and Art. Postal address: 91, Sportivnaya St., 650000 Kemerovo, Russian Federation. Tel.: +7 (3842) 35-94-07. Email: prof_martynov@mail.ru

Exhibition work at the National Museum of the Republic of Tuva, 1990-2018

Anna O. Dyrtyk-ool

Aldan-Maadyr National Museum of the Republic of Tuva, Russian Federation,

Anatoly I. Martynov

Kemerovo State University; Kemerovo State Institute of Culture and Art, Russian Federation

The article examines the leading trends of exhibition work at the National Museum of the Republic of Tuva in the three post-Soviet decades – 1990s, 2000s, and 2010s. Since the start of the 1990s, museums throughout the country, including Tuva, have witnessed a sea change in their role and place in what used to be Soviet society. This drastic turn in the sociocultural situation led to a critical reassessment of history, re-evaluation of the museum funds and a search for new priorities in museum communication. Although new data was critically missing, the opportunity to develop museum projects in a free and creative manner was invaluable.

From 1992 to 2000, the museum saw a steady rise in the number of both stationary and mobile exhibitions, the latter being held at various educational institutions, enterprises and other entities in both Kyzyl and the rayons of the region. Stationary exhibitions at these times were largely focused on anniversaries of famous people, primarily contributors to Tuvan culture, and of historical events. Mobile exhibitions also featured a number of topics on material and spiritual culture of Tuvans, or sometimes, Nadya Rusheva's drawings. The museum was also closely following remarkable events in the life of contemporary Tuva.

From 2001 to 2018, the museum has enhanced its work every year. The article provides a review of the most significant exhibitions of these decades, as well as a classification and an overview of each project type. Thematically, both in Tuva and beyond by far the most popular were the exhibitions focused on the life and work of Nadya Rusheva, on material and spiritual culture of Tuvans, and to Tuvan applied and decorative art.

For its sources, the article made use of museum documentation, including research plans, exhibition prospects and reports.

Keywords: National Museum of the Republic of Tuva; Tuva; Tuvan culture; shamanism in Tuva; exhibition; exhibition policy; museum; cultural heritage; post-Soviet times

For citation:

Dyrtyk-ool A. O. and Martynov A. I. Exhibition work at the National Museum of the Republic of Tuva, 1990-2018. *The New Research of Tuva*. 2019, no. 2 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/842> (access date ...). DOI: 10.25178/nit.2019.2.2

Введение

После распада СССР в России, как и в странах СНГ, произошли политические и экономические перемены, что отразилось в музейной сфере, или, по словам А. В. Калякиной, «новая социокультурная ситуация внесла заметные коррективы в соотношение общественных функций музея и содержание музейной работы» (Калякина, 2003: 1). Краеведческие и исторические музеи России и стран СНГ оказались в сложной ситуации, т. к. содержания экспозиций политически устарели. Встали новые задачи: как поднять имидж музея, провести реэкспозицию, разработать новые темы, установить новые отношения с властью, обществом, привлечь финансовые средства. В том числе возникла необходимость в создании новых выставок.

Во многих региональных музеях страны актуальными становятся выставки по истории краев и областей до революций 1917 г., а кроме того, музейные сотрудники стали «свободными» в выборе пропаганды своей истории (Воронова, 2009: 102). Многие музеи поменяли свои статус и профиль в соответствии с общественным мнением и новыми условиями музеев. Это заметно на примере деятельности ленинских музеев, которые адаптировались к новым социально-экономическим условиям (Калякина, 2003). Ликвидируются музеи, посвященные партийным и государственным деятелям (Российская музейная энциклопедия, 2001: 404).

По мнению М. Н. Романовой, «коренные изменения, произошедшие за последние десятилетия в общественно-политической жизни страны, ее экономической и социальной политике, изменение форм государственного регулирования и государственной поддержки культурных и образовательных учреждений требуют принципиально новых подходов к определению целей и задач, стоящих перед музеями» (Романова, 2003: 3).

Одним из региональных музеев, поменявших статус, а также перестроивших свои функциональные задачи, в том числе во взаимосвязи с культурной политикой региона, стал Национальный музей Республики Тыва. Если в советское время он назывался Тувинским республиканским краеведческим музеем, то в 1997 г. он был переименован в Национальный музей им. Алдан-Маадыр Республики Тыва. В 2008 г. он переехал в новое здание, ставшее одной из главных достопримечательностей столицы республики. Изменились у музея и подходы к выставочной деятельности.

Цель данной работы заключается в том, чтобы проанализировать основные тенденции выставочной деятельности Национального музея Тувы в постсоветское время.

Источниковой базой исследования стали опубликованные и неопубликованные источники. В научной литературе проблемы развития выставочной деятельности, классификация выставок по содержаниям и темам широко рассматриваются отечественными и зарубежными музейщиками, где основное внимание акцентировалось на социально-исторический и практический вопросы. Среди них отметим лишь диссертационные работы Н. В. Мазного (Мазный, 1997), И. В. Коробовой (Коробова, 2006), Е. А. Татарининой (Татаринина, 2009), А. С. Панченко (Панченко, 2012), Н. И. Руденко (Руденко, 2015). По данной проблеме выходили публикации одного из авторов статьи — А. О. Дыртык-оол — о реализации выставочных проектов НМ РТ, российских и зарубежных музеев в Туве и в других регионах России, опубликованные в разные годы с 1999 по 2018 гг. В них отражены результаты исследований по отечественной истории, показаны совместные проекты в экспозиционно-выставочной деятельности тувинского музея с российскими музеями; издан каталог о женских украшениях, дана характеристика о художественных выставках, подчеркнута особенность передвижной выставки из Монголии. Она же является составителем и разработчиком (или автором и соавтором) концепций некоторых стационарных и передвижных выставок в Туве и за ее пределами. Это выездные выставки за рубежом «Социально-экономическое и культурное развитие Тувинской АССР» (Улан-Батор, 1984) и «Графика Нади Рушевой» (Берлин, 1994), международная — «Кочевые народы Евразии» (США, 1989), за пределами республики — «Там, где рождается Енисей» (Ленинград, 1987), «Тувинская Народная Республика — помощь фронту» (Москва, 2010), «Тува — в беге Времени» (Москва, 2014), многие художественные и персональные выставки за период работы в музее с 1984 по 2018 гг.

Выставочная деятельность музея в 1990-е годы

С начала 1990-х годов изменились роль и место музеев в бывшем советском обществе, в том числе и в Туве. Изменение социокультурной ситуации повлекло за собой критическое осмысление исторического процесса, пересмотр памятников базы музеев, поиск новых тенденций музейной коммуникации. Осложняло дело отсутствие новых данных, но появилась возможность самостоятельно творчески организовывать проекты.

В истории тувинского музея в 1989 г. впервые были проведены выборы на должность директора. После отставки предыдущего руководителя Т. Ч. Норбу большинством голосов была избрана ветеран музейного дела А. Д. Дамдынчап, ныне покойная. Под ее руководством постепенно экспозиционно-выставочная деятельность музея была перестроена, открылись новые филиалы в Кызыле и районах (см. об этом: Дыртык-оол, 2009: 125–126).

Была значительно сокращена экспозиция в зале советского периода. Под освободившее место (а это три четверти зала!) была создана стационарная выставка «Материальная культура тувинцев» (она функционировала вплоть до переезда музея в новое здание в 2008 г.). Ее целью также была разгрузка фондохранилища. В последующие годы освободившаяся площадь сдавалась в аренду Музею восковых фигур г. Санкт-Петербурга, привозившему периодически в Туву тематические выставки, пополняя этим кассовой сбор музея.

В отчете за 1993 г. о работе музея директора А. Д. Дамдынчап сказано, что «в связи с экономическими трудностями населения посещаемость в музее падает. Коллективом музея делается все возможное, чтобы привлечь посетителей в музей. С этой целью организуются передвижные выставки»¹. Стойкость, живучесть российских музеев, «способность преодолевать экономические лишения, идеологическую изменчивость, социальную апатию и прочие невзгоды, обрушившиеся в эти годы на нашу страну» отмечалась по всей стране (Труевцева, 2000: 203). Такие же качества демонстрировал и главный музей Тувы.

¹ Отчеты головного музея (ТРКМ) за 1992–2005 гг. Ф. 1, оп. 1, д. 19, с. 143. Рукопись хранится в научном архиве музея.

С 1992 по 2000 гг. музей имел практически постоянный рост стационарных выставок и регулярно проводил передвижные в различных учебных заведениях, организациях, предприятиях Кызыла и районах республики (см. таб. 1).

Таблица 1. Количество выставок музея в 1992–2000 гг.
Table 1 The number of exhibitions held at the museum, 1992–2000

Год	Всего выставок	из них в музее	из них вне музея	из них юбилейные	из них тематические
1992	15	10	5	8	7
1993	13	5	8	5	8
1994	18	14	4	8	10
1995	18	10	8	4	14
1996	15	10	5	9	6
1997	17	10	7	10	7
1998	15	10	5	5	10
1999	30	16	14	10	20
2000	28	11	17	9	19

На стационарных выставках в эти годы музей акцентировал основное внимание на материалах, посвященных юбилейным датам известных личностей (в основном представителей тувинской культуры) и исторических событий. На передвижных выставках экспонировались разнообразные темы о материальной и духовной культуре тувинского народа, периодически — рисунки Нади Рушевой.

Интересные события в жизни Тувы также нашли отражение в работе музея.

В 1992 г. был особо значимым для республики, это был год первого визита Его святейшества Далай-ламы XIV, который стал, по оценке религиоведа М. В. Монгуш, «мощным толчком в деле возрождения буддизма — важной составной части традиционной национальной культуры тувинского народа» (Монгуш, 2001: 128). В следующем 1993 г. в выставочном зале музея создана стационарная выставка «Пребывание Его святейшества Далай-Ламы XIV в Туве» под руководством старшего научного сотрудника А. С. Комбу. Помимо письменных источников и фотографий данного культурного события в Кызыле здесь впервые были выставлены буддийские предметы, долго хранившиеся в фондах музея (фото 1). Знакомясь с экспонатами, посетители получают ясное представление об учении Будды и о том, как оно живет в Туве. Выставка стала одной из причин создания в музее отдела религии. С тех пор религиозная тема станет постоянной для ежегодных выездных и передвижных выставок музея. Спустя 25 лет уже в новом здании музея (в 2017 г.) будет организована временная выставка «Три дня в Туве» о визите Его святейшества Далай-Ламы XIV в Туву.

1994 г. также запомнился жителям Тувы как год официального визита первого Президента России Н. Б. Ельцина. Специально к приезду высокого гостя в музее была организована стационарная выставка «Камнерезное искусство Тувы». Под большим впечатлением об увиденной экспозиции (фото 2) в книге отзывов он оставил запись следующего содержания: «Прекрасный музей. Отличное мастерство древней и современной культуры тувинцев!¹ Молодцы! Спасибо!» 15.06.1994 г.».

Фото 1. Выставка «Буддизм в Туве» в старом здании музея. Экскурсию проводит А. Комбу, 1996. Фото А. Куулар, из архива музея.
Photo 1 Exhibition «Buddhism in Tuva» in the museum's old building. A tour of the exhibition held by A. Kombu, 1996. Photo by A. Kuular, courtesy the Museum's archive.

¹Текст цитаты приводится без изменения. Правильно будет — «тувинцев». — ред.

Фото 2. Президент России Б. Н. Ельцин в сопровождении руководства республики осматривает экспозицию и выставку в музее, 1994 г. Экскурсию проводит М. Б. Кенин-Лопсан. Фото Х. Куулар, из архива музея.

Photo 2 President of Russia B.N. Yeltsin, accompanied by the leaders of the Republic of Tuva, examines the exhibition and the museum's collections, 1994. The tour held by M.B. Kenin-Lopsan. Photo by A. Kuular, courtesy the Museum's archive.

В 1994 г. тувинский музей во второй раз участвовал в международной выставке «Великий шелковый путь» (Швеция, США, Германия). Первое участие состоялось в 1989 г. под названием «Кочевые народы Евразии» (США). С этого времени начинается отсчет международного сотрудничества НМ РТ.

В 1994 г. впервые состоялась выездная выставка о графике Нади Рушевой в Российском доме науки и культуры в г. Берлине, организаторами были супруги Штеффен Вундерлих и Рита Сумба.

Фотовыставка 1994 г. «Неизвестные страницы истории» (авторы научной концепции М. Б. Кенин-Лопсан и Н. Б. Чаш) послужила основой для открытия музея «История политических репрессий в Туве» в мемориальном доме № 5 по улице Комсомольской, где в конце 1930-х гг. размещалась Спецкомендатура МВД Тувинской Народной Республики.

В 1995 г. в юбилейный год 50-летия Победы в Великой Отечественной войне

основное внимание музея уделялось популяризации военно-исторического наследия. Работа велась, в основном, в новом филиале — музее Тувинских добровольцев, который открылся в 1995 г. в Кызыле по ул. Ленина, д. 60.

Популярной среди населения по-прежнему оставалась выставка «Графика Нади Рушевой», работавшая с 1991 г., где периодически выставлялись рисунки из серий «Современность», «Балет», «Восток» и др.

В 1997 г. Тувинский музей получил статус «национального». В официальных документах имеет полное наименование «Национальный музей имени Алдан-Маадыр Республики Тыва»¹.

В 2000 г. Национальный музей Республики Тыва как головное учреждение, имеющее свои филиалы в районе и Кызыле, решал главные для себя вопросы культурной и национальной идентичности. Однако, главное направление деятельности — краеведение — оставалось главным. Несмотря на имеющиеся успехи в музейной коммуникации, главными проблемами являлось недостаточное финансирование по приобретению экспозиционного оборудования и оформительских материалов.

Выставочная деятельность музея в начале XXI века

В новом XXI веке одним из приоритетов музейной политики Национального музея Республики Тыва остается сохранение, изучение и популяризация историко-культурного и природного наследия, в том числе в формате выставочной деятельности. В таблице 2 представлены данные о количестве организованных выставок музеем с 2001 по 2018 годы.

Рост цифр в таблице показывает активизацию музея. 2003-й г. был годом «безвыездного затишья», зато с 2004 г. начинается «выставочный бум», старт которому дал большой республиканский праздник — 60-летие с момента вхождения ТНР в состав СССР. По указанию правительства республики в новом здании музея (еще не сданном в эксплуатацию), в его 16-ти экспозиционных залах были оперативно оформлены кратковременные выставки по истории и культуре Тувы.

С 2005 по 2008 гг. музейная жизнь все еще функционировала в старом здании, расположенном по улице Ленина, д. 8. Жителям и гостям Тувы в те годы запомнилась, например, такая выставка, как «Я делаю свое дело» к 50-летию со дня рождения С. К. Шойгу (2005 г.). Ее посетители, особенно дети и молодежь, смогли ближе познакомиться со своим знаменитым земляком — Героем России, который

¹ Имя Алдан-Маадыр было присвоено в 1942 г. решением Президиума Малого хурала трудящихся Тувинской Народной Республики.

тогда возглавлял федеральное министерство по чрезвычайным ситуациям. «Желанной гостьей» также стала передвижная выставка Минусинского краеведческого музея имени Н. М. Мартьянова «Тува — далекая и близкая» в 2006 г. Здесь экспонировались предметы быта тувинцев, собранные русскими путешественниками в конце XIX — начале XX в.

Таблица 2. Количество выставок музея Тувы в 2001–2018 гг.
Table 2 The number of exhibitions held at the Museum, 2001-2018.

год	Всего созданы выставки	из них в музее	из них вне музея в республике	из них за пределами Тувы
2001	12	4	8	-
2002	30	16	13	1
2003	4	2	2	-
2004	20	16	4	-
2005	19	11	8	-
2006	29	9	20	-
2007 ¹	56	19	37	-
2008	37	25	11	1
2009	17	13	4	-
2010	57	25	27	5
2011	50	22	23	5
2012	56	18	34	4
2013	47	16	26	5
2014	61	12	37	12
2015	51	18	28	5
2016	52	16	33	3
2017	72	33	29	10
2018	65	26	35	4

2008 год стал для музея особенным, т. к. в этом году фонды и коллектив переехали в новое трехэтажное здание, расположенное по улице Титова, д. 30. Инициатива его строительства исходила от Ч.-Д. Б. Ондара в 1982 г., занимавшего тогда пост Председателя Совета Министров Тувинской АССР, и была поддержана Госпланом СССР, Министерством культуры РСФСР. Строительство здания началось по ул. Титова в 1993 г., ставшего долгостроем. Здание было построено «не по типовому проекту, а индивидуальному проектированию с учетом национальных особенностей» (Ондар, 2013: 211). Архитектурный проект принадлежит группе архитекторов под руководством М. Бубнова (фото 3).

Перед музеем встала задача заполнить 16 экспозиционных залов и одно выставочное помещение. Из-за отсутствия экспозиционного оборудования, музей сначала был вынужден оформить выставки, не соответствующие современным архитектурно-художественным требованиям.

2010 г. Правительством Республики Тыва был объявлен в регионе Годом туризма. Поэтому музей акцентировал особое внимание на развитие межрегиональных и международных связей. В музее были проведены три «обменные» выставки с музеем-заповедником «Шушенское» (Красноярский край), Хакасским национальным музеем

Фото 3. Новое здание Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва.

Фото С. Еловикова, 2014 г.

Photo 3 The new building of the Aldan-Maadyr National Museum, Republic of Tuva. Photo by S. Yelovikov, 2014.

¹ Отчет 2007 г. содержит данные за 9 месяцев.

им. Л. Р. Кызласова и Детской художественной школой г. Омска. Были организованы 7 выставок на коммерческой основе с целью пополнения кассового сбора музея.

Фото 4. Фотовыставка «Тува — территория мужества». Фото Н. Ондар, Туран, 2017 г.
Photo 4 Tuva: the Land of Courage, a photo exhibition. Photo by N. Ondar, Turan, 2017.

Самой значимой выставкой музея за пределами республики, имевшей огромное значение и для всей республики, стала выставка «Тувинская Народная Республика — все для общей Победы!», которая была организована в этом году в Центральном музее Великой Отечественной войны на Поклонной горе в Москве. За всю историю тувинского музея — это вторая выставка, организованная в столичных городах России (первая — состоялась в 1987 г. в Государственном музее этнографии народов СССР в Ленинграде).

В 2011 г. в музее был создан выставочно-оформительский отдел, в составе которого работают художники и рабочие по монтажу временных выставок и постоянной экспозиции. Выставочная площадка стала местом демонстрации творческих работ детей и молодежи. Так, авторами выставки «Нон-конформизм» были студенты

Кызылского колледжа искусств. Экспонаты — скульптуры были выполнены из подсобного материала — пенопласта, проволоки, целлофановой пленки и др.

В рамках международного сотрудничества с Академией народных традиций Монголии в 2011 г. в г. Улан-Баторе состоялась выставка «Культура и искусство Монголии».

В 2012 г. вышел Указ Президента Российской Федерации В. В. Путина «О мероприятиях, принимаемых по реализации государственной социальной политики в части обеспечения разработки комплекса мер по расширению практики обмена выставками между музеями Российской Федерации и по работе музеев в вечернее и ночное время». Соответственно с 2012 и до сегодняшнего дня Национальный музей РТ проводит различные мероприятия по его реализации, в том числе по выставочной работе самых разных форм (фото 4).

В 2012 г. музей принял участие в выставочном проекте «Музейная Сибирь», посвященном 135-летию основания Минусинского музея им. Н. М. Мартыанова. Задачей участия было — показать исторические связи между тувинским и минусинским музеями.

В этом же году в Курагинском краеведческом музее (г. Курагино, Красноярский край) экспонировалась этнографическая выставка «Песнь тувинского кочевника», а в Музее Москвы — «Традиционная культура и быт тувинцев».

В 2013 г. основное внимание уделялось дальнейшему развитию межрегиональных и международных связей музея. Были организованы пять передвижных выставок за пределами Тувы, в том числе межрегиональная выставка «Национальные мотивы в искусстве Тувы и Хакасии» (совместный проект тувинского и хакасского музеев) в Кызыле и Абакане; выставка «Традиционная культура народов Южной Сибири» — в Кызыле, Абакане и Рязани (также совместный проект хакасского, минусинского и тувинского музеев).

В качестве обменной — между тувинским и московским музеями — стала выставка в Кызыле «Время, меняющее город» (Москва в произведениях художников XX в.) из фондов Музейного объединения «Музей Москвы» (на Зубовском бульваре, д. 2).

Фотовыставка «Республика Тыва: прошлое и настоящее», которая прошла в Национальном музее Монголии в г. Улан-Баторе и была приурочена к открытию Представительства Республики Тыва в Монголии.

Жители Московской области ознакомились с выставкой «Традиционная культура и быт тувинцев» в Мытищинском историко-художественном музее; города Зеленогорска Красноярского края — с «Ми-

ром графики Нади Рушевой» в Музейно-выставочном центре; алтайцы увидели рисунки Нади Рушевой в Национальном музее им. А. В. Анохина Республики Алтай (г. Горно-Алтайск).

В 2014 г. Национальным музеем РТ были определены приоритеты, связанные с юбилеем республики — 100-летием единения Тувы и России, 100-летием столицы республики, 85-летием основания музея. В связи с этими датами было организовано 12 выставок за пределами республики.

В рамках «Дней Республики Тыва в Совете Федерации» в 2014 г. в здании законодателей на Большой Дмитровке в Москве была развернута выставка об искусстве Тувы. Москвичи также восхищались рисунками Нади Рушевой во Всероссийском музее декоративно-прикладного и народного искусства. Во Всероссийском музее декоративно-прикладного и народного искусства в Москве (совместно с Русским географическим обществом, Кунсткамерой и Институтом истории материальной культуры) была организована выставка «Тува — в беге Времени» (фото 5).

Сибиряки в этом году имели возможность ознакомиться с произведениями камнерезного искусства Тувы в Музее-заповеднике «Шушенское». Кроме того, музей принял активное участие в подготовке экспозиционного стенда о Туве в Сочи во время проведения Олимпиады-2014 (фото 6).

2015-й г. был значимым для мировой общественности юбилейной датой — окончанием Второй Мировой войны, которая в нашей стране отмечалась как 70-летие Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Реализация Стратегии государственной национальной политики России, а также Государственной программы Республики Тыва «Укрепление гражданского единства и национально-культурное развитие народов РТ на 2014–2016 гг.» также нашли свое отражение в экспозиционно-выставочной деятельности музея.

Музей принимал у себя столичные выставки — «Пакт Рериха.

История и современность» из Музея Рерихов в Москве, «День Победы» из Центрального музея Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и «Современная армия современной России» из Центрального музея Вооруженных Сил РФ в честь 60-летия со дня рождения Героя России С. К. Шойгу. В музее также была показана выставка «Все на фронт, все для Победы» краеведческого музея Убсунурского аймака Монголии, в которой были отражены материалы о помощи монгольского народа Красной армии.

Фото 6. Гости Олимпиады у выставки о Туве, 2014 г.

Фото С. Лакпаевой.

Photo 6 Visitors to the Olympic games at the Tuva exhibition stand, 2014. Photo by S. Lakpayeva.

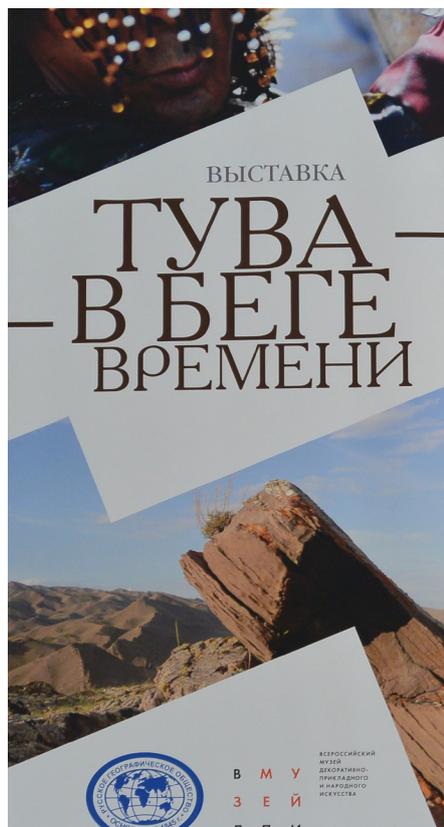

Фото 5. Афиша выставки «Тува — в беге Времени», 2014 г.

Photo 5 A poster for the exhibition «Tuva in the progress of time», 2014.

К I Международному молодежному форуму «Интеллектуальное золото Евразии» Национальный музей РТ презентовал выставку работ индийского фотографа, кинорежиссера-документалиста Беноя Бехла «Буддийское наследие» при поддержке Культурного центра им. Джавахарлала Неру при Посольстве Индии в Москве. Материалы по окончании выставки были любезно переданы индийской стороной в фонды тувинского музея.

В 2015 г., который отмечался как Год литературы в России, в тувинском музее прошли выставки Государственного музея А. С. Пушкина «Т. А. Маврина и Н. В. Кузьмин — иллю-

страторы А. С. Пушкина» и «Православие» Минусинского регионального краеведческого музея им. Н. М. Мартьянова.

В выставочных проектах одними из самых популярных неизменно остались темы творчества Нади Рушевой. В этом году выставка «Графика Нади Рушевой. Недетские рисунки» экспонировалась в Хакасском национальном краеведческом музее им. Л. Р. Кызласова, «Я живу жизнью тех, кого рисую...» — в Новосибирском государственном краеведческом музее, «Надя Рушева и ее современность» — в Елабужском государственном музее-заповеднике (Татарстан), «Найдан — Надежда», посвященная творческому наследию и 65-летию со дня рождения гениальной художницы, — в Национальном музее Монголии, в городе Улан-Баторе, где она родилась в 1952 г.

В качестве обмена Елабужский историко-архитектурный художественный музей-заповедник представил в 2017 г. в Кызыле выставку «Великий шелковый путь» в рамках реализации Соглашения между Республикой Татарстан и Республики Тыва о торгово-экономическом, научно-техническом, социальном и культурном сотрудничестве.

В Национальном музее РТ в 2017 г. состоялась также выставка «Черно-белое фотонаследие», посвященная 125-летию со дня рождения первого директора музея В. П. Ермолаева. Важно отметить, что в проекте приняли участие, помимо тувинского, еще четыре российских музея: Музей антропологии и этнографии РАН (Кунсткамера), Российский этнографический музей, Красноярский краевой краеведческий музей, Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартьянова. При этом в проекте также приняла участие Общественная организация муниципалитета Сионгио в Южной Финляндии, которая исследует и популяризирует работу финской экспедиции в Урянхайский край в 1917 г.

В 2018 г. музей организовал выставку «Хан хаанов», где были показаны восковые фигуры Чингисхана и его окружения, посвященную 810-летию пребывания Джучи-хана в Туве, а также 96-летию установления дипломатических отношений Монголии с Россией. Выставка стала рекордной по посещению за последнее пять лет выставочной деятельности музея. Необходимо отметить, что тема величия Чингисхана ныне очень популярна в самой Монголии. Такой же выставочный проект был создан совместно Министерством образования, культуры и науки Монголии и ООО «Дино Дон» в 2009 г. в Денверском музее природы и науки и в Музее естественных наук Хьюстона (Энхтуяа, 2009: 46-47).

Самым важным событием 2018 г. в Республике Тыва стал Саммит министров обороны стран СНГ и Монголии. Московскими художниками представлен художественно-выставочный проект «Несокрушимая и легендарная», посвященный 100-летию создания Рабоче-крестьянской Красной Армии, в рамках которого представлены четыре выставки: это работы Студии военных художников имени М. Б. Грекова, военные плакаты из фондов Центрального музея Вооруженных сил Российской Федерации, фотовыставка «Армия России» Департамента информации и массовых коммуникаций Министерства обороны России и выставка личных работ С. К. Шойгу (фото 7).

В этом же году были организованы четыре выездные выставки: «Мир тувинцев-кочевников» в Елабужском архитектурном, историко-художественном музее-заповеднике (Татарстан) в рамках реализации Соглашения о сотрудничестве между Татарстаном и Тувой (2016); «Графика Нади Рушевой» в Курагинском районном краеведческом музее; «Тува в прошлом и настоящем» — для участников Международных армейских игр (военное ралли) в 5-й отдельной мотострелковой дивизии в пос. Алабино Московской области; «Шаманизм и буддизм в Туве» — в Посольстве Индии в Российской Федерации (г. Москва).

Таким образом, обзор выставочных проектов Национального музея Тувы показывает успешную и постоянно расширяющуюся работу коллектива в этом направлении. Тематически наиболее популярными в республике и за ее пределами являются выставки, посвященные жизни и творчеству Нади Рушевой, материальной и духовной культуре тувинского народа, декоративно-прикладному искусству Тувы.

Из общего числа выставок, их устойчивого роста и тематического, жанрового разнообразия, мы представим классификацию и дадим краткий обзор по каждому типу выставок.

Типы современных выставочных проектов музея

Персональные выставки художников Тувы. Одним их важнейших типов выставок для музея установились персональные выставки художников Тувы. Значимость этого вида выставок высока, особенно в связи с популярностью темы творчества Нади Рушевой, которая стала традиционной на всем постсоветском пространстве и «привязана» к дате рождения юной художницы — 31 января. Эта дата

*Фото 7. На открытии выставки личных работ С. К. Шойгу в Национальном музее РТ, 2018 г. Фото А. Куулар.
Photo 7 At the opening of S.K. Shoigu's exhibition at the National Museum, Republic of Tuva, 2018. Photo by A. Kuular.*

стала особенно важной и для музея Тувы, откуда родом была мама художницы — одна из первых балерин республики Наталья Дойдаловна Ажыкмаа-Рушева, и где семью Рушевых особенно почитают.

Тува прославилась в России и за рубежом работами народных мастеров — камнерезов. Периодически на выставках представляются материалы о жизни и творчестве многих тувинских мастеров. Это основоположник современного камнерезного искусства М. Черзи, народный мастер Д. Окаанчык, лауреаты Государственной премии им. И. Репина Х. К. Тойбухаа, Б. С. Байынды, М-Д. С. Хертек, Р. А. Аракчаа, заслуженные художники России и Тувы Д. Х. Дойбухаа, К. Т. Хунан, В. О. Ооржак и многие другие. Ежегодно или в год по несколько раз, экспонируются живописные работы тувинских художников.

Выставки о духовной культуре народов Тувы. Отметим выставки, приуроченные к важным культурным событиям в республике. Так, например, выставка «Декоративно-прикладное искусство Тувы» в 1992 г. была приурочена к Международному симпозиуму «Хоомей» в Туве. Из отчета директора музея А. Д. Дамдынчап можно узнать, что «выставка получила успех у посетителей и гостей города»¹.

Особо в этом направлении значимы выставки, посвященные шаманизму Тувы. В 1992 г. в музее впервые была представлена выставка «Шаманизм — древнейшая религия тувинцев» — к 1-му Международному семинару шаманистов и шаманов в Кызыле, где гости-участники были из США, Финляндии, Австрии, Канады. В 1993 г. специально по Постановлению Правительства Республики Тыва при Тувинском краеведческом музее имени Алдан-Маадыр был создан научный центр по изучению шаманства, целью которого является «комплексное (этнологическое, социологическое, философское) исследование этого древнего феномена мировой, в частности тувинской культуры, решение проблем воздействия шаманства на экологию культуры человека и окружающей среды, изучение возможностей его использования в оздоровлении духовности современного человека» (Шаманизм в Туве, 1994: 41). Шаманская коллекция тувинского музея как одна из уникальных в своем роде стала постоянной на выездных и стационарных выставках до сегодняшнего дня. Она очень интересует зарубежных коллег. Так, в музее этнографии г. Антверпен (Бельгия) под руководством его директора Ян Ван Альпфена в 1997–1998 гг. при финансировании бельгийской стороны была организована выставка «Шаманизм тюркоязычных народов в Центре Азии» (фото 8).

На открытии выставки шаманка из Тоджи Т. Д. Чигжит провела в зале камлание, а артист В. Соян исполнил горловое пение. Все шаманские атрибуты были разделены по коллекциям. Были изготов-

¹ Отчеты головного музея (ТРКМ) за 1992–2005 гг. Ф. 1, оп. 1, д. 19, с. 144. Рукопись хранится в научном архиве музея.

лены макеты «оваа» и *seri* — навесного захоронения шамана, выпущен каталог выставки на английском и голландском языках. Во время работы выставки там же состоялись лекции М. Б. Кенин-Лопсана «Философия тувинского шаманизма», «Священные традиции тувинцев», вызвавшие большой интерес слушателей (Дыртык-оол, 2009: 53–54).

Второй зарубежной страной для выставки «Мифологическое наследие тувинцев. Шаманы в Центре Азии» была Австрия (1997 г.). Идея создания венской выставки принадлежала финскому профессору Хеймо Лаппалайнену. Организована она была в Венском Всемирном музее (Weltmuseum).

Фото 8. Рекламный щит выставки «Шаманизм тюркоязычных народов в Центре Азии» на здании музея в г. Антверпен, Бельгия, 1997 г.

Фото из архива музея.

Photo 8. A promotional billboard for the «Shamanism among the Turkic-speaking peoples of Central Asia» exhibition, Antwerp, Belgium, 1997.

Photo courtesy of the Museum's archives.

Музей периодически демонстрировал интересные фондовые материалы по таким темам, как «Скифо-сибирский звериный стиль», «История декоративно-прикладного искусства в Туве», «Тувинские шахматы», «Шаманские атрибуты», «Образ женщины в живописи Тувы».

Популярными в самой Туве в последние годы стали выставки, отражающие духовную культуру тувинского народа («Тувинский чай, чайная традиция», «Бабушкин сундук», «Буддийские скульптуры из фондов музея»), на фоне которых проводятся культурно-образовательные мероприятия. Например, целью создания выставки «Шагаа — новый год» является знакомство с историей проведения народного праздника по лунному календарю, имеющегося буддийское влияние. Основной аудиторией являются школьники всех возрастов. На мероприятиях их учат соблюдать традиции и ритуалы.

Выставки об исторических личностях. Первый директор Тувинского краеведческого музея В. П. Ермолаев, назначенный на эту должность 13 мая 1929 г. (это дата основания музея), родился в 1892 г. Он внес большой вклад в комплектование фондов Государственного музея ТНР и как фотограф-очевидец запечатлел почти все исторические события в истории Тувы до середины XX в. В настоящее время его фотографии и негативы составляют «золотой фонд» музея (Дыртык-оол, 2012). «В. П. Ермолаев — краевед, журналист, фотограф» — такая выставка в 1992 г. была организована к 100-летию со дня его рождения. С тех пор в музее стало традицией в его честь создавать выставки.

Помимо В. П. Ермолаева, «героями» персональных выставок становятся известные люди культуры Тувы: В. Ф. Демин, Б. С. Дупчур, М. М. Мунзук, М. А. Рамазанова, М. М. Оюн, К. М. Саая, Г. Л. Торлук и др. При этом они не ограничиваются показом личной истории, персоналии рассматриваются на широком историческом и культурном фоне. Так, 60-летие со дня рождения Его святейшества Далай-Ламы XIV (в 1995 г.) нашло отражение в выставке не только о жизни буддийского иерарха, но и об истории буддизма в Туве. Выставка «Живое сокровище шаманизма», посвященное 70-летию со дня рождения М. Б. Кенин-Лопсана (в 1995 г.), поднимала тему и в целом тувинского шаманизма.

Выставочным методом музей продолжает отмечать юбилеи известных исторических личностей: тувиноведа С. И. Вайнштейна, археолога Я. И. Сунчугашева, народных мастеров Б. С. Байынды и К. М. Саая, актрисы тувинского театра Е. С. Кендельбиль. В честь 70-летия Н. Д. Ажыкмаа, матери Нади Рушевой, в 1996 г. в музее и Национальном театре Тувы были представлены экспонаты о ее жизни. Тематическая структура выставки, составленная сотрудником музея Нади Рушевой — филиала Национального музея РТ Н. Б. Чаш, состояла из разделов «Н. Д. Ажыкмаа и ее коллеги — артисты Тувинского театра», «Дочь Надя», «Участие в съемках художественного фильма «Люди голубых рек», «Друзья семьи Рушевых», «Рушевы

в Монголии», «Рисунки Нади Рушевой». Выставка в честь матери Нади Рушевой стала традиционной в юбилейные даты (в 2001, 2006, 2011 гг.). В 2016 г. в музее создана постоянная экспозиция «Три таланта — три судьбы» к 90-летию Н. Ажыкмаа-Рушевой. Здесь показана жизнь и судьба трех удивительно талантливых людей, которых, как гласил экскурсионный текст экспозиции (составитель Л. Ш. Шойдук), «невозможно представить друг без друга», они как «три камня очага».

С 2000 по 2018 г. выставки посвящены юбилейным датам известных личностей: ученого, доктора исторических наук, научного сотрудника музея М. Б. Кенин-Лопсана, народных мастеров М. Черзи, Д. Х. Дойбухаа, Р. А. Аракчаа, Б. С. Байынды, Е. Б. Байынды, Э. Б. Байынды, Д. Х. Дойбухаа, К. М. Саая, С. Х. Кочаа, художников Н. В. Самдана, М. М. Чооду, И. Ч. Салчака, Ч. Монгуш, краеведа К. С. Шойгу, драматурга и артиста В. Кок-оола, первого директора музея В. П. Ермолаева, автора классического танца «Звенящая нежность» А. В. Шатина, ветерана профсоюзного движения Т. Ч. Норбу, российских ученых А. Д. Грача, С. И. Вайнштейна, известного таксидермиста Сибири И. М. Путинцева, легенды тувинского цирка, Народного артиста СССР В. Б. Оскал-оола, первого профессионального фельдшера Тувы А. Н. Торжу, артистов К. Н. и М. М. Мунзуков, государственных деятелей Х. А. Анчимаа-Тока и А. М. Чымба, писателя С. Б. Пюрбю, командира минометного расчета братьев Шумовых А. Т. Шумова. Передвижные выставки выдающихся людей Тувы показывали в районах, на их малых родинах.

2018 г. завершился значимыми выставками: «Мастер своего дела» в память о реставраторе музея Б. С. Ховалыге, безвременно ушедшем в расцвете сил, и «Субедей маадыр», посвященной жизни и деятельности великого урянхайского полководца (1175–1248).

Выставки, посвященные памятным историческим датам республики, учреждений и организаций, в том числе общественных. Выставка «Награды Великой Отечественной войны тувинским добровольцам» (1993 г.) была приурочена к 50-летию со дня прохода (1 сентября 1943 г.) на фронт Великой Отечественной войны и тувинских кавалеристов. В последующие годы, т. е. в 2003 и 2013 гг. в зале были проведены частичные обновления — в экспозицию были введены новые материалы о подвиге тувинских кавалеристов — добровольцев из Тувинской Народной Республики при освобождении украинских городов и поселков в феврале 1944 г.

В 1993 г. музей также отметил 100-летие расшифровки орхоно-енисейской письменности и 60-летие со дня выхода в свет газеты «Тыванын аныяктары» (Молодежь Тувы). Знаменательными датами были 50-летие со дня вхождения ТНР в состав СССР, 80 лет со дня основания Кызыла. Исторические источники о столице республики представлены также в честь ее 90-летия в 2004 г., а в 2014 г. оформлена стационарная выставка «Кызыл — город исторический» (к 100-летию со дня основания).

В 2011 г. в новом здании на основе новых материалов, в том числе из «золотого фонда» В. П. Ермолаева по истории Тувинской Народной Республики, создана постоянная экспозиция «90 лет Республике Танды — Тыва Улус». Автор научной концепции Ш. М. Ондар. В 2016 г. была проведена реэкспозиция зала, где введены новые письменные и вещественные источники по таким разделам, как «Протекторат России над Тувой», «Советско-тувинские отношения в 1920–1940-е гг.», «История Тувинской народно-революционной армии», «Медицина», «Культура», «Промышленность».

Афганская тема станет одним из разделов исторического зала музея до 2014 г. В настоящее время в музее имеется постоянная экспозиция «Время выбрало нас — Афганистан», основой которой послужила книга «Честь и доблесть. Солдаты из Тувы», составленная Д. А. Ооржак и Л. В. Кара-оолом.

Общественная, профессиональная жизнь республики нашла отражения в ряде выставок. Это «Славные дочери Тувы», посвященная 70-летию женского движения в Туве (1998 г.), «20 лет Союзу композиторов Тувы» (1999 г.), «70 лет Тувинскому ревсомолу» (2002 г.), «300 лет Союзу журналистики России» (2003 г.), «В краю вечных ледников», к 60-летию со дня восхождения на Вершину горы Монгун-Тайга (2006 г.), «90 лет комсомолу» (2008 г.), «100 лет комсомолу» (2018 г.), «Литературная Тува. 70 лет Союзу писателей Тувы» (2011 г.).

Фондовые выставки музея. Периодически музей показывал на временных выставках неопубликованные источники и неизвестные публике музейные коллекции и музейные предметы из своих фондов. Организация фондовых выставок и периодическая «публикация» музейных коллекций необходима для привлечения новых посетителей в музей. Обычно при их отборе выявлялись малоизвестные источники разных типов (вещественные, изобразительные или письменные).

Некоторые выставочные публикации были созданы тематическим методом. Например, посетителям в 2010 г. представлена выставка «Русский ковчег в Туве», о материальной и духовной культуре

русских в Туве; в 2011 г. ко Дню Славянской культуры в Туве были представлены атрибуты Туранской православной церкви и предметы русского быта.

В 1998 г. музей организовывал серию чисто фондовых коллекций. Так, отдел религии подготовил выставку «Буддийские атрибуты», приуроченную к 70-летию Всетувинского буддийского съезда в ТНР. Необходимость обращения к историческому событию 1928 г. была обусловлена проблемами определения места и роли религии в современном обществе. Можно отметить, что тогда этот форум имел международный характер, т. к. присутствовали представители из Бурятии, Монголии и Тибета. К тому же на съезд были приглашены Генеральный секретарь ЦК РСМ Иргит Шагдыржап, член правительства ТНР Тумен Баир и сотрудник УГВПО Дарма Нацов. Этот съезд имел историческое значение, поэтому нашел отражение в академическом издании «Истории Тувы», где было отмечено: «Основной обсуждавшийся на съезде проблемой стало обновление религии, перестройка ее в соответствии с происходящими в республике политическими изменениями.... Ставились и обсуждались вопросы нравственного воспитания молодежи, которое связывалось с возможностью сохранения основ ламаистского вероучения. В решении этих проблем надежды возлагались на понимание и поддержку правительства» (История Тувы, 2007: 257).

Выставки из личных коллекций. Новшеством последних лет можно назвать привлечение к выставочной работе коллекционеров.

Так, из частной коллекции В. А. Шананина в 1998 г. была организована выставка «Значки о Туве». Как уже упоминалось выше, уже два года во время Международного форума коллекционеров, который проходит на базе Национального музея Тувы, демонстрируются их личные коллекции.

Заключение

Анализ выставочной работы Национального музея Республики Тыва, начиная с 1990-го года и до сегодняшнего дня, показывает, что выставочная деятельность музея наряду с экспозиционным показом была и остается второй основной формой музея по сохранению национальных и общекультурных ценностей региона.

Представленная статистика и обзор мероприятий демонстрируют активную творческую жизнь музея, которая решает важную «задачу ознакомления посетителей как можно с большим количеством памятников историко-культурного и природного наследия» (Решетников, 2014: 73). Сохранение этого наследия также входит в задачи музейной деятельности, что органически соединяется с необходимостью расширять поле работы на все области культуры, увеличивая влияние на вопросы культурной политики.

Необходимо отметить также, что при подготовке выставок в музее одновременно активизируется научная деятельность сотрудников, укрепляются и расширяются связи музея с научными и научно-образовательными организациями, растет сотрудничество и взаимобмен. Посетители конкретных выставок музея имеют возможность знакомиться на экспозициях, в буклетах, каталогах с результатами последних научных исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Воронова, Т. Г. (2009) Выставочные проекты Национального музея истории и культуры Белоруссии в постсоветское время // Исторические экспозиции региональных музеев в постсоветский период / отв. ред. И. В. Чувилова. СПб. : Алетейя. 303 с. С. 102–105.

Дыртык-оол, А. О. (2007) История музейного дела в Туве (1920–1940-е годы). Кызыл : КЦО «Аныяк». 84 с.

Дыртык-оол, А. О. (2009) Музейное строительство Тувы в составе Российской Федерации. Кызыл : КЦО Аныяк. 136 с.

Дыртык-оол, А. О. (2012) Музейная деятельность русских краеведов В. П. Ермолаева и Н. М. Богатырева в Туве // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. Раздел «Культурология». № 21. С. 57–64.

История Тувы (2007) : в 3 т. / под общ. ред. В. А. Ламина. Новосибирск : Наука. Т. II. 430 с.

Калякина, А. В. (2003) Адаптация российских музеев к новым социально-экономическим условиям 1990-е годы : автореф. дисс. ... к. и. н. М. 23 с.

Коробова, И. В. (2006) Системообразующие основы технологии выставочной деятельности музеев как фактора формирования социально-культурной среды региона: автореф. дисс. ... к. пед. н. Барнаул. 24 с.

Мазный, Н. В. (1997) Выставка как универсальная форма экспозиционной деятельности отечественных музеев : автореф. дисс. ... к. и. н. М. 29 с.

Монгуш, М. В. (2001) История буддизма в Туве. Новосибирск : Наука. 200 с.

Ондар, Ч-Д. (2013) Путь инженера. Кызыл : ООО «Кооператив «Журналист». 239 с.

Панченко, А. С. (2012) Основные тенденции современной деятельности художественного музея (на материале музеев Санкт-Петербурга рубежа XX–XXI вв.) : автореф. дисс. ... к. иск. СПб. 21 с.

Решетников, Н. И. (2014) Музей и проектирование музейной деятельности. М. : МГУКИ. 160 с.

Романова, М. Н. (2003) Музей в начале нового века: поиск путей развития // Региональные музеи: настоящее и будущее : сборник статей и тезисов межрегиональной научно-практической конференции «Региональные музеи: настоящее и будущее», посвященной 80-летию Музей истории Бурятии имени М. Н. Хангалова / отв. ред. С. Г. Жамбалова. Улан-Удэ : НоваПринт. 184 с. С. 3–6.

Российская музейная энциклопедия (2001) : в 2 т. / ред. коллегия: В. Л. Янин (предс.) и др. М. : Прогресс ; Рипол Классик. Т. II. 525 с.

Руденко, Н. И. (2015) Музейные практики производства культуры : на примере выставочной деятельности Российского этнографического музея : автореф. дисс. ...к. соц. н. СПб. 22 с.

Татарина, Е. А. (2009) Выставочная деятельность Московского Публичного и Румянцевского музеев — Российской государственной библиотеки 1861–2000 : основные тенденции развития и преемственности : автореф. дисс. ... к. и. н. М. 24 с.

Труевцева О. Н. (2000) Историко-краеведческие музеи Сибири во второй половине XX века : дисс. ... д. и. н. Томск. 337 с.

Шаманизм в Туве (1994) / ред. Т. Б. Будегечи. Кызыл : Гос. Лицей РТ. 43 с.

Шелегина, О. Н. (2010) Музеи Сибири. Очерки создания развития адаптации / отв. ред. В. А. Ламин. Новосибирск : Институт истории СО РАН.. 244 с.

Энхтуяа, Ш. (2009) Genghis khan's Mongolia: life in the greatest empire // Музейн мэдээлэл. № 2. Р. 46–47.

Дата поступления 01.03.2019 г.

REFERENCES

Voronova, T. G. (2009) Vystavochnye proekty Natsional'nogo museia istorii i kultury Belarusii v postsovetskoe vremia [Exhibition projects of the National Museum of History and Culture of Belarus in the post-Soviet years]. In: *Istoricheskie ekspositsii regionalnykh museev v postsovetskii period [Historical expositions of regional museums in the post-Soviet period]*, ed. by I. V. Chuvilova. St. Petersburg, Aleteia. 303 p. Pp. 102–105. (In Russ.)

Dyrtyk-ool, A. O. (2007) *Istoria muzeinogo dela v Tuve (1920–1940) [A history of museum work in Tuva (1920–1940)]*. Kyzyl, KCO «Anyiak». 84 p. (In Russ.)

Dyrtyk-ool, A. O. (2009) *Muzeinoe stroitel'stvo Tuvy v sostave Rossiskoi Federatsii [Museum-building in Tuva as a subject of the Russian Federation]*. Kyzyl, KCO «Anyiak». 136 p. (In Russ.)

Dyrtyk-ool, A. O. (2012) *Museinaia deiatel'nost' russkikh kraevedov V. P. Ermolaeva i N. M. Bogatyreva v Tuve [Museum work by Russian ethnographers V.P. Yermolayev and N.M. Bogatyrev in Tuva]*. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstva, Razdel «Kul'turologia»*, no. 21, pp. 57–64. (In Russ.)

Istoriia Tuvy [The History of Tuva] (2007): in 3 vols. / ed. by V. A. Lamin. Novosibirsk, Nauka. Vol. II. 430 p. (In Russ.)

Kal'akina, A. V. (2003) *Adaptatsia rossiiskikh museev k novym sotsial'no — ekonomicheskim usloviyam 1990-kh gg. [Adaptation of Russian museums to the new socio-economic conditions of the 1990s.]* : Thesis of Diss. ... Candidate of History. Moscow. 23 p. (In Russ.)

Korobova, I. V. (2006) *Sistemoobrazuyushchie osnovy tekhnologii vystavochnoi deyatel'nosti muzeev kak faktora formirovaniya sotsial'no-kul'turnoi sredy regiona [Systemic foundations of exhibition technique at museums as a factor in shaping the social and cultural environment of the region]*: Thesis of Diss. ... Candidate of Pedagogy. Barnaul. 24 p. (In Russ.)

Maznyi, N. V. (1997) *Vystavka kak universal'naya forma ekspozitsionnoi deyatel'nosti otechestvennykh muzeev [Exhibition as a universal form of exposition work at Russia's museums]*: Thesis of Diss. ... Candidate of History. Moscow. 29 p. (In Russ.)

Monguch, M. V. (2001) *Istoria buddizma v Tuve [A History of Buddhism in Tuva]*. Novosibirsk, Nauka. 200 p. (In Russ.)

Ondar, Ch.-D. B. (2013) *Put' inzhenera [Engineer's Way]*. Kyzyl, ООО «Кооператив «Журналист». 239 p. (In Russ.)

Panchenko, A. S. (2012) *Osnovnye tendentsii sovremennoi deyatel'nosti khudozhestvennogo muzeya (na materiale muzeev Sankt-Peterburga rubezha XX–XXI vv.) [Major trends of museum work at contemporary art galleries: the case of St. Petersburg's museums at the turn of 21st century]* : Thesis of Diss. ... Candidate of Art Studies . St. Petersburg. 21 p. (In Russ.)

Rechetnikov, N. I. *Museum i proektirovanie museinoi deiatel'nosti [Museum and planning museum work]*. Moscow, MGUCI. 160 p. (In Russ.)

Romanova, M. N. (2003) Muzei v nachale novogo veka: poisk putei razvitiya [Museums at the beginning of the new century: searching for ways of development]. In: *Regional'nye muzei: nastoyashchee i budushchee [Regional museums: the present and future]* : collection of articles and abstracts of the conference "Regional museums: the present and future", dedicated to the 80th anniversary of the History Museum of Buryatia / ed. by S. G. Zhambalova. Ulan-Ude, NovaPrint. 184 p. Pp. 3–6. (In Russ.)

Rossiiskaia museinaia entsiklopedia [Russian Museum Encyclopedia] (2001): in 2 vol. Moscow, Progress Publ., Ripol klasik Publ. 525 p. (In Russ.)

Rudenko, N. I. (2015) *Muzeinye praktiki proizvodstva kul'tury : na primere vystavochnoi deyatelnosti Rossiiskogo etnograficheskogo muzeya [Museum practices of cultural production : the case of exhibition activities of the Russian Museum of Ethnography]*: Thesis of Diss. ... Candidate of Sociology. St. Petersburg. 22 p. (In Russ.)

Tatarinova, E. A. (2009) *Vystavochnaya deyatelnost' Moskovskogo Publichnogo i Rumyantsevskogo muzeev – Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki 1861–2000. Osnovnye tendentsii razvitiya i preemstvennosti [Exhibition work at the Moscow Public and Rumyantsev museums – the Russian state library, 1861–2000: major trends of development and continuity]*: Thesis of Diss. ... Candidate of History. Moscow. 24 p. (In Russ.)

Truevcheva, O. N. (2000) *Istoriko-kraevedcheskie muzei Sibiri vo vtoroi polovine XX veka [Local history museums of Siberia in the second half of the 20th century]* : Diss. ... Doctor of History. Tomsk. 337 p. (In Russ.)

Chamanism v Tuve [Shamanism in Tuva] (1994). Ed. by T. B. Budegechi. Kyzyl, State Lyceum of the Republic of Tuva. 43 p. (In Russ.)

Chelegina, O. N. (2010) *Muzei Sibiri. Ocherki sosdaniia, rasvitiia, adaptatsii [Museums of Siberia: Notes on creation, development and adaptation]*. Novosibirsk, Nauka. 244 p. (In Russ.)

Enkhtuiaa, Sh. (2009) Genghis khan's Mongolia: life in the greatest empire. *Muzein medeelel*, no. 2, pp. 46–47. (In Mong.)

Submission date: 01.03.2019.

DOI: 10.25178/nit.2019.2.3

Проблемы сохранности картин и выставок русской живописи XIX века в Национальном музее Тувы

Александр С. Хертек, Каадыр-оол А. Бичелдей

Национальный музей им. Алдан-Маадыр Республики Тыва, Российская Федерация

В статье впервые представляются некоторые картины известных русских живописцев XIX в. (И. Айвазовского, И. Шишкина, В. Верещагина), которые хранятся в Национальном музее им. Алдан-Маадыр Республики Тыва, анализируются проблемы их хранения и создания постоянной экспозиции. Картины были получены в 1930 г. от Государственного Эрмитажа и Государственного Русского музея г. Санкт-Петербурга созданному в 1929 г. Тувинскому государственному музею Тувинской Народной Республики, дружественному Советскому Союзу государства.

В статье называются полученные картины неизвестных и известных художников Италии, Франции, Германии, Голландии, России XVII–XIX вв. Всего 55, из которых на сегодня сохранилось 44. Представлены описания и фотокопии трех картин: пейзажа И. К. Айвазовского «Морской вид» 1847 г., незавершенной работы И. И. Шишкина «Лес» (1870-е гг., точная дата неизвестна) и не характерной для баталиста В. В. Верещагина этюдной картины «Ночь» (1860-е гг.).

Сегодня у Национального музея Тувы около 900 полотен живописцев и до сих пор есть проблемы хранения картин, их экспозиций. В ближайшее время запланирован постоянный зал для экспозиции живописных полотен европейских и русских художников.

Ключевые слова: Национальный музей Тувы; Тува; Государственный Эрмитаж; Государственный Русский музей; Санкт-Петербург; Тувинская Народная Республика; история российской живописи; русская живопись; И. К. Айвазовский; И. И. Шишкин; В. В. Верещагин; культурное наследие

Для цитирования:

Хертек А. С., Бичелдей К. А. Проблемы сохранности картин и выставок русской живописи XIX века в Национальном музее Тувы [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2019, № 2. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/843> (дата обращения: дд.мм.гг.). DOI: 10.25178/nit.2019.2.3

Хертек Александр Сагдыевич — заведующий отделом культуры, искусства и религии Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Титова, д. 30. Тел.: +7 (394) 223-43-28. Эл. адрес: hertek952@mail.ru

Бичелдей Каадыр-оол Алексеевич — доктор филологических наук, директор Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Титова, д. 30. Тел.: +7 (394-22) 237-86. Эл. адрес: museumtuva@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-6754-7794

Khertek Aleksandr Sagdyevich, Head, Department of Culture, Arts and Religion, Aldan-Maadyr National Museum, Republic of Tuva. Postal address: 30 Titov St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (394-22) 3-43-28. E-mail: hertek952@mail.ru

Bicheldey Kaadyr-ool Alexeevich, Doctor of Philology, Director, Aldan-Maadyr National Museum of the Republic of Tuva; Member, Russian Academy of Natural Sciences; Russian Academy of Social Sciences. Postal address: 30 Titov St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (394-22) 2-27-86. E-mail: museumtuva@mail.ru

The problems of preserving objects and exhibition work at the Aldan-Maadyr National Museum of the Republic of Tuva: the case of 19th century Russian painting

Aleksandr S. Khertek, Kaadyr-ool A. Bicheldey

Aldan-Maadyr National Museum of the Republic of Tuva, Russian Federation

For the first time, the article examines some 19th century Russian paintings preserved at the Aldan-Maadyr National Museum of the Republic of Tuva, such as those by I. Aivazovsky, I. Shishkin, V. Vereshchagin. Also studied are the issues of storage and permanent exposition of these objects. The paintings were received as a gift from the State Hermitage and the State Russian Museum in what was then Leningrad in 1930 – a gift of friendship to the recently (1929) set-up State Museum of the People's Republic of Tuva, a state allied to the USSR.

The article provides a full gift list, which included 55 paintings by both famous and obscure authors from Italy, France, Germany, the Netherlands and Russia in 17th-19th centuries. Of these, 44 have survived. We here publish descriptions and photocopies of three of them – I.K. Aivazovsky's "A seascape" (1847), I.I. Shishkin's unfinished "The Forest" (1880s, more precise date unknown), and V.V. Vereshchagin's study "The Night" (1860s) – a unique painting for this famous battle painter.

As of now, the National Museum of the Republic of Tuva has in its collections over 900 paintings. The problems of storing and exhibiting these paintings, however, persist. In the short term, the museum will add a new hall to host a permanent exposition of European and Russian paintings.

Keywords: National Museum of the Republic of Tuva; Tuva; State Hermitage; State Russian Museum; St. Petersburg; People's Republic of Tuva; history of Russian painting; Russian painting; I.K. Aivazovsky; I.I. Shishkin; V.V. Vereshchagin; cultural heritage

For citation:

Khertek A. S. and Bicheldey K. A. The problems of preserving objects and exhibition work at the Aldan-Maadyr National Museum of the Republic of Tuva: the case of 19th century Russian painting. *The New Research of Tuva*, 2019, no. 2 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/843> (access date: ...). DOI: 10.25178/nit.2019.2.3

Введение

Не каждый региональный российский музей может гордиться своей живописной коллекцией известных авторов, таких как: И. Айвазовский, И. Шишкин, В. Верещагин, П. Боткин, М. Шамшин, Е. Волков, Ю. Лемана, К. Гефтлера и ряда других выдающихся художников.

Тувинский Государственный музей, организованный в 1929 г., пополнился картинами этих выдающихся художников людей в 1930 г. когда республика имела самостоятельную государственность, называлась Тувинской Народной Республикой. Первому директору музея В. П. Ермолаеву (Татаринцева, 2001; Хертек, 1999) было поручено пополнить фонды музея новыми коллекциями (Дыртык-оол, 2007: 25).

После революции в России 1917 г. многие дворцы, особняки, богатые дома российской знати подверглись обыскам, в ходе которых было изъято громадное количество уникальных живописных произведений разных художников и мастеров, начиная с XVII по XIX вв. Эти картины свозились в Ленинграде в Государственный Эрмитаж, где был сформирован Государственный музейный фонд. Потом из этого фонда полотна русских и зарубежных художников распределялись по краеведческим музеям Российской Федерации и Советского Союза. Тувинская Народная Республика, как братская дружественная страна, попала в этот список распределения (Хертек, 2005, 2009).

Первая выставка Тувинского Государственного музея была организована в августе 1930 г. в небольшом домике в г. Кызыле по ул. Комсомольской (это здание не сохранилось), в котором разместились три экспозиции отделов: краеведческий, революции и общеобразовательный (Ермолаев, 1967). То есть художественной выставки не было, но, по словам К. И. Черненко, старейшего экскурсовода музея, большая часть картин была размещена для сохранения по конторам и организациям города (Хертек, 1999). Частично художественная выставка была продемонстрирована в деревянном здании Тувинского краеведческого областного музея имени 60 богатырей в 1947 г., куда переехала музейная организация в 1946 г. Оно не было приспособлено для хранения живописных картин из Государственного Эрмитажа и Русского музея: отсутствовали специальные стеллажи, сетки для хранения отдельных картин и вообще не было специализированного помещения для хранения живописных холстов.

В то время в Туве не было специалистов, которые могли знать условия принятия и сохранения живописных полотен. В архиве не сохранилось ни одного акта дарения от ленинградских музеев. Первая книга поступлений была заведена только в 1941 г., в ней были записаны фамилия и название работы. Во второй книге 1948 г. были записи: картины поступили 27 марта и 2 апреля 1930 г. с указанием о том, что дарственные полотна в основном из Эрмитажа; за Русским музеем числилось только три работы (Инвентарная книга Тувинского областного краеведческого музея им. 60 богатырей. 1948 год. г. Кызыл, с. 22–25). Автор этих строк, будучи в командировке в г. Санкт-Петербург в ноябре 2005 г., был вынужден просить научных сотрудников вышеупомянутых музеев найти ксерокопии актов дарения. Если сравнивать с актами ксерокопий, то выясняется, что не хватает более десятка картин. Нет никаких документов о возвращении картин. Каким было хранение уникальных живописных картин в то время, нам неизвестно, работники тувинского музея просто не знали, как сохранить великолепные холсты. Они располагали их штабелями вертикально друг к другу впритык, что не допускается по музейным требованиям, из-за этого портились багетные рамы и сам красочный слой полотен, появлялись сколы, трещины на полотнах картин.

Проблема сохранения уникальных картин первоначально не затрагивала дирекцию музея. Полотна хранились в чердачном помещении под крышей. Само здание было построено как клубное и было совершенно не подготовлено к специальному хранению живописных полотен. Холсты, написанные великими художниками, постепенно приходили в нехорошее состояние, красочный слой трескался, местами осыпался, багетные рамы также портились. И как можно было соблюдать температурно-влажностный режим помещения, если все деревянное здание старого музея зимой почти что замерзло и его насквозь продували ветра с пылью? Большинству картин требовалось реставрация красочного слоя полотен, поэтому некоторые из них были отреставрированы в 1957 г. в Государственном реставрационном центре имени Грабаря в Москве. Но еще многим холстам до сих пор требуется полная и первичная реставрация красочного слоя полотен.

В этом году Национальному музею им. Алдан Маадыр Республики Тыва исполняется 90 лет. Срок немалый для становления музееведческого дела в нашей республике. Было сделано много в пополнении фондов хранилищ новыми произведениями живописи, графики, скульптуры и декоративно-прикладного искусства России и Республики Тыва.

В статье впервые представляются некоторые картины известных русских живописцев, которые хранятся в Национальном музее им. Алдан-Маадыр Республики Тыва, анализируются проблемы их хранения и создания постоянной экспозиции. Источниковой базой исследования выступила коллекция музея, а также литература по истории музея, истории русской живописи.

Списки полученных Тувой картин

Государственный Русский музей передал тувинскому музею следующие картины: И. Айвазовский «Морской вид» 1847 г., И. Шишкин «Лес» 1870-е гг., В. Верещагин «Ночь» 1860-е гг., П. Шамшин «Успение богородицы 1850-е гг.», Е. Волков «Дорога» 1889 г., П. Михайловский «Читающая женщина в саду» 1900-е гг., М. Боткин «Мальчик, просящий милостыню» 1870-е гг., Е. Шишкина-Сальникова «Цветы» 1902 г., М. Боткин «Головка» 1870-е гг., Дж. Рейнолдс «Венера с амуром» 1788 г., Ю. Леман «Женский портрет» 1886 г. и другие. Всего было передано 25 картин.

Государственный Эрмитаж передал следующие полотна: неизвестный итальянский художник «Возвращение Горация» конец XVIII в., Вербукховен «Марина» (Рыбаки в море) 1802 г., неизвестный немецкий художник «Девочка с цветами» XVIII в., неизвестный французский художник «Кардинал» XVIII в., неизвестный итальянский художник «Выход Буцентавра» XVII в., Шталь-Гольштейн «Ринальдо и Армида» 1839 г., неизвестный голландский художник «Кухня» XVII в., Филипсен «Пейзаж с каскадами» XVIII в., Я. Суходольский «Кавказцы» 1842 г., И. Белланже «Солдат на родине» начало XIX в., Грейф «Птичий двор» XVII в., неизвестный немецкий художник «Леопарды» XVII в., неизвестный художник «Портрет генерала» XVIII в., Глюман «Монах» XVIII в. и ряд других картин. Всего тридцать живописных картин неизвестных и известных художников Италии, Франции, Германии, Голландии, России XVII–XIX вв.

На сегодня Национальный музей Тувы на сегодня является хранителем 19 живописных полотен из Государственного Русского музея, 25 полотен известных художников России и зарубежья из Государственного Эрмитажа.

Из 55 картин, подаренных Туве ленинградскими музеями по актам, нет в наличии 11 полотен европейских и русских художников, названия холстов, имена живописцев не упомянуты даже в книге поступлений 1944 г. Выходит, что они канули в безывестность до переписи 1944 г.

Редкие картины русских живописцев

Дадим описания и характеристики наиболее ценным картинам русских художников, которые с тех времен хранятся в тувинском музее.

И. К. Айвазовский. Великий русский маринист Иван Константинович Айвазовский за свою долгую плодотворную жизнь написал около 6 тысяч картин. Он родился рядом с Черным морем, поэтому в его творчестве тема моря и стихий, связанных с ним, была на первом месте. Айвазовский — выпускник Императорской академии художеств Санкт-Петербурга. Был направлен в Италию на дальнейшую учебу, где и выработал окончательно свою манеру исполнения. Он часто рисовал небольшие зарисовки акварелью, карандашом, затем в мастерской художник благодаря феноменальной зрительной памяти воплощал в большие картины, найденные сюжеты. Наиболее полно написал о творчестве Ивана Айвазовского советский искусствовед Н. С. Басрамов (Басрамов, 1967). Критик отмечает, что маринист при равной степени мастерства имел преимущество в артистической фантазии живописного написания полотен, многие из которых привлекают внимание необычным и неожиданным содержанием морских пейзажей и морских сражений. По словам биографа художника Н. С. Барсамова: «Произведения Айвазовского в основе своей патетичны и почти всегда выражают самые сильные чувства и потрясения» (там же: 8).

В Национальном музее Тувы хранится пейзаж «Морской вид», датированный 1847 г. (фото 1), когда молодой Айвазовский только становился известным живописцем.

Фото 1. Картина И. К. Айвазовского «Морской вид», 1847 г. Холст, масло. Фото А. Д. Куулар, 2018 г.
Photo 1. I. K. Aivazovsky's "A Seascape" (1847). Oils on canvas. Photo by A. D. Kuular, 2018.

Известно, что в 1846 г. он построил большой дом в Феодосии с мастерской, где писал разные картины на морские темы. Название картины «Морской вид» условное, так как холст с таким названием был создан в 1843 г. и хранится в Государственном Русском музее (там же: 28). Таких холстов с подобным названием, написанных в разные годы, в целом насчитывается около десяти. Одна из них находится в фондах Красноярского художественного музея, другая — в Омском областном музее изобразительных искусств. Мы знаем, что художник ставил датировку в разных концах картины слева или справа. Здесь начинающий маринист поставил датировку на швартовой бочке, к которой крепились небольшие суда. Эта бочка изображена чуть слева от центра внизу полотна. Подпись сокращена — она показывает слово

и цифры «Айваз.1847». Уже позже, когда художник станет всемирно известным, он будет ставить свои подписи на русском и иностранном языке в длину 15–20 см, обычно слева и справа внизу холста.

Морской пейзаж изображает отряд русских кораблей возле Севастополя, возле которого строится белоснежная форт-батарея. Сохранился рисунок 1847 г. Айвазовского, на котором изображены стоящие на рейде русские линейные корабли, почти в сходном изображении, что и на картине. Как писал Барсамов, Айвазовский побывал в Севастополе позже — в 1853 г. (Барсамов, 1967: 57), в 1847 году он не был здесь, но любил этот морской порт и знал, что в то время строились форты-батареи для защиты города от вражеских кораблей.

Художник нарисовал Константиновскую батарею (в правой части картины), строительство которой было завершено в 1847 г., по рассказам матросов — в три этажа, тогда как на деле она была построена в два этажа. Строительство ее было начато в 1840 г. на месте земляных укреплений у входа в Севастопольскую бухту, существовавших с момента основания города. Она была одной из пяти подобных батарей (кроме нее были еще: Михайловская, Александровская, Николаевская и Павловская), закрывавших вход в Севастопольскую бухту вражеским кораблям. Батарея принимала участие в первой обороне Севастополя в 1853–1855 гг., отражая попытки кораблей коалиции в составе Британской, Французской и Османской империй и Сардинского королевства атаковать город с моря.

В 1840-е годы в Российскую империю входит мода на новые паровые корабли, тогда пароходофрегаты строились в Николаеве и Севастополе, но паровые машины большой мощности были только в Санкт-Петербурге. Среди английских предпринимателей был выбран судостроитель Питчер, у которого и запросили проектную документацию на предполагаемый к постройке пароход (при этом о его военном предназначении не упоминалось). Питчер отправил в Санкт-Петербург чертежи своего последнего пароходофрегата «Devastation» с паровым механизмом в 260 л. с. После их рассмотрения в Кораблестроительном департаменте Морского министерства основные элементы этого корабля признали удовлетворительными, а чертежи направили на Охтинскую верфь для ознакомления и разработки комплекта документации для постройки по ней серии российских военных пароходофрегатов. С Питчером же был заключен контракт на постройку одного пароходофрегата для Черноморского флота. В 1842 г. этот корабль, получивший наименование «Громonosец», был заложен, в 1843 г. спущен на воду, а после достройки и испытаний совершил переход на Черное море. Вскоре после заказа Питчеру «Громonosца» ему же заказали серию из четырех пароходофрегатов, впоследствии получивших наименования «Херсонес», «Бессарабия», «Крым» и «Одесса». Все они строились по чертежам «Devastation» и также сошли на воду в 1843 г. Большую роль в их заказе и постройке сыграл адмирал М. П. Лазарев, командовавший Черноморским флотом в 1833–1851 годах. Официально Питчер строил эти пять кораблей как пакетботы (почтово-пассажирские пароходы) по заказу Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора графа М. С. Воронцова.

Возможно, Иван Айвазовский написал картину на эту тему, когда новый пароходофрегат, по рассказам матросов и офицеров императорского флота, сломался на рейде Севастополя. Художник импровизированно изобразил эту сцену — к сломанному судну спешит помощь. Как подчеркивал Барсамов: импровизация у Айвазовского была непревзойденной. Способность поэтически воспринимать самые обыденные явления в природе нашла свое яркое отражение в его произведениях, которая потом возвысится до больших высот в его поздних картинах (Барсамов, 1962: 66).

Здесь, на холсте изображены русские парусные военные корабли на рейде и небольшой двухмачтовый винтовой пароходофрегат, от которого исходит темная полоса дыма. Слева написана часть большого двухпалубного трехмачтового линейного корабля, на боку видна часть офицеров и матросов, которые с интересом смотрят на событие. От линейного корабля отошла шлюпка с матросами, очевидно для помощи пароходофрегату. Видно, что на нем пополам сломалась дымовая труба, из которой валит черный дым. Труба не выдержала большой температуры и лопнула. К пароходу спешат на помощь другой парусник с желтокрашенными бортами. Но кучевые облака на дальнем плане занимают большую поверхность холста и играют важную роль. Взметнувшиеся вверх слева облака и в центре словно ищут себе соперника, чтобы схватиться с ним. Борьба противоположностей — это есть характерная черта творческого метода мариниста. Внизу правая часть облаков в картине потемнела от грозы и готова ринуться в свободное пространство. Таким образом, молодой художник невольно подчеркивает, что его эмоциональное чувство непроизвольно вылилось на полотно.

Описания этой картины нет ни в одной научной книге по творчеству Ивана Айвазовского за последние восемьдесят лет потому, что полотно «Морской вид» мариниста не выглядело очень значительной работой в начальный период деятельности художника.

... Через несколько лет Иван Айвазовский напишет «Девятый вал» и «Чесменский бой», знаменитые полотна, прославляющие героический романтизм людей в борьбе со стихией и великие подвиги русских моряков.

И. И. Шишкин. Иван Шишкин — один из крупных живописцев мировой и русской пейзажной живописи второй половины XIX века, один из основоположников русского реалистического пейзажа (Мир художника ..., 1978). Картины художника понятны и близки каждому человеку. Он сумел увидеть русскую природу глазами самого народа. В 1870-е гг. Иван Шишкин входил в пору безусловной творческой зрелости, о которой свидетельствуют картины «Сосновый бор. Мачтовый лес в Вятской губернии» (1872) и «Рожь» (1878; обе находятся в Третьяковской галерее). Обычно избегая зыбких, переходных состояний природы, художник фиксирует ее высший летний расцвет, достигая впечатляющего тонального единства именно за счет яркого, полуденного, летнего света, определяющего всю колористическую шкалу. Монументально-романтический образ Природы неизменно присутствует в картинах.

Фото 2. Картина И. И. Шишкина «Лес» (1880-е гг.). Холст, масло.

Фото А. Д. Куулар, 2018 г.

Photo 2. I. I. Shishkin's "The Forest" (1880s). Oils on canvas.

Photo by A. D. Kuular, 2018.

Новые же, реалистические веяния проступают в том проникновенном внимании, с которым выписываются приметы конкретного куска земли, уголка леса или поля, конкретного дерева.

Иван Иванович Шишкин — замечательный поэт не только почвы, но и дерева, тонко чувствующий характер каждой породы или «лес еловый, сосновый, осина, береза, липа». С особой охотой художник писал породы самые мощные и крепкие типа дубов и сосен — в стадии зрелости, старости и, наконец, смерти в буреломе. Классические произведения Ивана Ивановича — такие, как «Рожь», «Лесные дали» (1884, Третьяковская галерея) — воспринимаются как обобщенные, эпические образы России (Анисов, 1991: 38).

Художнику Ивану Шишкину одинаково удавались и далевые виды, и лесные «интерьеры» («Сосны, освещенные солнцем», 1886; «Утро в сосновом лесу» где медведи написаны К. А. Савицким, 1889). Самостоятельную ценность имеют его рисунки и этюды, представляющие собой детализованный дневник природной жизни соснового леса и окружающих кустарников.

Национальный музей Тувы является обладателем картины И. И. Шишкина «Лес» (1870-е гг.,

точная дата неизвестна), которая при ближайшем рассмотрении оказывается незавершенной работой (фото 2). В этом полотне в центре холста детально не проработана левая центральная сосна, также не прописаны хвойные деревья на заднем плане справа и слева картины. А мы знаем, что Шишкин — мастер детальной проработки сосен, стволов и корневищ деревьев, кустарников и травы. Как гравер, он всегда скрупулезно изучал строение соснового дерева, знает состояние коры и его веток. К тому же эта работа подписана автором внизу с левой стороны холста без даты.

Возможно, мастеру не понравилась сама постановка изображения соснового леса, на переднем плане которого видно несколько сосновых деревьев, они не выделяются своими монументальными размерами среди других сосен, не ярко выделены освещением, которое концентрирует внимание зрителя именно на них. Также на опушке видны следы человеческой деятельности в виде срубленного дерева, а на ближайшем плане виден небольшой мостик, который разрушился от времени и сырой погоды.

Обычно Шишкин писал в технике лессировки¹, поэтому видно, что боковые части холста не проработаны тонкими слоями живописной краски. Он не стал заканчивать эту картину, а перешел к другой, в которой он не будет показывать следы человека, где будет сосновый лес в том виде, как он себе его представляет. Очень близок к ней по характеру изображения трех центральных сосен другой пейзаж живописца «Сосновый лес» (1889), с подписью автора, который хранится в Государственном Русском музее. По сравнению с первым вариантом, здесь художник убрал вообще любые следы человека, возвратив первозданный вид соснового леса.

Эта картина также не имеет научного описания в книгах о творчестве художника-пейзажиста, так как она является незаконченной работой.

В. В. Верещагин. Среди картин, хранящихся в тувинском музее, есть картина великого русского художника-баталиста XIX в. Василия Верещагина, чьи серии полотен на военные темы побывали во многих странах мира (Садовень, 1950; Лебедев, 1965, 1972; Селебедев, Солодовников, 1987). Государственный музейный фонд в 1930-е годы не отправлял в краеведческие музеи холсты В. В. Верещагина, однако, очевидно, для независимого молодого государства ТНР было сделано редкое исключение. В качестве дара выступила совершенно не соответствующая батальной теме художника маленькая этюдная картина «Ночь» (1860-е гг.) (фото 3).

Фото 3. Картина В. В. Верещагина «Ночь», 1860-е гг.
 Фото А. Д. Куулар, 2018 г.
 Photo 3. V. V. Vereshchagin's "The Night" (1860s).
 Photo by A. D. Kuular, 2018.

Этюдный вариант картины говорит о том, что это сугубо бытовой жанр на романтическую тему. Привлекает внимание синий колорит маленького полотна. Два молодых человека — юноша и девушка — встречаются и обнимаются среди кустов на фоне небольшой избушки. Действие происходит глубокой ночью. Луна частично освещает влюбленных, которые общим силуэтом вписаны в проем, созданный листвой деревьев.

Небольшой красный огонек, который светится на краю домика, дает надежду на продолжение жизни молодых людей в будущем. Живописное полотно наклеено на картон и вставлено в толстую раму. Сама картинка одета в большой багет, состоящий из нескольких рам. Этюд картины маленький по размеру.

Этот сюжет был не свойственным художнику-баталисту. Очевидно, картина была написана по его личным романтическим воспоминаниям после окончания Санкт-Петербургской императорской ака-

¹ Лессировка — многослойная техника письма масляными прозрачными красками, которые наносятся друг на друга после полного высыхания первого слоя.

демии художеств. Вероятно, всего эту работу оформили после гибели художника в 1904 г. возле Порт-Артура для посмертной выставки осенью. На этюде не видно ни подписи, ни даты исполнения автором. В нижнем правом углу подпись красно-коричневой краской «786». Возможно, это означает число картины в каталожном списке Василия Верещагина.

Проблемы хранения и выставок

Как мы уже упоминали, хранение уникальных полотен долгие годы было устроено в чердачном помещении старого деревянного музея. Лишь когда в 2008 г. Национальный музей Республики Тыва переехал в новое здание по ул. Титова, д. 30, тогда хранение живописных полотен не только из Русского Музея и Эрмитажа, но и тувинских, и советских художников было организовано на цокольном этаже музея.

Архитектурный проект здания был задуман московским архитектором М. Бубновым в конце 1970-х гг., тогда основные фонды музея насчитывали около 80 тысяч единиц хранения. В настоящее время основные фонды насчитываются более 117 тысяч единиц. При этом за последние сорок лет музеем было принято и закуплено большое количество полотен тувинских, советских живописцев и сегодня их насчитывается около 900 единиц. Картины хранились сначала на сетках. Затем из-за нехватки места они были расставлены вертикально друг другу штабелями. Тем самым очевидно, что на сегодняшний день хранение картин в фондохранилище Национального музея Тывы организовано не по правилам.

Часть полотен находится в разных экспозициях, в кабинетах научных сотрудников Национального музея Тывы, но громадная часть полотен содержится в фондохранилище. При переезде в новое здание отделу искусств было выделено три зала: постоянный для рисунков Нади Рушевой, два временных — для картин европейских, русских живописцев и для изобразительного искусства Республики Тыва. Но два выставочных зала пришлось отдать под археологические экспонаты, в том числе золотые артефакты, из курганов Аржаан-1 и Аржаан-2.

Встает вопрос о новом здании фондохранилища и картинной галереи.

Концептуальную выставку сделать из хранящихся картин не получится, но выставлять их необходимо. При этом, следует решать ряд задач, необходимых для подобных экспозиций.

Основная задача — организация освещения и температурно-влажностного режима выставочного зала. Как мы знаем, художественные выставки из полученной в дар коллекции Эрмитажа и Русского музея в тувинском краеведческом музее не организовались, были частичные экспозиции один раз в пятнадцать лет. В старом здании музея они проходили в лектории и малом зале площадью менее 40 кв. метров и выставлялись в количестве не более десяти-двенадцати картин. Освещение было примитивным, первоначально зал освещали простые лампочки накаливания, потом — лампы дневного освещения. Специальные прожектора появились только в новом здании музея, пока лишь галогеновые. Сегодня музей приобрел светодиодные прожектора, которые хорошо освещают картины.

При организации экспозиции для каждой картины необходимо подготовить аннотационный текст об истории картины, о сюжете и др. Текст должен быть ясным, четким, примерно на один машинописный лист.

В 2005 г. в музее был создан отдел искусства и религии, который с того времени организовал четыре временные выставки картин «Шедевры европейской и русской живописи» в разных залах, с разным освещением, разными этикетками и техническими приспособлениями для показа полотен. В нынешнем 2019 г. дирекция решила создать на третьем этаже музея постоянный зал для экспозиции живописных полотен европейских и русских художников из Русского музея и Эрмитажа. Написана научная концепция постоянной выставки, составлен тематико-структурный план, аннотационные тексты к каждому живописному произведению. В зале будет выставлено 31 полотно европейских и русских художников, некоторые картины (6 единиц) прошли реставрацию в Государственном научно-реставрационном центре имени Грабаря (г. Москва), у остальных были отреставрированы багеты-рамы. Другим оставшимся холстам требуется серьезная реставрация красочного слоя холста. Открытие выставки «Шедевры русской и европейской живописи» запланировано на май 2019 г.

Заключение

Полотна великих художников, полученных тувинским музеем в дар почти 90 лет назад, представляют для музея одну из важнейших коллекций.

Во-первых, они были получены как культурный дар от российского государства — своему союзнику — молодому государству в центре Азии, то есть являются фактом исторических связей между Россией и Тувой.

Во-вторых, по возрасту этот дар является практически ровесником Национальному музею Тувы. И тем самым эти картины являются частью истории самого музея, формирования его коллекций.

В-третьих, несмотря на то, что хранящиеся здесь полотна не входят в мировые каталоги искусства как признанные работы мастеров, тем не менее, они представляют важные звенья в творческой эволюции величайших художников, восстанавливают путь становления и раскрытия их талантов.

В-четвертых, следует подчеркнуть также и их общее значение для культурной жизни республики. При правильной организации выставки указанных картин, посетители Национального музея Тувы, большинство из которых является жителями Тувы, получают возможность приобщаться к полотнам талантливых живописцев, не выезжая куда-либо далеко к центрам мирового искусства и не дожидаясь месяцами и годами приезда выставок крупных музеев. При этом, мы подчеркнем: выставку надо организовать постоянную, поскольку временные экспозиции вредны для полотен. Хранителям фонда живописи приходится периодически выносить их, разбирать, снимать с них защитные чехлы, восстанавливать покраску багетных рамок — все это приводит к непроизвольным повреждениям рам и полотен знаменитых художников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анисов, Л. М. (1991) И. И. Шишкин. М. : Молодая гвардия. 301 с.
- Барсамов, Н. С. (1962) И. К. Айвазовский. М. : Искусство. 275 с.
- Барсамов, Н. С. (1967) И. К. Айвазовский. О мастерстве художника. М. : Искусство. 111 с.
- Дыртык-оол, А. О. (2007) История музейного дела в Туве (1920–1940-е годы). Кызыл : Тувинское книжное издательство. 84 с.
- Ермолаев, В. П. (1967) Так начинался музей: [О создании Тувинского Государственного музея] // Тувинская правда. 19 марта. С. 3.
- Мир художника. (1978). И. И. Шишкин. Переписка. Дневник. Современники о художнике. Ленинград : Искусство. 463 с.
- Лебедев, А. К. (1965) В. В. Верещагин. М. : Советский художник. 98 с.
- Лебедев, А. К. (1972) В. В. Верещагин. Жизнь и творчество. М. : Искусство. 395 с.
- Лебедев, А. К., Солодовников А. В. (1987) В. В. Верещагин. Ленинград : Художник РСФСР. 180 с.
- Садовень, В. В. (1950) В. В. Верещагин. М. : Издательство государственной Третьяковской галереи. 114 с.
- Татаринцева, М. (2001) Владимир Петрович Ермолаев: [О директоре В. П. Ермолаеве] // Люди и события. Год 2002. Указатель-календарь по Туве на 2002. Кызыл : НБ им. А.С. Пушкина. 138 с. С. 44–47.
- Хертек, А. С. (1999) Первый директор: [О краеведе В. П. Ермолаеве] // Тувинская правда. 18 мая. С. 3.
- Хертек, А. С. (2005) Живопись Эрмитажа и Русского музея в Туве: [О выставке картин в Национальном музее РТ] // Урянхай (журнал). № 3. С. 25–28.
- Хертек, А. С. (2009) Первая художественная коллекция Тувинского Государственного музея // Наследие народов Центральной Азии и сопредельных территорий: изучение, сохранение и использование : Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию образования НМ РТ. г. Кызыл, 9–10 сентября 2009 г. : в 2 ч. / отв. ред. В. С. Чигжит. Кызыл : Аныяк. Ч. II. 222 с. С. 54–57 с.

Дата поступления: 01.03.2019 г.

REFERENCES

- Anisov, L. M. (1991) *I. I. Shishkin*. Moscow, Molodaia gvardiia. 301 p. (In Russ.).
- Barsamov, N. S. (1962) *I. K. Aivazovskii*. Moscow, Iskusstvo. 275 p. (In Russ.).
- Barsamov, N. S. (1967) *I. K. Aivazovskii. O masterstve khudozhnika [I. K. Aivazovskii: The artist's skill]*. Moscow, Iskusstvo. 111 p. (In Russ.).
- Dyrtyk-ool, A. O. (2007) *Istoriia muzeinogo dela v Tuve (1920–1940-e gody) [A history of museum work in Tuva (1920s–1940s)]*. Kyzyl, Tuvan book publ. 84 p. (In Russ.).
- Yermolayev, V. P. (1967) *Tak nachinalsia muzei: O sozdanii Tuvinskogo Gosudarstvennogo muzeia [Thus the Museum began: On the establishment of the State Museum of Tuva]*. *Tuvinskaia Pravda*, 19 Mars, p. 3. (In Russ.).

Mir khudozhnika [The artist's world] (1978). I. I. Shishkin. Perepiska. Dnevnik. Sovremenniki o khudozhnike [I. I. Shishkin. Correspondence. Diary. Contemporaries on the artist.]. Leningrad, Iskusstvo. 463 p. (In Russ.).

Lebedev, A. K. (1965) *V. V. Vereshchagin*. Moscow, Sovetskii khudozhnik. 98 p. (In Russ.).

Lebedev, A. K. (1972) *V. V. Vereshchagin. Zhizn' i tvorchestvo [V. V. Vereshchagin: Life and work]*. Moscow, Iskusstvo. 395 p. (In Russ.).

Lebedev, A. K. and Solodovnikov A. V. (1987) *V. V. Vereshchagin*. Leningrad, Khudozhnik RSFSR. 180 p. (In Russ.).

Sadoven', V. V. (1950) *V. V. Vereshchagin*. Moscow, Izdatel'stvo gosudarstvennoi Tret'iakovskoi galerei. 114 p. (In Russ.).

Tatarintseva, M. (2001) Vladimir Petrovich Yermolayev: O direktore V. P. Ermolaeva [Vladimir Petrovich Yermolayev: About the Director V. P. Yermolayev]. In: *Liudi i sobytia. God 2002. Ukazatel'-kalendar' po Tuve na 2002 [People and events. Year 2002. Index and calendar for 2002, Republic of Tuva]*. Kyzyl, NB im. A. S. Pushkina. 138 p. Pp. 44–47. (In Russ.).

Khertek, A. S. (1999) Pervyi direktor: O kraevede V. P. Yermolayeve [First Director: On ethnographer V. P. Yermolayev]. *Tuvinskaia Pravda*, 18 May, p. 3. (In Russ.).

Khertek, A. S. (2005) Zhivopis' Ermitazha i Russkogo muzeia v Tuve: O vystavke kartin v Natsional'nom muzee RT [Paintings from the Hermitage and the Russian Museum in Tuva: On the exhibition of paintings at the National Museum, Republic of Tuva]. *Uriankhai*, no. 3, pp. 25–28. (In Russ.).

Khertek, A. S. (2009) Pervaia khudozhestvennaia kolleksiia Tuvinskogo Gosudarstvennogo muzeia [The first art collection of the Tuvan State Museum]. In: *Nasledie narodov Tsentral'noi Azii i sopredel'nykh territorii: izuchenie, sokhranenie i ispol'zovanie [Heritage of the peoples of Central Asia and adjacent territories: study, preservation and use]* : Proceedings of international conference devoted to the 80th anniversary of the National Museum, Republic of Tuva. Kyzyl, September 9–10, 2009 : in 2 parts / ed. by V. S. Chigzhit. Kyzyl, Anyiak. Part II. 222 p. Pp. 54–57. (In Russ.).

Submission date: 01.03.2019.

DOI: 10.25178/nit.2019.2.4

Историческая живопись С. К. Ланзы в собраниях Национального музея Тувы

Мария Д. Наксыл, Чейнеш О. Санчай

Национальный музей им. Алдан-Маадыр Республики Тыва, Российская Федерация,

В статье рассмотрена роль Национального музея Республики Тыва, как хранителя исторической памяти народа и художественного наследия тувинского живописного искусства — на примере творчества первого профессионального художника Тувы С. К. Ланзы (1927–1977).

Исследован творческий путь С. К. Ланзы. Его учителями были лучшие советские живописцы, и он в полной мере вообрал в себя искусство своего времени. Ведущее место в его произведениях занимает историческая живопись в жанре соцреализма.

Восстановлена история комплектования коллекции С. К. Ланзы в фондах Национального музея Тувы, начиная с 1940-х гг. Рассмотрены наиболее известные полотна исторического жанра, а также жанра социалистического реализма; дана их искусствоведческая характеристика. Перечислены основные проблемы хранения и экспонирования картин.

Источниковой базой исследования является внутренняя документация музея, приказы министерства культуры Тувинской АССР, личные документы С. К. Ланзы, документы правления Союза художников Тувинской АССР.

Ключевые слова: Тува; Национальный музей Тувы; живопись; С. К. Ланзы; искусство Тувы; Союз художников Тувы; 60 богатырей; историческая живопись

Для цитирования:

Наксыл М. Д., Санчай Ч. О. Историческая живопись С. К. Ланзы в собраниях Национального музея Тувы [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2019, № 2. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/844> (дата обращения: дд.мм.гг.). DOI: 10.25178/nit.2019.2.4

Наксыл Мария Донгаковна — хранитель 1 категории отдела учета и хранения фондов Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Титова, д. 30. Тел.: +7 (913)-351-32-51. Эл. адрес: manoush@yandex.ru ORCID ID: 0000-0001-9594-4570

Санчай Чейнеш Орлановна — экскурсовод отдела культурно-образовательной работы Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Титова, д. 30. Тел.: +7 (923)-269-52-01. Эл. адрес: neshsunchai@gmail.com ORCID ID: 0000-0002-3777-8743

Naksyl Mariia Dongakovna, 1st category custodian, Department of accounting and storage of funds, Aldan-Maadyr National Museum, Republic of Tuva. Postal address: 30 Titov St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (913) 351-32-51. E-mail: manoush@yandex.ru

Sanchai Cheinesh Orlanovna, Guide, Department of cultural and educational work, Aldan-Maadyr National museum, Republic of Tuva. Postal address: 30 Titov St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (923) 269-52-01. E-mail: neshsunchai@gmail.com

S. K. Lanzy's history painting in the collections of the National Museum of the Republic of Tuva

Maria D. Naksyl, Cheinesh O. Sanchai

Aldan-Maadyr National Museum of the Republic of Tuva, Russian Federation

The article looks at the role of the National Museum of the Republic of Tuva as a custodian of the people's historical memory, as well as of the Tuvan artistic heritage. Our case study is the works of Tuva's first professional painter, S.K. Lanzy (1927-1997).

Our study of the creative career of S.K. Lanzy has shown that he studied with some of the best Soviet painters, and learned a lot from the art of his days. His work was dominated by historical painting in the genre of Socialist realism.

The article reconstructs the history of how the current S.K. Lanzy collection was brought together at the National Museum of the Republic of Tuva, starting from the 1940s. The authors provide a critical survey of the most famous paintings in the history genre, as well as the tradition of the Socialist realism. Also covered are the basic issues of storing and exhibiting paintings.

The article's sources include the museum's internal documentation, orders of the Ministry of Culture, Tuvan ASSR. S. K. Lanzy's personal archives, and also the archives of the board of the Union of Artists of Tuvan ASSR.

Keywords: Tuva; National Museum of the Republic of Tuva; painting; S.K. Lanzy; art of Tuva; Union of Artists of Tuva; 60 maadyr; historical painting

For citation:

Naksyl M. D. and Sanchai Ch. O. S. K. Lanzy's history painting in the collections of the National Museum of the Republic of Tuva. *The New Research of Tuva*, 2019, no. 2 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/844> (access date ...). DOI: 10.25178/nit.2019.2.4

Введение

Актуальность избранной темы подтверждается ее малой изученностью и кризисом в сфере развития изобразительного искусства в Республике Тыва на сегодняшний день, масштаб которого становится очевидным в сравнении с процессом, который мы наблюдали в 1940–1980-е гг. Исследования, посвященные трудам художников Тувы, принадлежат перу советского доктора искусствоведения, профессора, члена Союза Художников СССР С. М. Червонной, написавшей монографии «Живопись автономных республик РСФСР» (Червонная, 1978) и «Художники Республики Тыва» (Червонная, 1995), уже ограничены анализом работ советского периода.

Соответственно, дальнейшее изучение тувинского фонда живописи Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва (далее — НМ РТ) — задача актуальная как для музейного дела, так и для развития самой живописи Тувы.

Одной из основных и многочисленных в фонде живописи и графики Национального музея Тувы является коллекция картин тувинского художника С. К. Ланзы (1927–1977). Он принадлежит к числу выдающихся художников тувинского искусства. Его деятельность способствовала основанию школы академической живописи и графики в Туве XX века. В своих работах Ланзы показывает сложную историю тувинского народа, панорамные пейзажи тувинской первозданной природы, национальные натюрморты, а также тувинское камнерезное искусство.

Его творчество уже входило в поле внимания С. М. Червонной, которая определила характерные черты художественного стиля Ланзы (Червонная, 1978). О художнике также писал заведующий отделом искусства, культуры и религии Национального музея Республики Тыва, искусствовед, член Союза художников РФ А. С. Хертек (Хертек, 2017). Об истории создания Союза художников Тувы 1965–1970 гг., а также о вкладе в работу Союза С. К. Ланзы, как председателя пишет Ю. К. Троякова (Троякова, 2013). А. К. Кужугет в монографии «Духовная культура тувинцев: структура и трансформация» рассматривает изобразительное искусство Тувы в XX веке, упоминая С. К. Ланзы, как одного из первых и лучших живописцев Советской Тувы (Кужугет, 2016). Третий том фундаментального труда «История Тувы», охва-

тывающего период от 1944–1991 гг., при описании социокультурных процессов в Туве затрагивает развитие изобразительного искусства, где отмечается деятельность С. К. Ланзы (История Тувы, 2016).

При этом еще не было специальных исследований, связанных с проблемами хранения, экспонирования творчества С. К. Ланзы, основная часть которого хранится в Национальном музее Тувы. Деятельность музея направлена не только на хранение и представление работ, но и на их изучение, на полноценное функционирование в культурной жизни республики.

Соответственно поставленной цели, будут решаться следующие задачи: анализ особенностей творчества С. К. Ланзы и его вклада в развитие изобразительного искусства Тувы; истории комплектования коллекции исторической живописи Ланзы в Национальном музее Тувы; определение вклада музея в сохранении художественного наследия Тувы.

Источниковой базой исследования являются книги поступления (далее — КП) музейных предметов основного фонда¹, а также акты закупочной комиссии музея², расходные фактуры³, приказы министерства культуры Тувинской АССР, личные документы С. К. Ланзы⁴ из фонда документально-письменных источников музея, среди которых отчетный доклад правления Союза Художников Тувинской АССР на III съезде СХ Тувинской АССР за период с 3 августа 1971 по 2 августа 1974 г., а также протокол расширенного заседания правления Союза художников Тувинской АССР 29 июля 1974 г.

Биография Сергея Ланзы и его вклад в развитие изобразительного искусства Тувы

С. К. Ланзы родился 3 ноября 1927 г. в семье простого тувинского арата в местечке Чангыс-Шиви Тес-Хемского кожууна. Мать Ланзы — Бадыргын Сиржинмаа Ашак-оол — была известна как народная сказительница. С раннего детства Ланзы из ее уст внимал легенды, сказки и предания тувинского народа. Несомненно, ее рассказы оставили яркие впечатления у любопытного мальчика, и впоследствии стали одним из важнейших источников творческого вдохновения художника.

Школьные годы С. К. Ланзы прошли в самагалтайской школе. Учась еще в начальных классах, мальчик уже проявлял большой интерес к рисованию и отличался большими способностями (Хертек, 2017). В эти годы, а это было временем Тувинской Народной Республики (1921–1944 гг.), правительство было нацелено на поиск талантов в народе, становление народного образования, развитие культурно-просветительской деятельности, изобразительного искусства и в целом народного творчества (Червонная, 1995: 22). Таким найденным талантом стал маленький Ланзы. Среднюю школу он заканчивал уже в Кызыле. Ему посчастливилось учиться на уроках рисования у знаменитого художника Василия Демина. Именно на его уроках Сергей Ланзы познакомился с изобразительным искусством, а Василий Демин разглядел в тес-хемском мальчике дарование.

В 1944 г. Ланзы, как одаренного тувинского художника, министерство просвещения ТНР отправляет на учебу в Свердловское художественное училище. Спустя некоторое время он переводится в Казанское художественное училище. В этом образовательном учреждении он не только учится рисовать, но и осваивает педагогические науки, получая специальность учителя рисования и художника театра (История Тувы, 2016: 158).

После окончания училища в 1949 г. Ланзы вернулся в Кызыл и устроился главным художником в Тувинский музыкально-драматический театр. В 1953 г. он продолжил совершенствовать свое профессиональное мастерство — поступил в Ленинградский (сегодня — Санкт-Петербургский) государственный институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина — в старейшее художественное учебное заведение страны, которое готовит выдающихся деятелей искусства, получивших мировую известность.

В институте Ланзы учился у лучших преподавателей живописи и рисунка М. Копейкина, Р. Френца, П. Белоусова, П. Иванова, Е. Моисеенко (История Тувы, 2016: 158). Постигал грамоту живописи, рос как

¹ Книги поступления музейных предметов основного фонда представляют собой внутренние отчетные документы, в которых фиксируется дата поступления предметов в музей, данные о том, в каком количестве и от кого поступили предметы, в каком состоянии, приобретены в дар либо выкуплены по определенной стоимости, каждому предмету присваивается порядковый номер. Хранятся в секторе учета Национального музея РТ.

² Акт закупочной комиссии Тувинского республиканского краеведческого музея отражает имена, должности членов комиссии из числа сотрудников музея, в составе которой было принято решение о приобретении и оплате предметов для музейного фонда.

³ Расходная фактура отражает решение министерства культуры Тувинской АССР отпустить со своего склада в музей предметы, закупленные ранее министерством.

⁴ Альбомы с фотографиями, газетными вырезками, каталогами «III съезд Союза Художников РСФСР», «III съезд Союза Художников Тувинской АССР».

профессионал. При этом он учился не только у мастеров-преподавателей, но и воспринимал опыт и знания художников полотен Эрмитажа и других крупных музеев, и галерей.

В 1960 г. в газете «Советская Россия» вышла небольшая статья, рассказывающая о большом подвиге сына кочевого народа в постижении европейских изящных наук: «Это было 20 лет назад. Сын бедного арата Сережа, одетый в белую овчинную шубу и мохнатую шапку, подолгу любовался репродукциями картин знаменитых русских художников Репина, Васнецова, Сурикова и других. Очень хотелось мальчику научиться писать картины. И вот, наконец, заветные мечты сбылись. Из далекой Тувы Сергей Ланзы едет учиться. В 1959 г. он заканчивает Ленинградскую академию художеств СССР. Теперь он первый художник тувинского народа» (Заметка о художнике, 1960: 7).

По приезду в Туву в 1959 г. уже началась его большая профессиональная деятельность. Художник открывает изостудию, начинает собирать профессиональное сообщество, образуя круг художников Тувинской Автономной области, объединенных изначально в филиал Красноярского отделения Союза художников РСФСР (Червоная, 1995: 48).

В 1964 г. произошло важнейшее событие в истории развития искусства в Туве — состоялся первый съезд тувинских художников, на котором присутствовало 73 чел. 10 из них были членами Союза художников СССР, 7 — резчиками по камню, что говорит о сильной школе традиционных видов искусства в Туве в сравнении с академическими европейскими. Главным достижением состоявшегося съезда считается создание собственного творческого объединения — Союза художников Тувинской АССР в 1965 г., который концентрировал весь творческий потенциал Тувы в единое целое и являлся отделением Союза художников РСФСР. С инициативой создания творческого союза тогда выступили известные художники В. Ф. Демин и С. К. Ланзы. (Троякова, 2013: 54). С. К. Ланзы возглавлял организацию до самой своей смерти.

Так, 1965 г. стал ключевым в развитии изобразительного искусства Тувы. Союз художников отныне — это главная выставочная площадка, цех по обучению и продвижению тувинских художников не только по своей малой Родине, но и на просторах СССР и за рубежом. С этого момента начинается повсеместное привлечение одаренных и талантливых резчиков, живописцев к участию в жизни Союза художников и в проводимых выставках.

Именно правление Союза художников под председательством Сергея Ланзы было заинтересовано в привлечении новых кадров, повышении профессионального уровня всех видов искусства, в выставочном движении (там же: 55). Соответственно, важным достижением Союза художников Тувы можно назвать открытие в 1967 г. художественного отделения в Кызылском музыкальном училище, благодаря чему он стал называться Кызылским училищем искусств. Первыми учителями художественного отделения стали сами первые профессиональные художники Тувы: С. Ланзы, молодые графики и живописцы И. Салчак, Ю. Деев, О. Ондар-оол, Т. Ондар и др. Ежегодно училище готовило 7–8 выпускников, которые далее учились в художественных вузах страны (Червоная, 1995: 49) и вступали в ряды Союза художников СССР.

В 1970-е годы в составе Союза художников Тувинской АССР насчитывалось 17 членов организации, и тувинских, и русских художников, 11 человек были кандидаты в зачисление в Союз. Вся организационная и творческая деятельность Союза приводилась согласно плану и согласовывалась с местными партийными и советскими организациями. Главное внимание правления Союза художников было направлено на проведение художественных выставок, творческий рост членов союза, улучшение деятельности Тувинского отделения художественного фонда РСФСР.

С 1965 по 1977 г. значительно расширилась выставочная деятельность. Она стала одной из основных форм работы Союза художников по популяризации изобразительного искусства Тувы. Художники стали активно участвовать в республиканских, зональных и всесоюзных выставках. За этот период Союзом художников было организовано 24 различные выставки. Новым витком выставочной деятельности стала организация совместных выставок с соседними областями и республиками. За это время Союз художников Тувы во главе с председателем С. К. Ланзы организовали такие республиканские выставки: художественная выставка произведений молодых художников и мастеров прикладного искусства в 1972–1973 гг., художественная выставка «Всегда начеку», посвященная 55-летию советской милиции, выставка «Наш современник», юбилейная выставка, посвященная 50-летию образования СССР, выставка «Акварели» в 1973 г., художественная выставка, посвященная 50-летию народной революции в Туве в 1971 г. Эти выставки стали своеобразным отчетом, с которыми выступали художники и мастера декоративно-прикладного искусства Союза художников (КП 8061/30 ДПФ).

Помимо республиканских выставок, художники принимали участие в крупных всесоюзных и зональных выставках, например, в выставке 16 автономных республик РСФСР в г. Москве в 1971 г., выс-

тавке произведений художников Урала, Сибири и Дальнего Востока в г. Москве в 1971 г., республиканской выставке РСФСР «По родной стране» (1974 г.), всесоюзной выставке «Всегда начеку» (1977 г.), зональных выставках «Сибирь социалистическая» с 1969 г. и по сей день.

Благодаря участию в таких крупных выставках работы художников были приобретены дирекциями выставок Министерства культуры Тувинской АССР, Министерства культуры РСФСР и Союзом художников РСФСР. С тех пор работы художников Тувы хранятся в фондах художественных музеев и галерей многих городов России (КП 8061/30 ДПФ).

Под руководством С. К. Ланзы стало возможным участие камнерезов и мастеров декоративно-прикладного искусства в зарубежных выставках, где часть их произведений была приобретена и теперь хранятся в собраниях зарубежных музеев мира. В каталоге «Выставка произведений тувинских художников Тувинской АССР» 1976 г. (Ланзы, 1970: 6) отмечается, что благодаря качественному и количественному росту деятельности Союза художников Тувинской АССР стало возможным участие тувинских работ в выставках в Японии, Швеции и США, а также в Монголии.

За 12 лет деятельности в профессиональном союзе С. К. Ланзы и его коллегам удалось совершить огромный скачок как в развитии изобразительного искусства в Туве, так и в его организации. За этот период художественная культура Тувы вышла на новый профессиональный уровень: художники участвовали во всесоюзных и международных выставках, были созданы творческие мастерские, детская художественная школа, целое художественное отделение в Кызылском колледже искусств, ставшая кузницей кадров для многих современных художников. Традиции художественной школы Ланзы передаются по сей день, но уже не в таких масштабах.

Историческая живопись в картинах Сергея Ланзы

С. М. Червонная отмечает, что Ланзы можно охарактеризовать, как живописца исторического жанра. При этом она выделяет в его исторических полотнах черты драматической приподнятости и романтизма. Этот жанр занимает ведущее место в творчестве художника. Кроме того, в его коллекции встречаются натюрморты, портреты, пейзажи, бытовые сцены, а также картины, отражающие социалистическое строительство Тувы (Червонная, 1978: 45).

Исторические события, героические подвиги оказались в центре тувинской живописи с момента ее зарождения как профессионального вида деятельности, со второй половины 1940-х гг. До конца 1950-х гг. эта тенденция сохранялась, но довольно скоро исторические полотна превратились в официозно-парадные, сухие, где-то фальшивые, как пишет Червонная, получившие название «лакировка действительности» (Червонная, 1995: 66). Изменить эту не лучшую тенденцию в жанре исторической картины удалось именно первому профессиональному живописцу Тувы С. К. Ланзы.

Начиная со своей выпускной (при окончании ленинградского вуза) работы 1959 г. «К партизанам», он возвращает жанру его эмоциональную искреннюю глубину и историческую подлинность, художественную убедительность. Закрепляет этот результат он полотном «Праздник воссоединения с Россией» (1967). В целом его художественный стиль и предпочтение сюжетов, к которым он обращается, обогащают всю тувинскую тематическую живопись, ее диапазон. Особое внимание он уделяет партизанскому движению 1919–1921 гг. (Червонная, 1978: 46).

Другая значимая для него тема — борьба тувинцев против феодального гнета Маньчжурской династии Цин, вылившаяся в восстание 60 богатырей. С. К. Ланзы интерпретирует эту тему в целой серии полотен. Опыт работы художником-постановщиком в театре помогает ему передать драматичность момента, превратить действие картины в сцену, освещенную софитами. Особенно заметно это в картине «Допрос 60 богатырей» (*фото 1*).

Здесь мы наблюдаем напряженное противостояние двух волей: нойонов, палачей против пленных мятежников. Атмосфера накалена, очевидно противоборство сторон, раскрыт драматизм исторического события (там же: 45). Картина — дань уважения историческому символу борьбы за свободу своего народа от любой формы угнетения. Неспроста избран момент допроса. Пленники ожидают казни, но на холсте застыл момент борьбы. Сорванная одежда с гордо выпяченной груди повстанца — это композиционный центр, притягивающий взгляд, несмотря на то, что пленники стоят на коленях, а на плечах колодки. Их дело не умрет после жестокой расправы с ними, а только разгорится и навеки сохранится в памяти народа. Таким образом, автор запечатлел не побежденных аратов, а настоящих героев. Ланзы отказался изобразить саму казнь на этой картине, ведь она бы вызвала чувство сострадания к судьбе поверженных борцов, ощущения потери и безысходности.

Фото 1. Картина С. К. Ланзы «Допрос 60 богатырей», 1958 г. Холст, масло. Фото В. Монгуш, 2019 г.
Photo 1. S. K. Lantzy's "The interrogation of 60 maadyr" (1958). Oils on canvas. Photo by V. Mongush, 2019.

Несомненно, на творчество Ланзы повлияли его время, идеалы и мастера. Как отмечает Б. Р. Виппер, в Советские годы исторический жанр переживал настоящее возрождение. Главное внимание уделялось человеку, народу, общественным интересам, героизму, трагедии народного бунтарства, как у Сурикова, трагизму исторической личности, как у Репина (Виппер, 2010: 258). Virtuозы русского реализма и исторической живописи второй половины XIX-го, начала XX вв. — В. И. Суриков, И. Е. Репин, В. М. Васнецов и др. — существенно повлияли на развитие искусства.

Прирожденный исторический живописец В. И. Суриков в 1868 г. проделал путешествие из XVI века в XIX-й, когда отправился на учебу из Сибири через Москву в Петербург (Алленов, Евангулова, Плугин, 1989: 262). Подобное путешествие во времени в 1959 г. совершил и Сергей Ланзы. Первая крупная работа Сурикова «Утро стрелецкой казни» (1881) повествует о трагическом историческом сюжете — стрелецком бунте 1698 г. Ланзы в «Допросе 60 богатырей» фактически повторил приемы В. И. Сурикова. В картине Сурикова столкнулись две непримиримые стороны: взбунтовавшиеся стрельцы и молодой Петр. Можно наблюдать последние мгновения жизни мятежников, общее настроение толпы. Все говорит о неотвратимости сурового наказания. Стрельцы осознают, что их бой проигран, то есть проиграно нечто большее, чем их жизни. Как пояснял сам художник, автор отказался от изображения свершившейся казни, чтобы запечатлеть торжественность последних минут перед казнью (Алленов, Евангулова, Плугин, 1989: 263). Суриков не раз после этого возвращался к приему противостояния сторон и конфликту в картинах, и он стал характерной чертой его творчества.

Ланзы, как и Суриков, прошел путь творческого развития, оказавшись первым тувинским живописцем, добившимся успеха в реалистической живописи исторического жанра. Это позволило ему диктовать тенденции развития искусства в Туве.

Как и на любого другого художника, на Ланзы повлияла сама социальная ситуация. Вторая половина XIX века и первая половина XX века — время неспокойное, время революций, войн, восстаний. Автор сам жил в годы Великой Отечественной войны, переживал его тяготы, поэтому мог обращаться в своем творчестве не только к теме Великой Отечественной, но и к Гражданской войне 1918–1921 гг., и к восстанию 60 богатырей. В условиях возрождения популярности исторического жанра в советские годы, Ланзы привносит в свои исторические картины новые черты, тем самым выступая новатором среди

Фото 2. Картина С. К. Ланзы «Песнь о свободе», 1957 г. Холст, масло. Фото В. Монгуш, 2019 г.
Photo 2. S. K. Lanzhy's «The Song of Freedom» (1957). Oils on canvas. Photo by V. Mongush, 2019.

художественной интеллигенции Тувы. При этом, сюжет у Ланзы оживляется, он старается передать глубокие эмоции и чувства людей, что позволяет усматривать в его творчестве черты романтизма.

С. Ходж определяет романтизм, как художественное, а также интеллектуальное, литературное направление, возникшее в начале 1800-х гг. в Европе, в основе которого лежит сильный интерес к эмоциям. Особое внимание представители романтизма уделяли воображению, сильным душевным переживаниям, превосходству эмоций над логикой, интуиции над интеллектом (Hodge, 2017: 26). Художники отвергали рациональность и беспристрастность. Самый яркий пример живописи романтизма — «Свобода, ведущая народ» (1830) кисти Э. Делакруа.

Романтизм проявился и в полотнах Ланзы. Возможно, благодаря его опыту работы театральным декоратором, в театре он узнал о силе драматургии и сценической режиссуры. «Допрос 60 богатырей», несколько вариантов картины «Восстание 60 богатырей», «Мрачное прошлое», а также «Песнь о свободе» (фото 2) не просто иллюстрируют конкретные события прошлого, а показывают отношение автора к этому прошлому. Ланзы восхваляет храбрость восставших богатырей, его картины вызывают эмоции, чувство сопереживания и гордости.

«Песнь о свободе» даже своим названием воспеваает образ свободы, который символизирует подвиг восставших. Около юрты вокруг костра собрались араты-мятежники, слушают мелодию игила — национального музыкального инструмента, женщина готовит ужин в большом котле для мужчин. Сюжет не изображает батальную сцену или сцены схватки в плен, не отображено конкретное событие. Перед нами фантазия художника на тему исторического прошлого, показывающая паузу между столкновениями, минуту отдыха, наполненную надеждами, мечтами о победе и свободе.

Такой же прием автор использует в картине «К партизанам» (1959) (фото 3), которая была написана в Ленинграде под руководством наставника Е. Е. Моисеенко. Девушка с ребенком на руках провожает молодого всадника в долгий путь на сражение с китайскими захватчиками. На фоне ковыльных сухих степей Тувы, синих далеких вершин родной дом также видно, что покидают дома на лошадях другие добровольцы партизанского движения. Червонная отмечает, именно эта картина со всей очевидностью вносит во всю тувинскую живопись нотки романтизма (Червонная, 1995: 67). Здесь Ланзы снова не связывает сюжет с конкретным событием. Он интерпретирует партизанское движение в лирическом ключе, наполняя картину переживаниями о предстоящем, стараясь вызвать сильные эмоции у зрителя.

Фото 3. Картина С. К. Ланзы «К партизанам», 1959 г. Холст, масло. Фото В. Монгуш, 2019 г.
Photo 3. S. K. Lanzy's "To the partisans" (1959). Oils on canvas. Photo by V. Mongush, 2019.

Говоря о творчестве С. К. Ланзы в целом, нельзя не упомянуть, что вся его живопись испытала влияние идеологии, вобрала в себя черты соцреализма, художественного метода, распространившегося в искусстве СССР и других социалистических стран.

Приход к власти в Тувинской Народной Республике выпускника Коммунистического университета трудящихся Востока С. К. Тока существенно изменил внешнеполитический и внутривнутриполитический курс страны. Все устремления тувинского правительства теперь были обращены к СССР. После вступления Тувы в состав РСФСР в качестве автономной области культура Тувы продолжила испытывать сильнейшее влияние большевистской политики под контролем и цензурой Коммунистической партии (Кужугет, 2016: 224).

Принципы соцреализма проявляются в картинах Ланзы тем, что идеи, которые автор хочет донести, просты и понятны. Восхваляется социалистическое строительство, стремление к светлому будущему. В коллекции Ланзы есть полотна «Строительство комбината Хову-Аксы» (1967), «Асбестный карьер» (1969), «Современная Тува» (1976), «Портрет Л. И. Брежнева с Ю. Цеденбалом» (год не известен), «Портрет Салчак Тока» (1972), «Новоселье» (год не известен). Конкретность, прямолинейность живописи соцреализма исключает скрытые символы, абстрактность. В картинах Ланзы не найти метафорических образов, абстрактных символов или какой-то тайны. Он отображает реальность. Об этом прямо говорилось на отчетном докладе правления Союза художников Тувинской АССР на III съезде Союза художников Тувинской АССР за период с 3 августа 1971 г. по 2 августа 1974 г., который зачитывал Председатель Союза художников Тувинской АССР С. К. Ланзы (КП 8061/30). В речи Ланзы ярко обозначена мотивация художников советской эпохи: «Программа развития социалистического искусства неотделима от стремлений советских людей» (там же).

Ланзы вдохновлял художников: «Каждый советский художник, где бы он не работал — в Кызыле или далекой Бай-Тайге — должен ясно сознавать свою личную ответственность в масштабе всей художественной культуры человечества. Советские люди ждут от нас вдохновенных произведений о нашей социалистической действительности, о героическом подвиге советского человека-созидателя. Высокое призвание художника — убедительно ярко показать героя нашего времени — передовика производства и культуры, своим трудом приближающего победу коммунизма в нашей стране. Мы,

художники советской Тувы, идем вперед к сияющим вершинам коммунизма вместе с партией и народом. Мы полны решимости отдать свое вдохновение, свое мастерство благородному делу служения великой Родине — Союзу Советских социалистических республик» (КП 8061/30); «В мире борьбы социализма с капитализмом, мы, художники — часть этой борьбы» (там же).

Таким образом, Ланзы сам служил стране и призывал это делать коллег. В творческих поисках он обращался к опыту известных художников. Демонстрируя черты романтизма, он преуспел в жанре исторической живописи, и создавал полотна с помощью метода социалистического реализма.

Комплектование фондов музея

Первые картины С. К. Ланзы начали поступать в фонды Тувинского краеведческого музея в 1940-х годах. Так, первые записи о наличии картин художника значатся в проверочном акте от 17 сентября 1948 года¹. В это время музей хранил 7 картин тувинского художника: «Привитие от оспы», «Зимой», «Девушка», «Аратка», «Птицеловы», «Перспектива», и панно «Парад у Обкома». Известен только год создания картины «Девушка» — 1957 г. К сожалению, не известно, как эти картины поступали в музей, так как отсутствуют акты приема предметов: не имеется данных о сдатчике, легенде, дате поступления.

В 1949 г. в акте приема и передачи предметов от сотрудника Павленко к Зубовой добавилось 4 картины от художника Ланзы: «Дом Правительства», «Лучшая животноводка», «Восстание 60 богатырей» и незаконченная картина Ланзы, название которой в акте не упоминается. Позже в этом же году в отдел истории поступает еще одна картина «После восстания». Акт приема работ на эти картины также отсутствует, и можно предположить, что картины были закуплены музеем у художника².

Два исторических полотна «Восстание 60 богатырей» и «После восстания» были музеем крайне важны, так как в плане второго полугодия отдела истории тувинского музея за 1948 г. была поставлена цель создать выставку о восстании 60 богатырей, посвященную национально-освободительной революции³. В плане значилось несколько мероприятий для раскрытия этой темы, одной из которых было создание рисунков, основной темой которой было изображение пыток аратов. В связи с этим в музей в это время поступило несколько работ на тему восстания 60 богатырей. Две картины поступили от Ланзы, еще три — от художника Всеволода Тас-оола, а именно: картины «Восстание 60 богатырей», «Расправа над 60 богатырями», «Избиение арата».

Дальнейшее комплектование коллекции С. К. Ланзы было активным с 1950-х гг. В 1953 г. тувинский областной музей покупает у художника две картины «Взойдет солнце» и портрет Г. М. Маленкова. По акту приема работ картина «Взойдет солнце», рассказывающая о расправе после восстания 60 богатырей была закуплена у автора за 700 рублей. Портрет Маленкова в свою очередь музей приобрел за 300 рублей. Эти работы вошли в экспозицию отдела истории.

В 1950-х годах структура музея состояла из трех отделов: отдел истории, отдел природы и отдел соцстроительства. Последний в октябре 1950 г. был переименован в отдел советского периода⁴. Интересно то, что в отделе соцстроительства существовало подразделение живописи, которое в актах передачи и отчетах значится как отдел живописи. Данное подразделение занималось экспонированием картин западноевропейских и российских художников XVII–XIX вв., и картин художников В. Демина, Г. Суздальцева, В. Тас-оола, Н. Рушева, Л. Афанасьева. Всего около 60 картин. Отдел истории и отдел природы также хранили картины, но они, имевшие историческую тематику и бывшие в основном панорамами и пейзажами, не относились к отделу живописи. Это говорит о том, что к 1950 г. в тувинском областном музее еще не было цели сформировать полноценную художественную коллекцию, а картины служили лишь иллюстрацией. Исключение составляют шедевры из Государственного Эрмитажа и Русского музея. Это были особенности комплектования фондов тувинского музея тех лет, цели которой были подчинены социалистической направленности. Тем не менее в музей продолжали поступать картины тувинских и русских художников, которые тесно сотрудничали между собой.

В 1954 г. Ланзы сдает в музей один эскиз «Новый быт» и картину «Переселение» (годы не известны). Комиссия в составе музейных сотрудников оценивают его две работы в 500 рублей. «Переселение» — это полотно, абсолютно точно передающее дух того времени, когда тувинцы отходят от старого быта и принимают новый образ жизни.

¹ Проверочный акт от 17 сентября 1948 г. НМ РТ, сектор учета, П-02-06, дело № 1.

² Акт приема и передачи предметов на ответственное хранение 1949 г. НМ РТ, сектор учета, П-02-06, дело № 1.

³ НМ РТ. Фонд № 1, опись № 1, дело № 1.

⁴ НМ РТ. Фонд № 1, опись № 1, дело № 1.

Это время в музейной деятельности в Туве можно отнести к периоду, когда содержание его деятельности было полностью посвящено целям и задачам агитационно-пропагандистской работы, и в какой-то степени музей можно было считать идеологическим учреждением (Дыртык-оол, 2007: 55).

Важным приобретением для музея в 1959 г. становятся две картины С. К. Ланзы, имеющие историческую тематику и занимающие значительное место в его творчестве: «Песнь о свободе» (1957 г.), «Приезд партизан» (1957 г.). Два полотна были закуплены с областной выставки для экспозиции музея за 5 и 3 тыс. рублей. Эти полотна становятся знаковыми в его творчестве и отличают его как жанрового художника¹.

Документы, свидетельствующие о планомерной закупке Министерством культуры Тувинской АССР произведений искусства камнерезов и художников для экспозиций музея, датируются примерно с этого периода, когда в актах приема работ появляются расходные фактуры, говорящие о закупках с областных и республиканских выставок.

С 1960-х гг., после окончания Ланзы Института им. Репина начинается плодотворная работа художника и музея. Начинают поступать в музей и картины молодых тувинских художников.

В 1962 г. художественный совет рекомендовал музею закупить у художника Ланзы портрет Сергея Сереккея — первого министра здравоохранения Тувы. Он был также куплен музеем за 50 рублей. В этом же году музей покупает у Демина его знаменитые агитационные плакаты времен Великой Отечественной войны.

Такая активность объясняется тем, что в это время Ланзы, уже став профессиональным художником, открыл изостудию, тем самым аккумулируя работу местных художников. С 1965 г. открывается тувинское отделение Союза художников Тувы и деятельность музея стала тесно связанной с работой местного Союза художников. Они организуют совместные выставки, которые становятся одним из важнейших источников поступления в музей живописных и графических работ художников.

В эти годы фонд музея активно пополняется не только работами местных художников, но и авторов из Советского Союза. В 1960-е гг. политику в области музейного дела определяли партийные органы, которые в свою очередь диктовали политику формирования фондов (Федотова, 2014: 142). Тувинская АССР не была исключением. В фондах музеев существует проект письма Х. Анчимаа-Тока, заместителя председателя облисполкома Тувинской АССР, которая ходатайствовала в Министерство культуры РСФСР о выделении музею нескольких произведений советской живописи при распределении картин с выставки «Советская Россия» в связи с 15-летием Советской Тувы и для создания отдела советской живописи в музее. В письме она обозначает, что в музей с Межобластной Всесоюзной выставки 1957 г. Министерство культуры РСФСР выделило только 3 картины советских художников. Таким образом, советская живопись представлена неполно².

В свою очередь Дирекция Художественных фондов и проектирования памятников, созданная при министерстве культуры РСФСР, 25 февраля 1961 г. отвечает положительным ответом и направляет в Тувинский областной музей 110 живописных работ, 40 скульптур и 41 графическую работу³. С этим учреждением Союз художников Тувы будет сотрудничать еще долгие годы.

1960-е гг. для тувинского областного музея стали временем формирования самостоятельной художественной коллекции, которая до сих пор вызывает большой интерес исследователей и посетителей музея.

В 1968 г. с заявкой о разрешении на ознакомление с коллекцией тувинской живописи в музей обращалась уже упоминавшаяся доктор искусствоведения С. Червонная⁴. В это время она приступила к труду «Художники Республики Тыва». Данная монография по сей день является главным искусствоведческим трудом в Туве (Червонная, 1995).

В 1970-е годы благодаря поддержке Союза художников в Туве растет новое поколение советских творческих деятелей. Это время расцвета художественной изобразительной деятельности в Туве — «золотой век» изобразительного и декоративно-прикладного искусства Тувы. Появляются новые имена, старые художники совершенствуют свое мастерство, в целом активно развивается творческая деятельность в Туве. Этому расцвету во многом способствует председатель Союза художников Тувы С. К. Ланзы. После многочисленных выставок в музей поступают его полотна, целенаправленно закупаемые Министерством культуры Тувинской АССР.

¹ Расходная фактура МК Тув. АССР от 19 ноября 1959 г. НМ РТ, сектор учета, П-02-06 (2), дело № 1.

² Проект письма. Хертек Анчимаа Тока. 1961 г. НМ РТ, сектор учета, П-02-06 (3), дело № 4.

³ Приказ Министерства культуры РСФСР № 123 от 24 февраля 1961 года. Акт № 110-ж Дирекции художественных фондов и проектированию памятников. НМ РТ, сектор учета, П-02-06 (3), дело № 4.

⁴ Заявка от С.М. Червонной от 28 октября 1968 г. НМ РТ, сектор учета, П-02-06 (3), дело № 3.

В 1975 г. после очередной выставки Министерство культуры по расходной фактуре передает в тувинский музей 5 картин авторства Сергея Ланзы. Все 5 картин художника обходятся музеем в 1 050 руб. Это такие картины, как «Улуг-Хем», «Панорама Кызыла», «Аржан», «Дары природы», «Портрет Чымба» (годы не известны). Таким же образом 4 августа 1976 г. в музей поступает картина Ланзы «Портрет Л. И. Брежнева с Ю. Цыденбалом» вместе с работами других знаменитых уже в то время художников Г. Торлука, Т. Левертовской, Ю. Деева, Ю. Курского, И. Салчака¹.

1977 г., по данным книги поступлений, стал годом, когда в музей поступило наибольшее количество картин от художников Тувы. Произведений разных авторов насчитывается 72 картины. Среди картин есть известные полотна Сергея Ланзы². Поступившие в этом году картины Ланзы в основном выполнены в историческом жанре. «Мрачное прошлое» (год не известен) — картина, продолжающая тему восстания 60 богатырей 1883–1886 гг. Картины «Встреча партизан» и «К партизанам» (1959 г.) рассказывает о гражданской войне 1919–1921 гг.

К сожалению, в фондовой документации Национального музея отсутствует акты приема картин за 1977 г., поэтому затруднительно указать датчика и время поступления картин. Акт приема картин либо расходная фактура от Министерства культуры Тувинской АССР во многом пояснили бы такое большое поступление картин в фонды Национального музея.

После смерти Сергея Ланзы в 1977 г., в фонды музея его картины поступают через его дочь Елену. В 1985 г. она сдает три произведения искусства тувинского художника: «Портрет Салчака Тока» (1972 г.), «Совещание представителей двух Хемчикских кожуунов» (1974 г.), «Портрет ветерана Великой отечественной войны Доватора Г. Д.» (год не известен). Эти картины музейная комиссия оценивает в 1000 руб. и приобретает в фонд музея³. Наследница Сергея Ланзы становится единственным источником поступления картин Ланзы в фонды музея после его смерти. В 1995 г. она сдает шесть работ художника: «Шалаш Ленина» (1970), «Портрет А. Чыргал-оола» (1974), «Натюрморт с корзинкой» (год не известен), «Портрет О. Лопсанчапа» (1966), «Портрет добровольца-фронтовика Таржаа Д. Х.» (1974), «Портрет девушки» (1957).

Немного позже в фонды поступают еще 4 картины Ланзы от его дочери. Это картины «Кызыл даг» (1976), «Кара даг» (1976), «Портрет жены» (год не известен) и «Мужчина в русском костюме» (1955).

Последние поступления картин Ланзы были в 2010 и 2012 гг. Это портреты тувинских писателей О. Сагаан-оола и С. Пюрбю (годы не известны).

В 1980-х и 2000-х годах в фонды планомерно поступали картины других художников Тувы. В основном картины передавались в музей традиционно после выставок по решению выставкома. В 1984 г. после выставки «Земля и люди» творческой группы Союза художников СССР в Туве в музей поступило 28 картин⁴. Следующее крупное поступление в музей было в 1994 г. 5 августа состоялось заседание выставкома Союза художников Республики Тыва и Государственного музейно-выставочного центра «РОСИЗО» Министерства культуры РФ. На этом заседании были рассмотрены работы, представленные Союзом художников РТ для музея.

Формирование фонда «Живопись. Графика». Проблемы сохранности и экспонирования

Так, постепенно формировался фонд живописи и графики Национального музея Тувы. На сегодняшний день все произведения искусства разделены на два фонда: «Декоративно прикладное искусство» и «Живописи и графики».

Несмотря на столь большую историю пополнения фондов музея картинами — с 1929 г. — учреждение долгое время не имело специализированных помещений и условий для их хранения. Некоторые картины со временем приходили в негодность, и они списывались по решению комиссии. Таким образом были списаны две картины Ланзы, которые пришли в негодность, а возможно были утеряны. В 1956 г. по ордеру № 867 Министерства культуры РСФСР две картины «Улица зимой» и «Привитие от оспы» были списаны как пришедшие в негодность и потерявшие экспозиционный вид⁵. Некоторые картины, выданные на выставки в 1950-х гг., не возвращались и считаются утерянными.

¹ Расходная фактура МК Тув АССР № 269 от 30 декабря 1975 г. НМ РТ, сектор учета, П-02-06 (4), дело № 6.

² Книга поступления № 7. НМ РТ, сектор учета.

³ Акт закупочной комиссии от 19 декабря 1985 г. НМ РТ, сектор учета, П-02-06 (5), дело № 9.

⁴ Протокол № 20 МК Тув. АССР от 1984 г. НМРТ, сектор учета, П-02-06 (5), дело № 7.

⁵ Ордер № 867 Министерства культуры РСФСР от 1956 г. НМРТ, сектор учета, П-02-06 (1), дело № 4.

В целом состояние картин удовлетворительное, но необходима расчистка картин. В описи картин С. К. Ланзы указана текущая сохранность полотен и, к сожалению, каждая картина имеет определенные проблемы: загрязнения и царапины. Фонд живописи и графики музея долгое время не был оборудован достаточным количеством специального инвентаря. Вместе с тем, после переезда музея в 2007 г. в новое здание (по ул. Титова д. 30), условия для хранения, экспонирования картин живописного фонда улучшились.

На данный момент в залах Национального музея Тувы экспонируется временная выставка тувинской живописи. При этом Национальный музей остается единственной площадкой для выставления работ художников Тувы и единственным хранилищем живописного наследия республики. О создании художественной галереи в г. Кызыле говорилось еще на III съезде Союза художников Тувинской АССР в 1974 г. (КП 8061/30 ДПФ), и до сих пор этот вопрос так и не решен.

Заключение

С. К. Ланзы сыграл ключевую роль в формировании и развитии изобразительного искусства в Туве, а также в вопросах ее сохранности, поскольку его деятельность привела к значительному пополнению фондов главного музея Тувы картин художников республики.

Его собственное художественное наследие представляет большую ценность наравне с шедеврами мирового искусства, хранящимися в фондах музея. На сегодняшний день фонд «Живопись и графика» насчитывает 77 единиц хранения под авторством С. К. Ланзы, из них около 60 полотен принадлежат жанру исторической живописи и являются монументальными полотнами тувинского изобразительного искусства.

Полотна Ланзы позволяют сохранить историческую память народа о героических подвигах, а также его отношение, взгляд на осмысление событий прошлого, трансформирует его в легенды и мифы, где восхваляются свобода, подвиги героев, самобытная культура тувинцев. Тем самым, коллекция его работ является культурным достоянием Республики Тыва.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алленов, М. М., Евангулова, О. С., Плугин В. А. (1989) История русского и советского искусства. М. : Высшая школа. 448 с.
- Виппер, Б. Р. (2010) Введение в историческое изучение искусства. М. : Изобразительное искусство. 286 с.
- Дыртык-оол, А. О. (2007) История музейного дела в Туве (1920–1940-е годы). Кызыл : КЦО «Аныяк». 84 с.
- Заметка о художнике (1960) // Советская Россия. № 296 (1365). С. 7.
- История Тувы (2016) / под ред. Н. М. Моллерова. Новосибирск : Наука. Т. III. 455 с.
- Кужугет, А. К. (2004) Культура и искусство ТНР // Ученые записки ТИГИ. Вып. XX. Кызыл : Тув. книжн. изд-во. С. 192–213.
- Кужугет, А. К. (2016) Духовная культура тувинцев: структура и трансформация. Красноярск : Офсет. 246 с.
- Ланзы, С. К. (1970) Выставка произведений художников Тувинской АССР. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 14 с.
- Троякова, Ю. К. (2013) Союз художников Тувы в 1965–1970-е гг.: к истории образования // Историческая и социально-образовательная мысль. № 3 (19). С. 53–57.
- Федотова, А. А. (2014) Основные источники и направления комплектования фондов провинциальных художественных музеев России во второй половине XX века // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. № 3 (20). С. 140–145.
- Хертек, А. С. (2017) Певец родного края // Тувинская правда. № 138. 16 декабря. С. 4.
- Червоная, С. М. (1978) Живопись в автономных республиках РСФСР (1917–1977). М. : Искусство. 208 с.
- Червоная, С. М. (1995) Художники Республики Тыва. СПб. : Художник России. 184 с.
- Hodge, S. (2017) The Short Story of Art: A Pocket Guide to Key Movements, Works, Themes & Techniques. London : Laurens King Publishing. 224 p.

Дата поступления: 01.03.2019 г.

REFERENCES

- Allenov, M. M., Evangulova, O. S. and Plugin V. A. (1989) *Istoriia russkogo i sovetskogo iskusstva [A history of Russian and Soviet art]*. Moscow, Vysshiaia shkola. 448 p. (In Russ.).
- Vipper, B. R. (2010) *Vvedenie v istoricheskoe izuchenie iskusstva [An introduction to the historical study of art]*. Moscow, Izobrazitel'noe iskusstvo. 286 p. (In Russ.).
- Dyrtyk-ool, A. O. (2007). *Istoriia muzeinogo dela v Tuve (1920–1940-e gody) [A history of museum work in Tuva (1920s–1940s)]*. Kyzyl, KTsO «Anyiak». 84 p. (In Russ.).
- Zametka o khudozhnike [A note on the artist] (1960). *Sovetskaia Rossiia*, no. 296 (1365), p. 7. (In Russ.).
- Istoriia Tuvy [A History of Tuva]* (2016) : in 3 vols. Ed. by N. M. Mollerov. Novosibirsk, Nauka. Vol. 3. 455 p. (In Russ.).
- Kuzhuget, A. K. (2004) Kul'tura i iskusstvo TNR [Culture and art of People's Republic of Tuva]. *Uchenye zapiski TIGI*. Vol. XX. Kyzyl, Tuvan book publishing. Pp. 192–213. (In Russ.).
- Kuzhuget, A. K. (2016) *Dukhovnaia kul'tura tuvintsev: struktura i transformatsiia [Tuvan spiritual culture: structure and transformation]*. Krasnoiarsk, Ofset. 246 p. (In Russ.).
- Lanzy, S. K. (1970) *Vystavka proizvedenii khudozhnikov Tuvinskoi ASSR [An exhibition of works of Tuvan ASSR artists]*. Kyzyl, Tuvan book publishing. 14 p. (In Russ.).
- Troiakova, Iu. K. (2013) Soiuz khudozhnikov Tuvy v 1965–1970-e gg.: k istorii obrazovaniia [Union of Tuvan Artists in 1965–1970s: the history of foundation]. *Istoricheskaia i sotsial'no-obrazovatel'naia mysl'*, no. 3 (19), pp. 53–57. (In Russ.).
- Fedotova, A. A. (2014) Osnovnye istochniki i napravleniia komplektovaniia fondov provintsial'nykh khudozhestvennykh muzeev Rossii vo vtoroi polovine XX veka [The main sources and trends in acquisition at provincial art museums in Russia in the second half of the 20th century]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*, no. 3(20), pp. 140–145. (In Russ.).
- Khertek, A. S. (2017) Pevets rodnogo kraia [A voice of motherland]. *Tuvinskaia Pravda*, no. 138, 16 December, p. 4. (In Russ.).
- Chervonnaia, S. M. (1978) *Zhivopis' v avtonomnykh respublikakh RSFSR (1917–1977) [Painting in RSFSR's autonomous republics (1917–1977)]*. Moscow, Iskusstvo. 208 p. (In Russ.).
- Chervonnaia, S. M. (1995) *Khudozhniki Respubliki Tyva [The artists of the Republic of Tuva]*. St. Petersburg, Khudozhnik Rossii. 184 p. (In Russ.).
- Hodge, S. (2017) *The short story of art*. London, Laurens King Publishing. 224 p.

Submission date: 01.03.2019.

DOI: 10.25178/nit.2019.2.5

Графика Нади Рушевой в контексте экспозиционной деятельности Национального музея Тувы

Жанна Э. Айжы, Долаана Д. Бурбужеп

Национальный музей им. Алдан-Маадыр Республики Тыва, Российская Федерация

В статье рассматривается вопрос о состоянии коллекций графических рисунков Нади Рушевой в фондах Национального музея Республики Тыва, который является самым крупным обладателем произведений советской художницы в России. Проанализированы фондовая документация, архив семьи Рушевых и тематико-структурные планы персональных выставок художницы. На сегодня в основном фонде музея насчитывается 5380 единиц рисунков Н. Рушевой, образующие свыше 50 тематических разделов.

Сравниваются выставочные проекты художницы советской эпохи с настоящим периодом, а также коллекции Национального музея Республики Тыва и Государственного музея А. С. Пушкина, в котором сосредоточены свыше 3000 рисунков художницы. В качестве особенности коллекции графики Нади Рушевой в тувинском музее можно отметить тематическое разнообразие, которое позволяет проследить эволюцию становления художественного языка художницы.

Уделяется особое внимание интерпретации графики Нади Рушевой в выставочных проектах Национального музея Тувы. Ведь специфика графики художницы, связанная с юным возрастом и самой ее персоной, в контексте современной экспозиционно-выставочной деятельности является одним из главных приоритетных направлений музея. Международные и региональные персональные выставки, организованные Национальным музеем Республики Тыва, начиная с 1970-х годов по настоящее время, отражают постепенное изменение отношения к творчеству и персоне Нади Рушевой.

Ключевые слова: *Надя Рушева; графика; советская история; выставочная деятельность; экспозиция; семья Рушевых; Национальный музей Тувы*

Для цитирования:

Айжы Ж. Э., Бурбужеп Д. Д. Графика Нади Рушевой в контексте экспозиционной деятельности Национального музея Тувы [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2019, № 2. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/845> (дата обращения: дд.мм.гг.). DOI: 10.25178/nit.2019.2.5

Айжы Жанна Эдуардовна — старший научный сотрудник отдела культуры, искусства и религии Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Титова, д. 30. Тел.: +7 (394) 223-43-28. Эл. адрес: ayzhy94@mail.ru ORCID ID: 0000-0002-6217-2866

Бурбужеп Долаана Даш-ооловна — старший научный сотрудник отдела культуры, искусства и религии Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Титова, д. 30. Тел.: +7 (394) 223-43-28. Эл. адрес: dolaanaburbuzhep@mail.ru ORCID ID: 0000-0001-8633-7162

Ayzhy Zhanna Eduardovna, Senior research fellow, Department of culture, arts and religion, Aldan-Maadyr National Museum, Republic of Tuva. Postal address: 30 Titov St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (394) 223-43-28. E-mail: ayzhy94@mail.ru
Burbuzhep Dolaana Dash-oolovna, Senior research fellow, Department of culture, art and religion, Aldan-Maadyr National Museum, Republic of Tuva. Postal address: 30 Titov St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (394) 223-43-28. E-mail: dolaanaburbuzhep@mail.ru

Graphic art of Nadya Rusheva in the context of exhibition work at the National Museum of the Republic of Tuva

Zhanna E. Ayzhy, Dolaana D. Burbuzhep

Aldan-Maadyr National Museum of the Republic of Tuva, Russian Federation

The article deals with the state of Nadya Rusheva's sets of drawings in the collections of the National Museum of the Republic of Tuva, which is the largest holder of her works in Russia. We examine the fund documentation, the archive of the Rushevs and the thematic and structural plans of the artist's personal exhibitions. As of today, there are 5380 units of N. Rusheva's drawings forming over 50 thematic sections in the main collections of the museum.

The articles compare the Rusheva exhibitions held in the Soviet and present periods, as well as the collections of her drawings at the National Museum, Republic of Tuva and the State A.S. Pushkin Museum of Fine Arts which houses more than 3000 drawings by the artist. As a particular feature of Nadya Rusheva's collection of graphics in the Tuvan museum, we can note the thematic diversity that has allowed us to trace the evolution of the artist's creative language.

A special attention is paid to the interpretation of Nadya Rusheva's graphics in the exhibition projects hosted by the National Museum of Tuva. The stylistic specificity of Rusheva's graphic art associated with her young age and personality in the context of modern exhibition work has come to be seen as one of the main priorities of the museum. International and regional personal exhibitions organized by the National Museum of the Republic of Tuva from the 1970s to the present reflect a gradual change in public attitude to the work and person of Nadya Rusheva.

Keywords: Nadya Rusheva; graphic art; Soviet history, exhibition activities, exposition, Rushev family, National Museum of Republic of Tuva

For citation:

Ayzhy E. Zh. and Burbuzhep D. D. Graphic art of Nadya Rusheva in the context of exhibition work at the National Museum of the Republic of Tuva. *The New Research of Tuva*. 2019, no. 2 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/845> (access date ...). DOI: 10.25178/nit.2019.2.5

Введение

Графика Нади Рушевой (1952–1969) является уникальным явлением в художественной культуре СССР второй половины XX века. В советской и российской изобразительной практике нет более яркого примера признания исключительной одаренности ребенка, не получившего профильного художественного образования. Особый интерес к ее персоне доказывают 14 персональных выставок, проведенных в разных городах Советского Союза и ближнего зарубежья с 1964 по 1969 гг. Немногие художники в истории мирового искусства могут выделиться таким «ранним стартом».

После кончины художницы начинаются инициированные родителями юного дарования масштабные выставочные проекты, которые отражают принятие и одобрение ее творчества широкой общественностью. Еще при жизни художницы известные современники признавали ее гениальность. Восторженные эпитеты «девочка-планета», «Моцарт в живописи», «гениальная художница» прочно закрепились за нею (Ватагин, 1969: 111). Популярность художницы также была связана с активной позицией родителей, в частности, подвижничеством Николая Рушева. Он стал организатором первых персональных выставок дочери и после смерти художницы хранителем ее графического наследия (Рушев, 2012: 7). Родители Нади Рушевой передают ее рисунки в такие музеи как Государственный музей А. С. Пушкина, Государственный музей Л. Н. Толстого, Тувинский краеведческий музей, Мемориальный музей Нади Рушевой в московской школе №1466, где она училась (Усенко, 2007: 3).

На сегодняшний момент актуализацией наследия художницы занимаются вышеперечисленные музеи. В данной статье авторы уделяют внимание деятельности Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва (далее НМ РТ; до 1997 г. — Тувинский республиканский краеведческий музей им. 60-ти богатырей), который является одним из крупных обладателей художественного наследия

Н. Рушевой. Выставочная деятельность, посвященная творчеству художницы, в музее начинается с 1970-х гг. В особенности ведения экспозиционной деятельности музея по данной теме входит изучение научных концепций, тематико-структурных планов, отчетов и фотоматериалов знаковых выставок юной художницы. Еще одна особенность обусловлена тем, что Надя Рушева напрямую не связана с тувинским этническим искусством. Тем не менее, мы считаем, что творчество московской художницы неотъемлемо связано с культурой Тувы и является одним из его наивысших достижений, брендов — таких, как, например, горловое пение (хоомей) или камнерезное искусство. Поэтому вот уже 50 лет графическое наследие Н. Рушевой успешно представляется Национальным музеем Тувы посредством организации персональных выставок разных уровней.

Цель статьи — рассмотреть персональные выставки советской художницы Н. Рушевой в рамках выставочной и экспозиционной деятельности Национального музея Республики Тыва, в том числе на широком социокультурном фоне (Торопова, 2003: 6), а также в сопоставительном анализе коллекций рисунков музея с собранием произведений художницы из Государственного музея А. С. Пушкина. Источниками для работы выступили научные публикации по теме и документы Научного архива Национального музея Республики Тыва (НА НМ РТ).

История формирования коллекции рисунков

Еще в 1967 г. В. П. Ермолаев¹ в своем очерке для «Тувинской правды» отмечал художественные успехи и выразил необходимость представления творчества Нади Рушевой в Туве (Ермолаев, 1967: 3). В Тувинском республиканском краеведческом музее первые рисунки художницы в количестве 69 единиц появились в 1971 и 1978 гг. В перечне поступлений указано, что в музейный фонд поступили графические работы, нарисованные ею с 1952 по 1968 гг. из серий «Современность», «Балет» и «Восток» (Книга поступлений² № 7220, архив сектора учета отдела фондов НМ РТ). Стоит также выделить, что именно провинциальный краеведческий музей Тувы благодаря Владимиру Ермолаеву, который был в дружественных отношениях с Н. К. Рушевым, первым принял на постоянное хранение рисунки советской художницы. А Государственный музей А. С. Пушкина стал обладателем ее коллекций только в 1976 г. после окончания масштабных передвижных выставочных проектов в разных городах СССР, организованных Николаем Рушевым (Хитрово, 2004: Электр. ресурс).

В середине 1980-х годов Н. Д. Ажикмаа-Рушева, мама Нади Рушевой, передала на хранение в Советский фонд культуры около 9 тысяч рисунков дочери. Затем она решила из своей личной коллекции подарить несколько рисунков Тувинскому республиканскому краеведческому музею. Так, тувинский музей принял в свои фонды 2 декабря 1987 г. графические работы, насчитывающие более 221 рисунок, из серий «Балет», «Современность», «Античность» и впервые появились иллюстрации к произведениям английского классика Уильяма Шекспира (Книга поступлений № 9431, архив сектора учета отдела фондов НМ РТ). А годом позднее в музей были приняты уже 230 единиц работ Нади Рушевой, переданные Н. Д. Ажикмаа-Рушевой.

Так, к концу 1980-х гг. в музее насчитывалось уже 520 единиц произведений художницы. Расширилось тематическое разнообразие коллекции, к существующим добавились серии «Космос», «Животный мир», «Танцы народов мира», «Восток», «Спорт» и другие. Помимо рисунков фонды музея пополняются также документами, фотографиями, личными предметами семьи Рушевых.

Наличие столь разноплановой графики и документально-материальной базы стало основой для создания в 1993 г. целого музея — филиала Нади Рушевой, который до ноября 1995 г. располагался в Доме художников. Там появилась экспозиция, посвященная графике художницы. Но практически сразу тяжелая экономическая ситуация 1990-х годов отразилась на деятельности филиала: руководство Дома художника было вынуждено сдать в аренду большую часть здания (Дыртык-оол, 2013: 19–20). Тогда художественное наследие графика было переведено в главное здание музея по улице Ленина. В скором времени, в новом здании музея по улице Кочетова, филиал был упразднен в силу отсутствия подходящего здания, его сотрудники были переведены в отдел культуры, искусства и религии Национального музея Республики Тыва в 2010 г.

¹ Ермолаев Владимир Петрович (1892–1982) — первый директор Тувинского республиканского краеведческого музея, фотограф и этнограф.

² Книга поступлений (КП) музейных предметов — юридический основной учетный документ, предназначенный для первичной регистрации музейных предметов и музейных коллекций, поступивших в состав основного фонда музея на постоянное хранение.

Экономический кризис 1990-х гг. не помешал пополнению филиала Нади Рушевой. В 1993 г. на постоянное хранение поступили 126 единиц произведений, переданные старшим научным сотрудником Н. Б. Чаш (Книга поступлений № 10176, архив сектора учета отдела фондов НМ РТ).

Знаменательным событием 1994 г. в жизни филиала стал подарок Национальной библиотеки Эстонии, которая прислала книгу «Мастер и Маргарита» Михаила Булгакова с иллюстрациями художницы (Булгаков, 1989). Стоит отметить, что именно Надя Рушева стала первым иллюстратором данного произведения. Российское издание книги с иллюстрацией советского графика вышло на свет только в 2017 г. (Булгаков, 2017). Н. Д. Ажикмаа-Рушева в 1996 г. передала в фонд музея 62 рисунков своей дочери (Книга поступлений № 10459, архив сектора учета отдела фондов НМ РТ). Из новых поступлений самыми примечательными явились личные вещи Нади: фломастеры, карандаши книги и др.

В 2000 г. формирование собрания графического наследия художницы в музее достигло максимального уровня. В 2007 г. благодаря активным действиям А. С. Хертека, заведующего филиалом музея Нади Рушевой, Государственный музей А. С. Пушкина безвозмездно передал на постоянное хранение музею 4761 единиц рисунков. Теперь в музейной коллекции рисунков Н. Рушевой отразились события современности, исторического прошлого, сказки народов мира, мифы Древней Греции и Рима. Актуальны для подрастающего поколения работы, посвященные пребыванию Н. К. Рушевой в Артеке, миру и дружбе детей, рисунки о космосе, о детстве, иллюстрации к произведениям В. Гюго, А. де Сент-Экзюпери, А. С. Пушкина. В феврале 2012 г. на постоянное хранение в музей поступили различные предметы семьи Рушевых, переданные тоже Н. Д. Ажикмаа-Рушевой. Особую историческую и научную ценность здесь имеют первые ранние рисунки маленькой Нади, нарисованные в возрасте 5–8 лет.

Систематическое и последовательное пополнение коллекции творческого наследия Нади Рушевой невозможно представить без участия родителей художницы, которые в 1970-е годы, несмотря на занятость из-за проведения передвижных выставок, успевали передавать ее рисунки в музей. После ухода из жизни Н. К. Рушева в 1975 г., Н. Д. Ажикмаа-Рушева всецело занялась популяризацией и продвижением творчества дочери.

За почти 50 лет коллектив музея выстроил доверительные и добросердечные отношения с Натальей Дойдаловной, которая в 2009 г. сообщила о намерении передать Национальному музею РТ документы, оставшиеся рисунки, сувениры дочери и мужа. Была проделана кропотливая работа по систематизации и документальному оформлению собрания, сделанная ею специалистом Полномочного представительства Республики Тыва в г. Москве Р. И. Сашниковой. В 2015 г. Н. Д. Ажикмаа-Рушева ушла из жизни, успев оформить последнюю оставшуюся коллекцию в дар музею. В 2016 г. сотрудники отдела культуры, искусства и религии Л. Ш. Шойдук и Д. Д. Бурбужеп подготовили и транспортировали из квартиры Рушевых уникальные предметы, среди которых были также рисунки художницы. Комплектование и атрибуция последней коллекции продолжается до сегодняшнего дня.

В начале 2018 г. Национальный музей Республики Тыва подготовил атрибуцию¹ свыше 5212 единиц графических произведений Н. Рушевой. В настоящее время основной фонд насчитывает 5380 рисунков.

Анализ научных описаний работ художницы по определению стилистического содержания и художественной оценки коллекции выявляет тематическое разнообразие как главную особенность тувинского собрания рисунков Нади Рушевой. В запасниках Государственного музея А. С. Пушкина сосредоточены рисунки к иллюстрациям произведений русских и зарубежных авторов, в частности, иллюстрации к произведениям А. С. Пушкина и М. А. Булгакова, прославившие графика еще при жизни (Государственный музей ... , Электр. ресурс). В сопоставительном сравнении с собранием московского музея Национальный музей Республики Тыва характеризуется целостностью коллекции, в которой собраны работы, созданные в разные периоды жизни художницы. В целом, музей является хранителем собрания, начиная от самых ранних рисунков, датируемых 1957–1958 гг., и заканчивая последними работами Нади Рушевой. Таким образом, целостность и тематическая разноплановость собрания для исследователей дают возможность выделить развитие художественного языка, оформление собственного стиля, показывающие научную и художественную перспективы графики. Однако обладание богатым собранием сопряжено с ответственностью, связанной с хранением и популяризацией имени юного дарования.

¹ Атрибуция (лат. *attributio* – приписывание) – выявление присущих экспонату признаков: физических свойств, функционального назначения, истории происхождения и бытования (Галкина, Петунина, 2004: 3).

Состояние коллекции рисунков сегодня

Национальный музей Республики Тыва как член Международного совета музеев (англ. *International Council of Museums*, сокр. англ. ICOM — ИКОМ) в перспективном плане развития музея на 2017–2025 гг. выделил главным пунктом — создание оптимальных условий, гарантирующих сохранность музейных экспонатов (Концепция развития ..., 2016: Электр. ресурс). Несмотря на то, что музей переехал в 2008 г. на специально построенное новое здание по ул. Титова, д. 30, существует ряд проблем, связанных с хранением предметов. Проект здания музея был разработан еще в 1980-е годы архитектором М. П. Бубновым с учетом развития музейного дела в данный период времени. Поэтому за 40 лет до эксплуатации музея некоторые технические характеристики по проектированию и организации экспозиций и фондохранилищ морально устарели и уже не отвечают современным техническим стандартам.

Главная проблема музея — отсутствие автоматической системы климатического контроля. По стандартам благоприятным для хранения пастели, акварели, графики, гравюры признан уровень относительной влажности 50–60% при температуре 19–24°C (Thomson, 1994: 74). В настоящее время показатель влажности в фондохранилищах и экспозиционных залах составляет 30–40%, что является нарушением условий хранения и представления (Концепция развития ..., 2016: Электр. ресурс). Не стоит также забывать о резких изменениях температурно-влажностного режима при смене времен года, которые более выражены при резко-континентальном климате Тувы. Скачки температур вредят больше, чем постоянное отступление от нормы. Так, при снижении влажности в фондах музея бумага подвергается пересыханию, приобретает хрупкость и ломкость. Красочный слой также страдает в любом случае: при недостаточной увлажненности воздуха и деформации основы, он осыпается и отслаивается. В музейной климатологии помимо показателей относительной влажности и температуры также важны такие факторы как воздушные потоки и свет. По проекту здания в фондах музея не были предусмотрены системы увлажнения и кондиционирования. Установленные приточно-вытяжные системы не функционируют в полном объеме, что не позволяет в полной мере обеспечивать необходимый микроклимат в экспозиционных залах и фондохранилищах, хотя по стандарту скорость воздушных потоков не должна превышать 0,1–0,2 м в секунду, при постепенном воздухообмене, без резких скачков, и избегать прямого попадания воздушного потока на экспонаты (Перова, 2009: Электр. ресурс).

Произведения графики относятся к группе музейных предметов наиболее чувствительных воздействию света. Допустимой границей освещенности для объектов третьей группы светостойкости, в которую входят произведения графики — 30–50 люкс, что может быть соотнесено с освещенностью подвала или ярким лунным светом (там же). В фондохранилище «Живопись, графика, скульптура» музея коллекция художницы хранится в закрытом шкафу с выдвижными стеллажами, где влияние искусственного света минимально, что соответствует основным стандартам хранения графики. Проблема возникает при экспозиционной деятельности, в которой существуют свои правила выставления музейных экспонатов.

На выставке свет играет немаловажную роль. Графические или живописные произведения требуют достаточного освещения для ознакомления посетителем. Поэтому в такой ситуации музейное освещение вынужденно искать компромисс между двумя диаметрально противоположными полюсами — обеспечением сохранности графики, которому длительное световое воздействие противопоказано, и эффектной демонстрацией, невозможной без яркого света. Для решения данного вопроса Национальному музею им. Алдан-Маадыр Республики Тыва в залах требуются волоконные осветители, дающие холодный свет без ультрафиолетовой составляющей. Такой свет безопасен для рисунков и дает рассеянный свет, комфортный для глаз посетителей. Поэтому на сегодняшний момент существует необходимость полной замены освещения экспозиционных залов.

Также по новым требованиям, сотрудники музея должны предоставлять «отдых» рисункам после непрерывной экспозиции в 3–4 месяца. Это позволит продлить срок их сохранности лучше, а также в некоторой степени нивелирует негативное влияние от постоянного освещения в течение нескольких лет. Поэтому в постоянной экспозиции рисунки обновляются каждые 3–5 месяцев.

Однако влияние света, температуры и влажности, все-таки сказалось на собрании Нади Рушевой. Пожелтение, обесцвечивание, коробление, потертости, разрывы или утрата материала, потеря цветовой насыщенности красок часто встречаются в графе сохранности рисунков. Следовательно, музею необходим реставратор по графике. Ведь помимо коллекции советской художницы, музей имеет богатое собрание графических произведений других тувинских художников, которым также нужна полноценная реставрационная работа. Отсутствие квалифицированного специалиста-реставратора

графических произведений в дальнейшем может напрямую сказаться на экспозиционной деятельности музея. Постепенное старение рисунков при отсутствии элементарных реставрационных работ: чистке, закреплении красочного слоя, удалении желтизны, склейке разрывов, восстановлению утрат и пр. — приведет к утерям художественной ценности, репрезентативности и целостности от впечатления рисунка. Поэтому в перспективном плане развития музея обозначена цель строительства отдельного здания фондохранилища, в котором предусмотрено создание научно-реставрационного центра, где будут представлены мастерские, среди которых и студия по реставрации, консервации графики и живописи (Концепция развития музея, 2016: Электр. ресурс).

Национальный музей Республики Тыва является единственным государственным музеем в регионе. Общий объем музейного фонда на конец 2018 г. насчитывает 154815 единиц экспонатов (Отчет о выполнении государственного задания, 2018: Электр. ресурс). Данная цифра постоянно увеличивается и уже в настоящее время наблюдается нехватка физического пространства для хранения музейных экспонатов. Например, графической коллекции Нади Рушевой, комплектование которой продолжается поныне, недостаточно одного упомянутого шкафа высотой до 3 метров с выдвигаемыми стеллажами. Для удобного распределения и поиска рисунков нужны дополнительные шкафы. Некоторые рисунки художницы, выполненные в техниках пастель и уголь, по стандартам должны находиться под стеклом, поэтому им требуется дополнительное пространство для хранения. Соответственно вопрос увеличения пространства фондохранилища стоит остро.

В идеальном варианте решением данной проблемы может быть строительство здания художественной галереи, в котором будет предусмотрено отдельное фондохранилище с прикрепленным штатом сотрудников. Вопрос создания галереи или художественного музея поднимался еще в середине 1970-х годов. Инициатором был художник и общественный деятель С. К. Ланзы¹. В 1990-е годы разговор об этом прекратился. Но сегодня стоит еще раз поднять тему учреждения художественного музея или галереи.

Хронологическая ретроспектива выставок

Выставка является наиболее динамичной формой экспозиционной работы музея. Изначально в искусствоведении равнозначны были понятия «экспозиция» и «выставка» (Калугина, 2001: 37). С течением времени термин «экспозиция» начала пониматься как нечто «постоянное», а под «выставкой» сложилось представление как о «временной» категории музейной деятельности (Dean, 1994: 5). Следовательно, сейчас под экспозицией понимается хронологически последовательная и постоянная категория показа музейных предметов.

Цели экспозиции обширные, это наиболее полное представление культурно-исторических знаний, а выставка в этом соотношении воспринимается как переменная величина. Цель выставки конкретная — представление определенной проблематики в рамках заданной темы.

Рассмотрим хронологию выставок работ Н. Рушевой, организованных тувинским музеем за 50 лет.

В 1971 г. произошло первое знакомство тувинской общественности с рисунками Нади Рушевой в стенах музея (фото 1).

В зале «Советская Тува» тогда были представлены 4 планшета, на которых выставлены 43 рисунков художницы. В кадр попали рисунки

Фото 1. Первая выставка рисунков Нади Рушевой в Тувинском республиканском краеведческом музее. Фото Павла Гольцова, 25 апреля 1971 г. Из фотофонда НМ РТ.
Photo 1. The first exhibition of Nadya Rusheva's drawings at the Republican Museum of Local History of Tuva. Photo by Pavel Goltsov, 25 April 1971. Courtesy of the photo archives of the National Museum, Republic of Tuva

¹Ланзы Сергей Кончукович (1927–1977) — один из наиболее известных художников советской Тувы; председатель Союза художников Тувинской АССР 1965–1977 гг.

«Доктор Вера» (1967, КП 7250/15¹), «Маугли» (1967, КП 7250/22), «Плачущая дама и мушкетер» (1967, КП 7250/9), которые вошли в первую коллекцию Тувинского краеведческого музея. Именно эти рисунки вместе с другими были получены музеем в том же году благодаря содействию В. П. Ермолаева.

Стоит отметить, что в основном музейные сотрудники в своих трудах упоминают о второй выставке, состоявшейся весной 1974 г. (Хертек, 2007: 11). Предыстория этой выставки связана с проектом больших передвижных выставок графики художницы, организованных родителями Нади. По всему Советскому Союзу в 1970-е годы прошли 8 таких выставок в крупных городах: Новосибирске, Казани, Омске. Пришла очередь и Кызыла. В малом зале музея были представлены рисунки, привезенные Н. К. Рушевым, и экспонировались работы, хранящиеся в фондах музея. По коллекционной описи рисунков от 1971 г. можно предположить, что на этой выставке экспонировались работы, датируемые 1966–1967 гг., из серий «Современность», «Жанр» и «Восток», выполненные классической техникой туши и пера. Размеры работ не превышают 20×30 см.

Следовательно, в 1970-е годы из-за небольшой коллекции рисунков, выставочные проекты 1971 и 1974 гг. по графике Нади Рушевой, носили общий ознакомительный характер.

В 1980-е гг. знаменательны первые международные выставки, представившие зарубежным зрителям творчество Н. Рушевой. В 1984 г. в г. Улан-Баторе проводились дни культуры и искусства Тувы в Монголии, посвященные 40-летию вхождения Тувы в состав СССР. Делегатами этого мероприятия были сотрудники музея, специальным гостем стала Н. Д. Ажикмаа-Рушева, которая организовала выставку рисунков Нади Рушевой из личной коллекции. С одной стороны, данная выставка не являлась частью выставочной деятельности музея в силу того, что графические рисунки не принадлежали музею. С другой стороны, данная выставка вместе с работами тувинских скульпторов, художников в Советском доме культуры и науки в столице Монголии, впервые представила графику художницы как часть тувинского изобразительного искусства.

В 1988 г. музей представил в краеведческом музее города Улангом Убсунурского аймака Монголии выставку «Изобразительное и прикладное искусство Тувы». По фондовым материалам, а именно согласно данным акта выдачи от 17 ноября и описи экспонатов от 21 ноября 1988 г., для выставочного проекта были отобраны 174 предметов. Основой для экспонирования стали 69 камнерезных работ тувинских мастеров, 15 высокохудожественных образцов мужских и женских украшений из серебра, 14 прекрасно сохранившихся археологических материалов скифского периода (бляхи, голова грифона, булавки), а также 45 живописных произведений Н. К. Рушева и 31 рисунок Нади Рушевой.

Тематико-структурный план выставки был выстроен по принципу художественного синтеза, когда объединяются совершенно разноплановые экспонаты согласно общей концепции. В художественном построении совершенно органичны исконно тувинские искусства как скульптура малых форм, ювелирное дело, археологические предметы в скифо-сибирском зверином стиле, найденные на территории Тувы.

Из общего плана выделяются работы Рушевых. В данном случае интересен подход сотрудников музея именно в выборе живописных и графических произведений. Были специально отобраны работы отца и дочери, отражающие своеобразие двух родственных культур. Например, у Николая Рушева сотрудники показали портреты артистов Монголии и Тувы, пейзажи, этнографические зарисовки. Графика Нади Рушевой представлена знаковыми работами из серии «Восток», где выделяются рисунки «Ритуальный танец тувинского охотника» (1965, КП 9431/1(6)), «Всадница на верблюде в пустыне» (1965, КП 9431/5(37)), «Пленница хана» (1965, КП 9431/2). Концепцией выставки не были предусмотрены технические или интерьерные изменения выставочного пространства. Согласно концепции, художественное проектирование выставки строилось по традиционному принципу: стандартное расположение графики и живописи на стенах зала, вертикальные и горизонтальные витрины были расположены для удобного осмотра посетителями.

Таким образом, в двух международных передвижных выставках в Монголии было впервые освоено концептуальное решение объединения произведений художницы с лучшими работами тувинских мастеров. Данная тенденция в выставочной деятельности музея продолжается и в современных проектах музея.

Полноценная выставочная деятельность и формирование экспозиции графики художницы начинается в начале 1990-х гг., когда был учрежден филиал музея Нади Рушевой. Первая постоянная экспозиция графики художницы, как мы уже упоминали, была оформлена в начале августа этого же года в Доме художников. В выставочном зале площадью 120 м² на втором этаже были экспонированы

¹Номер рисунка в Книге поступлений музейных предметов.

свыше 400 единиц рисунков советского графика, развешанные в два ряда на стенах и выступающих перегородках (фото 2).

Фото 2. Открытие первой экспозиции графики Нади Рушевой в выставочном зале Дома художников. Фото С. Кызыл-Маадыра, 11 августа 1993 г.
Из фотофонда НМ РТ.

Photo 2. The opening of the first exposition of Nadya Rusheva's graphic art at the Expo hall of the House of Artists. Photo by S. Kyzyl-Maadyr, 11 August 1993.
Courtesy of the photo archives of the National Museum, Republic of Tuva.

Основой для экспонирования стала 451 единица рисунков (акты приема № 132 от 24.11.1987, № 133 от 02.12.1987) в фондах музея. И впервые были представлены 126 работ, переданные через Советский фонд культуры (акт приема № 169 от 01.12.1993). По тематико-экспозиционному плану выставки, предметный ряд был построен по систематическому методу экспонирования. Данный метод предусматривает отбор, размещение и интерпретацию рисунков в соответствии с тематическим разнообразием графического собрания. Следовательно, логика экспозиционного пространства сводится к традиционному представлению таланта художницы, ее мастерства в отрыве от социокультурной обстановки, личностных характеристик.

Первая международная персональная выставка Нади Рушевой, организованная Тувинским республиканским краеведческим музеем и фондом «Советско-немецкой дружбы» Российского дома науки и культуры (РДНК), состоялась в 1994 г. в Берлине. Выставка «Надя Рушева. Акварель. Графика» стала одним из первых крупных проектов музея. Подготовка к выставке началась в июле — августе 1994 г., в ней принимали участие сотрудники музея Н. Б. Чаш, Р. П. Сумба, заместитель директора по науке Л. М. Салчак. Отбором рисунков занимались старший научный сотрудник музея-филиала Нади Рушевой Н. Б. Чаш и главный хранитель А. О. Дыртык-оол. По описи для зарубежного показа были выбраны 284 единицы рисунков (НА НМ РТ. Ф. 1, о. 1, д. 433. Л. 8).

По договору немецкая сторона предоставила зал РДНК с общей площадью 200 м² с 24 октября по 20 ноября 1994 г. (НА НМ РТ. Ф. 1, о. 1, д. 433. Л. 2). Тематико-структурный план выставки был разделен на восемь тем, которые соотносятся с сериями графики художницы (НА НМ РТ. Ф. 1, о. 1, д. 432. Л. 2). Первый раздел — «Античность» (14 рис.); второй раздел — «Балет» (64 рис.). Самым большим в количественном масштабе является третий раздел «Современность», включающий 112 работ. Четвертый раздел — «Иллюстрации к произведениям Уильяма Шекспира» (23 рис.), пятый — «Народы мира» (48 рис.). Шестой и седьмой разделы посвящены небольшим сериям «Тува» (4 рис.) и «Пушкиниана» (3 рис.). Последний раздел — «Ранние рисунки» (16 рис.). Помимо графических работ на выставку были подобраны фотографии Нади Рушевой, открытки с рисунками, каталоги выставок, книга «Мастер и Маргарита» с иллюстрациями художницы, книги о творчестве графика, эскизы Н. К. Рушева к произведению «Кодур-оол и Биче-кыс» С. К. Токи и документальный фильм «Тебя, как первую любовь» (НА НМ РТ. Ф. 1, о. 1, д. 432. Л. 2).

Если в первых международных выставках рисунки Н. Рушевой были объединены с произведениями тувинских авторов, то в данном выставочном проекте ее творчество независимо представляло тувинскую историю и культуру. Следовательно, графика Н. Рушевой становится отдельным направлением в выставочной деятельности музея.

В 1999 г. с 28 мая по 21 июня в г. Москве состоялась знаменательная выставка «Пушкин в рисунках Нади Рушевой» в Министерстве национальностей РФ. Выставочный проект был реализован Тувинским республиканским краеведческим музеем в рамках научно-практической конференции «Республика Тыва на пороге нового тысячелетия» в честь 200-летия со дня рождения А. С. Пушкина.

Данный проект имел ключевое значение в представлении имиджа музея как одного из главных хранителей и пропагандистов творческого наследия художницы. Однако в 1990-е годы, несмотря

на достаточно хорошее собрание графики и активную выставочную деятельность разных уровней, музею не удалось совершить переворота в экспозиционной деятельности. После крупной экспозиции в 1993 г. были организованы небольшие выставки в зале-лектории в 1998 и 1999 гг., в которых были представлены публике несколько серий рисунков художницы. В частности, в 1998 г. были подготовлены две экспозиции, посвященные 46-летию со дня рождения и 5-летию создания музея-филиала Нади Рушевой. Анализ тематико-экспозиционных планов выявляет следующие характерные моменты. Во-первых, в выставках данного периода представлены три тематических раздела произведений: «Античность», «Балет» и «Современность» (НА НМ РТ. Ф. 1, о. 1, д. 439. Л. 3–10). Во-вторых, в силу отсутствия постоянного выставочного зала в художественном оформлении экспозиции не были применены кардинальные интерьерные решения и мультимедийные средства, без которых невозможно представить современные выставочные проекты.

В начале 2000-х гг. экспозиционная деятельность музея развивается в русле современных выставочных тенденций. Благодаря новым поступлениям с конца 1990-х гг. расширяются концептуальные возможности выставок. Так, по актам приема № 129, № 24 от 22.06.1999 г. и 20.03.2000 г. в музее появились личные предметы художницы: школьные принадлежности, одежда, сувениры, книги. Примечательны из этой коллекции ученические тетради 7–10 классов школ № 653 и № 470¹ г. Москвы Нади Рушевой.

31 января 2001 г. в день празднования 49-летия со дня рождения Н. Рушевой в тувинском музее открылась выставка «Рисунки Нади Рушевой». Данный выставочный проект строился по принципу монографически-ретроспективного направления, когда художник перед посетителем предстает в одном проявлении. Цель выставки заключалась не в том, чтобы показать все многообразие ее творческого дарования. Наоборот, авторы хотели познакомить публику с обыкновенной советской школьницей, любившей рисовать и читать. Впервые по тематико-структурному плану акцент в экспозиции был сделан на одной серии рисунков «Современность», в которой как в калейдоскопе отразилась жизнь советских школьников (НА НМ РТ. Ф.1, о. 1, д. 444. Л. 3–7). Рисунки «Молодость» (1966, КП 10176/92), «Наш отряд» (1965, КП 9431/5), «Цирк» (1964, КП 9431/1) дают возможность посетителям поразмыслить о хрупком и светлом мире ребенка. Также были представлены черно-белые фотографии семьи Рушевых и личные предметы (ученические тетради), демонстрировавшие радости и заботы советских детей.

Совершенно другая концепция используется в экспозиции «Музею Нади Рушевой — 10 лет», которая была открыта 23 декабря 2003 г. Основной целью выставки стало представление роли и значения творческого наследия художницы в культурном пространстве Тувы и России. Тематико-эк-

Фото 3. Экспозиция «Щедрый дар». Фото А. С. Хертека, 2007 г.
Photo 3. The «Generous gift» exposition. Photo by A.S. Khertek, 2007.

спозиционный план выставочного проекта состоял из разделов (НА НМ РТ. Ф. 1, о. 1, д. 446. Л. 3–27). Первый и второй разделы были посвящены истории учреждения музея-филиала (знаковые события в жизни филиала показаны в фотографиях: первая экспозиция в 1993 г.; первая международная персональная выставка в 1994 г. в г. Берлине; присвоение московской школе № 470 имени Нади Рушевой; знаковые выставки графики). Третий раздел представляет рисунки Нади Рушевой в сравнительном аспекте с работами учащихся Детской художественной школы им. Нади Рушевой в г. Кы-

¹ До 8 класса Надя Рушева училась в школе № 653 на Шаболовке, после переезда в новую квартиру на Царицынском районе она училась в школе № 470 (сейчас это школа № 1466).

Фото 4. Экспозиция «Гений чистой красоты». Фото А. С. Хертека, 6 марта 2012 г.
 Photo 4. The «Genius of pure beauty» exposition. Photo by A.S. Khertek, 6 March 2012.

зыле — участников республиканского конкурса «Жизнь в искусстве», посвященной 50-летию со дня рождения советского графика. Четвертый раздел был посвящен деятельности родителей художницы по пропаганде и продвижению ее творчества. Результатом стало общественное признание: диплом лауреата премии комсомола Тувы в области литературы и искусства в 1978 г. (посмертно); официальное свидетельство о присвоении Малой планеты № 3516 имени Нади Рушевой в 1982 г.

В 2007 г. в музее была открыта экспозиция «Щедрый дар», посвященная безвозмездной передаче Государственного музея А. С. Пушкина Национальному музею Республики Тыва 4761 единиц рисунков Н. Рушевой (фото 3).

В «Советском зале» на втором этаже с общей площадью 130 м² были представлены свыше 300 рисунков, с которыми тувинская публика познакомилась впервые.

Таким образом, к моменту переезда в новое здание по улице Титова, собрание рисунков художницы составляло свыше 5200 единиц, при этом личные вещи, документы, материалы, фотографии семьи Рушевых к тому времени насчитывали уже 600 единиц.

В главном здании Национального музея Республики Тыва творческое наследие юного творца и ее семьи обретает новое художественное осмысление. В 2012 г. 6 марта, в памятный день кончины Н. Рушевой, в зале № 5 3 этажа открылась экспозиция «Гений чистой красоты», посвященная 60-летию со дня рождения художницы (фото 4).

Экспозиционный проект уникален своим синтетическим подходом к представлению персоны и графики советской художницы. С одной стороны, выставка продолжает линию монографически-ретроспективного направления экспозиционной деятельности, где через 30 графических произведений в хронологическом порядке, начиная от ранних работ и завершая последними рисунками, представляется творческая эволюция графического языка художницы. С другой стороны, художественная реконструкция домашней комнаты девочки, с восстановлением исторического бытования личных предметов (ученические тетради, ручки, фломастеры, настенная полка с книгами) показывала историческую ретроспективу — другое направление выставочной деятельности. Творчество художника в данном формате представляется в неразрывной связи с социокультурной обстановкой. Смысловым и композиционным центром экспозиции являлась географическая карта мира, в которой были отмечены все крупные города, где экспонировались рисунки Нади Рушевой. При этом «повествование» экспозиции было выстроено ровно, внимание посетителя не распадалось на разноплановые выставочные ма-

териалы. Следовательно, авторам экспозиции Л. Ш. Шойдук и А. А. Чап удалось гармонично связать совершенно разнородные экспозиционные принципы.

В настоящее время графика советской художницы сосредоточена в экспозиции «Три таланта — три судьбы», открытой 9 декабря 2016 г. (фото 5).

Экспозиция состоит из трех разделов, каждый из которых посвящен отдельному члену талантливой семьи Рушевых. Интересен в данном выставочном проекте синхронный подход презентации семейной

Фото 5. На открытии экспозиции «Три таланта — три судьбы». Фото А. С. Хертека, декабрь 2016 г.
Photo 5. At the opening of the «Three talents, three fates» exposition. Photo by A.S. Khertek, December 2016.

и общественной жизнью. Родители советской художницы представлены, с одной стороны, как яркие личности, внесшие весомый вклад в развитии сценического и изобразительного искусств Тувы. С другой стороны, через специально отобранные фотоматериалы из семейного архива, личные письма и записки, показаны взаимоотношения мужа и жены, родителей и дочери. Сама художница также представлена не только как самый талантливый и известный представитель данной семьи, но как заботливая дочь, верная подруга и усердная школьница.

В 2017 г., в год 65-летия со дня рождения Н. Рушевой, Национальный музей Республики Тыва организовал передвижные персональные выставки в таких городах, как Красноярск, Новосибирск, Елабуга и Улан-Батор. Выставки с названиями «Мир графики Нади Рушевой» и «Я живу жизнью тех, кого рисую» были выстроены по традиционному принципу представления лучших работ художницы, выполненных в различных техниках.

Заключение

На сегодняшний день экспозиционная деятельность по представлению графики Нади Рушевой развивается в двух направлениях: создание постоянной экспозиции в главном здании музея и организация передвижных персональных выставок.

Выставочная деятельность по представлению художественного наследия Н. Рушевой имеет 50-летнюю историю и у Национального музея Республики Тыва уже наработан значительный опыт в этом деле. Во-первых, первые экспозиционные проекты строились в концептуальном плане по традици-

онному принципу показа тематического разнообразия рисунков художницы. Во-вторых, продуманное комплексное пополнение собрания художницы и предметов ее семьи позволили музею освоить и применить на практике новые направления экспозиционной деятельности. Монографически-ретроспективное, синтетическое, историко-ретроспективное подходы в постоянных стационарных выставках существенным образом трансформировали представление современной публики о персоне и творчестве Нади Рушевой.

Экспозиционные проекты Национального музея в настоящее время ориентируются на современные тенденции развития музейного дела. Однако до сих пор в связи с отсутствием свободных выставочных залов, нового фондохранилища с климат-контролем и отдельным реставратором по графике коллекция в 5380 единиц рисунков художницы до сих пор не представлена в полном объеме.

В современном культурном пространстве повышается интерес общества к непрофессиональному искусству, в частности, к детскому творчеству. И сегодня графическое наследие художницы актуализируется в связи с этим. Если в советский период личность и творчество юного творца были знакомы почти каждому советскому гражданину, то сейчас перед музеем встал вопрос не только формирования новых подходов в выставочной и экспозиционной деятельности, соответствующих современным тенденциям развития музейного дела, но и концептуализация графики Нади Рушевой в российском художественном пространстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Булгаков, М. А. (1989) Мастер и Маргарита : Роман. Повести / сост. И. Белоборцева. Таллин: Ээсти раамат. 480 с.
- Булгаков, М. А. (2017) Мастер и Маргарита : с иллюстрациями Нади Рушевой. М. : Изд-во АСТ. 256 с.
- Ватагин, В. А. (1969) Аполлон и Дафна // Юность. № 9. С. 111–112.
- Галкина, Т. В., Петунина, О. О. (2004) Краткий словарь музейных терминов. Томск : Издательство Томского государственного педагогического университета. 16 с.
- Государственный музей А. С. Пушкина [Электронный ресурс] // Коллекция Государственного музея А. С. Пушкина. URL: <http://www.pushkinmuseum.ru/?q=content/ieshua-illyustraciya-k-romanu-ma-bulgakova-master-i-margarita> (дата обращения: 02.03.2019).
- Дыртык-оол, А. О. (2003) Графика Нади Рушевой — уникальная коллекция Национального музея Республики Тыва // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. № 26. С. 18–24.
- Ермолаев, В. П. (1967) Надя Рушева и ее рисунки // Тувинская правда. № 11. С. 3.
- Калугина, Т. П. (2001) Художественный музей как феномен культуры. СПб. : ООО «Издательство «Петрополис». 224 с.
- Концепция развития Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва и его филиалов на 2017-2025 года (2016) / под общ. ред. А. О. Дыртык-оол [Электронный ресурс] // Национальный музей Республики Тыва им. «Алдан-Маадыр». URL: <http://museum.tuva.ru/wp-content/uploads/2017/07/koncept.pdf> (дата обращения: 13.02.2019).
- Отчет о выполнении Государственного задания на 2018 год (2018) [Электронный ресурс] // Национальный музей Республики Тыва им. «Алдан-Маадыр». URL: <http://museum.tuva.ru/wp-content/uploads/2018/09/> <http://museum.tuva.ru/wp-content/uploads/2018/09/отчет-о-выполнении-госзадания.pdf> (дата обращения: 11.02.2019).
- Перова, Е. Г. (2009) Особенности хранения и экспонирования графических произведений [Электронный ресурс] // Art Conservation : Мастерская. URL: <http://art-con.ru/node/1329> (дата обращения: 16.02.2019).
- Рушев, Н. К. (2012) Последний год Надежды: воспоминание о моей дочери. Минск : СангитаСтрой. 176 с.
- Торопова, Е. О. (2003) Художественная выставка. Методика организации экспозиции. СПб. : Маргинфо. 44 с.
- Усенко, Н. В. (2007) Лучшие современные художники. Надя Рушева. М. : АО Издательский дом «Комсомольская правда». 204 с.
- Хертек, А. С. (2007) Музей-филиал Нади Рушевой // Летопись Тувы — 2008 : Историко-краеведческий альманах. Кызыл : ООО «Полиграфсервис». 104 с. С. 10–14.
- Хитрово, Л. К. (2004) Рушева Надежда Николаевна. Фонд 796. [Электронный ресурс] // Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского дома) РАН. URL: <http://lib2.pushkinskiydom.ru/> URL: http://lib2.pushkinskiydom.ru/Media/Default/PDF/ROPD/EROPD_2004/20_Хитрово_Рушева.pdf (дата обращения: 11.02.2019).
- Dean, D. (1994) Museum exhibition. Theory and practice. London ; New York : Routledge. 173 p.
- Thomson, G. (1994) Museum Environment. London : Routledge. 308 p.

Дата поступления: 14.03.2019 г.

REFERENCES

- Bulgakov, M. A. (1989) *Master i Margarita: Roman. Povesti [The Master and Margarita: a novel. Novellas]* / comp. by I. Belobortseva. Tallin, Eesti raamat. 480 p. (In Russ.)
- Bulgakov, M. A. (2017) *Master i Margarita. S illiustratsiiami Nadi Rushevoi [The Master and Margarita. With illustrations by Nadya Rusheva]*. Moscow, AST Publ. 256 p. (In Russ.)
- Vatagin, V. A. (1969) Apollon i Dafna [Apollo and Daphne]. *Yunost'*, no. 9, pp. 111–112 (In Russ.)
- Galkina, T. V. and Petunina, O. O. (2004) *Kratkii slovar' muzeinykh terminov [A concise dictionary of museum terms]*. Tomsk, Publishing House of Tomsk State Pedagogical University. 16 p. (In Russ.)
- Gosudarstvennyi katalog muzeinogo fonda RF [State catalog of the Museum Fund of the Russian Federation]. *Kollektsiia Gosudarstvennogo muzeia A. S. Pushkina* [online] Available at: <http://goskatalog.ru/portal/#/collections> (access date: 06.02.2019). (In Russ.)
- Dyrtyk-ool, A. O. (2003) Grafika Nadi Rushevoi — unikal'naia kolleksiia Natsional'nogo muzeia Respubliki Tyva [Graphics of Nadya Rusheva — a unique collection of the National Museum, Republic of Tuva]. *V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniia i kul'turologii*, no. 26, pp. 18–24. (In Russ.)
- Ermolaev, V. P. (1967) Nadia Rusheva i ee risunki [Nadya Rusheva and her drawings]. *Tuvinskaia Pravda*, no. 11. p. 3 (In Russ.)
- Kalugina, T. P. (2001) *Khudozhestvennyi muzei kak fenomen kul'tury [Art museum as a cultural phenomenon]*. St. Petersburg, OOO «Izdatel'stvo «Petropolis». 224 p. (In Russ.)
- Kontseptsiiia razvitiia Natsional'nogo muzeia im. Aldan-Maadyr Respubliki Tyva i ego filialov na 2017–2025 goda [Draft plan for the development of the Aldan-Maadyr National Museum, Republic of Tuva, and its branches for 2017–2025] (2016). *Natsional'nyi muzei Respubliki Tyva im. «Aldan-Maadyr»* [online] Available at: <http://museum.tuva.ru/wp-content/uploads/2017/07/koncept.pdf> (access date: 15.02.2019) (In Russ.)
- Otchet o vypolnenii Gosudarstvennogo zadaniia na 2018 god [Report on the implementation of the State Commission for 2018] (2018). *Natsional'nyi muzei Respubliki Tyva im. «Aldan-Maadyr»* [online] Available at: [http://museum.tuva.ru/wp-content/uploads/2018/09/ http://museum.tuva.ru/wp-content/uploads/2018/09/otchet-o-vypolnenii-gos zadanii.pdf](http://museum.tuva.ru/wp-content/uploads/2018/09/http://museum.tuva.ru/wp-content/uploads/2018/09/otchet-o-vypolnenii-gos zadanii.pdf) (access date: 11.02.2019) (In Russ.)
- Perova, E. G. (2009) Osobennosti khraneniia i ekspozitsionnogo predstavleniia graficheskikh proizvedenii [Storing and exhibiting graphic works]. *Art Conservation Masterskaia* [online] Available at: <http://art-con.ru/node/1329> (access date: 16.02.2019) (In Russ.)
- Rushev, N. K. (2012) *Poslednii god Nadezhdy: vospominanie o moei docheri [Nadezhda's last year: memories of my daughter]*. Minsk, SangitaStroi. 176 p. (In Russ.)
- Toropova, E. O. (2003) *Khudozhestvennaia vystavka. Metodika organizatsii ekspozitsii [Art exhibition: setting up an exposition]*. St. Petersburg, Marginfo. 44 p. (In Russ.)
- Usenko, N. V. (2007) *Luchshie sovremennye khudozhniki. Nadia Rusheva [The best contemporary artists. Nadya Rusheva]*. Moscow, AO Izdatel'skii dom «Komsomol'skaia pravda». 204 p. (In Russ.)
- Khertek, A. S. (2007) *Muzei-filial Nadi Rushevoi [Branch Museum of Nadya Rusheva]*. In: *Letopis' Tuvy — 2008 [Chronicle of Tuva — 2008]*: Historical and local lore almanac. Kyzyl, OOO «Poligrafservis». 104 p. Pp. 10–14. (In Russ.)
- Khitrovo, L. K. (2004) Rusheva Nadezhda Nikolaevna. Fond 796. [Rusheva Nadezhda Nikolaevna. Fund 796.]. *Elektronnye publikatsii Instituta russkoi literatury (Pushkinskogo doma) RAN* [online] Available at: http://lib2.pushkinskijdom.ru/Media/Default/PDF/ROPD/EROPD_2004/20_Khitrovo_Rusheva.pdf (access date: 11.02.2019). (In Russ.)
- Dean, D. (1994) *Museum exhibition. Theory and practice*. London, New York, Routledge. 173 p.
- Thomson, G. (1994) *Museum Environment*. London, Routledge. 308 p.

Submission date: 14.03.2019.

DOI: 10.25178/nit.2019.2.6

Тувинское горловое пение как нематериальное культурное наследие и как культурный бренд Тувы

Чимиза К. Ламажаа

Московский гуманитарный университет, Российская Федерация,

Валентина Ю. Сузукей

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований, Российская Федерация

В статье анализируются проблемы сохранения тувинского горлового пения — хөөмө, который рассматривается как нематериальное культурное наследие Тувы. Соответственно, за основу взяты рекомендации ООН о том, какие задачи должны решаться.

Разнообразной информации, в том числе научной, о хөөмө собрано много, прежде всего двумя государственными учреждениями Тувы, призванными изучать и развивать тувинское горловое пение — Международным научным центром «Хөөмей» и Центром развития тувинской традиционной культуры и ремесел. Есть много публикаций, однако, к сожалению, специализированных каталогов работ по хөөмө, а также по исполнителям хөөмө, пока нет. Другая группа задач — учет, сбор аудио- и видеозаписей, а также возможность доступа к ним заинтересованных лиц, пока также не решена. Отчасти этим занимаются лишь энтузиасты, при этом иностранные ценители хөөмө.

Важнейшая задача — сохранение аутентичных, подлинных форм нематериального культурного наследия — осложняется тем, что традиции, передающиеся устным путем, являются «живыми», изменчивыми по своей природе. Сегодня искусство хөөмө существует как в своем первоизданном виде, так и в современных музыкальных формах, где оно соединяется с различными жанрами популярной, авангардной, джаз и рок музыки и успешно вошел в современные направления World Music. Этот успех влияет на международные культурные связи Тувы, на развитие этнокультурного туризма, поэтому может и должен рассматриваться в качестве одного из брендов современной тувинской культуры, а также как этномобилизующий фактор.

Профессия артиста горлового пения в 2011 г. в России была легализована, хөөмейжи получили право на специальные профессиональные льготы. И этот факт можно расценивать как организационную победу. Но и сам хөөмей, как любая другая форма творчества, нуждается в правовой охране. В мире наблюдается тенденция к аналогизации его с так называемым европейским механизмом звукоизвлечения (двухголосия). Хөөмей может быть внесен в государственные и межгосударственные реестры как достояние тувинской этнической культуры. Однако, основная цель здесь — легализация правильной методики обучения студентов хөөмө в учебных заведениях культуры.

Для дальнейшего развития хөөмө важно также международное сотрудничество, как научное, так и практическое.

Ключевые слова: культурное наследие; нематериальное культурное наследие; горловое пение; хөөмей; тувинская музыка; тувинское горловое пение; ЮНЕСКО; культурный бренд; Тува; тувинцы; международное сотрудничество

Для цитирования:

Ламажаа Ч. К., Сузукей В. Ю. Тувинское горловое пение как нематериальное культурное наследие и как культурный бренд Тувы [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2019, № 2. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/846> (дата обращения: дд.мм.гг.). DOI: 10.25178/nit.2019.2.6

Ламажаа Чимиза Кудер-ооловна — доктор философских наук, заместитель директора по научной работе Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета; главный редактор журнала «Новые исследования Тувы». Адрес: 111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, д. 5, корп. 6, каб. 18. Тел.: +7 (499) 374-73-90. Эл. адрес: lamajaa@tuva.asia ORCID ID: 0000-0003-1813-3605

Сузукей Валентина Юрьевна — кандидат искусствоведения, доктор культурологии, главный научный сотрудник сектора культуры Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 4. Тел.: +7 (394-22) 2-39-36. Эл. адрес: vsuzukei@mail.ru

Lamazhaa Chimiza Kudera-oolovna, Doctor of Philosophy, Deputy Director, Institute of Fundamental and Applied Studies, Moscow University for the Humanities. Postal address: 5 Yunosti St., Moscow, Russian Federation, 111395. Tel.: +7 (499) 374-73-90. E-mail: lamajaa@tuva.asia

Suzukei Valentina Yur'evna, Candidate of Art Studies, Doctor of Culturology, Chief Research Fellow, Sector of Culture, Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Studies. Postal address: 4 Kochetov St., Kyzyl, Republic of Tuva, Russian Federation 667000. Tel.: +7 (394-22) 2-39-36. E-mail: vsuzukei@mail.ru

Tuvan throat singing as intangible cultural heritage and as Tuva's cultural brand

Chimiza K. Lamazhaa

Moscow University for the Humanities, Russian Federation

Valentina Yu. Suzukey

Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Studies, Russian Federation

The article deals with the issues of preserving the unique Tuvan throat singing tradition, Khøømei, which is seen as part of Tuva's intangible cultural heritage. Correspondingly, our article is based on the UN recommendations on how to deal with challenges to this type of heritage.

There is a lot of information, including research, on Khøømei available now. It has been collected primarily by two state institutions of Tuva whose task is to study and develop the throat singing tradition – Khøømei International Research Center and the Center for Developing Traditional Tuvan Culture and Crafts. Although a number of publications have come out, there is still no dedicated catalogue of works on Khøømei, nor of Khøømei singers. Another set of challenges yet unmatched is to collect audio and video recordings of Khøømei performances and provide access to it to all those interested. So far it has been in the hands of enthusiasts, including Khøømei aficionados from outside Russia.

A most important task to preserve the authentic, true form of Khøømei as intangible heritage is augmented by the fact that orally transmitted traditions are by nature “nimble” and changeable. The art of Khøømei now exists both in its original form and – transformed – within contemporary musical forms where it is fused with various genres of pop, jazz, rock and avant-garde music. It has also entered the domain of what now is known as “World Music”. This success has had an impact on Tuva's international cultural ties and on the rise of ethnocultural tourism, and thus Khøømei may and should be seen as a brand of contemporary Tuvan culture, as well as a factor of ethnic mobilization.

In 2011, the job of a throat singer has been officially recognized in Russia, and Khøømeizhi now can enjoy the right for job benefits. This can be seen as an organizational victory. However, Khøømei itself, as every form of art, needs legal protection. There is a global trend to see it as analogous to the so-called European mechanism of sound production (two-voice texture). Although Khøømei can be entered on national and global registers as an asset of Tuvan ethnic culture, it is much more important to accept the correct methodology of teaching Khøømei to students at educational institutions of art.

Future progress of Khøømei also requires international cooperation in the fields of both research and practice.

Keywords: cultural heritage; intangible heritage; throat singing; Khøømei; Tuvan music; Tuvan throat singing; UNESCO; cultural brand; Tuva; Tuvans; international cooperation

For citation:

Lamazhaa Ch. K. and Suzukey V. Yu. Tuvan throat singing as intangible cultural heritage and as Tuva's cultural brand. *The New Research of Tuva*. 2019, № 2 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/846> (access date ...). DOI: 10.25178/nit.2019.2.6

Введение

Сохранение наследия каждой культуры, прежде всего этнической, в условиях глобализации и значительного влияния вестернизации, на сегодня является важной задачей в культурной политике как отдельных государств, территорий, так и в целом человечества. Последнее обстоятельство подчеркивается в документах, декларациях, решениях Организации объединенных наций, начиная с Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия, принятой 16 ноября 1972 г., и последней действующей Конвенцией об охране нематериального культурного наследия 2013 г.

Актуальна проблема и для России, ее территорий, в том числе Тувы, которую отличает древняя история и самобытность культурных традиций тувинцев. Несмотря на относительно большую сохранность этнокультурного комплекса здесь в сравнении с другими территориями, тем не менее XX век не мог не отразиться как на общей культурной картине мира коренного населения, так и на значительном числе отдельных традиций. Утраты, трансформации сопровождали тувинскую культуру на протяжении всего века и в XXI век тувинцы вступили с иным культурным багажом, чем век назад.

Проблемы сохранности культуры часто рассматривают в аспекте дуальности форм — материальной и нематериальной (духовной), при всей условности такого деления. При этом под вторым подразумеваются такие проявления нематериального культурного наследия, как родной язык, народная музыка, фольклор, танцы, праздники, обряды и пр. И очевидно, что подходы к решению проблем сохранности будут

различаться в зависимости от формы существования, функционирования элементов культуры. Если объекты материальной культуры можно сохранять в неизменном виде (в определенных местах — хранилищах и пр., при определенных условиях), то к сохранению нематериального наследия подход будет иной.

Специально для того, чтобы показать этот иной подход, например, ООН приняла рекомендации о сохранении фольклора (на 25-й сессии Генеральной конференции по вопросам образования, науки и культуры в г. Париже 15 ноября 1989 г.). В документе, в частности, отмечается, что «фольклор является частью общего наследия человечества и мощным средством сближения различных народов и социальных групп и утверждения их культурной самобытности», отмечается «его социальное, экономическое, культурное и политическое значение, его роль в истории народа и его место в современной культуре» и при этом признается крайне хрупкий характер традиционных форм фольклора, особенно его аспектов, связанных с устными традициями, и риск того, что эти аспекты могут исчезнуть (Рекомендация о сохранении ... , 2002: 217).

Надо сказать, что фольклор в документе ООН определяется гораздо шире, чем это принято в гуманитарном научном знании. Это понимание практически синонимично тому, что мы бы назвали духовной культурой: это «совокупность основанных на традициях культурного сообщества творений, выраженных группой или индивидами и признанных в качестве отражения чаяний сообщества, его культурной и социальной самобытности; фольклорные образцы и ценности передаются устно, путем имитации или другими способами. Его формы включают, в частности, язык, литературу, музыку, танцы, игры, мифологию, обряды, обычаи, ремесла, архитектуру и другие виды художественного творчества» (там же: 218).

Документ содержит конкретные рекомендации по тому, как следует сохранять этот фольклор. Следуя его логике, мы попытаемся поразмышлять над проблемами сохранения тувинского горлового пения — *хөөмө*. Это жанр традиционной музыкальной культуры тувинского этноса, имеющий многовековую историю, разнообразные формы и богатые традиции. Наибольшее разнообразие жанров тувинского вида горлового пения признается специалистами, а также в целом народами центральной Азии, имеющими также в музыкальных традициях горловое пение. Хөөмөй чрезвычайно популярен в Туве, он также успешно вписал себя в современный мировой рынок музыкальной индустрии, на сегодня являясь фактически одним из национальных брендов республики. Тем не менее он также является тем «хрупким» культурным наследием, которое подвергается огромному риску и требует внимательного, заботливого отношения к себе.

Наше исследование будет опираться на научные публикации ведущих специалистов по проблеме (Кыргыз, 1992ab, 2002, 2007, 2013; Дмитриев, Чернов, Маслов, 1992; Татаринцев, 1998; Левин, 2012 и др.), сообщения в СМИ, наши многолетние наблюдения за деятельностью тувинских организаций, творчеством музыкантов-горловиков, общение с ними и зрителями. Также исследование базируется на значительном вкладе в изучение общих проблем традиционной музыкальной культуры в XX веке одного из соавторов статьи В. Ю. Сузукей (Сузукей, 1993, 2001, 2006, 2007), исследователя, этномузыковеда, педагога.

Систематизация знаний и сведений

Первая группа рекомендаций из документа ООН касается вопросов систематизации знаний, в том числе путем организованной работы соответствующих учреждений, каталогизации информации и пр. (Рекомендации о сохранении ... , 2002: 218–219).

В Туве на сегодня есть два государственных учреждения, которые занимаются непосредственно тувинским горловым пением, его изучением, сохранением, развитием. Это Международный научный центр «Хөөмөй» и Центр развития тувинской традиционной культуры и ремесел.

Международный научный центр (МНЦ) «Хөөмөй» был создан в 1993 г. Это государственное научно-исследовательское учреждение, целью которого, как гласит его уставной документ 2011 г., является «сохранение и развитие традиционной культуры хөөмө как искусства, являющегося национальным достоянием тувинского народа и уникальным феноменом музыкальной культуры всего мирового сообщества» (Устав государственного ... , 2011: Электр. ресурс). Сайт центра <http://www.khoomey.ru>. С самого его основания и до сегодняшнего дня центр возглавляет музыковед, доктор наук З. К. Кыргыз. Она защитила докторскую диссертацию по этой теме, опубликовала большое число монографических исследований (Кыргыз, 1992ab, 2002, 2007, 2013 и др.).

За более четверть века, а МНЦ уже отметил в прошлом 2018 году 25-летие, центр проделал огромный объем работы, не только научно-исследовательской, но и организационной. Сама З. К. Кыргыз известна

как ведущий специалист по тувинскому горловому пению. В центре в разные годы работали и публиковали результаты исследований разные авторы. Сам МНЦ «Хөөмей» в Туве возник по итогам работы первого международного симпозиума «Хөөмей – культурный феномен народов Центральной Азии» 1992 г. С тех пор таких международных форумов, на которые съезжаются и исследователи, и исполнители прошло уже семь. Кроме первого, симпозиумы прошли также в 1995, 1998, 2003, 2008, 2013 и 2018 гг. По их итогам были подготовлены и вышли в свет сборники материалов (Материалы I Международного ... , 1992; Мелодии хөөмея : ... , 1994; Мелодии хөөмея — III: ... , 2003; Тезисы IV-го Международного ... , 2003; Тезисы научных докладов ... , 2008; Научные доклады VII-го ... , 2018). В данных сборниках, вышедших, к сожалению, малыми тиражами и на сегодня являющихся библиографической редкостью, можно увидеть практически весь исследовательский спектр условно говоря хөөмееведения.

Большое внимание изучению хөөмея как своеобразной формы традиционной культуры тувинцев уделяется сотрудниками Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований (ТИГПИ, ранее — ТНИИЯЛИ, ТИГИ), при организационной поддержке которого и состоялся первый международный симпозиум 1992 г.

Государственное бюджетное учреждение (ГБУ) «Центр развития тувинской традиционной культуры и ремесел» нередко называют сокращенно как «Центр тувинской культуры». Адрес его сайта <https://www.tuvancenter.ru/>. Был создан в 2012 г. по инициативе Народного хөөмейжи Республики Тыва Конгар-оола Борисовича Ондара с целью сохранения и дальнейшего развития богатого культурного наследия тувинского народа. С момента начала работы Центр возглавляли К. Б. Ондар (в 2012–2013 гг.), А. К. Тамдын (2013–2014 гг.), И. М. Кошкендей (с 2014 г. по настоящее время).

Центр тувинской культуры призван создавать условия для возрождения, сохранения, развития и популяризации материального и нематериального культурного наследия тувинского народа. Поскольку центр создавался одним из ведущих горловиков республики, все три руководителя — музыканты, исполнители хөөмея, в здании центра (построенном специально для этого, на месте исторического здания краеведческого музея) располагаются базы главных музыкальных фольклорных коллективов, именно здесь фактически и находится центр тувинского горлового пения, звучит хөөмей, работают хөөмейжи. Сюда же в 2012 г. также переехал и МНЦ «Хөөмей».

Систематизация научного знания — необходимый элемент для любого научного исследования, поэтому можно сказать, что в этом отношении информации о хөөмее собрано много. И не только данными центрами. Особые разделы каталогов научной и научно-популярной литературы о тувинской традиционной музыке, в том числе и о хөөмее, есть и в Научной библиотеке ТИГПИ, и в Национальной библиотеке им. А. С. Пушкина Тувы, и в Национальном музее имени Алдан Маадыр Республики Тыва. Однако, проблема в том, что нет единого исчерпывающего каталога: о научных исследованиях хөөмея (его происхождения, особенностей, жанров и пр.), об исполнителях горлового пения, особенностях их творчества (непосредственно о каталогизации фиксированных форм хөөмея будет сказано ниже), и об исследователях хөөмея (историография).

Отчасти проблему историографии восполняют научные публикации разных авторов, в которых, как правило, содержатся библиографические списки. Также сведения о научных исследованиях как российских, так и зарубежных ученых по тувинскому хөөмею в виде краткого обзора даны в статье В. Ю. Сузукей (Сузукей, 2001).

Своеобразной базой данных — исполнителей горлового пения — можно лишь назвать совместную работу В. Ю. Сузукей и Ч. С. Тумат, опубликованную в 2015 г. под названием «Хөөмейжи Республики Тыва» (Хөөмейжи Республики Тыва, 2015). В работе даны фотографии 164 известных в республике исполнителей хөөмея и их краткие биографии. Кроме того, дан список и 513 самых молодых хөөмейжи, которые активно участвуют в ежегодно проводимых Центром тувинской культуры детском конкурсе хөөмейжи «Сарадак» и в конкурсах, проводимых в рамках проекта «Көшкүн хөөмей», что можно буквально перевести как «Кочевой хөөмей». В общей сложности в работу входят имена 677 исполнителей хөөмея, среди которых отдельно сгруппированы имена хөөмейжи старшего поколения, хөөмейжи, имеющих звания «Народный хөөмейжи Республики Тыва», заслуженных артистов и работников культуры, артисты ансамблей «Саяны», «Тыва», «Хун-Хурту», «Алаш», «Тыва кызы» и т. д.

Таким образом, очевидно, что за последние годы уже много и результатов научных исследований, и выступающих исполнителей, есть и ресурсы для систематизации всех знаний, информации. Однако, сама работа по систематизации, к сожалению, не организована, не имеет централизации.

Фиксация хөөмея и хранение фиксированных форм

Одна из важнейших задач в вопросах хранения культурного наследия — возможность фиксации и доступа к фиксированным формам. То есть речь идет о записях — аудио- и видеозаписях.

Первые записи образцов горлового пения на технические средства относятся к 1930-м годам. Как пишет исследователь из Финляндии М. Абилднес много лет занимающийся сбором материалов по дискографии тувинской музыки, в 1934 г. делегация из Тувинской Народной Республики приехала в Москву, чтобы записать образцы тувинской музыки на пластинки на Московской фабрике звукозаписи. Тогда были выпущены семь пластинок (Абилднес, 2017: Электр. ресурс). С тех пор с развитием систем записи, обработки и воспроизведения музыки, естественно, прошли, сменили друг друга целые эпохи пластинок, бобинных и кассетных магнитофонных лент, дисков, и других цифровых носителей....

К сожалению, ни один из центров в Туве так и не организовал полную систематизацию, каталогизацию сведений о записях, не формирует коллекции записей. В этом направлении нас обошли куда более прагматичные и заинтересованные иностранные ценители хөөмея, собирающие целые коллекции по творчеству известных тувинских групп, по своим интересам. В том числе особую ценность имеет проект уже названного М. Абилднеса «Тувинская музыка на пластинках и компакт-дисках», который он пополнил уже более двадцати лет. Такой богатейшей коллекции записей, которую видела своими глазами одна из соавторов статьи (В. Ю. Сузукей) в Финляндии в личной библиотеке у самого М. Абилднеса, даже в самой Туве нет ни в одной библиотеке, архиве или в какой-либо другой частной коллекции. В его дискографию сегодня входят 255 записи на компакт-дисках, не считая записей на грампластинках. Реестр включает в себя записи, начиная с 1934 до 2018 г. Несколько лет М. Абилднес пытался завершить составление дискографии, но как оказалось, задача осложнялась практически непрерывным потоком новых выходящих дисков: автор просто не успевал делать записи и анализировать их для правильного внесения в свой каталог. Наконец недавно он решил остановиться, чтобы издать его. Поэтому в самое ближайшее время новое издание станет ценным материалом как для научных исследований, так и просто для широкого круга любителей тувинской музыки.

С одной стороны, подобная работа, конечно, подразумевает определенную финансовую основу, так как диски, кассеты и пр. исполнителями записываются часто на свои средства, соответственно — распространяются платно. И чтобы собирать полную дискографию, нужны средства на приобретение этой продукции, в том числе редких экземпляров. Тем не менее, при должной организации дела, договоренностях с коллективами, отдельными исполнителями можно было бы сформировать основу подобной коллекции и продолжать ее пополнять, как это делают финские ценители.

Пока же нам остается только ждать издания каталога М. Абилднеса для того, чтобы хотя бы осознать масштабы нашего музыкального современного богатства и иметь представление о том, что и где искать...

Обеспечение сохранности хөөмея и его распространение

Сохранение аутентичных (от греч. *authentikos* — подлинный) форм нематериального культурного наследия считается ООН важнейшей задачей. Однако даже сами рекомендующие органы понимают, что в отношении устных форм, имеющих традиции живой передачи, эта установка является лишь идеалом. На деле же любая культурная традиция сама по себе содержит в себе потенциал изменчивости. А в ситуации трансформации культуры в целом, что и произошло с тувинской культурой в XX веке, очевидно — хөөмей также не мог не меняться.

Сегодня искусство тувинского горлового пения существует как в своем первозданном виде, так и в современных музыкальных формах, где оно соединяется с различными жанрами популярной, авангардной и рок музыки. Хөөмей вписался в волну общего интереса к жанру «World Music» — мировой, этнической музыки с ее уникальными формами. Тувинские фольклорные музыкальные коллективы на этом сегменте мирового рынка стали весьма успешными и востребованными. Самые известные коллективы: «Тыва», «Хун-Хурту», «Ят-Ха», «Чиргилчин», «Алаш», «Тыва кызы», а также отдельные исполнители, за три десятка лет записали большое количество дисков, имеют многочисленные профессиональные престижные награды на мировых конкурсах, фан-клубы и подражателей по всему миру. Именно популяризация тувинской музыкальной культуры привела к созданию обществ друзей Тувы в США (www.fotuva.org), в Японии (www.tarbagan.net/fotj) и других странах, а также способствует туристическому интересу Запада к этому российскому региону. Вслед за старшими коллегами западные музыкальные рынки успешно осваивают молодые коллективы из Тувы, продолжающие аранжировать традиционную тувинскую музыку в сочетании традиционных элементов и современных тенденций.

Соответственно благодаря этому успеху тувинского горлового пения, которое имеет влияние на международные культурные связи, на развитие этнокультурного туризма и пр., он может рассматриваться в качестве одного из брендов современной тувинской культуры в целом.

Более того, речь может идти также о хөөмее как этномобилизующем факторе. Весьма говорящим фактом является история песни «Мен — Тыва мен», ставшая гимном Республики Тыва в 2011 г. В тексте этой песни (автор слов Окей Шанагаш, музыки — Кантомур Сарыглар) выражен пафос эпохи национального самоутверждения, духовного и культурного возрождения, что и стало решающим фактором для этого. В том числе в нем упоминается хөөмей (*Өткүт хөөмей ырымга / Өөрүп талаан тыва мен.* — ‘Как тувинец наслаждаюсь я, звонким хөөмеем своим...’), а также горловое пение звучит как обязательный элемент гимна (Государственный гимн ..., Электр. ресурс).

«Песня “Мен — тыва мен” давно завоевала свое авторитетное место в нашем обществе, — сказал глава республики Ш. В. Кара-оол на одном из заседаний правительства в 2011 г., представляя новый гимн. — По отзывам, как экспертов, так и ярких представителей общественности, это музыкальное произведение вызывает у людей, проживающих в Туве, чувство единения и духовного подъема» (Жители Тувы ..., 2011: Электр. ресурс).

Разумеется, как с любым другим востребованным на рынке продукте, случаются попытки отдельных фольклорных исполнителей адаптировать экзотику к вкусу западной публики, или идти на упрощение, выдавая за хөөмей своеобразное «жонглирование» звуком. Но, как правило, такие исполнители никогда не осмеливаются выступать как хөөмейжи перед тувинской публикой, зная строгость и точность ее оценки. Также к своим выступлениям перед земляками очень ответственно относятся самые известные тувинские музыканты — для них это не просто концерт, это особый экзамен. Если на Западе они выступают расслабленно, понимая, что от них ждут только экзотики, то перед тувинцами, особенно в сельской местности, они готовятся гораздо более тщательно, прекрасно понимая, что их хөөмей, их исполнение народных песен будут не только слушаться, но и критически оцениваться.

В целом, хөөмей как особый жанр народного музицирования в общей системе культурных ценностей тувинцев выступает довольно автономным и весьма специфическим явлением. Чтобы донести традицию подобного рода до современности, сохранить ее живой и действенной, народу необходимо было накапливать и в течение веков передавать ее от поколения к поколению. Сохранять и передавать ценный художественный опыт с тем, чтобы через преемственность породить своеобразную целостность искусства — в этом, как известно, особый смысл и историческая миссия традиции, представляющей неповторимое лицо, национальное своеобразие этноса.

Тем не менее, сохраняя свою аутентичность в сфере бытового музицирования среди носителей традиции, этот жанр «экстраординарного» пения в то же время претерпевает существенную трансформацию, проявляя при этом необычайную пластичность. Именно в жизнестойкости и неисчерпаемости творческого начала хөөмея ярко проявляется его способность соответствовать художественным запросам и эстетическим поискам общества на новом этапе бытия, обретая, тем самым, возможность быть переданным следующим поколениям.

В основе дальнейшего развития этой традиции, в первую очередь, лежат поиски современных тувинских музыкантов. Имеются в виду опыты профессиональных и самодеятельных коллективов, отдельных исполнителей по соединению этого искусства с хоровым и сольным пением, что усиливает выразительный эффект звучания. Гибок и состав исполнителей — от соло до ансамблей. Кроме того, хөөмей исполняют представители как самого старшего поколения, так и самого молодого, в чем также прослеживается преемственность, непрерывность традиции. Интересен и творческий поиск молодых музыкантов Тувы в сфере синтеза традиционного и современного, т. е. попытки соединения некоторых образцов поп-, рок-, и джазовой музыки со звучанием хөөмея.

Важно обратить внимание на то, что в случае использования хөөмея в сочетании с современными формами музицирования существенно видоизменяется контекст функционирования и самого хөөмея. Кроме того, нельзя забывать и о том, что хөөмей в Туве — это не только экспериментальный материал, а традиционное искусство, имеющее глубокие корни.

В настоящее время одним из способов сохранения и передачи знаний об исполнительском искусстве хөөмея последующим поколениям является, естественно, преподавание его в учебных заведениях. Но, поскольку в устной традиции никогда не использовались письменные формы передачи знаний, то никогда не существовало и никаких письменных разработанных учебных программ. Знания по этой исполнительской технике в тувинской культуре традиционно передавалось только изустно.

С 1990-х годов в некоторых детских музыкальных школах районов и в Кызылском колледже искусств начали преподавать горловое пение известные хөөмейжи. Однако эти преподаватели обучали своих учеников лишь опираясь на личный исполнительский опыт. И эти занятия были только факультативными и в перечень основных дисциплин учебных программ не входили, впрочем, как и сейчас. В государственных образовательных стандартах такого предмета нет. Существуют пока только авторские программы, разработанные самими преподавателями, ведущими обучение хөөмею. В 2016 г. специалистом Центра тувинской культуры, известным исполнителем хөөмея Х. К. Ховалыгом при участии некоторых преподавателей-хөөмейжи была предпринята попытка разработать единую программу, которая учитывала бы опыт преподавания на основе всех авторских программ. Однако эта разработка так и осталась не утвержденной УМК Минкультуры РТ.

Тем не менее обучение хөөмею может быть не только индивидуальным, но и групповым. Это показывает опыт работы Народного хөөмейжи Республики Тыва Конгар-оола Ондара, внедренный в Республиканской школе искусств (РШИ). Его ученики сейчас — одни из сильнейших хөөмейжи, составляющих основу всемирно известной группы «Алаш». Поэтому можно сказать с уверенностью, что обучение хөөмею в изменившихся условиях современности может успешно опираться как на традиционный опыт индивидуального получения знаний, так и на групповую методику обучения.

Однако, вызывает определенную тревогу такой момент: при стандартизированной форме обучения в учебных заведениях на основе европейской теории музыки начинает теряться высочайшая степень импровизационности, которая была присуща мастерам старшего поколения. В исполнении молодых хөөмейжи больше прослеживается отсутствие способности импровизировать и их исполнения больше становятся похожими друг на друга, как будто они заучивали выступление по одному и тому же нотному тексту. А выступления таких знаменитых представителей старшего поколения, как Ак-оол Кара-Сал, Хунаштаар-оол Ооржак, Максим Дакпай, Алдын-оол Севек и других — никогда не были похожими, даже в том случае, если они все исполняли, например, только сыгыт. У каждого из этих мастеров был свой сыгыт, свой хөөмей, свой каргыраа. Их никак нельзя было перепутать, каждый был узнаваем именно по своему собственному способу воспроизведения хөөмея. В этом и заключалась вся прелесть их исполнения и все богатство традиционной культуры устного типа.

В настоящее время наблюдается определенное противоречие между тем, как обучались аутентичным формам хөөмея раньше и тем, как преподается это искусство сегодня в учебных заведениях. В условиях традиционной культуры становление исполнителя, поиск собственной манеры исполнения происходило в основном самостоятельно с опорой на звуки окружающей природы. Сегодня в учебных заведениях обучение вынуждено подчиняться конкретным требованиям учебных программ, поэтому происходит стандартизация и унификация исполнительского процесса.

Правовая охрана, легитимизация хөөмея

Хөөмей, как и любая другая форма творчества, нуждается в правовой охране. В этом вопросе можно усматривать по меньшей мере два аспекта.

Первое. Важным является правовая охрана деятельности исполнителей тувинского горлового пения — певцов. Безусловно, правовой статус хөөмейжи (исполнителя тувинского горлового пения) тесно связан с его деятельностью по популяризации, сохранению, развитию хөөмея. Как гласит Закон РТ «О государственных наградах Республики Тыва» почетное звание «Народный хөөмейжи Республики Тыва» присваивается «выдающимся исполнителям уникального горлового пения, владеющим всеми его жанрами: хөөмей, сыгыт, каргыраа, борбаннадыр, эзенгилээр, а также отдельными его стилями, работающим в профессиональных творческих коллективах или активно участвующим в художественной самодеятельности не менее 10 лет, пропагандирующим уникальное тувинское искусство среди населения республики и за ее пределами» (О государственных ..., Электр. ресурс).

На сегодня звание «Народного хөөмейжи» имеют 26 исполнителей, большинство из которых профессионально занимаются концертной деятельностью. Особенности техники исполнения хөөмея требуют значительных сил от музыкантов, многолетние выступления которых буквально выматывают их здоровье. Этот факт поднимался З. К. Кыргыс вместе с артистами, он долгое время обсуждался не только в артистических кругах, но и медицинской общественностью республики, ставился на совещаниях республиканской власти. Но только в 2011 г. проблема была решена на федеральном уровне, когда в Единый квалификационный справочник приказом Министерства здравоохранения и социального развития России дополнительно была включена должность «Артист горлового пения (хөөмейжи)» (Приказ Минздравсоцразвития ... , Электр. ресурс). Обретение нового статуса дало право тувинским хөөмейжи пре-

тендовать на снижение рабочего стажа, необходимого для начисления трудовой пенсии по выслуге лет. Вопрос об этом поднимал народный хөөмейжи Тувы, заслуженный артист Российской Федерации К. Ондар в ходе встречи Президента России Дмитрия Медведева с деятелями культуры и искусства в Москве 24 марта 2011 г. Президентом тогда было дано поручение Минздравсоцразвития проработать вопрос о снижении пенсионного порога для хөөмейжи.

Профессия хөөмейжи, как и любая другая профессия, требует и специальных знаний, умений, навыков, а также особых условий для трудовой деятельности. И именно этот спектр вопросов предусматривает трудовое законодательство, в котором профессия хөөмейжи нашла свое место, что стало безусловно большой организационной победой всех людей, причастных к проблемам сохранения и развития хөөмея.

Второе. Правовая охрана для самого хөөмея нужна в следующем. Наблюдается тенденция к аналогии с так называемым европейским механизмом звукоизвлечения (двухголосия). Некоторые исполнители относятся к хөөмею, как к простому шоу, с применением элементов сольного двухголосия. Разные стили стали сливаться, и находиться в состоянии потенциальной угрозы исчезновения. Если сольное двухголосие хөөмея далее будет практиковаться исключительно как техника двухголосного звукоизвлечения или эффектный способ воздействия на слушателей, то тувинский хөөмей потеряет те качества, которые присущи устному творчеству — свою естественность, непринужденность и преобладание духовного начала.

Отчасти эту проблему надо, по нашему мнению, начинать с самого признания хөөмея как традиционной формы тувинского музыкального искусства. Поскольку горловое пение тувинцев признано одним из самых богатых на жанры, виды, подвиды, хөөмей может и должен быть внесен в государственные и межгосударственные реестры как достояние тувинской этнической культуры, но не для того, чтобы претендовать на первенство и пр., а чтобы утверждать и сохранять его уникальность, своеобразие. Само наличие богатства и неограниченного многообразия видов и подвидов тувинского хөөмея, а также и многочисленность первоклассных исполнителей-хөөмейжи в Туве, не оставляют места сомнениям по поводу глубины его корней в тувинской культуре. Такие неоспоримые и очевидные факты не вызывают у самих тувинцев претензий ни на первенство, ни на так называемую «пальму первенства», поскольку они знают, что это искусство им было передано от их предков, а не было скопировано по современным аудио и видеозаписям. Именно такое огромное количество доказательного практического материала также фиксируется и научными исследованиями.

В каталоге объектов нематериального культурного наследия народов России, которое ведет Министерство культуры РФ (<http://www.rusfolkknasledie.ru>), тувинское горловое пение (*Tuvan throat singing Khoomei*) зарегистрировано Республиканским центром народного творчества Республики Тыва, как «сольное, музыкально-поэтическое, бурдонно-обертонное двухголосное пение, бытующее в разных стилях и множестве разновидностей. Сольное двухголосное горловое пение возникло в среде кочевников Саяно-Алтайского нагорья и является достоянием ряда народов данного региона (тувинцев, хакасов, алтайцев, монголов). Однако, именно в Туве оно приобрело высокую степень развития, богатство стилей и разновидностей. Главной особенностью хөөмея является то, что это искусство передается от поколения к поколению на протяжении столетий, представляя собой историческую и культурную память народа».

Как гласит карточка объекта, «хөөмей представляет собой философскую идею тувинского народа в отношении к природе и жизнедеятельности. Будучи жизненным знаковым явлением хөөмей использовался во всех видах деятельности: бытовой, трудовой, культово-религиозной, отсюда его различные функции и приемы (стили). В комплексе как система (тембр, регистр, техника звукоизвлечения хоректээр, думчуктаар, стилевое разнообразие и тюркские фонетические особенности языка) горловое пение проявляется только в тувинской культуре».

Надо сказать, что если в российский реестр тувинское горловое пение попало, то в главном международном списке — Списке нематериального культурного наследия человечества (Intangible Cultural Heritage List) ЮНЕСКО (специализированного учреждения ООН по вопросам образования, науки и культуры) — его нет. Из российских культурных ценностей в нем есть только культурное пространство и устное творчество семейских — староверов Забайкалья, а также и якутский героический эпос «Олонхо». Горловое пение народов Центральной Азии в нем зарегистрировала только Монголия, причем в формулировке «Традиционное монгольское певческое искусство хөөмей» в 2010 г. (Mongolian traditional art of Khöömei, Электр. ресурс).

Целесообразность внесения в этот список тувинского горлового пения — дискуссионный вопрос. С одной стороны, в одно время в общественном дискурсе, причем на международном уровне, обсуждались вопросы о том, у какого народа Центральной Азии, практикующего также горловое пение, этот вид му-

зыкального искусства древнее, богаче и пр., какая территория должна считаться прародиной хөөмея... Подобные дискуссии, на наш взгляд, должны вестись только в контексте научных исследований традиций, жанров, особенностей их истории и их взаимосвязей, безотносительно того, кому сейчас «отдавать пальму первенства». С другой стороны, сам факт внесения определенного объекта культурного наследия в международный список не дает права никакому народу, нации претендовать на эту же самую «пальму первенства». Во-первых, экспертиза, которую проходит заявка, должна опираться на научные исследования, но это далеко не всегда очевидно. А, во-вторых, если весь регион Центральной Азии является ареалом распространения горлового пения, то было бы гораздо конструктивнее и политкорректнее считать хөөмей нашим общим культурным достоянием, а не тянуть каждому «одеяло» на себя... Об этом же писал этномузыковед Т. Левин, способствовавший появлению на западном музыкальном рынке тувинских горловок. В начале 1990-х годов руководство Тувы, обеспокоенное тогда по социалистической привычке «бегством» музыкантов на Запад и их заработками, предлагало ввести лицензионный сбор с горловок (причем не только тувинских), которые зарабатывали в твердой валюте. Но реализовать свои намерения не смогло, поскольку как минимум это требовало правовой базы — патента на музыкальный стиль и технику, что было сродни патентованию языка. Горловое пение — это общественное достояние, подчеркнул Т. Левин (Левин, 2012: 53).

Внесение объекта культурного наследия в список ЮНЕСКО — факт возможно приятный и дающий возможность ссылаться на международный статус, международное признание и пр., но он не дает особых преференций. Как показывают современные события в мире, даже статус объекта всемирного наследия, находящегося под охраной ЮНЕСКО, которое было у старого города в Алеппо (Сирия), не уберегло ведь его от разрушения в ходе военных действий...

Поэтому важнее понимать то, что тувинцы же сами, безо всякого ЮНЕСКО, сохраняли и развивали свой хөөмей столетиями и донесли его до наших дней.

На наш взгляд, есть более важная работа — необходимо создать теорию тувинской музыки, которая позволила бы легитимизировать правильную методику обучения студентов хөөмею в учебных заведениях культуры. Чтобы сформулировать теорию, нужно достаточное количество доказательного практического материала. А его в тувинской музыке предостаточно, и проявляется он в особой звуковой структуре, выраженном в его бесконечном и богатейшем разнообразии (Сузукей, 2007: 295).

Международное сотрудничество

Для дальнейшего развития хөөмея важно, конечно, международное сотрудничество, как научное, так и практическое. При этом сотрудничество должно быть долговременным, стратегическим, закрепленным также различными соглашениями на определенную перспективу. Сама реализация соглашений, как это и полагается, должна проводиться поэтапно и выражаться в конкретных результатах и последующих новых планах, задачах. Пока же, к сожалению, мы не наблюдаем стабильных, долгосрочных связей у МНЦ «Хоомей», как у специализирующегося на изучении хоомея, с зарубежными центрами по проблематике изучения и популяризации хөөмея. Есть лишь временные контакты во время краткосрочных приездов разных ученых на симпозиумы, энтузиастов-исполнителей на конкурсы. И отсутствие серьезной программы работы в этом направлении уже сказывается в спаде внешнего исследовательского интереса к феномену горлового пения.

При этом на практическом уровне международный интерес к хөөмею все еще сохраняется. Но наблюдается такая тенденция: внимание международной общественности все больше начинает переключаться на исполнение хөөмея представителями из других стран и республик. Кстати, у этих исполнителей в репертуаре можно наблюдать откровенные заимствования у тувинских групп как произведений, так и техники исполнения разных видов хөөмея. Тувинские группы в основном в частном порядке имеют гастроли в разных странах. Но, строго говоря, это эпизодические туры, а не туры, совершаемые на основе постоянных контрактов, подписанных с какими-то большими влиятельными концертными организациями. Можно сказать, что «погружение» тувинских групп в рынок мировой музыки проходит довольно хаотично, бессистемно. Мы далеки от предложения такой систематизации, которая подразумевает контроль и соответствующие ограничения. По нашему мнению, хөөмей, уже воспринимаемый как культурный бренд Тувы, мог бы стать особым направлением культурной политики республики, не контролирующей исполнительскую деятельность, а способствующую ей в том числе в форме грамотного менеджмента.

Здесь можно вспомнить пример Южной Кореи, которая имеет огромные доходы от экспорта своей не только автомобильной, цифровой и другой продукции, но и от продуктов культурной деятельности. На-

растающий во всем мире интерес к южнокорейским дорамам (сериалам) провоцирует приток огромного числа туристов в Южную Корею, которые также в огромных количествах увеличивают продажу косметики, парфюмерии и других сопутствующих товаров потребления. Даже имя одного такого человека, как Брюс Ли, имеет такой же эффект от того, что каждый год к месту его рождения стекается огромное число его фанатов. Еще один пример — это поклонники и подражатели группы «Битлз», также ежегодно приезжающие в Ливерпуль, принося ощутимый доход бюджету города.

Заключение

Культурное наследие, как подчеркивается в документах ООН, не заканчивается на памятниках и коллекциях объектов. Он также включает в себя традиции или живые выражения, унаследованные от наших предков и переданные нашим потомкам: устные традиции, исполнительское искусство, социальные практики, ритуалы, праздничные мероприятия, знания и практики. Несмотря на хрупкость, нематериальное культурное наследие является важным фактором сохранения культурного разнообразия в условиях растущей глобализации.

В том числе для тувинской этнической культуры на сегодня одним из важных элементов является тувинское горловое пение — хөөмей. Его следует рассматривать не только как то, что следует охранять, беречь, развивать. Он сам имеет потенциал для того, чтобы помогать нам — жителям Тувы, самой Туве, если его понимать и грамотно использовать как культурный бренд.

Культурный бренд — это могущественный механизм современного бизнеса, способный обогатить того, кто грамотно может им воспользоваться. К сожалению, в Туве абсолютно не развиты маркетинг и менеджмент, особенно в сфере культуры. Иначе, волна всемирного интереса к хөөмею, которая могла бы приносить не только определенный доход, но могла бы способствовать сохранению и дальнейшему развитию самого хөөмея, неминуемо спадет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абилднес, М. (2017) Тувинская музыка и ее дискография (основные имена, названия, проблемы описания) [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 2. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/706> (дата обращения: ...). DOI: 10.25178/nit.2017.2.6
- Государственный гимн Республики Тыва [Электронный ресурс] // Официальный портал Республики Тыва. URL: <http://gov.tuva.ru/region/gimn/> (дата обращения: 15.01.2019).
- Дмитриев, Л. Б., Чернов, Б. П., Маслов, В. Т. (1992) Тайна тувинского «дуэта» или свойство гортани человека формировать механизм аэродинамического свиста. Новосибирск : б. и. 88 с.
- Жители Тувы в дни празднования 90-летия ТНР услышат новый государственный гимн (2011) [Электронный ресурс] // Комсомольская правда — Красноярск. 12 августа. URL: <https://www.krsk.kp.ru/daily/25734/2724527/> (дата обращения: 15.01.2019).
- Кыргыз, З. К. (1992a) Песенная культура тувинского народа / науч. ред. И. В. Мациевский. Кызыл : Тувин. кн. изд-во. 143 с.
- Кыргыз, З. К. (1992b) Тыва чоннун эртинези хөөмей = Хөөмей — жемчужина Тувы. Кызыл : МП «Новости Тувы». 128 с.
- Кыргыз, З. К. (2002) Тувинское горловое пение. Новосибирск : Наука. 234 с.
- Кыргыз, З. К. (2007) Горловое пение как целостное явление традиционной музыкальной культуры тувинцев : автореферат дис. ... доктора искусствоведения. Новосибирск. 44 с.
- Кыргыз, З. К. (2013) Тайна тувинского горлового пения. Кызыл : ОАО «Тываполиграф». 128 с.
- Левин, Т. К. (2012) Музыка новых номадов : горловое пение в Туве и за ее пределами / при уч. Сузукей ; пер. с англ. И. Куна. М. : Классика-XXI. 332 с.
- Материалы I Международного симпозиума «Хөөмей — культурный феномен народов Центральной Азии» (1992). Кызыл : Типография Госкомитета по печати и информации. 112 с.
- Мелодии «Хөөмея» (1994): [Документы и материалы симпоз., Кызыл, 19–23 июня 1992 г. / редкол.: Ю. Л. Аранчын (отв. ред.) и др. Кызыл : Тувин. кн. изд-во. 110,[1] с.
- Мелодии хөөмея — III: Тезисы III Международного этномузыкалогического симпозиума «Хөөмей — культурный феномен народов Центральной Азии» (2003). Кызыл : ГУП Тываполиграф. 87 с.
- Научные доклады VII-го Международного симпозиума «Хөөмей — культурный феномен народов Центральной Азии», 22–24 июня 2018 г. (2018). Кызыл : ООО «Тываполиграф». 191 с.

О государственных наградах Республики Тыва (с изменениями на 12 января 2018 года) [Электронный ресурс] // Электронный Фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/802049211> (дата обращения: 02.03.2019).

Приказ Минздравсоцразвития РФ от 30.03.2011 N 251н Об утверждении Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих, раздел «Квалификационные характеристики должностей работников культуры, искусства и кинематографии» [Электронный ресурс] // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: <http://legalacts.ru/doc/prikaz-minzdravsotsrazvitija-rf-ot-30032011-n-251n/> (дата обращения: 02.03.2019).

Рекомендация о сохранении фольклора принята Генеральной конференцией на ее двадцать пятой сессии (Париж, 15 ноября 1989 г.) (2002) // Нормативные акты ЮНЕСКО по охране культурного наследия (Конвенции, Протоколы, Резолюции и Рекомендации). М. : Издательская фирма «Юнипринт». 225 с. С. 217–223.

Сузукей, В. Ю. (1993) Бурдонно-обертоновая основа традиционного инструментального музицирования тувинцев. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 1996. – с. 92.

Сузукей, В. Ю. (2001) Хөөмей в контексте современности // Гуманитарные исследования в Туве : сборник научных трудов. М. : Издательство Российского университета дружбы народов. 334 с. С. 313–318.

Сузукей, В. Ю. (2006) Культурно-исторические корни музыкального наследия тувинцев, его функционирование и модернизация в XX веке : дисс. ... д-ра культ. Кызыл. 331 с.

Сузукей, В. Ю. (2007) Музыкальная культура Тувы в XX столетии. М. : Издательский Дом «Композитор». 408 с.

Татаринцев, Б. И. (1998) Тувинское горловое пение. Проблемы происхождения. Кызыл : МНЦ «Хөөмей». 78 с.

Тезисы научных докладов V Международного симпозиума «Хөөмей – культурный феномен народов Центральной Азии», 25–27 июля 2008 г. (2008). Кызыл : ГУП Тываполиграф. 184 с.

Тезисы IV-го Международного этномузыкологического симпозиума «Хөөмей – культурный феномен народов Центральной Азии» (25–28 июня 2003 г.) (2003). Кызыл : б. и. 50 с.

Устав государственного бюджетного учреждения «Международный научный центр “Хөөмей”» [Электронный ресурс] // Международный научный центр «Хөөмей». URL: http://www.khoomey.ru/wp-content/uploads/2016/10/Устав_МНЦ_Хөөмей.pdf (дата обращения: 02.03.2019).

Хөөмейжи Республики Тыва (2015) / сост. В. Ю. Сузукей, Ч. С. Тумат. Кызыл : Типография ООО «Журналист». 192 с.

Mongolian traditional art of Khöömei [Электронный ресурс] // UNESCO. URL: <https://ich.unesco.org/en/RL/mongolian-traditional-art-of-khoomei-00396> (дата обращения: 02.03.2019).

Дата поступления: 05.03.2019 г.

REFERENCES

Abildsnes, M. (2017) Tuvinskaia muzyka i ee diskografiia (osnovnye imena, nazvaniia, problemy opisaniia) [Tuvan music and its discography (principal names, titles, issues of description)]. *The New Research of Tuva*, no. 2 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/706> (access date: 01/02/2019). DOI: 10.25178/nit.2017.2.6 (In Russ.).

Gosudarstvennyi gimn Respubliki Tyva [National anthem of the Republic of Tuva]. *Ofitsial'nyi portal Respubliki Tyva* [online] Available at: <http://gov.tuva.ru/region/gimn/> (access date: 15.01.2019). (In Russ.).

Dmitriev, L. B., Chernov, B. P. and Maslov, V. T. (1992) *Taina tuvinskogo «dueta» ili svoistvo gortani cheloveka formirovat' mekhanizm aerodinamicheskogo svista* [The Mystery of the Tuvan "duo", or the property of the human larynx to form the mechanism of aerodynamic whistling]. Novosibirsk, s. n. 88 p. (In Russ.).

Zhiteli Tuvy v dni prazdnovaniia 90-letii TNR uslyshat novyi gosudarstvennyi gimn [Residents of Tuva during the celebration of the 90th anniversary of the TNR will hear the new national anthem] (2011). *Komsomol'skaia pravda — Krasnoïarsk*, 12 August [online] Available at: <https://www.krsk.kp.ru/daily/25734/2724527/> (access date: 15.01.2019). (In Russ.).

Kyrgys, Z. K. (1992a) *Pesennaia kul'tura tuvinskogo naroda* [The song culture of the Tuvan people] / ed. by I. V. Matsievskii. Kyzyl, Tuvan book publ. 143 p. (In Russ.).

Kyrgys, Z. K. (1992b) *Tuva chonnun ertinezi khöömei* [Khöömei, the pearl of Tuva]. Kyzyl, MP «Novosti Tuvy». 128 p. (In Tuv. and Russ.).

Kyrgys, Z. K. (2002) *Tuvinskoe gorlovoe penie* [Tuvan throat singing]. Novosibirsk, Nauka. 234 p. (In Russ.).

Kyrgys, Z. K. (2007) *Gorlovoe penie kak tselostnoe iavlenie traditsionnoi muzykal'noi kul'tury tuvintsev* [Throat singing as an integral phenomenon of traditional musical culture of Tuvans]: Thesis of Dis. ... Doctor of Arts. Novosibirsk. 44 p. (In Russ.).

Kyrgys, Z. K. (2013) *Taina tuvinskogo gorlovogo peniia* [The mystery of Tuvan throat singing]. Kyzyl, OAO «Tyvapoligraf». 128 p. (In Russ.).

Levin, T. K. (2012) *Muzyka novykh nomadov : gorlovoe penie v Tuve i za ee predelami* [Music of new nomads: throat singing in Tuva and beyond] / with V. Yu. Suzukei; transl. from Engl. by I. Kun. Moscow, Klassika-XXI. 332 p. (In Russ.).

Materialy I Mezhdunarodnogo simpoziuma «Khøømei — kul'turnyi fenomen narodov Tsentral'noi Azii» [Proceedings of the 1st International Symposium "Khøømei, a cultural phenomenon of the peoples of Central Asia"] (1992). Kyzyl, Tipografiia Goskomiteta po pechati i informatsii. 112 p. (In Russ.).

Melodii «Khøømeia» [Melodies of the Khøømei] (1994): Proceedings and materials of an International Symposium. Kyzyl, 19–23 June 1992 / Ed. board: Iu. L. Aranchyn (ed.) et al. Kyzyl, Tuvan book publ. 110,[1] p. (In Russ.).

Melodii Khøømeia — III: Tezisy III Mezhdunarodnogo etnomuzykologicheskogo simpoziuma «Khøømei — kul'turnyi fenomen narodov Tsentral'noi Azii» [Ringtones of Khøømei — III: Abstracts of the III International Symposium ethnomusicological "Khøømei — cultural phenomenon of the peoples of Central Asia"] (2003). Kyzyl, GUP Tyvapoligraf. 87 p. (In Russ.).

Nauchnye doklady VII-go Mezhdunarodnogo simpoziuma «Khøømei — kul'turnyi fenomen narodov Tsentral'noi Azii», 22–24 iyunia 2018 g. [Scientific reports at the VII International Symposium «Khøømei — cultural phenomenon of the peoples of Central Asia», 22–24 June, 2018] (2018). Kyzyl, OOO «Tyvapoligraf». 191 p. (In Russ.).

O gosudarstvennykh nagradakh Respubliki Tyva (s izmeneniiami na 12 ianvaria 2018 goda) [On state awards of the Republic of Tuva (as amended on January 12, 2018)]. *Elektronnyi Fond pravovoi i normativno-tekhnicheskoi dokumentatsii* [online] Available at: <http://docs.cntd.ru/document/802049211> (access date: 02.03.2019). (In Russ.).

Prikaz Minzdravsotsrazvitiia RF ot 30.03.2011 N 251n Ob utverzhdenii Edinogo kvalifikatsionnogo spravochnika dolzhnostei rukovoditelei, spetsialistov i sluzhashchikh, razdel «Kvalifikatsionnye kharakteristiki dolzhnostei rabotnikov kul'tury, iskusstva i kinematografii» [Order of Ministry of health and social development of the Russian Federation of 30.03.2011 and N 251n About the approval of the Uniform qualification directory of positions of heads, experts and employees, section "Qualification characteristics of positions of workers of culture, art and cinematography"]. *Zakony, kodeksy i normativno-pravovye akty Rossiiskoi Federatsii* [online] Available at: <http://legalacts.ru/doc/prikaz-minzdravsotsrazvitija-rf-ot-30032011-n-251n/> (access date: 02.03.2019). (In Russ.).

Rekomendatsiia o sokhranении fol'klora priinaiata General'noi konferentsiei na ee dvadtsat' piatoi sessii (Parizh, 15 noiabria 1989 g.) [Recommendation on the preservation of folklore adopted by the General conference at its twenty-fifth session (Paris, 15 November 1989)] (2002). In: *Normativnye akty IuNESKO po okhrane kul'turnogo naslediiia (Konventsii, Protokoly, Rezoliutsii i Rekomendatsii) [UNESCO Regulations on the protection of cultural heritage (conventions, Protocols, Resolutions and Recommendations)]*. Moscow, Publishing House Iuniprint. 225 p. Pp. 217–223. (In Russ.).

Suzukei, V. Yu. (1993) *Burdonno-obertonovaia osnova traditsionnogo instrumental' nogo muzitsirovaniia tuvintsev [Bourdonne-overtone basis of traditional instrumental music of Tuva]*. Kyzyl, Tuvan book publ. 92 p. (In Russ.).

Suzukei, V. Iu. (2001) *Khøømei v kontekste sovremennosti [Khøømei in the context of modernity]*. In: *Gumanitarnye issledovaniia v Tuve [Humanitarian researches in Tuva]* : collection of scientific works. Moscow, Izdatel'stvo Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. 334 p. Pp. 313–318. (In Russ.).

Suzukei, V. Yu. (2006) *Kul'turno-istoricheskie korni muzykal' nogo naslediiia tuvintsev, ego funktsionirovanie i modernizatsiia v XX veke [Cultural and historical roots of the musical heritage of Tuva, its functioning and modernization in the twentieth century]*: Diss. ... Doctor of Culturology. Kyzyl. 331 p. (In Russ.).

Suzukei, V. Yu. (2007) *Muzykal' naia kul'tura Tuvy v XX stoletii [The Musical culture of Tuva in the twentieth century]*. Moscow, Publishing House Kompozitor. 408 p. (In Russ.).

Tatarintsev, B. I. (1998) *Tuvinskoe gorlovoe penie. Problemy proiskhozhdeniia [Tuvan throat singing: problems of origin]*. Kyzyl, MNTs «Khøømei». 78 p. (In Russ.).

Tezisy nauchnykh dokladov V Mezhdunarodnogo simpoziuma «Khøømei is kul'turnyi fenomen narodov Tsentral'noi Azii», 25-27 iulia 2008 g. [Abstracts of papers given at the 5th International Symposium "Khøømei, a cultural phenomenon of the peoples of Central Asia", 25–27 July 2008] (2008). Kyzyl, GUP Tyvapoligraf. 184 p. (In Russ.).

Tezisy IV-go Mezhdunarodnogo etnomuzykologicheskogo simpoziuma «Khøømei — kul'turnyi fenomen narodov Tsentral'noi Azii» (25–28 iyunia 2003 g.) [Abstracts of papers presented at the 4th International Symposium "Khøømei, a cultural phenomenon of the peoples of Central Asia" (25–28 June 2003)] (2003). Kyzyl, s. n. 50 p. (In Russ.).

Ustav gosudarstvennogo biudzhethnogo uchrezhdeniia «Mezhdunarodnyi nauchnyi tsentr "Khøømei"» [Charter of the state budgetary institution "The International scientific center "Khøømei""]. *Mezhdunarodnyi nauchnyi tsentr «Khøømei»* [online] Available at: http://www.khøømey.ru/wp-content/uploads/2016/10/Ustav_MNTs_Khøømei.pdf (access date: 02.03.2019). (In Russ.).

Khøømeizhi Respubliki Tyva [Khøømeizhi of the Republic of Tuva] (2015) / comp. by V. Yu. Suzukei and Ch. S. Tumat. Kyzyl, Tipografiia OOO «Zhurnalist». 192 p. (In Russ.).

Mongolian traditional art of Khøømei [Mongolian traditional art of Khøømei]. UNESCO [online] Available at: <https://ich.unesco.org/en/RL/mongolian-traditional-art-of-khøømei-00396> (access date: 02.03.2019).

Submission date: 05.03.2019.

DOI: 10.25178/nit.2019.2.7

Коллекция каменных памятников в собрании Национального музея Тувы

Чечена А.-С. Монгуш

Национальный музей им. Алдан-Маадыр Республики Тыва, Российская Федерация

В фондах Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва насчитывается более 160 каменных памятников различных исторических эпох. Все они найдены, в основном, в центральных, южных и западных районах Тувы. Памятники из Тувы также есть в фондах других музеев России и зарубежья. В статье представлена характеристика коллекции, указано время поступления памятников, отмечен вклад ученых-исследователей. Выделены самые интересные памятники, даны их фотографии, примеры надписей, переводы.

Коллекция имеет семь групп памятников: камни с изображениями животных (эпоха бронзы, конец III тысячелетия до н. э. — IX в. до н. э.; оленные камни скифского периода (IX–III вв. до н. э.); каменные антропоморфные изваяния древнетюркского периода (VI–VIII вв.); каменные изваяния древнеуйгурского времени (VIII–IX вв.); стелы с древнетюркской рунической письменностью (IX–XII вв.); каменные памятники периода могущества и расцвета Монгольской империи (начало XIII — конец XIV в.); камни-плиты с тибетскими надписями и на санскрите (конец XIX — начало XX в.). В экспозиции пред-

ставлены 93, остальные расположены в хранилище музея.

Ключевые слова: *руническая письменность; памятник древнетюркской рунической письменности; Национальный музей Тувы; древнетюркская культура*

Для цитирования:

Монгуш Ч. А.-С. Коллекция каменных памятников в собрании Национального музея Тувы [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2019, № 2. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/847> (дата обращения: дд.мм.гг.). DOI: 10.25178/nit.2019.2.7

Rock monuments in the collection of the National Museum of Tuva

Chechena A.-S. Mongush

Aldan-Maadyr National Museum of the Republic of Tuva, Russian Federation

The Aldan-Maadyr National Museum of the Republic of Tuva has more than 160 rock monuments of various periods in its collection. They have largely been found in central, eastern and southern rayons of Tuva. Stones and steles from Tuva can also be seen in a number of museums across Russia and abroad. The article provides a description of the collection, including its most interesting pieces, photos, inscription samples (with translation). We also focus on acquisition dates and contributions made by researchers.

The collection can be categorized into seven chronological groups: stones with animal imagery (Bronze Age, late 3rd millennium BCE — 9th century BCE); Scythian deer stones (9th -3rd centuries BCE); Old Turkic stone anthropomorphic figures (6th — 8th centuries CE); Old Uighur stone sculptures (8th -9th centuries CE); stelae with runic inscriptions in Old Turkic (9th — 12th centuries CE); rock monuments of the heyday of the Mongolian empire (early 13th – late 14th centuries CE); and the stone slabs with inscriptions in Tibetan and Sanskrit (late 19th — early 20th centuries CE). Of all rock monuments, 93 are permanently featured in the museum's exposition, and the rest are preserved in special collection.

Keywords: *runic writing; monuments of Old Turkic runic writing; National Museum of the Republic of Tuva; Old Turkic culture*

For citation:

Mongush Ch. A.-S. Rock monuments in the collection of the National Museum of Tuva. *The New Research of Tuva*. 2019, № 2. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/847> (access date: ...). DOI: 10.25178/nit.2019.2.7

Монгуш Чечена Айыр-Санааевна — заведующая отделом археологии Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Рихарда Зорге, д. 313. Тел.: +7 (929) 317-34-73. Эл. адрес: Chechena1@yandex.ru ORCID ID: 0000-0001-7923-3752

Mongush Chechena Ayir-Sanaayevna, Head, Department of Archaeology, Aldan-Maadyr National Museum of the Republic of Tuva. Postal address: 313 Rikhard Zorge St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (929) 317-34-73. E-mail: Chechena1@yandex.ru

Введение

Национальный музей им. Алдан-Маадыр Республики Тыва (НМ РТ) имеет богатую уникальную коллекцию каменных памятников древности, свидетельствующих об истории и особенностях духовной и материальной культуры народов Центральной Азии и Южной Сибири. Они включены в «Государственный каталог музейного фонда РФ» (<https://goskatalog.ru/portal/>). На сегодняшний день коллекция насчитывает более 160 каменных памятников, отличающихся по виду и содержанию, и относящихся к различным историческим периодам, начиная от эпохи бронзы и до средневековья. Каменные памятники, выполненные искусными мастерами-художниками и каменотесами древности, не теряют своей уникальности и актуальности по сегодняшний день. Они являются высокохудожественными образцами памятников монументального искусства древности, их почитают и продолжают им поклоняться многие современные тюркские народы.

В статье анализируется коллекция каменных памятников, находящихся в тувинском музее¹. Рассматриваются особенности каждой группы коллекции, техника их выполнения, смысловое содержание. Дается анализ многолетнего наблюдения и фиксирования проявления у современных тувинцев почитания и поклонения каменным памятникам.

При написании статьи автор опиралась на научные труды отечественных ученых: Л. Р. Кызласова (Кызласов, 1969), А. Д. Грача (Грач, 1980), С. И. Вайнштейна (Вайнштейн, 1974), М. А. Дэвлет (Дэвлет, 1990), И. В. Кормушина (Кормушин, 1997, 2008), Д. Д. Васильева (Васильев, 1983), В. А. Семенова, М. Е. Килуновской (Килуновская, Семенов, 1998; Килуновская, 2009).

Комплектование фондов

Об археологических памятниках Тувы стало известно к началу XVII в. Русские послы неоднократно посещали территорию Тувы. В 1616 г. атаман В. Тюменец и десятник И. Петров, ездившие из Томского острога через Хакасию, Саянский хребет и Туву к западномонгольскому алтын-хану на оз. Убсу-Нур, проезжая по долинам рек Ак-Суга и Хемчика заметили развалины уйгурских крепостей VIII–IX вв. В 1701 г. известный картограф и историк Сибири С. У. Ремезов, по сообщению русских послов, включил в свою составленную «Чертежную книгу Сибири» уйгурскую крепость на острове оз. Тере-Холь (Кызласов, 1969: 5).

В 1915–1916 гг. впервые в истории Тувы, на территории Турано-Уюкской котловины, раскопки проводил археолог-сибиревед из Томска А. В. Адрианов. Материалы раскопок хранятся в Томском государственном университете (Грач, 1980: 10). В конце 1920-х годов исследования в этом же месте проводил известный ленинградский археолог С. А. Теплоухов, находки работы которого поступили в Государственный Эрмитаж (История Тувы, 2014: 5).

В 1929 г. на заседании Политбюро Центрального комитета Тувинской народно-революционной партии (ЦК ТНРП), впервые в Туве, был создан музей — Государственный музей Тувинской Народной Республики (ТНР), который, правда, в течение нескольких лет не имел постоянного подходящего помещения. В 1942 г. музею было передано двухэтажное здание в г. Кызыле по улице Щетинкина-Кравченко, а в 1946 г. Областной исполком трудящихся Тувинской автономной области выделил освободившееся здание по улице Ленина д. 7, где до этого размещался национальный театр (Дыртык-оол, 2006: 14–36). Музей находился в этом здании до февраля 2008 г., затем он переехал в новое здание по ул. Титова, д. 30, где находится и поныне.

Как отмечает А. Д. Грач, в начале 1940-х годов работу по учету и охране археологических памятников Тувы начал проводить Тувинский республиканский музей. Первым руководителем экспедиции стал командированный из Москвы научный сотрудник Н. М. Богатырев. В 1941 г. экспедиция работала в Пий-Хемском районе, а в 1942 г. — в Барун-Хемчикском (Грач, 1980: 11–12).

Первая экспедиция 1941 г. была поддержана в районах местными властями. Об этом свидетельствует постановление, принятое в 1942 г. Барун-Хемчикским хошунным комитетом ТНРП и Президиумом хошунного хурала депутатов трудящихся, в котором говорилось о необходимости «взять под особое наблюдение курганы, старинные могилы, пещеры, каменные изваяния, стелы, наскальные изображения, старые места металлообработок, остатки хурээ и других построек» (цит. по: Грач, 1980: 12).

¹ Помимо НМ РТ, каменные памятники, найденные в Туве, хранятся, также в других музеях: например, в Минусинском, Абаканском, Красноярском музеях, в Эрмитаже, в Музее антропологии и этнографии АН СССР г. Санкт-Петербурга, в Историческом музее г. Москвы, в Национальном музее г. Хельсинки (Финляндия). А часть памятников продолжает оставаться на местах под открытым небом.

На территории Пий-Хемского района под руководством директора музея Д. Б. Данзын-оола было обследовано тогда 492 кургана. На каждый курган была заведена учетная карточка Института материальной культуры Академии наук СССР по установленной форме. Сотрудники музея находили каменные плиты с надписями и рисунками возле поселков Аржаан и Чкаловка. В дальнейшем они были включены в экспозицию музея (Дыртык-оол, 2006: 31).

Вторая экспедиция Государственного музея ТНР состоялась летом 1942 г. в западных районах: Барун-Хемчикском, Бай-Тайгинском, Сут-Хольском. Основной задачей ее являлось описание археологических памятников. Отряд также возглавлял директор музея Д. Б. Данзын-оол. Всего было обследовано 103 кургана, множество каменных изваяний, стел с петроглифами (там же: 31).

Тогда же памятники начинают поступать в фонды тувинского музея. Одним из первых поступивших памятников является оленный камень Уюк-Туран, с номером ЕЗ, с изображениями животных, древнетюркской рунической надписью и тамгой (*фото 1*). Камень был обнаружен местным жителем В. П. Фунтиковым в 1886 г. на месте современного города Турана, в 3 км от впадения р. Туран в р. Уюк. Древние изображения животных покрывала тюркская руническая надпись в 6 строк. В паспорте памятника, составленный И. В. Кормушиным в 1993 г., записано, что надпись посвящена герою Очин-Кюлюг-тирига и предстает как подробное прощание меморианта не только с супругой, сыновьями, родственниками, государством, ханом, но и с малой родиной — землями на реке Өөк (Уюк), главной рекой Уюкско-Туранской котловины. В тексте упомянуты зятья и невестки, чего нет в некоторых надписях региона. Памятник датирован IX–III вв. до н. э., а надпись — IX–XI вв. Стела была доставлена в музей в 1943 г.

В 1951–1958 гг. в Туве полевые исследования проводила экспедиция Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, руководителем которой был С. И. Вайнштейн. С середины 1950-х гг. и до 1982 г., в Туве работала археологическая экспедиция Московского государственного университета под руководством Л. Р. Кызласова (История Тувы, 2014: 5).

В конце 1950-х — начале 1960-х гг. велись археологические исследования несколькими отрядами. Руководили ими С. И. Вайнштейн, А. Д. Грач, В. П. Дьяконова в составе тувинской комплексной экспедиции, возглавлявшийся Л. П. Потаповым (там же: 5). С 1960 по 1980 гг. археологическую экспедицию Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (ТНИИЯЛИ) возглавлял М. Х. Маннай-оол. Среди объектов исследования был известный царский курган Аржаан. Научный консультант раскопок — ленинградский профессор М. П. Грязнов. В 1974 г. на территории Пий-Хемского района экспедицией ТНИИЯЛИ обнаружены три крупных стелы. Камни были повалены и лежали на полевых площадях в урочище Оорзак, в бассейне р. Уюк. В том же году памятники были доставлены в тувинский музей (Чадамба, Васильев, 1980: 131).

В течение 19 лет, с 1965 по 1984 г. в Туве проводила полевые исследования Саяно-Тувинская экспедиция Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (СТЭАН, ныне — Институт истории материальной культуры РАН). Организатором и начальником до 1973 г. был А. Д. Грач, с 1973 по 1984 гг. начальником был С. Н. Астахов (Длужневская, Савинов, 2007: 7–8). В результате исследований на территории зоны затопления в Центральной Туве и Саянском каньоне Верхнего Енисея было изучено и спасено более сотни тысяч объектов археологии. В состав экспедиции входили известные ученые А. Д. Грач, Д. Г. Савинов, Ю. И. Трифонов, С. Н. Астахов, И. У. Самбу, А. М. Мандельштам, Г. В. Длужневская, М. Х. Маннай-оол, В. А. Семенов и многие другие (История Тувы, 2014: 5).

С 1985 г. и по настоящее время на территории Тувы ежегодно работает Тувинская археологическая экспедиция Института истории материальной культуры РАН г. Санкт-Петербурга, под руководством ученых В. А. Семенова и М. Е. Килуновской. Экспедиция проводит исследования во многих районах республики: Кызылском, Чаа-Хольском, Улуг-Хемском, Овюрском, Пий-Хемском. Изучено десятки могильников, стоянок и много других памятников. Раскопки и исследования проводятся, прежде всего, для спасения исторического наследия в зонах строительства тех или иных объектов.

В результате вышеперечисленных экспедиций в фонды тувинского музея с 1940-х гг. по сегодняшний день поступили более 160 каменных памятников различных эпох, собранных практически со всех районов Тувы. Это оленные камни, стелы с руникой, каменные изваяния, плиты и камни с петроглифами, с тибетскими надписями, камни монгольского периода. Самые многочисленные группы коллекции — оленные камни и каменные изваяния. В экспозиции музея представлены 93 различных камней, из них 18 изваяний и оленных камней установлены по периметру здания. Остальная часть хранится в хранилище.

Коллекция камней с каждым годом пополняется. В последние годы, в основном, поступают оленные камни, которые музей принимает от Тувинской археологической экспедиции Института Истории материальной культуры РАН г. Санкт-Петербурга (ИИМК РАН), под руководством ученых В. А. Семенова и М. Е. Килуновской. За последние два года в фонды музея экспедицией, совместно с сотрудниками музея, сданы 9 оленных камней с Саглынской долины Овюрского района, которые находились вблизи автомобильной дороги.

Общая характеристика памятников музея

В коллекции тувинского музея насчитывается 7 групп камней, каждая из которых уникальна и своеобразна по своему выполнению, семантике и содержанию.

К эпохе бронзы (конец III тысячелетия до н. э. — IX в. до н. э.) относятся камни с изображениями животных. На них присутствуют композиции, в которых представлены хищники, преследующие копытных. Кроме этого, в экспозиции есть камни с рогатыми личинами, доказывающие существование в то время шаманов — проводников между мирами людей и духов (Дэвлет, 1990: 3).

Материалом для древних художников служили небольшие камни — валуны округлой, неправильной формы, светло-зеленого, серого, серо-розового, черного оттенков. Изображения выполнялись обычно в технике точечной выбивки острым металлическим инструментом. Это небольшая группа камней, всего их 4 ед. в экспозиции. Они привезены из Овюрского района, из м. Догээ-Баары, из урочища Бедилиг-Аксы, в 5 км выше устья р. Чинге. В музей доставлены в 1970-е годы членами экспедиции СТЭАН.

Следующая группа памятников датируется скифским периодом (IX–III вв. до н. э.). К ним относятся оленные камни, обнаруженные в центральных, южных и западных районах республики. На сегодня их в музее более 40 единиц хранения, это самая большая группа камней. Они представляют собой четырехгранные, овальные в сечении камни, с высотой от 1 до 3,5 м.

Свое название камни получили, соответственно, по изображенным на них фигур оленей. Памятники устанавливались вблизи скифских могильников, у поминальных сооружений. Оленные камни, сохраняющие иногда антропоморфные черты, являлись изображениями первопредка, медиатора, осуществляющего связи между миром живых и мертвых (Килуновская, 2009: 64). Как считает М. Е. Килуновская, оленные камни делятся на 4 типа: 1) общеевропейский — на них выбивались только гривна и пояс, на некоторых оружие. На камнях средними размерами, сверху выбита широкая полоса-диадема. Под ней по бокам выбиты большие контурные круги — «серьги». Ниже них цепочка овальных лунок — «ожерелье». На некоторых камнях в нижней части изображены кинжалы и решетчатые рисунки; 2) саяно-алтайский — с реалистичными изображениями животных (маралов, кабанов, лошадей и др.); 3) монголо-забайкальский — с изображениями стилизованных фигур оленей; 4) смешанный тип — где выбиты «серьги», «ожерелья», кинжалы, конские силуэты. Самыми ранними по датировке видами считаются камни монголо-забайкальского типа, где выбиты силуэты оленей с «клювообразными мордами» и ветвистыми рогами, изображенными в «летучем галопе» (Килуновская, 1998: 143–154).

В коллекции музея представлены оленные камни, где размещены силуэты оленей с ветвистыми рогами, направленными вверх к солярному знаку — солнцу. Знаменитый скифский курган «Аржаан-2» (вторая половина VII в. до н. э.) сверху был покрыт многочисленными каменными плитами, на некоторых из них также были изображены олени. Пять из них сейчас экспонируются в «золотом» зале музея. Олень, точнее марал, считался тотемом скифов, это священное солнечное животное, быстроногое как лошадь, олицетворяло движение солнца. Также напомним, что на вершием головного убора скифского «царя», погребенного в кургане Аржаан-2, служила золотая фигурка оленя, «стоящего на цыпочках». Под ним на поля головного убора крепились 4 золотые фигурки лежащих лошадей с подогнутыми ногами. В навершии одной из золотых шпилек скифской «царицы» также выполнен «стоящий на цыпочках» олень (его изображение сегодня стало логотипом тувинского музея). Можно предположить, что чем выше изображение оленя, тем оно ближе к солнцу.

Среди коллекции есть своеобразные оленные камни с изображениями животных и других рисунков, покрытые руникой (которые мы отнесли к другой группе, см. далее).

Камни в музей начали поступать с 1943 г., и до сегодняшнего дня коллекция пополняется. В музей сданы членами экспедиций СТЭАН и ИИМК РАН.

Большой интерес в коллекции стелария тувинского музея вызывают *каменные антропоморфные изваяния древнетюркского периода*, датируемые VI–VIII вв. Всего их 33 единицы.

Каменные фигуры людей, имеющие местное название *кижи-кожээ* («человек-камень»), выполнены из различных пород камня: мрамора, сланца, гранита и песчаника (Кызласов, 1969: 29). Они всегда изображают мужчин и преимущественно воинов, это связано с поминальным обрядом. Изваяния умерших воинов мастера-каменотесы украшали изображением наборного пояса, к которому подвешены меч и сабля, иногда кинжал, боевая булава, ножи в ножнах и мешочки с дорожными инструментами, амулетами и огнивом. Их лицам старались придать портретное сходство с умершим, детализируя формы усов, бороды, манеру ношения сережек, иногда, индивидуализируя черты лица и его выражение. Все фигуры изображены держащими в одной руке, обычно в правой, сосуд для питья (там же: 26–30). Каменные изображения воинов с сосудом в руке ставили рядом с их могилой. Сосуд означал участие погибшего воина в поминальном пире, устраиваемом его родственниками и соратниками возле оградок могил. При этом поминающие обращались к нему и «разговаривали» с ним, принося ему жертву в виде кусочков пищи, которую сжигали на жертвенном огне, чтобы умиловить его душу. Таким образом, считалось, что в поминальном пиру участвует душа умершего воина, получающая пищу и питье через жертвенный огонь (там же: 32–42).

Наличие сережек у некоторых изваяний, подтверждает о том, что, мужчины тоже носили сережки. У каменного изваяния с р. Чыргакы Дзун-Хемчикского р., привезенного Л. Р. Кызласовым в 1962 г., в ушах изображены серьги в виде колец с каплевидными подвесками. Традиция ношения сережек у мужчин древнетюркского периода, берет начало у скифских племен. У «царя» погребенного в известном кургане Аржаан-2, найдена золотая серьга с бирюзовыми вставками, которая сейчас выставлена в экспозиции тувинского музея.

Камни этой группы были обнаружены в центральных, южных и западных районах республики в 1950–1970-е гг. экспедициями А. Д. Грача, Л. Р. Кызласова и др. Как отмечает А. Д. Грач, первые каменные изваяния в центральной Туве были обнаружены в 1881 г. А. В. Адриановым во время его путешествия по Туве и Алтаю (Грач, 1961: 10). Как считают ученые-исследователи Тувы, по количеству обнаруженных каменных изваяний Тува занимает первое место в Саяно-Алтайском нагорье (История Тувы, 2001: 104).

В древнеуйгурское время (VIII–IX вв.) традиция создания мужских каменных изваяний продолжилась. Это были более реалистичные и тщательно изготовленные скульптуры мужчин — памятники особо отличившимся героям-воинам. Изваяния уйгурского времени также отличаются от каменных фигур тюркского периода наличием изображенных особых шапок или кос, рельефно изображенными сосудами, обычно это узкогорлые кувшины на поддонах, которые фигуры держат обеими руками. Они имеют пояса, чаще всего со многими подвесками, среди которых обычны фигурные бляшки с сердцевидными отверстиями. Эти изваяния высекались только из серого гранита. У всех изваяний детально показаны головной убор, шапка-ушанка или прическа (Кызласов, 1969: 82).

Среди каменных изваяний музея представлено *одно изваяние данного периода* из урочища Шеми Улуг-Хемского района, на котором детально и четко показана прическа с косичкой (*кежеге*). Об этом памятнике подробно писал С. И. Вайнштейн (Вайнштейн, 1974: 63–67).

В коллекции стелария важное место занимают *стелы с древнетюркской рунической письменностью*, датируемые IX–XII вв. Камни доставлены в основном из центральных районов Тувы — Улуг-Хемского, Чаа-Хольского, Пий-Хемского и Кызылского. Памятники представляют собой продолговатые каменные стелы высотой от 1 до 3 метров, которые содержат небольшие тексты, состоящие из резных рунических знаков, направленных снизу — вверх. Это памятные надписи в честь каганов и полководцев, их надгробные обращения к своим соплеменникам. В них говорится о богатстве, о военных и государственных заслугах, о скорби усопших по жизни и оставленным родичам (История Тувы, 2014: 102).

Из источников известно, что письменность создана в середине VI в. с образованием государства тюрков-тюю. Она получила значительное распространение среди аристократического слоя населения (История Тувы, 2014: 103). Этой письменностью пользовались уйгуры (VIII–IX вв.) и енисейские кыргызы (IX–XII вв.) (там же: 149). В VIII–IX вв. местные племена Тувы пользовались енисейским вариантом этой письменности. Письменность была утрачена во времена нашествий монгольских племен (XIII–XIV вв.) (там же: 131). Древнетюркская руническая письменность была расшифрована датским ученым В. Томсенем в 1893 г. (Кормушин, 1997: 4).

Стелы рунической письменности изучались комплексно в числе других объектов древней истории Тувы. Нахождение памятников, их изучение и доставка в фонды музеев осуществлялись рядом известных зарубежных, советских и российских ученых: И. Р. Аспелин, А. В. Адрианов, А. Д. Грач, С. И. Вайнштейн, Л. Р. Кызласов, И. В. Кормушин, Д. Д. Васильев и др.

У каждого памятника свое сокращенное условное обозначение в виде буквы *E*, что означает *енисейская письменность тюрков*, с порядковым номером (Батманов, Кунаа, 1963: 4).

Перечислим памятники, хранящиеся в тувинском музее: E3 (Уюк-Туран); E5 (Барык I); E6 (Барык II); E7 (Барык III); E8 (Барык IV); E14 (Чаа-Холь II); E17 (Чаа-Холь V); E18 (Чаа-Холь VI); E18 (Чаа-Холь VI); E20 (Чаа-Холь VIII); E21 (Чаа-Холь IX); E22 (Чаа-Холь X); E23 (Чаа-Холь XI); E43 (Кызыл-Чыраа I); E44 (Кызыл-Чыраа II); E45 (Кожээлиг-Хову); E46 (Телээ); E52 (Элегест II); E53 (Элегест III); E54 (Оттук-Даш III); E59 (Хербис-Баары); E65 (Кара-Булун I); E66 (Кара-Булун II); E70 (Элегест IV или Ир-Холь); E73 (Ийме); E92 (Демир-Суг); E96 (Хемчик-Бом); E100 (Баян-Кол); E108 (Уюк-Оорзак I); E109 (Уюк-Оорзак II); E110 (Уюк-Оорзак III); E147 (Ээрбек I); E149 (Ээрбек II). Всего 33 камня.

Памятники рунической письменности Тувы хранятся и в других музеях страны и зарубежья. В 1877 г. в Минусинске открылся первый краеведческий музей Сибири. Фонды музея пополнился каменными памятниками из Тувы, привезенными А. В. Адриановым (Длужневская, Савинов, 2007: 26). В 1890 г. для каменных стел Минусинской котловины, Тувы и Хакасии там было отстроено специальное здание. На сегодняшний день в музее хранятся 15 памятников из Тувы: E1 (Уюк-Тарлак); E2 (Уюк-Аржан); E4 (Оттук-Даш I); E10 (Элегест I); E11 (Бегре); E13 (Чаа-Холь I); E19 (Чаа-Холь VII); E41 (Хемчик-Чиргак); E42 (Бай-Булун I); E49 (Бай-Булун II); памятники, первоначальное местонахождение неизвестно — E50; E51; E55; E64; E68 (Эль-Бажы); E69 (Чер-Чарык) (Кормушин, 2008: 90–165; 2009: 27). По данным И. В. Кормушина, в 1888 г., одна стела с надписью под номером E16 (Чаа-Холь IV) из Тувы, была вывезена в Финляндию Й. Р. Аспелиным. Стела сейчас экспонируется в Национальном музее Финляндии, Хельсинки, в хранилище г. Сеппя (Кормушин, 2009: 28). В Государственном Эрмитаже, в числе находок Красноярской экспедиции Ленинградского отделения института археологии АН СССР, хранятся роговая псалля и поясная бляха с тюркскими руническими надписями, которые были найдены в 1971 г. вблизи известного кургана Аржан, в каменном развале наземного сооружения (Васильев, 1983: 15).

Среди памятников енисейской рунической письменности в собрании тувинского музея, выделяются интересные своеобразные стелы, отличающиеся по своему содержанию и характеру. Это оленные камни с изображениями оленей и других животных скифской эпохи (IX–III вв. до н. э.), покрытые руникой. Стелы были использованы резчиками рунических эпитафий как готовые формы с обработанной поверхностью. Тексты размещались на наиболее свободной поверхности (Чадамба, Васильев, 1980: 132). К ним относятся оленные камни высотой более 2 метров E3 (Уюк-Туран) (*фото 1*), E108 (Уюк-Оорзак I) (*фото 2*), E53 (Элегест III) (*фото 3*).

Фото 1-3: 1 — Оленный камень Уюк-Туран (E3); 2. — Оленный камень Уюк-Оорзак (E108); 3. — Оленный камень Элегест III (E53). Фото А. Куулар, 2019 г.

Photo 1-3: 1. The Uyuk-Turan deer stone (E3); 2. The Uyuk-Oorzak deer stone (E108); 3. The Elegest III deer stone (E53). Photo by A. Kuular, 2019.

В 1973 г. в тувинский музей доставлен интересный оленный камень скифской эпохи Сайгынская плита (E57) (фото 4), из Южной Тувы. Камень представляет собой в сечении вытянутый прямоугольник из серого песчаника. Находился в местности Борбак-Арыг, вблизи с. Самагалтай Тес-Хемского р. Изображения животных оленей частично утрачены и перекрыты тюркской надписью в две строки, расположенной вертикально.

Памятник был обнаружен Ю. Л. Аранчыном в 1952 г., находился в кургане, раскопанном в 1963 г. М. Маннай-оолом. В фонды тувинского музея стелу передал А. Ч. Кунаа.

В экспозиции музея еще одну группу составляют *каменные памятники периода могущества и расцвета Монгольской империи* (начало XIII — конец XIV вв.). В это время в Туву проникло значительное количество монголоязычных племен (История Тувы, 2001: 162). К этому времени известны ремесленно-хлебопашеские поселения, которые создавались для снабжения монгольской армии хлебом и ремесленными изделиями. В 1956–1962 гг. в Центральной Туве экспедиция Л. Р. Кызласова исследовала остатки шести городов и двух поселений. Это были центры ремесленного производства, не имеющие стен городища: Дон-Терек (30 га), Оймак (40 га), Межегейское (42 га), Могойское (11 га), Элегестское (37,5 га), Эргине-Булакское (44 га), земледельческий хутор близ деревни Сосновки и шахтерский поселок на старых Межегейских угольных шахтах. Раскопки выявили, что большинство сооружений представляют собой жилые, административные и храмовые здания, пагоды и рядовые жилища. Они были построены по общим для всей юго-восточной Азии строительным канонам эпохи Сун (960–1279 гг.) и Юань (1260–1368 гг.), характерным для градостроительной культуры городов Монгольской империи (Кызласов, 1969: 140). Каменотесы этого времени изготовляли жернова для мельниц самых разнообразных размеров (диаметром от 14 см до 2 м), статуи божеств, людей, животных, базы колонн. Посредине центральных площадей городов стояли четырехгранные каменные стелы на каменных черепахах, выполненных из песчаника. На таких стелах вырезались тексты указов. Почти во всех таких городах имелись буддийские храмы, часовни и пагоды, дворы с глинобитными стенами и пристройками, в которых жили буддийские монахи. На городище Оймак найдены обломки гранитной статуи Будды, а также высеченная из песчаника буддийская львинообразная химера, так называемая собака Будды (История Тувы, 2001: 167).

В стеларии музея на данный момент выставлены 14 единиц памятников данного периода — это каменные базы колон — остатки основания здания городищ Дон-Терек, Элегест, скульптурный пьедестал для стелы в виде черепахи с утраченной головой из городища Оймак, два каменных льва из урочища Чурумал у р. Баянкольчик. Памятники стояли на могиле монгольской знати возле двух городов Дон-Терек и Оймак. Буддийская химера — «собака Будды», обнаруженная на городище Оймак. Песты для ступы — орудия для размола зерна и рушения проса из городища Оймак. Памятники выполнены из песчаника светлых, лилово-бурых оттенков. Коллекция привезена в музей в 1958–1962 гг. Л. Р. Кызласовым.

В коллекцию каменных памятников музея входят одна из многочисленных малоизученных *камней-плит с тибетскими надписями и на санскрите*, датируемые концом XIX — началом XX в., которые свидетельствуют об активном проникновении в Туву буддизма. Их всего — 6 ед. На одной из них, на плоской плите лилового оттенка изображена вырезной техникой буддийская ступа, в самомверху надпись «хум» на санскрите. На плоскости другой плиты вырезные надписи «ом мани падме хум». В стеларии представлена небольшая плита из белого песчаника, лицевая часть камня полностью покрыта тибетскими надписями, некоторые из них стерты. Где и кем они обнаружены, кому принадлежали — все это нам еще предстоит выяснить.

Таким образом, в тувинском музее хранятся группы каменных памятников различных видов, относящихся к разным временным историческим периодам Тувы. Всего их более 160 единиц, в экспозиции представлены 93. Остальная часть (около 70 камней, а это оленные камни, каменные изваяния, плиты) расположена в хранилище музея.

Фото 4. Сайгынская плита (E57).
 Фото А. Куулар, 2019 г.
 Photo 4. The Saigyn slab (E57).
 Photo by A. Kuular, 2019.

Содержание надписей

Среди коллекции каменных памятников собрания тувинского музея, стелы с руническими надписями (IX–XII вв.) являются именными памятниками, представляющие краткие биографии людей: имя героя, боевые походы, его подвиги, сделанные от имени усопших. Помимо этого, в надписях имеются древнетюркские топонимы, гидронимы и слова, которые сохранились в современных тюркских языках.

Вышеперечисленные темы четко отражены в наиболее известных и интересных памятниках рунической письменности музея.

Приведем текст и перевод надписи памятника из местности Телээ — Е46 (фото 5), по данным И. А. Батманова, А. Ч. Кунаа и И. В. Кормушина.

Чтение:	Перевод:
1. Элим, сизиме, куйда кунчуйум, сизиме.	1. Мое государство, — как жаль мне! Мои супруги в женских покоях, — как жаль мне!
2. Өгүне тутук эр эрдеми үчүн элиме тапдым.	2. (Я) Эгюне-тутук. Во имя доблести мужа-воина я служил моему государству!
3. Элде экишим, эгритеб, эбим, төрт биң (?) атл (ар) йылкым.	3. Мои наложницы, мои верблюды, мой четвероногий скот
4. Буңум йок (Батманов, Кунаа, 1963: 14).	4. У меня не (было с ними) печали (Кормушин, 2008: 137).

Надпись на массивном четырехгранном столбе неправильной формы, зеленоватого цвета. В 1907 г. впервые памятник был обнаружен Г. В. Гранэ. Происходит из правобережной части Верхнего Енисея, междуречья Телээ и Эжима. Текст впервые опубликован С. Е. Маловым, затем И. А. Батмановым и А. Ч. Кунаа. Эпитафия посвящена правителю области тутуку, по имени Эгюне, который подчеркивает свою добросовестную службу своему государству, прощается с государством и своими супругами, превозносит свое богатство — наложниц, верблюдов, скот, — во всех этих сторонах жизни у него не было печалей, или проблем (Кормушин, 2008: 137).

Другая стела из местности Кызыл-Чыраа — Кызыл-Чыраа II (Е 44), в 1916 г. обнаружена А. В. Адриановым. Впервые ее текст опубликовал С. Е. Малов (Малов, 1951: 78). В 1961 г. стела доставлена в тувинский музей сотрудниками музея и ТНИИЯЛИ (фото 6).

Надпись на большой стеле мелкозернистого песчаника буровато-лилового цвета. Происходит из правобережья Верхнего Енисея, из местности Кызыл-Чыраа, в 50 км западнее г. Кызыла. Герой памятника — Тоган, ему было 40 лет. Он умер еще при жизни отца Арслана. Тоган не занимал крупного административного поста, но был сильным и смелым воином, участник жестоких сражений, уничтожил девять воинов врага, был метким охотником (Кормушин, 2008: 133).

Перевод надписи:

1. Мои могучие руки, мое доблестное сердце, — как жаль, как грустно!
2. Я — тот, кто всегда сражался в жестоких войнах, на проворных ланей я — меткий стрелок. Польза, которую я принес моему божественному государству, — я (лично) убил девять мужей-воинов (врага).
2а. (И вот) я разлучился с этим миром!
3. Мое государство, мой хан, — как жаль, я не наслаждался! Солнце, луна, — жаль, как грустно!
4. О, мои родственники и родственницы, — как грустно, я разлучился (с вами), как жаль мне! Мой народ Ста (племен) Кюмюлей, — как печально, я разлучился (с тобой)!
5. У меня не (было) изъянов в доблестях мужа-воина, (и вот) в сорок лет я расстался (с этим миром)!
6. Я — сын Арслан-Кюлюг-Тирига. Я — Кюлюг-Тоган (там же: 133).

Письменность, созданная в VI в. древними тюрками, не потеряла своей популярности и в период древних кыргызов IX–XII вв., которые также соблюдали традиции и обычаи предшественников. Из надписей нам известно, что в жизни кыргызов IX–XII вв. военная организация также имела огромное значение. Войсками командовали высшие чины военной администрации из представителей каганской династии — министры и управители. Министрами могли быть только представители родовой аристократии — беги. Верховным главнокомандующим был каган (История Тувы, 2014: 146). Во власти кагана на-

Фото 5. Стела Телээ (E46).
 Фото А. Куулар, 2019 г.
 Photo 5. The Telee stele (E46).
 Photo by A. Kuular, 2019.

сохранились в современных тюркских языках — Кюлюг-Тириг, Кюни-Тириг (*тириг-дириг* — живой), Бай опа (*Бай-бай* — богатый), Чочи Бёри (*Бёри* — *бөрү* — волк), Арслан-Кюлюг-Тириг (*Арслан* — *арзылан* — лев), Кочгар (*Кочгар* — *кошкар* — баран), Кара барс (*кара* — черный; *барс* — ирбис), Кюн Чокбе (*Кюн* — *күн* — *хүн* — солнце) (Кормушин, 2008: 90-166).

Как считают специалисты, язык тюркоязычных племен периода Тюркского каганата, дошедший до нас в памятниках древнетюркской и уйгурской рунической письменности, послужил той основой, на которой впоследствии сформировался тувинский язык. По мнению тюркологов, из всех тюркских языков, именно в тувинском языке в наибольшей степени сохранились особенности древнетюркского языка, зафиксированного в орхоно-енисейских письменных памятниках (История Тувы, 2014: 109–110).

Древние тексты указывают на то, что главными вопросами в жизни наших предков были взаимодействие человека с окружающим миром, особая связь поколений, преданность своей земле, своему роду и вечная память о них. В их понимании важными являлись такие понятия, как *государство, воины, род, священная земля, синее небо, солнце, вода* и т. д. Благополучие рода, пле-

ходились военные силы, решение вопросов войны и мира, назначение высших должностных лиц, он мог казнить и миловать, давать различные награды и пожалования, определять размеры повинностей. Он же был верховным собственником и распорядителем всех земель государства (там же: 148).

Как известно, каганы обращались к Небу с вопросами и мольбами, осуществляя связь Среднего мира с Верхним. Сами каганы могли быть высшими главными шаманами своего народа. Основная часть населения исповедовало местное верование — шаманизм (История Тувы, 2014: 150–151). И сегодня у тувинцев, алтайцев и у хакассов сохранились названия божеств, упоминаемые в древнетюркских надписях — *Кок Тенгри* — Синее небо, *Йер-су* — Земля и вода, дух земли и воды, *Умай* — покровительница детей и плодородия (там же: 112).

Стелы с руническими надписями и тамгами входили в погребальный комплекс как часть поминального обряда (там же: 152–153). Как отмечают исследователи, после завоевания Верхнего Енисея енисейскими кыргызами, земли были разделены на примерные территории — шесть крупных уделов, багов. На памятниках енисейской древнетюркской письменности отмечены тамги этих территорий (там же: 136). В надписях также указаны географические названия местностей древнетюркского периода, которых современная народная топонимика Тувы еще хранит комплекс известных названий, в частности гидронимов: Шивилиг (др.-тюрк. Чибилег), Өөк (др.-тюрк. Эгук), Хем (др.-тюрк. Кем), Алтай (др.-тюрк. Алтай) и др. (там же: 111). В том числе и древнетюркские имена и названия, которые

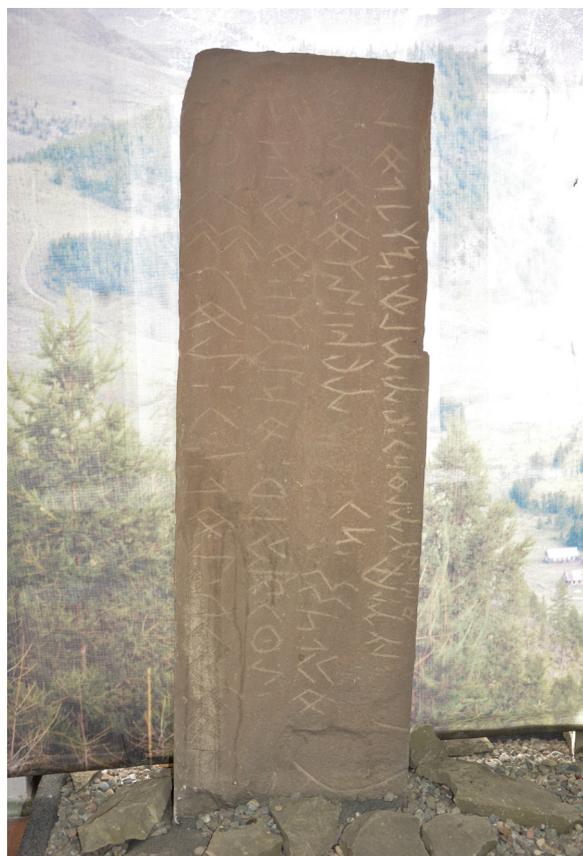

Фото 6. Кызыл-Чыраа II (E44). Фото А. Куулар, 2019 г.
 Photo 6. Kyzyl-Chyraa II (E44). Photo by A. Kuular, 2019.

мени, их настоящее и ближайшее будущее зависело от духов-покровителей определенных местностей. В сохранении природной среды большое значение играли также тотемистические представления, кровно связывающие мир людей с природой. Среди множества духов и божеств в мировоззрении древнего человека главное место занимали синее небо, солнце, земля и вода — *көк теңгри, күн, йер, суб* — важные составляющие жизни на земле. Поэтому они особо почитались.

Заключение

Собрание каменных памятников тувинского музея имеет большую научную и культурную ценность, они являются объектами историко-культурологического изучения и популяризации в современном обществе. Благодаря трудам выдающихся ученых, мы можем изучить их, обогатиться новыми знаниями по истории древних предков, передать молодому поколению, формировать у них этническое самосознание. Самой распространенной формой просветительной работы музея является экскурсия. Сотрудниками музея ежедневно проводятся тематические экскурсии по стеларию, где представлены каменные памятники различных исторических эпох. Экскурсии обогащают посетителей знаниями, способствуют восприятию и усвоению увиденного и услышанного.

Коллекция каменных памятников в собрании тувинского музея экспонируется во временном открытом помещении цокольного этажа музея. Представлена только часть коллекции. Посетители чаще всего посещают ее в теплое время года, так как помещение открытое и зимой холодно. Для круглогодичного посещения стелария требуется отдельное помещение. В 2021 г. планируется открыть новое здание рядом с музеем — дворец молодежи со стеларием на цокольном этаже, площадью 430 квадратных метров. Здесь планируется развернуть совершенно новую, современную экспозицию каменных памятников различных исторических эпох Тувы — от древнекаменного века до середины XVIII в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Батманов, И. А., Кунаа, А. Ч. (1963) Памятники древнетюркской письменности Тувы : в 3-х вып. Кызыл : Тувинское книжное издательство. Вып. 1. 66 с.
- Вайнштейн, С. И. (1974) История народного искусства Тувы. М. : Наука. 224 с.
- Васильев, Д. Д. (1983) Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. Л. : Наука. 125 с.
- Грач, А. Д. (1961) Древнетюркские изваяния Тувы. М. : Изд.-во восточной литературы. 96 с.
- Грач, А. Д. (1980) Древние кочевники в центре Азии. М. : Наука. 255 с.
- Длужневская, Г. В., Савинов, Д. Г. (2007) Памятники древности на дне тувинского моря. СПб. : ООО «Элексис Принт». 196 с.
- Дыртык-оол, А. О. (2006) Музейное дело Тувы. Кызыл : ТывГУ. 85 с.
- Дэвлет, М. А. (1990) Листы каменной книги Улуг-Хема. Кызыл : Тувин. кн. изд.-во. 120 с.
- История Тувы (2001) : в 2 т. 2-е изд., перераб. и доп. / под общ. ред. С. И. Вайнштейна, М. Х. Маннай-оола. Новосибирск : Наука. Т. I. 367 с.
- История Тувы (2014) : в 2 т. 2-е изд., перераб. и доп. / под общ. ред. С. И. Вайнштейна, М. Х. Маннай-оола. Кызыл: ОАО Тываполиграф. Т. I. 368 с.
- Килуновская, М. Е., Семенов, В. А. (1998) Оленные камни Тувы. Новые находки, типология и вопросы культурной принадлежности. Ч. 1. // Археологические вести. Вып. 5. СПб. : Изд.-во «Дмитрий Буланин». 399 с. С. 143–154.
- Килуновская, М. Е. (2009) Собрание каменных изваяний Национального музея им.Алдан-Маадыр Республики Тыва // Наследие народов Центральной Азии и сопредельных территорий: изучение, сохранение и использование. Материалы Междунар. науч.-прак. конф. (9–10.09.2009. Кызыл, Россия) : в 2 ч. / сост. У. Б. Нурзат. Кызыл : КЦО Аныяк. Ч. 1. 199 с. С. 64–67.
- Кормушин, И. В. (1997) Тюркские енисейские эпиграфии. Тексты и исследования. М. : Наука. 303 с.
- Кормушин, И. В. (2008) Тюркские енисейские эпиграфии. Грамматика. Текстология. М. : Наука. 342 с.
- Кормушин, И. В. (2009) Тувинский музей — крупнейшее собрание памятников енисейской письменности // Наследие народов Центральной Азии и сопредельных территорий: изучение, сохранение и использование. Материалы Междунар. науч.-прак. конф. (9–10.09.2009. Кызыл, Россия) : в 2 ч. / сост. У. Б. Нурзат. Кызыл : КЦО Аныяк. Ч. 1. 199 с. С. 27–28.
- Кызласов, Л. Р. (1969) История Тувы в средние века. М. : Изд.-во Московского ун-та. 210 с.

Малов, С. Е. (1951) Памятники древнетюркской письменности. М.-Л.: Изд.-во АН СССР. 452 с.

Чадамба, З. Б., Васильев, Д. Д. (1980) Тюркские рунические надписи Уюк-Оорзак // Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев / ред.: А. П. Окладников. Кызыл : Типография г. Кызыла. 167 с. С. 131–143.

Дата поступления: 01.03.2019 г.

REFERENCES

Batmanov, I. A. and Kuna, A. Ch. (1963) *Pamiatniki drevnetiurkskoi pis'mennosti Tuvy [Monuments of ancient Turkic writing of Tuva]* : in 3 vols. Kyzyl, Tuvan book publishing house. Vol. 1. 66 p. (In Russ.).

Vainshtein, S. I. (1974) *Istoriia narodnogo iskusstva Tuvy [A history of folk art of Tuva]*. Moscow, Nauka. 224 p. (In Russ.).

Vasil'ev, D. D. (1983) *Korpus tiurkskikh runicheskikh pamiatnikov basseina Eniseia [Corpus of Turkic runic monuments of the Yenisei basin]*. Leningrad, Nauka. 125 p. (In Russ.).

Grach, A. D. (1961) *Drevnetiurkskie izvaianiia Tuvy [Ancient Turkic statues of Tuva]*. Moscow, Vostochnaya literatura Publ. 96 p. (In Russ.).

Grach, A. D. (1980) *Drevnie kochevniki v tsentre Azii [Ancient nomads in Central Asia]*. Moscow, Nauka. 255 p. (In Russ.).

Dluzhnevskaya, G. V. and Savinov, D. G. (2007) *Pamiatniki drevnosti na dne tuvinskogo moria [Monuments of antiquity at the bottom of the Tuva sea]*. St. Petersburg, OOO «Eleksis Print». 196 p. (In Russ.).

Dyrtyk-ool, A. O. (2006) *Muzeinoe delo Tuvy [Museum work in Tuva]*. Kyzyl, TuvGU. 85 p. (In Russ.).

Devlet, M. A. (1990) *Listy kamennoi knigi Ulug-Khema [Pages from the stone book of the Ulug-Khema]*. Kyzyl, Tuvan book publishing house. 120 p. (In Russ.).

Istoriia Tuvy [The History of Tuva] (2001): in 2 vols. 2nd ed. / ed. by S. I. Vainshtein. M. Kh. Mannai-ool. Novosibirsk : Nauka. Vol. 1. 367 p. (In Russ.).

Istoriia Tuvy [The History of Tuva] (2014): in 2 vols. 2nd ed. / ed. by S. I. Vainshtein and M. Kh. Mannai-ool. Kyzyl, OAO Tyvapoligraf. Vol. I. 368 p. (In Russ.).

Kilunovskaia, M. E. and Semenov, V. A. (1998) Olennye kamni Tuvy. Novye nakhodki, tipologiya i voprosy kul'turnoi prinadlezhnosti [Deer stones of Tuva. New finds, typology and cultural issues]. Part 1. *Arkheologicheskie vesti*, vol. 5. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ. 399 p. Pp. 143–154. (In Russ.).

Kilunovskaia, M. E. (2009) *Sobranie kamennykh izvaianii Natsional'nogo muzeia im. Aldan-Maadyr Respubliki Tyva [A collection of stone sculptures of the Aldan-Maadyr National Museum of the Republic of Tuva]*. In: *Nasledie narodov Tsentral'noi Azii i sopredel'nykh territorii: izuchenie, sokhranenie i ispol'zovanie [Heritage of the peoples of Central Asia and adjacent territories: study, conservation and use]*. Proceedings of International conference (9–10.09.2009. Kyzyl, Russia) : in 2 parts / ed. by U. B. Nurzat. Kyzyl, KTso Anyiak. Part 1. 199 p. Pp. 64–67. (In Russ.).

Kormushin, I. V. (1997) *Tiurkskie eniseiskie epitafii. Teksty i issledovaniia [Turkic Yenisei epitaphs. Texts and studies]*. Moscow, Nauka. 303 p. (In Russ.).

Kormushin, I. V. (2008) *Tiurkskie eniseiskie epitafii. Grammatika. Tekstologiya [Turkic Yenisei epitaphs. Grammar. Textology]*. Moscow, Nauka. 342 p. (In Russ.).

Kormushin, I. V. (2009) Tuvinskii muzei — krupneishee sobranie pamiatnikov eniseiskoi pis'mennosti [The Museum of Tuva: the largest collection of monuments of the Yenisei writing]. In: *Nasledie narodov Tsentral'noi Azii i sopredel'nykh territorii: izuchenie, sokhranenie i ispol'zovanie [Heritage of the peoples of Central Asia and adjacent territories: study, conservation and use]*. Proceedings of International conference (9–10.09.2009. Kyzyl, Russia) : in 2 parts / ed. by U. B. Nurzat. Kyzyl, KTso Anyiak. Part 1. 199 p. Pp. 27–28. (In Russ.).

Kyzlasov, L. R. (1969) *Istoriia Tuvy v srednie veka [History of Tuva in Middle ages]*. Moscow, Moscow University Publ. 210 p. (In Russ.).

Malov, S. E. (1951) *Pamiatniki drevnetiurkskoi pis'mennosti [Monuments of ancient Turkic writing]*. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ. 452 p. (In Russ.).

Chadamba, Z. B. and Vasil'ev, D. D. (1980) *Tiurkskie runicheskie nadpisi Ujuk-Oorzak [Turkic runic inscriptions of Ujuk-Oorzak]*. In: *Noveishie issledovaniia po arkheologii Tuvy i etnogenezu tuvintsev [Latest studies on the archaeology of ethnogenesis Tuva and Tuvans]* / ed. board: A. P. Okladnikov et al. Kyzyl, Tipografiia g. Kyzyla. 167 p. Pp. 131–143. (In Russ.).

Submission date: 01.03.2019.

DOI: 10.25178/nit.2019.2.8

Коллекция колыбелей Национального музея Тувы как этнокультурное наследие тувинцев

Майя О. Дыртык-оол, Анна О. Дыртык-оол

Национальный музей им. Алдан-Маадыр Республики Тыва, Российская Федерация

В статье анализируются проблемы хранения и популяризации таких предметов тувинского быта, как колыбели — кавай. В качестве источниковой базы исследования выступила коллекция колыбелей, хранящаяся в фондах Национального музея Тувы — 33 единицы, документация музея, архивные фотографии.

Традиционными источниками поступления колыбелей являются экспедиции сотрудников музея, отбор предметов и закупка на местах, поступления от частных лиц, с выставок. Наиболее плодотворными для приобретения были 1950–1960-е гг., когда в Туве происходил массовый переход на оседлый образ жизни. В целом коллекция пополнялась с 1954 по 2015 г. Представлена сводная информация об истории поступления каждой колыбели, даны описания, аннотации, имена мастеров и пр. имеющиеся подробности. Но на сегодня имеется карточки с научным описанием только для 14 колыбелей.

Отмечается использование комплексного подхода к созданию экспозиций с использованием колыбелей. Они вписаны в реконструкции традиционных типов жилищ с полным внутренним убранством. Кавай — важный элемент для культурно-просветительной работы музея, в том числе для детей и молодежи.

Ключевые слова: Национальный музей Тувы; Тува; тувинцы; детство; этнография детства; колыбель; музейная коллекция

Для цитирования:

Дыртык-оол М. О., Дыртык-оол А. О. Коллекция колыбелей Национального музея Тувы как этнокультурное наследие тувинцев [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2019, № 2. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/848> (дата обращения: дд.мм.гг.). DOI: 10.25178/nit.2019.2.8

Дыртык-оол Майя Оюновна — старший научный сотрудник отдела истории Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Титова, д. 30. Тел.: +7 (394-22) 3-06-56. Эл. адрес: dyrtuk-ool@yandex.ru ORCID ID: 0000-0002-4039-6658

Дыртык-оол Анна Оюновна — кандидат исторических наук, доцент, заведующая отделом истории Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Титова, д. 30. Тел.: +7 (394-22) 3-06-56. Эл. адрес: annaajun@yandex.ru ORCID ID: 0000-0002-5899-9721

Dyrtuk-ool Maya Oyunovna, Senior Research Fellow, Department of History, Aldan-Maadyr National Museum of the Republic of Tuva. Postal address: 30 Titov St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (394-22) 3-06-56. E-mail: dyrtuk-ool@yandex.ru

Dyrtuk-ool Anna Oyunovna, Candidate of History, Associate Professor and Head, Department of History, Aldan-Maadyr National Museum of the Republic of Tuva. Postal address: 30 Titov St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (394-22) 3-06-56. E-mail: annaajun@yandex.ru

The cradle collection at the National Museum of Tuva as Tuvan ethnocultural heritage

Maya O. Dyrtyk-ool, Anna O. Dyrtyk-ool

Aldan-Maadyr National Museum of the Republic of Tuva, Russian Federation

The article looks at preservation and popularization of the kawai, a Tuvan cradle. This popular element of everyday culture of Tuvans has been studied through the cradle collection at the National Museum of the Republic of Tuva, which includes 33 objects, as well as archival photos and museum documents.

The cradles entered the collection in numerous ways - some were selected and acquired during the expeditions organized by museum staff, some came as gifts from private individuals or exhibitions. The acquisition peaked in the 1950s and 1960s, when Tuvans experienced mass transition from nomadic to settled style of living. Having been started in 1954, the collection has seen its last acquisition so far in 2015. The article presents consolidated information on the history of each object in the collection, including its brief annotation, description, acquisition data, creator's name, etc. As of today, full metadata is available for only 14 cradles.

When featured on an exposition, cradles are often part of a reconstruction of a traditional dwelling with full interior decoration. The kawai, used in this comprehensive context, has become an important element of the museum's cultural work, including that with children and the youth.

Keywords: National Museum of the Republic of Tuva; Tuvans; childhood; ethnography of childhood; cradle; museum collection

For citation:

Dyrtyk-ool M. O. and Dyrtyk-ool A. O. The cradle collection at the National Museum of Tuva as Tuvan ethnocultural heritage. *The New research of Tuva*. 2019, № 2. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/848> (access date ...). DOI: 10.25178/nit.2019.2.8

Введение

Пространство музея дает возможность для функционирования традиций культуры, для передачи опыта от предков к потомкам (Шелегина, 2014: 61; Смелякова, 2009: 103). Это можно рассмотреть на примере такого элемента этнографии — этнографии детства, как колыбели.

В связи с этим получают особую актуальность и интерес исследования истории комплектования коллекции колыбелей как элемента тувинской этнической культуры Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва (НМ РТ) и форм ее популяризации.

Согласно Уставу Международного совета музеев (International Council of Museums, сокр. англ. ICOM), членом которого является НМ РТ, музей призван служить обществу, в том числе заниматься приобретением, хранением, использованием, популяризацией и экспонированием артефактов (Устав Международного совета ... , Электр. ресурс). Такие исторические предметы как *кавай*, вышедшие из повседневного употребления с середины XX в., свидетельствуют о традициях и обычаях тувинцев, которые связаны с детьми, отношением взрослых к детям и тому, как проходило детство в традиционной культуре. По словам Е. Н. Мастеницы, эти музейные предметы ценны как артефакты и как «творение рук человеческих» (Мастеница, 2002: 329).

Цель данной статьи — анализ форм музейной деятельности по хранению и популяризации тувинских колыбелей. Для осуществления поставленной цели будут решаться задачи: определение путей формирования коллекции колыбелей в НМ РТ и вклада в него фондообразователей, анализ музейной документации, представляющей формы популяризации колыбелей как этнокультурного наследия тувинцев.

В качестве источниковой базы исследования выступила коллекция колыбелей, хранящаяся в фондах НМ РТ, документация музея, с которой авторы имеют возможность непосредственно работать, а также фотографии первого профессионального фотографа Тувы и первого директора музея В. П. Ермолаева (инвентарные номера книги поступлений: КП 11286/1-402; КП 11286/1-805), на которых запечатлены колыбели в условиях их ежедневного использования. В работе использован сравнительный метод,

позволяющий сопоставлять различные источники поступления в музей, выявлять сходство или различия колыбелей. Типологический метод исследования позволяет систематизировать и классифицировать коллекцию колыбелей, показать этапы становления и развития этнографических коллекций, в состав которых входят колыбели.

История формирования коллекции

Во многих музеях России, в том в Российском этнографическом музее, Красноярском краевом краеведческом музее, Минусинском региональном краеведческом музее им. Н. М. Мартыанова, музее «История и материальная культура народов Центральной Азии» исторического факультета Тувинского государственного университета и в некоторых школьных музеях Тувы, хранятся и экспонируются тувинские колыбели. Они сдавались учеными и путешественниками, посещавшими Туву на рубеже XIX-XX вв. (Ф. Я. Коном, В. Тугариновым, Г. П. Сафьяновым и др., см.: Дыртык-оол, 2014: 54–57).

Самая большая коллекция колыбелей хранится в НМ РТ — 33 единицы. Традиционными источниками поступления в музей этнографических предметов, в том числе колыбелей, являются экспедиции сотрудников музея, отбор предметов и закупка на местах, поступления от частных лиц, с выставок.

1950–1960-е гг. были наиболее плодотворными по приобретению этнографических предметов, среди которых встречались колыбели. С середины XX в. в Туве происходят крупные перемены в жизни бывших кочевников — массовый переход на оседлый образ жизни. «Переход на оседлость был связан не только с резкой сменой традиционного образа жизни, изменениями в бытовой культуре, но и касался всей системы ценностей, основанной на традиционном мировоззрении, всей духовной культуры народа» (История Тувы, 2016: 62) (фото 1).

Фото 1. Тувинка с детьми, младший — в колыбели (КР 112861-402). Зыбка деревянная, ребенок привязан в ней ремешками. Фото В. П. Ермолаева, с. Эрбек, 1930 г.

Photo 1. A Tuvan woman with children, the youngest one in his cradle (КР 112861-402).

The cradle is made of wood, with the baby fixed there with straps. Photo by V. P. Yermolayev, village Eerbek, 1930.

Основные хронологические рамки приобретенных вещей и зафиксированных в книгах поступлений — 1954–2015 гг. В таблице 1 показана информация о формировании коллекции *кавай* основного фонда (20 единиц), в таблице 2 — научно-вспомогательного фонда (5 единиц). Причиной включения колыбелей в научно-вспомогательный фонд является его плохая сохранность и отсутствие его в среде бытования, т. е. предмет — новодел. 6 безномерных колыбелей хранятся в фондах. 2 колыбели имеют инвентарные номера — Д.225, Д.108, один из них экспонируется в Туранском филиале.

Таблица 1. Сведения о поступлениях колыбелей в коллекцию основного фонда (Национального музея Тувы (1954–2007 гг.)
Table 1. Cradles in the main collection of the National Museum of the Republic of Tuva (acquired 1954–2007)

Номер по КП	Год поступления	ФИО сдатчика	Место приобретения	Источники поступлений
1160	1954	-	-	-
3114	1958	Принадлежала 4-летней девочке Хертек Хорлуу Мандан. Родилась в 1954 г. в с. Кара-Холь Бай-Тайгинского района	п. Тээли Бай-Тайгинского района	Сбор музейных сотрудников во время командировки. Закупка.
4280/8	1964	-	п. Кунгуртуг Тере-Хольского района	Сбор музейных сотрудников С. Ч. Уроякова и Т. М. Скаковой во время этнографической экспедиции
4421	1966	-	-	Сбор музейного сотрудника С. М. Биче-оол в результате командировки
5823	1973	-	Тандинский район	Сбор сотрудников Кочетовского филиала
6505	1976	Ондар Тигрин	с. Чал-Кежи Тандынского кожууна	
7804	1981	Аракчаа	г. Туран	
8016	1982	Ч. С. Монгуш	с. Барлык Барун-Хемчикского района	Закупка
8946/1; 2	1984	Намзырай Бора-Хоевна Лаахово	с. Морен Эрзинского района	Сбор отдела фондов; закупка
8947	1984	Калдар Барзановна Монгуш	С. Межегей Тандынский район	Сбор музейного сотрудника Е. Ш. Бай-Кара; закупка
8960/1,2	1983	Александра Дензин-ооловна Монгуш		
9804	1990	Наталья Васильевна Оюн. Легенда: колыбель была сделана в 1957 г. мастером Маадыром Янчатовичем Кыргызом для родственницы Хорлуу Сонгараковны Кыргыз	п. Хову-Аксы.	Закупка
10033/2	1992	Д. М. Дадар-оол	Сут-Хольский район	Закупка
10086/17	1993		Дзун-Хемчикский район	В. К. Пюрюна, зав. Чаданским филиалом
10133/4	1993	Хуваалдай Ческеевна Баран	с. Адыр-Кежик Тоджинского района	Сбор научного сотрудника музея Л. М. Салчак; закупка
10184/1; 2	1993		Тандинский район	Сбор В. С. Оюна, зав. Кочетовским филиалом
10626	2002	Народный мастер Маадырбай Санчайевич, 1916 г. р.	с. Хандагайты Овюрского района	Сбор сотрудника музея К. Ш. Монгуш
10749/68	2003	Мастер изготовитель Сундуй-оол Монгушевич Арандол	Тоджинский кожуун	Сбор научного сотрудника Л. К. Монгуш
11218/1	2007	Колыбель была изготовлена примерно 1956–1957 гг. мастером Сарыг-оолом Сергеевичем Буярай (монг. фамилия). Родился 15 января 1939 г. в п. Кунгуртуг Тере-Хольского кожууна.	с. Кунгуртуг Тере-Хольского района	Приобрел для музея научный сотрудник Государственного музея Востока В. А. Кореняко.
Всего 20 ед.				

Первый кавай поступил в музей в 1954 г. К сожалению, в КП №1 отсутствуют важные для атрибуции сведения. Интересен сбор в Бай-Тайгинском районе. *Кавай* приобретен от 4-летней владелицы в 1958 г. с ее согласия (фото 2). С середины XX в. многие детские предметы уже не использовались в быту. Все приобретенные музеем *кавай* были изъяты из среды бытования.

Фото 2. Детская колыбель (КП 3114). Сбор музейных сотрудников в п. Тээли Бай-Тайгинском кожууне 1958 г. Фото А. Д. Куулар, 2019 г.
Photo 2. A cradle (KP 3114). Museum staff assembling at settlement Teeli, Bay-Tayga kozhuun, 1958. Photo by A. D. Kuular, 2019.

По результатам полевых командировок или этнографических экспедиций фонды музея пополнили сотрудники музея Т. М. Скакова, С. М. Биче-оол, Е. Ш. Байкара. Сборы на местах производились заведующими Кочетовского, Алдан-Маадырского и Дзун-Хемчикского филиалов. Если предмет имел репрезентативный вид, т.е. хорошую сохранность, наличие каких-либо более полных деталей, то музей закупал его. Они собирались почти во всех районах Тувы, даже в отдаленных (например, в Тере-Хольском).

К сожалению, на всех колыбелях, за исключением троих, отсутствуют сведения о дате изготовления и мастере. Одну колыбель изготовил знаток быта восточных оленеводов С. М. Арандол (фото 3). Этот нодед сделан по традиционной технологии.

К сожалению, многие колыбели во время документирования недостаточно аннотированы: не указаны фамилии мастера, время изготовления и использования, место их бытования. Мы не можем объяснить семантику того или иного узора или орнамента на предметах.

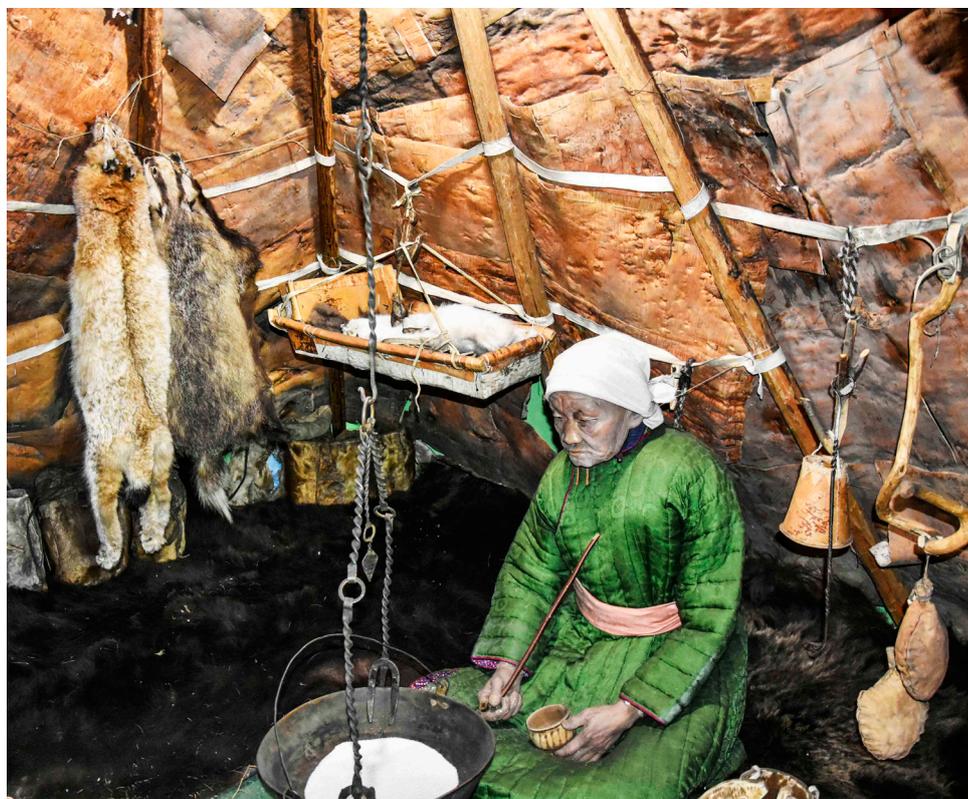

Фото 3. Детская колыбель (КП 10749/68), изготовленная А. М. Сундуй-оолом. Экспозиция «Тайга: в единстве с природой». Фото А. Д. Куулар, 2019 г.
Photo 3. A cradle (KP 10749/68) made by A. M. Sundui-ool. Exposition «Taiga: in unity with nature». Photo by A. D. Kuular, 2019.

Таблица 2. Сведения о поступлениях колыбелей в коллекцию научно-вспомогательного фонда Национального музея Тувы (1976–2015 гг.)

Table 3. Cradles in the research collection of the National Museum of the Republic of Tuva (acquired 1976-2015)

Номер по КП	Год поступления	ФИО сдатчика	Место приобретения	Источники комплектования
113	1976 г.	Оюн Александр Чорбаевич	с. Чал-Кежиг Тандынского района	-
234	-	-	-	Сбор заведующей Кочетовским филиалом В. Е. Оюн
796/1	1992 г.	Шогжат Натпит-оола	г. Шагонар, Улуг-Хемчикского района	-
796/2	1992 г.	Шогжат Натпит-оола	г. Шагонар, Улуг-Хемчикского района	-
2130/1,2	2015 г.			К. С. Донгак, зав. Алдан-Мадырского филиалом
Всего 5 ед.				

Изучение колыбелей

В русском языке слово «колыбель» имеет синонимы — «люлька» или «зыбка». Последнее слово «зыбка» по отношению к тувинскому *кавай* зафиксировано в Книге поступлений Красноярского краеведческого музея согласно полевой описи, составленной во время экспедиции в Урянхай в 1913 г. В «Толковом словаре тувинского языка» слово *кавай* имеет четыре значения: «1. Колыбель, люлька (*чаш уруг чыт-тырар бичии орун*). 2. Русло, долина реки (*хемниц уну*). 3. Коляска (*кожар тергежигеш, кожак*). 4. Гроб (*кара*)» (Толковый словарь тувинского языка, 2011: 13; курсив источника. — М. Д., А. Д.). Соответственно мы говорим о первом значении слова.

Слово *кабай* встречается у алтайцев и теленгитов (Хомич, 1988: 39). З. Б. Чадамба сопоставляла тувинский *кавай* с древнетюркским *кабай*, основываясь на чтении енисейских рунических памятников С. Е. Маловым (Чадамба, 1974: 20–21). Б. И. Татаринцев в своем фундаментальном исследовании этимологии тувинского языка, ссылаясь на З. Б. Чадамба, добавил, что, действительно, слово, читаемое как *кабай*, отмечено в тексте памятника Е-41. Однако толкование его как названия колыбели небесспорно (Татаринцев, 2004: 23).

Кавай является аккумулятором социальной памяти, и он должен быть изучен в контексте культуры, т.е. расшифрован (Решетников, 2000: 101). Изучение музейных коллекций является основным направлением музейных исследований (фото 4).

В Национальном музее РТ на каждый уникальный предмет основного фонда составляется научный паспорт или карточка научного описания, где содержатся основные сведения о нем. На тувинские колыбели

Фото 4. Детская колыбель в юрте. Экспозиция «Мир тувинцев». Фото А. Д. Куулар, 2019 г.
Photo 4. A cradle in the yurt. Exposition «World of Tuvans». Photo by A. D. Kuular, 2019.

имеется 14 карточек с научным описанием, из них 10 — с номерами по КП основного фонда. До 1970 г. исследования фиксировались в научных паспортах, утвержденных Комитетом по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров РСФСР. В них содержались следующие сведения о предмете: наименование, материал, количество, размер, покупная цена, способ поступления, техника изготовления, степень сохранности, датировка, подробное описание предмета, дополнительные сведения, ссылка на литературу, отметки о происходящих изменениях, подпись составителя и директора, дата составления паспорта. В паспорте должна содержаться фотография предмета и инвентарный номер.

15 сентября 1958 г. главным хранителем музея Т. Скаковой изучен кавай № 3114. Этот предмет недостаточно был исследован, т. к. не указана порода дерева при изготовлении колыбели, его размер, не уточнена техника работы, степень сохранности. Отсутствует полное описание, хотя составитель пыталась указать некоторые детали колыбели на тувинском языке. На паспорте отсутствует фотография предмета. Зато были известны фамилия, имя и отчество сдатчика — Хертек Хорлуу Мандан уруу, возраст 54 года, место ее рождения — с. Кара-Холь.

В 1971 г. в Тувинском республиканском краеведческом музее был введен новый образец научного паспорта, где появились новые разделы — автор, дата и источник поступления (вместо способа поступления), искусствоведческий и литературный комментарии. Были добавлены подписи составителя паспорта и главного хранителя. Сведения о колыбели под вышеназванным номером были переписаны главным хранителем Т. С. Нурзат, но она оставила без внимания сведения Т. Скаковой.

Изучив имеющиеся записи в этих документах, можно сделать вывод о том, что почти все они также имеют неполные данные, не хватает авторства, датировки, даты и источника поступления, отметки о сохранности.

Почему-то на один и тот же предмет — кавай под номером 5823, 3114 имеются два научных паспорта. Первый был составлен 30 ноября 1973 г. Е. Ш. Байкара, второй — Т. С. Нурзат 28 февраля 1980 г. Зато первая вместо описания ввела краткую легенду предмета, а вторая — его краткое описание.

В 1984 г. согласно инструкции по учету и хранению музейных ценностей, находящихся в Государственных музеях СССР, вместо «научного паспорта» была введена новая форма карточки научного описания. На первой странице документа необходимо стало указывать наименование музея, отдел, куда должен входить предмет. Добавлены 5 разделов, где надо было написать номер инвентаря, раздел по классификации, старый номер инвентаря, номер по КП, номер негатива, время и документ поступления.

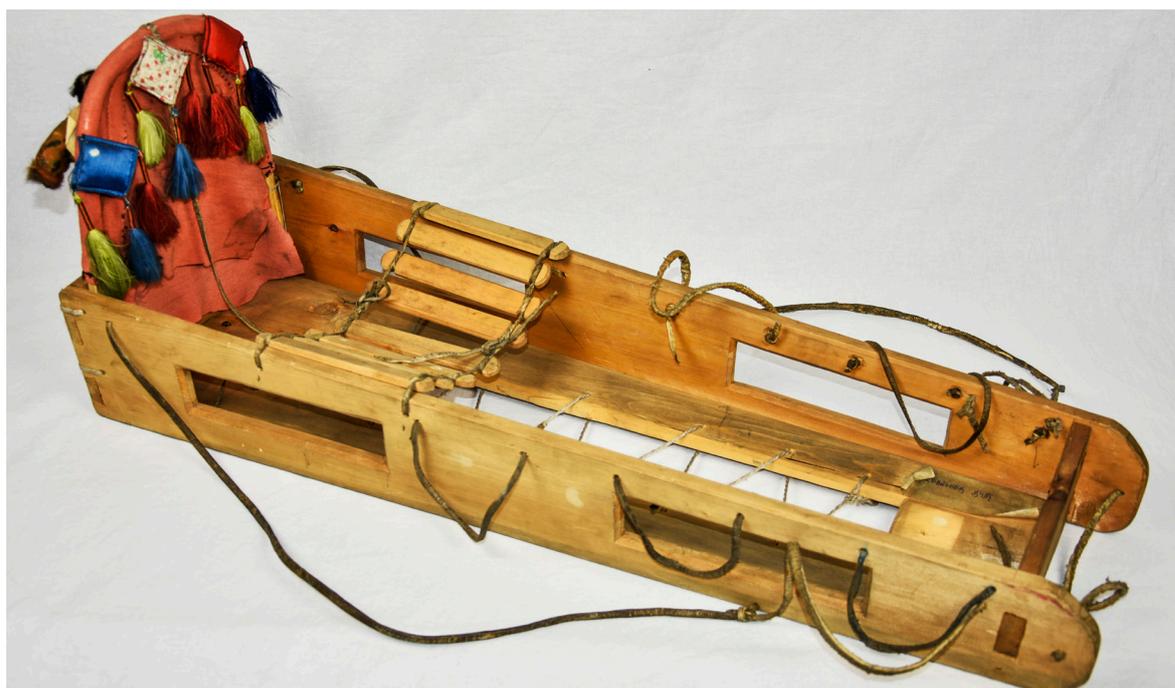

Фото 5. Детская колыбель, новодел. Автор неизвестен. Год поступления неизвестен (инв. 225). Фото А. Д. Куулар, 2019 г.
Photo 5. A recently-made cradle. Master unknown, acquirry date unknown (Inv. No. 225). Photo by A. D. Kuular, 2019.

Авторство уточняется, т. е. необходимо указывать мастера, страну, изготовителя, издателя или этническую группу. На 2-й странице должно быть полное описание предмета с его основными частями, обрамления. Указывается реставрация и консервация, публикации, использование или бытование, музейное значение, местонахождение предмета, отметка о выдаче и дата составления. Должны быть подписи составителя и директора.

Как гласит карточка научного описания, несмотря на то, что кавай под номером 10133/4 был приобретен в 1962 г. во время этнографической экспедиции в Бай-Тайгинском районе, он был зарегистрирован в КП 14 сентября 1993 г. Научное описание детской люльки оленеводов было составлено сотрудником музея Л. К. Монгуш в 2003 г. Здесь имеется более полное описание с указанием некоторых деталей и способ использования в домашнем быту. Однако составитель не указала музейное значение. Запись имеется на колыбель западных тувинцев под номером 10184, произведенная также Л. К. Монгуш.

На одной колыбели, являющейся новоделом, имеется оберег в виде трех квадратных разноцветных подушечек (фото 5). Раньше тувинцы в них хранили пуповину ребенка. Их количество указывало на то, сколько детей было в семье. Подробные детали колыбели описаны М. Б. Кенин-Лопсаном (Кенин-Лопсан, 2006: 163–168).

Колыбель — транслятор этничности

В экспозициях музея используется комплексный подход, позволяющий погружать посетителей в иное культурное пространство, приобщать их к историческому опыту этносов (Романова, 2010: 16). Приобщение к быту тувинцев помогает реконструкция традиционного жилища (у западных тувинцев — войлочная юрта, у восточных — чум) с полным внутренним убранством. В его состав входит тувинская кровать и висящая над ней колыбель на женской половине жилища.

Этнографические памятники, отражающие мир детства, насыщенно и наглядно представлены на стационарной выставке «Мир детства у тувинцев», созданной в 2004 г. В экспозиции есть разделы «Дети в обычаях и обрядах тувинцев», «Трудовое воспитание в семье», «Трансформация элементов системы социализации в тувинском обществе». В том числе посетители смогли увидеть подушку для хранения пуповины ребенка, его первые пеленки — мягкие шкурки ягнят, две колыбели — из бересты тоджинских оленеводов и из дерева западных тувинцев. Экспонировались различные амулеты — обереги, которые привязывались тувинцами к колыбели или на стенку юрты, куклы, игрушки из природных камней, бараньи кости — астрагалы, комплекс детской одежды (Дыртык-оол, 2005: 106–110).

В 2015 г. в музее создана выставка «Хранитель ценностей и традиций», посвященная 90-летию со дня рождения ветерана музея, доктора исторических наук М. Б. Кенин-Лопсана. Научная концепция разработана одним из соавторов данной статьи — А. О. Дыртык-оол. Целью создания выставки стал рассказ о жизни и творческом пути этнографа. В разделе «Семья и семейные отношения в исследованиях ученого» экспонировались этнографические предметы, в том числе колыбель. Сквозная мысль фрагмента — семейные традиции и обычаи тувинцев, обряды и ритуалы по отношению к колыбели. В данном случае здесь использовался образно-сюжетный метод.

Потенциал музея, а именно его этнографические коллекции, в том числе колыбели, широко используются в культурно-образовательных и просветительских мероприятиях учреждения, которые можно проводить на фоне выставок и экспозиций. В 2010 г. в музее было разработано специальное занятие для будущих матерей, где в центр внимания помещается колыбель. Сотрудник музея приводит интересную информацию по описанию в сравнении с другими сибирскими народами. Тут же демонстрируются древние ритуалы и обычаи, связанные с люлькой. До слушателей наглядно доводятся наставления М. Б. Кенин-Лопсана о том, тувинцы очень бережно относились к колыбели ребенка, никогда грубо не клали ее на землю, считая, что такое обращение с колыбелью приведет к тому, что душа ребенка может покинуть тело. Колыбель считалась первым «гнездом» для ребенка, появившегося на свет, местом, где он спит, отдыхает и растет. Поэтому тувинцы никогда не ломали колыбель своего ребенка, считая ее священным предметом (Кенин-Лопсан, 2006: 6). Надо подчеркнуть распространность подобного представления в культурах. Русские также считали колыбель (зыбку) первым «домом» младенца. По словам В. В. Головина, зыбка имеет аналогии с гнездом, имеет защитные границы, проводится специальный ритуал укладывания ребенка (Головин, 2001: 36–38). Специальный обряд пеленания новорожденного ребенка у монголов и укладывания его в колыбель упоминается в книге Т. Намжила (Намжил, 2017: 116–117).

Большую роль в культурно-просветительной работе музея играют его тесные контакты со школами и детскими учреждениями. Традиционно используются лекции с элементами беседы по популяризации историко-культурного наследия народов Тувы. Среди них можно выделить «Кавай как традиционная и духовная культура тувинцев», слушателями которого являются дети дошкольного возраста и школьники.

Заключение

Таким образом, собрание колыбелей западных и восточных тувинцев в Национальном музее Республики Тыва представляет собой исторический источник большой научной ценности. Колыбели, как и все этнографические предметы, собирались с целью сохранения для последующих поколений. Широкое использование этнографических предметов как вещественных источников, привлекающих внимание посетителей своей репрезентативностью и информативностью, превращает экспозицию в один из способов приобщения детей к богатой традиционной культуре своего народа.

В дальнейшем в планах работы отдела истории музея создание каталога «Детская колыбель как этнографический источник тувинского народа». В перспективе организация новых обучающих мероприятий, связанных с колыбелью — для девушек старших классов или студенток. Планируется культурно-образовательная программа «Кавай — священная вещь наших предков», состоящая из таких тем, как: «Виды колыбелей у тувинцев», «Обряд укладывания ребенка в колыбель», «Амулеты и обереги для ребенка», «Колыбель в устном народном творчестве».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Головин, В. В. (2001) Организация пространства новорожденного // Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры / отв. ред. С. Ю. Неклюдов. М. : Российск. гос. гуманит. ун-т. 319 с. С. 31–60.
- Дыртык-оол, А. О. (2014) Тувинская коллекция Ф. Я. Кона в Минусинском краеведческом музее им. Н. М. Мартянова // Наука вчера, сегодня, завтра : сборник статей по материалам XV Международной научной конференции (6 октября 2014 г., г. Новосибирск) / отв. ред. А. И. Гулин. Новосибирск : СибАК. 102 с. С. 54–57.
- Дыртык-оол, М. О. (2005) Мир детства в экспозиции Национального музея имени Алдан-Маадыр Республики Тыва // Музей в XXI веке: проблемы и перспективы : материалы Международной научно-практической конференции. г. Кызыл, 21–24 сентября 2005 г. / отв. ред. К. А. Бичелдей. Кызыл: КЦО «Аныяк». 156 с. С. 106–110.
- История Тувы (2016): в 3 т. / под ред. В. А. Ламина. Новосибирск: Наука. Т. 3. 455 с.
- Кенин-Лопсан, М. Б. (2006) Традиционная культура тувинцев. Кызыл: Тув. кн. изд-во. 230 с.
- Мастеница, Е. Н. (2002) Информационный потенциал музейного предмета: этнокультурный аспект // Музей. Традиции. Этничность. XX–XXI вв. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию Российского этнографического музея / отв. ред. А. Б. Островский. СПб.; Кишинев: Nestor-Historia. 414 с. С. 328–330.
- Решетников, Н. И. (2000) Музееведение. М.: МГУКИ. 256 с.
- Романова, Н. М. (2010) Принципы показа этнографических материалов в экспозициях краеведческих музеев. СПб.: Издательский Дом «ГАМАС». 192 с.
- Смелякова, А. В. (2009) Этнокультурное наследие как ценность: аксиологический подход // Мир науки, культуры, образования. № 2 (14). С. 102–105.
- Татаринцев, Б. И. (2004) Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука. Т. 3. 440 с.
- Толковый словарь тувинского языка (2011): в 3 т. / под ред. Д. А. Монгуш. Новосибирск: Наука. Т. 2 (К–С). 798 с.
- Устав Международного совета музеев (ИКОМ), принят на 16-й Генеральной Ассамблее ИКОМ (Гаага, Нидерланды, 5 сентября 1989 г.) с дополнениями и изменениями (Париж, Франция, 9 июня 2017 г.) [Электронный ресурс] // ИКОМ России. URL: http://icom-russia.com/upload/documents/Устав%20ИКОМ_2017.pdf (дата обращения: 05.01.2019).
- Хомич, Л. В. (1988) Колыбель у народов Сибири (к вопросу типологии) // Материальная и духовная культура народов Сибири. Сборник Музея антропологии и этнографии. Выпуск XLII / отв. ред. Р. Ф. Итс. Л. : Наука, Ленинградское отделение. 209 с. С. 24–49.
- Чадамба, З. Б. (1974) Тоджинский диалект тувинского языка. Кызыл: Тувинское книжное издательство. 136 с.
- Шелегина, О. Н. (2014) Этнокультурное наследие белорусов в музее Сибири: результаты и перспективы актуализации // Гуманитарные науки в Сибири, № 1. С. 60–64.
- Намжил Т. (2017) Монгол гэр булийн нэвтэрхий тайлбар толь. Улаанбаатар: БИТ ПРЕСС ХХК. 200 х. (На монг. яз.).

Дата поступления: 01.03.2019 г.

REFERENCES

- Golovin, V.V. (2001) Organizatsiia prostranstva novorozhdenogo [The organization of the space of the newborn]. In: *Rodiny, deti, povituhi v traditsiiah narodnoj kul'tury [Motherland, children, midwives in the traditions of folk culture]* / ed. by S. Yu. Neklyudov. Moscow, Rossiisk. gos. gumanit. un-t. 319 p. Pp. 31–60. (In Russ.).
- Dyrtyk-ool, A. O. (2014). Tuvinskaya kolleksia F.Y. Kona v Minusinskom krayevedcheskom muzeje imeni N.M. Martyanova [F.Y. Kon's Tuvan collection at the Minusinsk Museum of Local History]. In: *Nauka vchera, segodnya, zavtra [Science yesterday, today and tomorrow]* : proceedings of the 16th International Conference. / Ed. by A. I. Gulin. Novosibirsk, SiBAK. 102 p. Pp. 54–57. (In Russ.).
- Dyrtyk-ool, M. O. (2005) Mir detstva v ekspozitsii Natsional'nogo muzeia imeni Aldan-Maadyr Respubliki Tyva [The world of childhood in the exposition of the Aldan-Maadyr National Museum of the Republic of Tuva]. In: *Muzey v XXI veke: problemy i perspektivy [Museum in the 21st century, its problems and prospects]*: proceedings of an international conference / ed. by K. A. Bicheldei. Kyzyl, Education Center of Aniyak. 156 p. Pp. 106–110. (In Russ.).
- Istoriya Tuvy [The History of Tuva]* (2016) : in 3 vol. / ed. by V. A. Lamin. Novosibirsk, Publ. Nauka. Vol. 3. 455 p. (In Russ.).
- Kenin-Lopsan, M.B. (2006) *Traditsionnaya kul'tura tuvintsev [Traditional Culture of Tuvans]*. Kyzyl, Tuvan publishing house. 230 p. (In Russ.).
- Mastenitsa, Y. H. (2002). Informatsionnyi potentsial muzeynogo predmeta: etnokul'turniy aspekt [Information potential of the museum subject: the ethnocultural aspect]. In: *Muзей. Traditsii. Etichnost'. XX-XXI veka [Museum. Traditions. Ethical aspect. 20th-21st centuries]*: proceedings of an international conference dedicated to the centenary of the Russian Ethnographic Museum / ed. by A. B. Ostrovskii. St. Petersburg, Kishinev, Nestor-Istoriya. 414 p. Pp. 328–330. (In Russ.).
- Reshetnikov, N. I. (2000) *Muзейvedeniye: kurs leksii [Museum studies: a course of lectures]*. Moscow, MSUCA Publ. 256 p. (In Russ.).
- Reshetnikov, N. I. (2013) *Muзей i komplektovaniye yego sobraniya [Museums and acquisition policy]*. Moscow, MSUCA Publ. 160 p. (In Russ.).
- Romanova, N. M. (2010) *Principy pokaza etnographicheskikh materialov v ekspozitsiyakh krayevedcheskikh muzejev [Principles of displaying ethnographic materials in exhibitions of local history museums]*. St. Petersburg, GAMAS Publ. 192 p. (In Russ.).
- Smeliakova, A. V. (2009) Etnokul'turnoe nasledie kak tsennost': aksiologicheskii podkhod [Ethnocultural heritage as a value: an axiological approach]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, no. 2, pp. 102–105. (In Russ.).
- Tatarintsev, B. I. (2004) *Etimologicheskii slovar' tuvinskogo yazyka [An etymological dictionary of the Tuvan language]*. Novosibirsk, Nauka Publ. Vol. 3. 440 p. (In Russ. and Tuv.).
- Tolkovyi slovar' tuvinskogo yazika [A dictionary of the Tuvan language]* (2011) : in 3 vols. / ed. by D. A. Mongush. Novosibirsk, Nauka Publ. Vol. 2. 798 p. (In Russ. and Tuv.).
- Ustav Mezhdunarodnogo soveta muzeev (IKOM), priniat na 16-i General'noi Assamblee IKOM (Gaaga, Niderlandy, 5 sentiabria 1989 g.) s dopolneniiami i izmeneniiami (Parizh, Frantsiia, 9 iyunia 2017 g.) [Charter of the International Council of museums (ICOM), adopted at the 16th General Assembly of ICOM (the Hague, the Netherlands, September 5, 1989) with additions and changes (Paris, France, June 9, 2017)]. *IKOM Rossii* [online] Available at: http://icom-russia.com/upload/documents/Устав%20ИКОМ_2017.pdf (access date: 05.01.2019). (In Russ.).
- Khomich, L. V. (1988). Kolybel' u narodov Sibiri (k voprosu tipologii) [Cradle among the peoples of Siberia: the issues of typology]. In: *Material'naya i dukhovnaya kul'tura narodov Sibiri: Muзей antropologii i etnografii [Material and spiritual culture of the peoples of Siberia: Museum of Anthropology and Ethnography]*. Vol. XLII / ed. by R. F. Its. Leningrad, Nauka, Leningradskoe otdelenie. 209 p. Pp. 24–49. (In Russ.).
- Chadamba, Z. B. (1974) *Todzhinskiy dialekt tuvinskogo yazyka [Todzhu dialect of Tuvan language]*. Kyzyl, Tuvan book publisher. 136 p. (In Russ.).
- Shelegina, O. N. (2014) Etnokul'turnoe nasledie belorusov v muzee Sibiri: rezul'taty i perspektivy aktualizatsii [Ethnocultural heritage of Belorussians in Siberia's museums: outcomes and prospects of actualization]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, no. 1, pp. 60–64. (In Russ.).
- Namzhyl, T. (2017) *Mongol ger buliin nevertkhii tailbar tol'*. Ulaanbaator, BIT press XXK. 200 p. (In Mong.).

Submission date: 01.03.2019.

DOI: 10.25178/nit.2019.2.9

Деньги Тувинской Народной Республики в коллекциях Национального музея Тувы

Марианна М.-Б. Харунова

Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов СО РАН, Российская Федерация,

Рамиль Ш. Харунов

Улан-Баторский филиал Российского экономического университета

им. Г. В. Плеханова, Монголия,

Чейнеш О. Санчай

Национальный музей им. Алдан-Маадыр Республики Тыва, Российская Федерация

Национальный музей им. Алдан-Маадыр Республики Тыва является хранителем более 1000 единиц денежных знаков различных государств и правительств начала XX века. В статье рассматривается денежная коллекция музея периода Тувинской Народной Республики (ТНР). Основными дарителями ценных бумаг, денежных купюр и монет являлись жители республики.

На примере нескольких коллекций прослежена история денежной реформы ТНР. Так, коллекция 1954 г. позволяет познакомиться с историей введения тувинской национальной валюты — акша 1935 и 1940 годов и особенностями каждого из этих двух выпусков. В 1955 г. в музее появились монеты ТНР образца 1934 г. достоинством в 3, 5, 10, 15 коп., которые были в денежном обращении страны до момента вхождения ТНР в состав СССР. В 1956 г. фонды музея пополнились предметами личной коллекции Салчака Тока, партийного руководителя республики (1932–1973). Это были не только тувинские акша, но и боньы — денежные купюры 1925, 1926, 1928 годов со штампом ТНР. Они олицетворяют собой переходный этап денежной реформы в Туве. В 1959 г. в дар музею поступили государственные кредитные билеты царской России (боньы) 1898 г. — 1 руб., 1905 г. — 3 руб., 1909 г. — 5 и 10 руб. Эти деньги являются свидетельством одного из первых этапов денежной реформы, реализованного Министерством финансов ТНР в 1923 г.

Денежная коллекция Национального музея Тувы является исключительно ценным источником по изучению вопросов экономического развития ТНР. Благодаря сохранившимся образцам мы можем получить достоверную информацию о специфике формирования финансовой системы ТНР, политических деятелях, участвовавших в реализации экономических реформ, о влиянии СССР на социально-экономическое развитие Тувы в первой половине XX века.

Ключевые слова: Национальный музей Тувы; музейная коллекция; история Тувы; Тувинская Народная Республика; Салчак Калбакхорекевич Тока; денежная реформа; национальная валюта; акша; денежное обращение; советский рубль; боньы

Для цитирования:

Харунова М. М.-Б., Харунов Р. Ш., Санчай Ч. О. Деньги Тувинской Народной Республики в коллекциях Национального музея Тувы [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2019, № 2. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/849> (дата обращения: дд.мм.гг.). DOI: 10.25178/nit.2019.2.9

Харунова Марианна Монге-Байыровна — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории математического моделирования Тувинского института комплексного освоения природных ресурсов СО РАН. Адрес: 667007, Россия, г. Кызыл, ул. Интернациональная, д. 117А. Тел.: +7 (394-22) 6-62-18. Эл. адрес: ondar18@mail.ru ORCID ID: 0000-0002-9011-2262

Харунов Рамиль Шатмуратович — кандидат исторических наук, доцент междисциплинарной кафедры Улан-Баторского филиала Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. Адрес: 210351, Монголия, г. Улан-Батор, проспект Мира, д. 131. Тел.: (+976) 11-450-679. Эл. адрес: ramar33@mail.ru ORCID ID: 0000-0001-7940-5972

Санчай Чейнеш Орлановна — экскурсовод отдела культурно-образовательной работы Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Титова, д. 30. Тел.: +7 (923) 269-52-01. Эл. адрес: neshsunchai@gmail.com ORCID ID: 0000-0002-3777-8743

Kharunova Marianna Monge-Bairovna, Candidate of History, Leading research fellow, Laboratory of regional economics, Tuvan Institute for Exploration of Natural Resources, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences. Postal address: 117A Internatsionalnaya St., 667010 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (913) 356-10-73. E-mail: Ondar18@mail.ru

Kharunov Ramil Shatmuratovich, Candidate of History, Associate Professor, Interdisciplinary Department, Ulan Bator Branch, Plekhanov Russian University of Economics. Postal address: 131 Peace Avenue, Ulan Bator, 210351 Mongolia. Tel.: (+976) 11-450-679. E-mail: ramar33@mail.ru

Sanchai Cheynesh Orlanovna, Guide, Department of Cultural and Educational Work, Aldan-Maadyr National Museum of the Republic of Tuva. Postal address: 30 Titov St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (923) 269-52-01. E-mail: neshsunchai@gmail.com

Money of the People's Republic of Tuva in the collections of the Aldan-Maadyr National Museum of Tuva

Marianna M.-B. Kharunova

Tuvan Institute for Exploration of Natural Resources, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation,

Ramil Sh. Kharunov

Ulan Bator branch, Plekhanov Russian University of Economics, Mongolia,

Cheinesh O. Sanchai

Aldan-Maadyr National Museum of the Republic of Tuva, Russian Federation

The Aldan-Maadyr National Museum has more than 1,000 coins and banknotes issued by various states and governments of the early 20th century. This article describes the museum's holding of monetary units issued by the People's Republic of Tuva. As shown in the museum accessory books, banknotes/coins and securities came mostly as donations by local residents.

Our study of several such collections preserved at the museum allowed us to trace the history of monetary reforms in the PRT. For instance, the 1954 collection sheds light on the history of Tuva's currency, the aksha, issued in 1935 and 1940 and the features of both respective issues. In 1955, the museum exhibited the 3, 5, 10 and 15-kopeck PRT coins minted in 1934 and remaining in circulation prior to the accession of the PRT into the USSR. In 1956, the museum acquired Salchak Toka's personal collection. Its owner was the leader of the republic's Communist party from 1932 to 1973. His collection included not only the Tuvan aksha, but also the bonds – banknotes issued in 1925, 1926, and 1928 bearing the PRT stamp. The latter are an evidence of the transition phase in Tuva's monetary reform. In 1959, the museum was presented with a collection of Czarist Russia bankbills of 1898 (1 ruble), 1905 (3 rubles), and 1909 (5 and 10 rubles). They were used at one of the first stages of monetary reform implemented by Ministry of Finance of the PRT in 1923.

The collection of monetary units of National Museum of Tuva is a highly valuable source for studying the republic's economic development. The surviving samples of monetary units issued in 1935 and 1940, as well as the stamped bills which had been in circulation in earlier periods, allow us to obtain reliable details that may provide insight into characteristic aspects of the rise of the financial system of PRT, political leaders who implemented economic reforms, and the involvement of the USSR in social and economic development of Tuva in the early twentieth century.

Keywords: *National Museum of Tuva; museum collection; history of Tuva; People's Republic of Tuva; Salchak Kalbakhorekovich Toka; currency reform; national currency; aksha; monetary circulation; Soviet ruble; bonds*

For citation:

Kharunova M. M.-B., Kharunov R. Sh. and Sanchai Ch. O. Money of the People's Republic of Tuva in the collections of the Aldan-Maadyr National Museum of Tuva. *The New Research of Tuva*. 2019, № 2. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/849> (access date ...). DOI: 10.25178/nit.2019.2.9

Введение

Монеты и бумажные деньги, с одной стороны, являются источником изучения экономической истории государств, истории товарно-денежных отношений, с другой стороны — это предметы искусства. Принято считать, что коллекционирование монет началось в XIV–XV вв. в Италии, и далее распространилось по другим странам Европы. В России исследования в области нумизматики сосредоточены в главных музеях, располагающих крупнейшими коллекциями монет: в Эрмитаже (г. Санкт-Петербург), Государственном Историческом музее (г. Москва) и других, в том числе в музеях субъектов Российской Федерации, а также в исторических, археологических институтах РАН.

В Туве самая уникальная коллекция денег — более 1000 единиц денежных знаков различных государств и правительств, хранится в фондах Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва (далее — НМ РТ). Абсолютное большинство из них имело хождение в виде средств денежного обращения в Урянхайском крае в начале XX в. и далее в период становления ТНР (Бичелдей, 2009: 18).

Вопросы развития финансово-денежной системы ТНР рассматривались исследователями в контексте общих процессов социально-экономического развития республики, а также в рамках отдельных публикаций по данной теме. К числу первых можно отнести труды В. М. Иезуитова (Иезуитов, 1956: 208), Ю. Л. Аранчына (Аранчин, 1982: 184), а также второй том «Истории Тувы» (История, 2007: 430), в которых представлено политическое, социально-экономическое и культурное развитие Тувы с феодального прошлого до вхождения в состав СССР. В работах изучены предпосылки становления товарно-денежных отношений в Туве, специфика развития государственной системы ТНР, в том числе в экономической

сфере. Особо отмечается роль правительства ТНР и деятельность Тувинского торгово-промышленного банка в введении тувинской национальной валюты *акша*¹ и регулировании финансово-кредитной системы республики.

О зарождении и развитии финансово-кредитной системы ТНР и ее государственном бюджете писал Л. И. Тульчинский. Помимо вопросов государственного страхования, сберегательного дела и налоговой политики, им затронут вопрос о денежных знаках и проблемах денежного обращения ТНР в 20–30 гг. XX в. (Тульчинский, 1961: 269).

Более подробно проблему денежного обращения в ТНР исследовал В. А. Копеев. Им рассмотрены вопросы реализации денежной реформы, ее предпосылки и последствия, экономическая политика государства, курс акша в разные годы, особенности первого и второго выпуска акша. (Копеев, 1981: 81).

Современные исследователи также не обходят вниманием эту тему. Предыстория формирования и функционирования денежной системы страны в 1925–1940 гг. по материалам фондов НМ РТ рассмотрена К. А. Бичелдеем. Автор прилагает общее описание параметров монет и бумажных денег ТНР первого и второго выпусков, их культурное и историческое значение. (Бичелдей, 2009: 18).

Также описание каждого выпуска акша: материал, цвета, рисунок, типы печати, номиналы, водяные знаки, тираж и общая сумма каждого выпуска рассмотрены А. Я. Ананьиным и Г. И. Роговым (Ананьин, Рогов, 2014: 134).

В данной статье мы рассмотрим музейную коллекцию, представляющую особенную ценность — деньги периода Тувинской Народной Республики (далее — ТНР) — акша. На примере сохранившихся уникальных денежных купюр и монет раскроем специфику реализации денежной реформы и ее основные этапы. Все фотографии коллекции денежных фондов, используемые в статье, любезно предоставлены администрацией НМ РТ и выполнены фотографом А. Д. Куулар.

Кроме музейной коллекции нами в работе над статьей использованы материалы фондов Государственного Архива Республики Тыва (ГА РТ. Ф.1, оп. 2, д. 232, л. 1).

Деньги ТНР — акша (бумажные деньги) и монеты — начали поступать в фонды музея с 1954 г. и, как свидетельствуют записи книг поступлений, последнее пополнение датировано 2013 г.

Для хранения денежных купюр музей располагает металлическими шкафами. Денежные единицы хранятся в бумажных конвертах, собранных в картонных коробках.

Необходимо отметить, что большая заслуга в пополнении денежной коллекции Национального музея им. Алдан-Маадыр принадлежит школьникам, учителям и школьным музеям республики. В книгах поступлений хранятся записи о том, что это были дети и взрослые из сел Кочетово, Берт-Даг и Бояровка, из г. Кызыла, из Тоджинского района. Также уникальная коллекция денег обогащалась благодаря усилиям сотрудников музея, таких как Л. М. Салчак, М. Б. Кенин-Лопсан, которые в ходе научных экспедиций в районы привозили образцы монет и акша.

Благодаря коллекции музея мы имеем возможность своими глазами проследить историю денежной реформы и убедиться в реальности существования собственной национальной валюты у молодого тувинского государства.

Тувинский торгово-промышленный банк — организатор финансово-денежной реформы ТНР

Геополитическое положение Тувы, которая входила в круг политических и экономических интересов двух соседних империй — Китая и России, — способствовало распространению валют этих государств в денежном обмене края. В обращении были золотые и серебряные рубли, китайские ланы и гамбургское серебро (Аранчын, 1982: 20). Поэтому в переходный период денежной реформы в 1921–1935 гг. в качестве денежных единиц в ТНР использовались китайские ланы, монгольские тугрики, царские дореволюционные рубли и советский рубль.

Главным учреждением, осуществлявшим финансовую политику ТНР, был Тувинский торгово-промышленный банк (Тувинбанк), учрежденный по соглашению с Госбанком СССР 25 июля 1925 г. (Копеев, 1981: 83). Как указывают историки, «банк сыграл решающую роль в укреплении экономического положения республики, содействовал развитию всех отраслей народного хозяйства, способствовал укреплению денежного обращения в стране» (История Тувы, 2007: 176).

¹ Акша — общетюркское слово, означающее деньги, монеты, финансы (Татаринцев 2015: 84).

Государственный и другие банки СССР предоставляли Тувинбанку долгосрочные кредиты на значительные суммы для покупки машин, оборудования, на дорожное и коммунальное строительство. Подавляющая сумма денежных средств, выданных на развитие сельского хозяйства ТНР, являлись безвозвратными кредитами (Иезуитов, 1956: 120).

После того, как в 1924 г. в Советском Союзе денежные знаки, выпускавшиеся в Закавказье, Средней Азии, Дальнем Востоке, были заменены на общесоюзные деньги: червонцы, казначейские билеты и разменную монету (Денежное обращение ... , 1965: 63), при поддержке СССР Тувинская Народная Республика в середине 1920 — начале 1930-х гг. провела ряд реформ, позволивших в 1935 г. ввести акша — тувинскую национальную валюту. Акша 1935 и 1940 гг. (было только два выпуска) являлась денежной единицей Тувы в течение девяти лет.

Тувинские акша

Первая коллекция тувинских денег, принятая музеем в 1954 г., была одной из полных, так как в ней были купюры всех достоинств: 1, 3, 5, 10, 25 акша 1935 и 1940 годов выпуска.

Так выглядит 1 акша 1935 г. (фото 1).

Фото 1. 1 акша 1935 г., лицевая сторона, образец. НМ РТ, Ф. 10, ДПИ, шкаф № 15, полка 13, коробка 1.

Фото А. Д. Куулар, 2018 г.

Photo 1. 1 aksha (1935 issue), obverse, sample. National Museum, Republic of Tuva, F.10, DPI, Cab.15, Shelf 13, Box 1. Photo by A. D. Kuular, 2018.

Ниже приводим фотографию 1 акша 1940 года (фото 2).

Фото 2. 1 акша 1940 г., лицевая сторона. НМ РТ, Ф. 10, ДПИ, шкаф № 15, полка 13, коробка 1.

Фото А. Д. Куулар, 2018 г.

Photo 2. 1 aksha (1940 issue), obverse. National Museum, Republic of Tuva, F.10, DPI, Cab.15, Shelf 13, Box 1. Photo by A. D. Kuular, 2018.

На оборотной стороне 1 акша 1940 г. написано: «Банковский билет обеспечивается золотом, драгоценными металлами и другими активами Тувинского торгово-промышленного банка» (фото 3).

Фото 3. 1 акша 1940 г., оборотная сторона. НМ РТ, Ф. 10, ДПИ, шкаф №15, полка 13, коробка 1.

Фото А. Д. Куулар, 2018 г.

Photo 3. 1 aksha (1940 issue), reverse. National Museum, Republic of Tuva, F.10, DPI, Cab.15, Shelf 13, Box 1. Photo by A. D. Kuular, 2018.

Удивительным является тот факт, что среди них были купюры 1935 г. (фото 4).

Фото 4. Фрагмент купюры 1935 г. с подписью Председателя Тувинбанка Оюна Танчая на латинской графике: «Танцај». НМ РТ, Ф.10, ДПИ, шкаф №15, полка 13, коробка 1. Фото А. Д. Куулар, 2018 г.

Photo 4. Fragment of a banknote (1935 issue) with a signature of Oyun Tanchay, Chairman of the Bank of Tuva. Signed in Latin script, «Tancaj». National Museum, Republic of Tuva, F.10, DPI, Cab.15, Shelf 13, Box 1. Photo by A. D. Kuular, 2018.

Эти деньги изымались из обихода, так как на них стояла подпись репрессированного в 1938 г. руководителя Тувинбанка Оюна Танчая Чыранды-оглу (фото 5).

Как писал К. А. Бичелдей, «дилемма была очень непростая: на всех банкнотах его имя убрать просто невозможно, а пользоваться валютой за подписью расстрелянного «контрреволюционера» было и вовсе нельзя. Проблему пришлось решать самым радикальным образом — срочно заказали выпуск новых денег ТНР в СССР» (Бичелдей, 2009: 23). Денежные купюры с подписью Оюна Танчая, «врага народа», необходимо было изъять из оборота и заменить их новым выпуском. Образно выражаясь, денежные купюры 1935 г. выпуска подверглись репрессиям, как и один из их создателей. На сегодняшний день в фондах музея имеются только банковские образцы акша 1935 года выпуска.

Фото 5. Оюн Танчай Чыранды-оглу (1883–1938 гг.) (Государственный Архив РТ, Ф. 1, оп. 2, д. 232, л. 1).
Photo 5. Oyun Tanchay Chyrandy-Oglu (1883-1938) (State Archives of the Republic of Tuva, F.1, op.2, d. 232, l. 1)

Образцы новых денежных знаков были утверждены в 1940 г. и заказ на печать размещен в СССР. «Банкноты тувинских денег второго, 1940 г. выпуска, отличаются от банкнот 1935 г. в целом своим «более благородным» видом — цветовая гамма их исполнения более яркая и насыщенная, в центре лицевой стороны появился рисунок, окаймляющие обе стороны узорчатый прямоугольник и центральная фигура банкноты 1935 г. исчезли, композиция узорчатых линий стала более согласованной с остальными элементами купюры» (Бичелдей, 2009: 24).

Второй выпуск акша находился в обращении около четырех с половиной лет.

Тувинские монеты

В 1955 г. в музее появились монеты ТНР образца 1934 г. в 3, 5, 10, 15 коп., принятые от семьи Фунтиковых Пелагеи Ефремовны и Давида Петровича.

На аверсе монет на тувинском языке на латинской графике написано их достоинство (фото 6).

Фото 6. Аверс тувинских монет 1934 года выпуска, НМ РТ, Ф. 10, ДПИ, шкаф № 16, полка 4.
Фото А. Д. Куулар, 2018 г.

Photo 6. Coins of Tuva (1934 issue), obverse. National Museum, Republic of Tuva, F.10, DPI, Cab.16, Shelf 14.
Photo by A.D. Kuular, 2018.

с номиналами 1, 3, 5, 10 и 25 акша. Тувинская валюта 1935 г., как отмечает К. А. Бичелдей, представляет собой прямоугольную бумажную банкноту, напечатанную на специальной плотной бумаге хорошего качества, без водяных знаков, но с очень сложным узорным орнаментом основного рисунка и фонового оформления (Бичелдей, 2009: 23).

На оборотной стороне купюр на тувинском языке латинской графикой написано: «Банковский билет полностью обеспечивается золотом, драгоценными металлами, внешним серебром и другими ценностями Тувинского торгового-промышленного банка».

На реверсе монет стоит надпись: «Тувинский торгово-промышленный банк. Тувинская Аратская Республика» (фото 7).

По заказу Правительства ТНР Госзнак СССР на Монетном Дворе г. Ленинграда в 1934 г. отчеканил монеты тувинской национальной валюты с номиналами 1, 2, 3, 5, 10, 15 и 20 копеек.

К. А. Бичелдей описал эти монеты: «Монеты номиналами 1, 2, 3 и 5 копеек отлиты из сплава желтоватого оттенка, а монеты номиналами 10, 15 и 20 копеек отлиты из никелевого сплава серебристо-светлого оттенка. Все монеты окаймлены ребром, покрыты зубчато-ребристым поперечным объемным рисунком. На всех монетах по аверсу использован единый способ барельефного выделения внутреннего ободка, а также цифрового и буквенного обозначения номиналов и года выпуска» (Бичелдей, 2009: 20).

Бумажные денежные знаки были напечатаны в 1935 г.

Фото 7. Реверс тувинских монет 1934 года выпуска, НМ РТ, Ф. 10, ДПИ, шкаф № 16, полка 4. Фото А. Д. Куулар, 2018 г.

Photo 7. Coins of Tuva (1934 issue), reverse. National Museum, Republic of Tuva, F.10, DPI, Cab.16, Shelf 4. Photo by A. D. Kuular, 2018.

Денежная коллекция С. К. Тока

В 1956 г. фонды музея пополнились предметами личной коллекции Салчака Калбаххорекевича Тока, партийного и государственного деятеля, бесценно возглавлявшим республику в период с 1932 по 1973 гг. С. Тока пополнил музейные фонды наряду с уже имевшимися образцами акша, бонами — денежными купюрами 1925, 1926, 1928 годов со штампом ТНР (фото 8).

Фото 8. 3 рубля 1925 г., оборотная сторона. НМ РТ, Ф. 10, ДПИ, шкаф № 15, полка 13, коробка 1.
 Фото А. Д. Куулар, 2018 г.

Photo 8. 3 roubles (1925 issue), reverse. National Museum, Republic of Tuva,
 F.10, DPI, Cab.15, Shelf 13, Box 1. Photo by A. D. Kuular, 2018.

В декабре 1933 г., еще до создания собственной валюты, Советом Министров и Президиумом Малого Хурала ТНР было принято постановление о выпуске в обращение штемпелеванных денежных знаков. Для этого использовали советские рубли номиналами в 1 рубль 1928 г., 3 и 5 рублей 1925 г. и билеты Государственного банка в 1 червонец 1926 г. и 2 червонца 1928 г. «На лицевой стороне этих знаков помещена надпечатка в форме овальной, слегка граненой, виньетки с орнаментом, на котором в прямоугольной рамке приведен текст в две строки на тувинском языке, напечатанный буквами латинского алфавита» (Ананьин, Рогов, 2014: 135). Штамп «*Kara sangys T.A.R. istinge cygyrer ergelig*» — переводится на русский язык как «Имеет право хождения только на территории ТНР». Эти денежные знаки были в обращении до 1935 г., когда появилась тувинская акша.

Боны Тувинской Народной Республики

В 1959 г. в дар музею от учеников 6-го класса поступили государственные кредитные билеты царской России 1898 г. — 1 руб., 1905 г. — 3 руб., 1909 г. — 5 руб. и 10 руб. Эти деньги являются свидетельством денежной реформы Министерства финансов ТНР 1923 г. Правительство выпустило боны, предназначенные для выплаты зарплаты служащим (Тульчинский, 1961: 274). По мнению А. Я. Ананьина и Г. И. Рогова, это были дореволюционные денежные знаки царской России с надпечаткой, выполненной на старомонгольском и русском языках. Надпечатка была сделана на оборотной стороне кредитных билетов достоинством в

Фото 9. 1 рубль, 1898 г., оборотная сторона. НМ РТ, Ф. 10, ДПИ, шкаф № 15,
 полка 13, коробка 1. Фото А. Д. Куулар, 2018 г.

Photo 9. 1 rouble banknote (1898 issue), reverse. National Museum, Republic of Tuva,
 F.10, DPI, Cab.15, Shelf 13, Box 1. Photo by A.D. Kuular, 2018.

1 рубль 1898 г., 3 рубля 1905 г., 5 рублей 1909 г. и 10 рублей 1909 г. (Ананьин, Рогов, 2014: 134) (фото 9).
А так выглядит лицевая сторона купюры 1 рубля 1898 г. (фото 10).

Фото 10. 1 рубль, 1898 г., лицевая сторона. НМ РТ, Ф. 10, ДПИ, шкаф № 15, полка 13, коробка 1.
Фото А. Д. Куулар, 2018 г.

Photo 10. 1 rouble banknote (1898 issue), obverse. National Museum, Republic of Tuva, F.10, DPI, Cab.15, Shelf 13, Box 1. Photo by A. D. Kuular, 2018.

На оборотной стороне этих купюр стоит квадратная печать с надписью на старомонгольской письменности: «Танну Тува ун Санг ун йамун тамга» (на тувинский язык переводится как «Таңды Тываның Саңының яамызының таңмазы»; перевод на русский — «Печать Министерства финансов Танну Тувы»).

Надпись слева на старомонгольском: «Ёронхий сайд Буянбаторху» (по-тувински — «Эрэнгей сайыт Буян-Бадыргы»; на русском языке — «Премьер-министр Буян-Бадыргы»).

Надпись справа на старомонгольском: «Төлүге сайд Пунцук» (по-тувински — «Төлээ сайыт Пунцук»; на русском языке — «Заместитель министра Пунцук»).

Надпись внизу на русском языке: «Зам. Советника Минфина ...» — подпись кириллицей не разборчива.

Купюра в 3 рубля 1905 г. с оборотной стороны (фото 11). Ниже фотографии этой же купюры с лицевой стороны (фото 12).

Фото 11. 3 рубля 1905 г., оборотная сторона. НМ РТ, Ф. 10, ДПИ, шкаф № 15, полка 13, коробка 1. Фото А. Д. Куулар, 2018 г.

Photo 11. 3 roubles banknote (1905 issue), reverse. National Museum, Republic of Tuva, F.10, DPI, Cab.15, Shelf 13, Box 1. Photo by A. D. Kuular, 2018.

Новые явления в экономической жизни республики, в том числе проведение денежной реформы, получили отражение в государственных документах. Так, например, в 1942 г. были разработаны «Правила по денежному обращению в ТНР» (Харунова, 2018: Электр. ресурс). Укрепление товарно-денежных отношений в республике и становление финансовой системы способствовало появлению новых терминов и понятий, отражавших, в том числе, результаты денежной реформы в государстве. Например, в обиход вошли такие понятия, как *акша эргилдези* (денежный оборот); *күр хөреңгизи* (государственные денежные средства); *банкыда агар сан* (текущий счет

в банке) и др. Их появление способствовало активному развитию делового стиля тувинского языка, который значительно обогатился экономической составляющей.

Заключение

Таким образом, с тех пор, как в фонды Национального музея поступили первые образцы денег и монет ТНР, прошло около 70 лет. С каждым годом их ценность только растет. Обусловлено это тем, что их невозможно воспроизвести, растет их возраст, а значит — уникальность и ценность, как предметов яркой политической и экономической истории Тувинской Народной Республики. Выпуск собственной валюты, официально именуемой «билетами Министерства финансов ТНР», по факту, явился атрибутом государственного суверенитета ТНР. С их выпуском окончательно был вытеснен натуральный обмен, укрепилась база расчетной системы, налогообложения, госбюджета, что стало серьезным фактором экономического развития молодой республики.

Денежная коллекция музея является ценным источником по истории Тувы, благодаря которой мы можем получить достоверную информацию о специфике становления финансовой системы ТНР, влиянии СССР на социально-экономическое развитие республики, о политических деятелях, успешно осуществивших денежную реформу.

Сегодня тувинский акша бесспорно являются одним из уникальных явлений в мире нумизматики. И задача современников сохранить это мировое историческое наследие для следующих поколений.

Благодарности

Выражаем глубокую благодарность за содействие в подготовке данной статьи директору Национального музея им. Алдан-Маадыр РТ, д. ф. н. Каадыр-оолу Алексеевичу Бичелдею и фотографу музея Ай-дане Даниловне Куулар.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ананьин, А. Я., Рогов, Г. И. (2014) Денежные знаки Тувы // Антиквариат, предметы искусства и коллекционирования. № 9 (119). С. 134–143.
- Аранчын, Ю. Л. (1982) Исторический путь тувинского народа к социализму. Новосибирск: Наука. 337 с.
- Бичелдей, К. А. (2009) Денежная реформа ТНР 1925–1940 гг. — банкноты и монеты Тувы как предмет нумизматики (по фондовым материалам Национального музея Республики Тыва) // Наследие народов Центральной Азии и сопредельных территорий: изучение, сохранение и использование. Материалы научно-практической конференции, г. Кызыл, 9–10 сентября 2009 г.: в 2-х ч. / сост. У. Б. Нурзат. Кызыл: КЦО «Аныяк». Ч. 1. 199 с. С. 18–26.
- Денежное обращение и кредит СССР (1986) / под ред. В. С. Герасченко. М.: Изд-во «Финансы». 244 с.
- Иезуитов, В. М. (1956) От Тувы феодальной к Туве социалистической. Кызыл: Тувинское книжное издательство. 208 с.
- История Тувы (2007): в 3 т. / под общ. ред. В. А. Ламина. Новосибирск: Наука. Т. 2. 430 с.
- Копеев, В. А. (1981) Деньги и денежное обращение в период ТНР // По пути Великого Октября. К 60-летию Народной революции в Туве / отв. ред. Ю. Л. Аранчын. Кызыл: Тувинское книжное издательство. 156 с. С. 81–89.
- Татаринцев, Б. И. (2015) Этимологический словарь тувинского языка: в 4 т. Абакан: ООО «Кооператив «Журналист». Т. 1. 398 с.
- Тульчинский, Л. И. (1961) К вопросу о зарождении и развитии финансово-кредитной системы в Туве (1921–1944 гг.) // Ученые записки. Выпуск IX. Кызыл: Типография управления культуры. С. 269–274.

Фото 12. 3 рубля 1905 г., лицевая сторона. НМРТ, Ф. 10, ДПИ, шкаф № 15, полка 13, коробка 1. Фото А. Д. Куулар, 2018 г.

Photo 12. 3 roubles banknote (1905 issue), obverse. National Museum, Republic of Tuva, F.10, DPI, Cab.15, Shelf 13, Box 1. Photo by A. D. Kuular, 2018.

Харунова, М. М.-Б. (2018) Экономические термины в документах Тувинской Народной Республики (1921–1944 гг.) [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 2. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/775> (дата обращения: 12.01.2019.). DOI: 10.25178/nit.2018.2.9

Дата поступления: 01.03.2019 г.

REFERENS

Anan'in, A. Ya. and Rogov, G. I. (2014). Denezhnye znaki Tuvy [Monetary Units of Tuva]. *Antikvariat, predmety iskusstva i kolleksiionirovaniia*, no. 9 (119), pp. 134–143. (In Russ.).

Aranchyn, Iu. L. (1982) *Istoricheskii put' tuvinskogo naroda k sotsializmu [The historical path of the Tuvan people to Socialism]*. Novosibirsk, Nauka. 337 p. (In Russ.).

Bicheldei, K. A. (2009) Denezhnaia reforma TNR 1925–1940 gg. — banknoty i monety Tuvy kak predmet numizmatiki (po fondovym materialam Natsional'nogo muzeia Respubliki Tyva) [The monetary reform of the People's Republic of Tuva, 1925–1944: banknotes and coins of Tuva as a subject of numismatics in the collections of the National Museum of the Republic of Tuva]. In: *Nasledie narodov Tsentral'noi Azii i sopredel'nykh territorii: izuchenie, sokhranenie i ispol'zovanie [Heritage of the peoples of Central Asia and adjacent territories: research, preservation and use] (September 9–10, 2009, Kyzyl)*: in 2 vol. / ed. by U. B. Nurzat. Kyzyl, KTSO «Anyiak». Vol. 1. 199 p. Pp. 18–26. (In Russ.).

Denezhnoe obrashchenie i kredit SSSR [Money circulation and credit facilities in the USSR] (1986) / ed. by V. S. Gerashchenko. Moscow, Finansy Publ. 244 p. (In Russ.).

Iezuitov, V. M. (1956) *Ot Tuvy feodal'noi k Tuve sotsialisticheskoi [From feudal Tuva to Socialist Tuva]*. Kyzyl, Tuvan book publ. 208 p. (In Russ.).

Istoriia Tuvy [The History of Tuva] (2007): in 3 vol. / ed. by V. A. Lamin. Novosibirsk, Nauka Publ. Vol. 2. 430 p. (In Russ.).

Kopeel, V. A. (1981) Den'gi i denezhnoe obrashchenie v period TNR [Money and money circulation in the PRT]. In: *Po puti Velikogo Oktyabrya. K 60-letiyu Narodnoi revolyutsii v Tuve [In the footsteps of the Great October. Dedicated to the 60th Anniversary of People's Revolution in Tuva]*. Kyzyl, Tuvan book publ. 156 p. Pp. 81–89. (In Russ.).

Tatarintsev, B. I. (2015). *Etimologicheskii slovar' tuvinskogo yazyka [An etymological dictionary of the Tuvan language]*: in 4 vols. Abakan, OOO Kooperativ «Zhurnalist». Vol. 1. 398 p. (In Russ.).

Tul'chinskii, L. I. (1961). K voprosu o zarozhdenii i razvitii finasovo-kreditnoj sistemy v Tuve (1921–1944 gg.). [On the rise and development of the system of finance and credit in Tuva, 1921–1944]. *Uchenye zapiski*. Vol. IX. Kyzyl, Tipografiya upravleniya kul'tury. Pp. 269–274. (In Russ.).

Kharunova, M. M.-B. (2018) Ekonomicheskie terminy v dokumentakh Tuvinskoj Narodnoi Respubliki (1921–1944 gg.) [Economic terminology in the documents of the People's Republic of Tuva (1921–1944)]. *The New Research of Tuva*, no. 2 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/775> (access date: 12.01.2019). DOI: 10.25178/nit.2018.2.9 (In Russ.).

Submission date: 01.03.2019.

DOI: 10.25178/nit.2019.2.10

Сакральные предметы и трансформации музейной этики: истоки, проблемы, решения

Ксения В. Пименова

Национальный фонд научных исследований (FNRS);
Брюссельский свободный университет (ULB), Бельгия

В статье рассматриваются основные аспекты проблематики сакральных предметов в музеях, анализируются политические и интеллектуальные причины трансформаций музейной этики на Западе, разбираются примеры сложностей музейной работы с сакральными предметами.

В первой части статьи резюмируются исторические причины маргинального положения, которое живая религия до недавнего времени занимала в музеях. Во второй и третьей частях анализируются факторы возрастающего присутствия религии в музее и трансформаций музейной этики в обращении с сакральными предметами в последние несколько десятилетий. Это, во-первых, деколонизация и связанное с ней переосмысление отношений между коренными народами и их наследием, а, во-вторых, эпистемологические сдвиги в социальных науках, которые с 1980-х годов формируют новое понимание музейных предметов как агентов социального мира. Таким образом, новая музейная этика опирается одновременно на принцип уважения к самим предметам и на признание за коренными народами прав на живые отношения со своим наследием, в

первую очередь — с «чувствительными материалами», к которым относятся культовые предметы, а также человеческие останки. Тем не менее, внедрение этих принципов в работу музеев на практике нередко выявляет противоречия между универсалистскими ценностями музейного дела (например, сохранением наследия и обеспечением доступа к нему) и партикуляристской логикой религиозных и этнических групп. В четвертой части статьи на конкретных примерах описываются сложности, с которыми западные музеи сталкиваются в вопросах экспонирования, хранения и репатриации сакральных предметов, а также возможные пути их решения.

В заключении отмечается особая роль региональных и республиканских музеев России в переосмыслении места религии в музее и во внедрении принципов этичного обращения с сакральными предметами.

Ключевые слова: сакральные предметы; музейная этика; деколонизация; религии коренных народов; поворот к вещам; биографии вещей; экспонирование; репатриация; хранение; культурное наследие

Для цитирования:

Пименова К. В. Сакральные предметы и трансформации музейной этики: истоки, проблемы, решения [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2019, № 2. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/851> (дата обращения: дд.мм.гг.). DOI: 10.25178/nit.2019.2.10

Пименова Ксения Викторовна — кандидат исторических наук, доктор социологии (PhD), постдокторантка Национального фонда научных исследований (Бельгия); сотрудница Лаборатории антропологии современных миров в Свободном университете Брюсселя (Бельгия). Адрес: K. Pimenova, Université libre de Bruxelles, LAMC — Secrétariat, CP 124, Av. F. Roosevelt 50, 1050 Bruxelles, Belgique. Эл. адрес: ksenia.pimenova@ulb.ac.be

Pimenova Ksenia Viktorovna, Candidate of History, PhD in Sociology, Postdoctoral researcher, National Fund for Scientific Research (Fonds National de la Recherche Scientifique, FNRS); affiliated to Laboratoire d'Anthropologie des Mondes Contemporains (LAMC) at Free University of Brussels (ULB), Belgium. Postal address: Université libre de Bruxelles, LAMC — Secrétariat, CP 124, Av. F. Roosevelt 50, 1050 Bruxelles, Belgique. E-mail: ksenia.pimenova@ulb.ac.be

Sacred objects and transformations of museum ethics: origins, problems, solutions

Ksenia V. Pimenova

National Fund for Scientific Research (FNRS); Free University of Brussels (ULB), Belgium

The article deals with the problematic of sacred objects in museums. It analyzes the political and intellectual reasons for the transformation of museum ethics in Western countries, and provides examples of the difficulties in dealing with sacred objects.

The first section of the article summarizes the historical reasons for the marginal position museums had until recently allocated to religion as a living phenomenon. The second and third sections analyze the reasons for the growing presence of religion in Western museums in the last few decades: first, the rethinking of the relationship between indigenous peoples and their heritage within the framework of decolonization; and, second, the epistemological shifts in the social sciences that have shaped a new understanding of "museum pieces" as social agents. The new museum ethics is therefore based on both the principle of respect for the objects themselves and the recognition of indigenous peoples' rights to a living relationship with their heritage, especially with "sensitive materials", such as religious objects and human remains. Nevertheless, implementing these principles often reveals contradictions between the universalist values of museum work, such as the conservation and the access to heritage, and the particularistic logic of religious and ethnic groups.

The fourth part of the article provides examples of some of the difficulties encountered by Western museums in exhibiting, storing and repatriating sacred objects, and describes how they have been dealt with.

Finally, the conclusion elaborates on the special position of regional museums in Russia's autochthonous republics in rethinking the religion in museum space and in implementing new museum ethics in dealing with sacred objects.

Keywords: *sacred objects; museum ethics; decolonization; indigenous religions; ontological turn; biographies of things; museum display; storage; repatriation; cultural heritage*

For citation:

Pimenova K. V. Sacred objects and transformations of museum ethics: origins, problems, solutions. *The New Research of Tuva*. 2019, № 2. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/851> (access date ...). DOI: 10.25178/nit.2019.2.10

Введение

Отношения между религией и музеями — относительно новая тема в западных социальных науках и музееведении (Grimes, 1992; Minucciani, 2013; Paine, 2013). Теоретические и практические аспекты этих отношений обсуждаются в Северной Америке, Австралии и Европе в связи с репатриацией наследия коренных народов, этикой хранения и экспонирования сакральных предметов и человеческих останков (Jenkins, 2011; O'Neill, 2017; Turnbull, Pickering, 2010; Tythacott, Arvanitis, 2014). Мы привыкли считать музей пространством конфессионально нейтральным и свободным от присутствия религии. Действительно, живое присутствие религии, выражаемое в том числе через эмоции посетителей и сотрудников, через их отношения с сакральными предметами, до недавнего времени было в музее маргинальным и выглядело несколько неуместным. Причины вытеснения религии за пределы музейного мира коренятся в институциональных и интеллектуальных истоках музеев и в принципах репрезентации предметов в экспозиции через их эстетизацию и дистанцирование.

Однако в последние два-три десятилетия некоторые западные и в меньшей степени российские музеи становятся новыми локусами присутствия религии в общественном пространстве. Некоторые музеи, иногда сами того не желая, притягивают религиозные практики и должны формировать свою позицию в их отношении. Другие музеи вовлечены в процессы репатриации сакральных предметов и человеческих останков в качестве отдающей или принимающей стороны. Третьи сталкиваются с необходимостью выработки правил обращения с сакральными предметами и создают для них отдельные пространства.

Первой задачей статьи является анализ политических и эпистемологических причин растущего присутствия религии в музее и трансформаций музейной этики. С одной стороны, как будет показано ниже, процессы деколонизации на Западе затрагивают музеи и приводят к более симметричным, чем ранее, отношениям культурных институций с коренными народами. С другой стороны, эпистемологические сдвиги, которые происходят с 1980-х годов в социальных науках, приводят к пересмотру субъектно-объектной дихотомии и формируют новое понимание предметов как агентов социального мира, наделенных собственными «биографиями» и правами. Сакральные предметы коренных народов занимают особое место в трансформациях музейной этики, поскольку отсылают к наследию колонизации и требуют соблюдения особенных правил обращения с ними.

Новая музейная этика на Западе охотно декларирует моральную ответственность музеев перед коренными народами и уважение к предметам их культурного наследия. Однако применение этих принципов на практике нередко наталкивается на сложности, вызванные противоречиями между универсалистскими ценностями музеев и партикуляристской перспективой этнических и религиозных групп. Второй задачей статьи, таким образом, является анализ некоторых сложных вопросов изучения, экспонирования, хранения и репатриации сакральных предметов.

Основной источниковой базой для данной статьи послужили антропологические и музееведческие научные публикации о работе с сакральными предметами на английском и французском языках. Отдельные примеры относятся к авторским материалам, собранным в ходе этнографической полевой работы в 2017 г. в Национальном музее им. А. В. Анохина Республики Алтай (г. Горно-Алтайск).

Религия в музеях: эстетизация и дистанцирование

Институциональная модель современных публичных музеев как на Западе, так и в России восходит к европейской эпохе Просвещения с ее идеей главенства разума и науки над верой (Buggeln, Paine, Plate, 2017). Науки и искусство, которые доказывали прогресс человечества, оказались главными двигателями развития музеев, тогда как религии отводилось второстепенное место экзотического курьеза. Неслучайно музеи религии и религиозной истории редки как в Европе, так и в России¹.

Конечно, музеи и в прошлом экспонировали сакральные предметы, однако собственно религиозные отношения с музейными предметами оказывались неуместными. В большинстве музеев основными стратегиями презентации сакральных предметов до сих пор чаще всего остаются их эстетизация или их дистанцирование от публики во времени и в пространстве. Примером эстетизации являются иконы, которые из объектов почитания перекалфицируются в предметы древнерусского искусства. Их экспонирование подчинено искусствоведческой перспективе и акцентирует различия между школами иконописи и особенности изобразительной техники, а не богословские и обрядовые вопросы. Что касается этнографии коренных народов, то дистанция между посетителем и сакральными предметами встроена в саму природу экспонирования, которое вырезает предмет из контекста и работает как «искусство отстранения» в пространстве и времени (Kirschenblatt-Gimblett, 1998). В силу колониальной истории своих коллекций и идей эволюционизма, часто лежащих в основе музейной презентации предметов, крупные этнографические музеи как на Западе, так и в России продолжают материализовывать культурную и временную дистанцию между «нами» и «другими». В советских музеях сакральные предметы иллюстрировали культуру этнических групп, находящихся в процессе преодоления старых общественных отношений, и экспонировались как предметы прошлого (Hirsch, 2005; Teryukova, 2014).

Сегодня жесткая оппозиция между разумом и верой расценивается как фаза в истории идей, а не как адекватный инструмент для анализа социального мира. Но она продолжает влиять на иерархию музеев в восприятии публики. Не секрет, что наиболее «благородными» музеями, лучше всего отражающими достижения человечества, остаются для широкой общественности музеи искусства и науки, а не музеи религии или этнографии. Эта же оппозиция до сих пор способствует вытеснению религии как *живого* феномена за пределы музейного мира.

Трансформации музейной этики в контексте деколонизации

Тем не менее, за последние несколько десятков лет место религии в музеях постепенно меняется. Первым фактором этих трансформаций стал пересмотр отношений между колониальными державами

¹ Например, музей Св. Мунго в Глазго, музей истории религии в Санкт-Петербурге, музей Реформы в Женеве.

и колонизированными народами. Критика колониального наследия и колониальных отношений коснулась и музеев, коллекции которых отражают историю присвоения наследия и его перемещения от периферий к центрам империй (Bennett, 2018). Это присвоение происходило как в результате насилия и карательных операций, так и через торговлю и обмен, этичность которых сегодня часто вызывает сомнения. Научные знания, лежащие в основе музейной классификации предметов, также содержат колониальный след, поскольку основаны на несимметричных отношениях между «экспертами» и «профанами», среди которых оказались сами носители этнических и религиозных традиций (Баранов, 2016: 50).

Деколонизация музеев сегодня является важной проблематикой западной музеологии и антропологии (Chambers, De Angelis, 2014; Lonetree, 2012; Stanley, 2007). Она предполагает, во-первых, пересмотр иерархических отношений между метрополиями и перифериями по вопросам собирания и обращения с наследием. Именно поэтому важной частью музейной этики становятся исследования провенанса (происхождения) предметов и прозрачная коммуникация вокруг истории коллекций. Во-вторых, деколонизация музеев также означает уважение к самим предметам с точки зрения их включенности в отношения с современными группами. В случае сакральных предметов важно понять, какие запреты и правила поведения действуют в их отношении, чтобы по возможности вписать эти правила в музейный контекст. Наконец, деколонизация музеев также ставит вопрос о юридической и символической собственности на культурное наследие и сакральные предметы.

Одна из первых работ, описывающая постколониальную рефлексию внутри музея, — глава «Музеи как контактные зоны» Дж. Клиффорда (Clifford, 1997). Наблюдая встречу между сотрудниками Музея искусств Портленда (Орегон) и представителями тлингитских кланов в 1989 г. по вопросу обновления экспозиции, он заметил, что тлингиты не «созерцают» музейные предметы, а используют их как поводы для исполнения песен и рассказывания историй. Истории и мифы, вызванные к жизни старинными клановыми предметами, при этом «интерпретируются как истории специфические, указывающие на современные политические конфликты» (там же: 190). Иными словами, между предметами и коренными народами существуют текущие отношения, которые музей не может игнорировать. Признание этих отношений должно стать толчком к переосмыслению стратегий экспонирования предметов и в более общем плане — общественной роли музеев. С этой точки зрения музеи определяются как «хранители» (guardians) наследия, которое может быть собственностью музея в юридическом смысле, а в символическом — принадлежит коренным народам.

Разделенная с коренными народами ответственность за хранение (shared guardianship) стала одной из центральных концепций музейной этики. Она означает, что музеи несут моральную ответственность за правильное обращение с наследием перед конкретными коренными народами (source communities), а не только перед своими головными институциями, аудиторией или абстрактным человечеством. Этот этический сдвиг зафиксирован юридически в США, где в 1990 г. был принят закон NAGPRA («О защите захоронений американских индейцев и репатриации» — англ. Native American Graves Protection and Repatriation Act). Согласно этому закону, музеи и другие публичные институции, хранящие индейские сакральные предметы и человеческие останки, обязаны инвентаризовать коллекции и информировать об их содержании. Они также должны консультироваться с представителями индейских общин по вопросам экспонирования и удовлетворять требования репатриации. В Канаде и в Австралии не существует подобных законов, однако принцип разделенной ответственности давно вошел в музейную практику через рекомендации и этические кодексы национальных музейных ассоциаций. Рекомендации международного Совета Музеев (англ. International Council of Museums, сокр. англ. ICOM) определяют сакральные предметы и человеческие останки как «чувствительные материалы», предписывают уважение к ним и учет интересов и мировоззрения этнических и религиозных групп (статьи 2.5, 3.7 и 4.3 см.: Этический кодекс ..., Электр. ресурс).

Эти рекомендации одновременно фиксируют изменение профессиональных норм и стимулируют дальнейшую рефлексию о практическом применении музейной этики (Kreps, 2015; Marstine, 2011). Сотрудничество музеев с коренными народами в целом идет уже несколько десятков лет. Оно выражается в совместной работе в музейных фондах для изучения коллекций; в организации выставок и обновлении постоянных экспозиций; в создании интернет-платформ для цифровой репатриации (см. о ней ниже). Такие проекты ревитализируют культуру и религиозные практики, а также стимулируют взаимовыгодный обмен между экспертным знанием и живыми знаниями коренных народов.

Сакральные предметы в зеркале социальных наук

Вторая причина трансформации музейной этики в отношении культурных артефактов и особенно сакральных предметов — эволюция научных парадигм. С 1980-х годов в социологии и социальной антропологии возникают разные теоретические подходы, которые вместе иногда квалифицируются как онтологический поворот (Соколовский, 2016). Их общая черта — отказ от строгих дихотомий (субъект / объект, человек / природа, тело / разум, одушевленное / неодушевленное, человеческое / нечеловеческое). Эти подходы рассматривают предметы не только и не столько как свидетельства прошлого, а как активную и симметричную часть социального мира, неотделимую от человека и на него похожую. Как известно, во многих культурах предметы наделяются качествами личности (именем, полом), а иногда «сливаются» с человеком настолько, что поддерживают социальный статус прежнего владельца даже после обмена (Munn, 1986). Некоторые авторы говорят об агентности вещей, то есть их способности действовать (Gell, 1998). Вещи также обладают биографиями, которые переплетены с биографиями индивидов и историей социальных групп (Hoskins, 1998; Копытов, 1986). Материалы, из которых сделаны вещи, определяют функциональные и символические свойства в мире людей (Ingold, 2011: 19–32). Вещи и люди зависят друг от друга и «сплетены» отношениями собственности, привязанности, взаимовыручки (Hodder, 2012).

Сакральные предметы дают этим подходам богатый материал. Как и все остальные вещи, сакральные предметы социализированы на разных этапах своего жизненного цикла. Кроме того, они связаны с невидимыми, но влиятельными социальными акторами — божествами, защитниками, духами. Если обратиться к сибирской этнографии, яркими биографиями и агентностью наделены шаманские атрибуты, в частности бубны (Анохин, 1924; Потапов, 1997). Бубны ритуально оживлялись, становясь вместилищами духов и ездовыми животными шаманов, а после смерти владельцев как правило «дезактивировались» путем разрезания мембраны. Добровольно-принудительная сдача бубнов в советские музеи становилась новым этапом в их биографии и продлевала их жизнь. Однако она также разрывала прежние социальные связи предметов и выводила их из среды их использования, превращая в предметы наследия.

В теоретических дискуссиях о музеификации сакральных предметов выделяются две противоположные позиции. Первая отводит ведущую роль музейному контексту, который полностью или частично уничтожает прежние сакральные смыслы (Dudley, 2012; Kreinath, 2015).

«Архитектурное и концептуальное пространство, в котором живут предметы, может радикально менять или определять их значение, его восприятие публикой. Священные предметы в синагогах, храмах и церквях — это одно; они же в музеях и галереях искусства — совсем другое. Даже если “экзегетическое” значение предметов (то, что о них говорят) оставалось бы неизменным, их контекстуальное значение, их пространственное и концептуальное соотношение с другими символами неминуемо меняется» (Grimes, 1992: 419).

С позиций биографии вещей музеификация — это вторжение в жизнь предмета, «сопоставимое с порабощением или с захватом пленников» (там же: 425). Цель сохранения наследия, которой подчинена деятельность музеев, навсегда «замораживает» его биографию. Это касается и тех сакральных предметов, которые в традиции создаются для однократного использования, а затем намеренно выбрасываются или уничтожаются, как маски *маланган*, использующиеся в церемониях проводов умерших у народов Папуа Новой Гвинеи (Küchler, 2002). По той же логике сохранения наследия, музей оставляет доступным для посетителей только визуальный канал коммуникации с сакральными предметами, тогда как их тактильное, звуковое, обонятельное восприятие, столь важное во многих религиях, как правило оказывается невозможным (Buggeln, Paine, Plate, 2017).

С другой стороны, предметы иногда оказываются сильнее контекста, и именно через них религия проникает в музеи вопреки духу времени, целям музея и концепции экспозиции. В 1930-е годы посетители продолжали молиться иконам, выставленным в Музее истории религии в Ленинграде, несмотря на активные антирелигиозные кампании того времени и стремление музейщиков экспонировать религию как факт прошлого (Teuyukova, 2014). Иногда сакральные смыслы вообще возникают самостоятельно даже у тех предметов, которые никогда не были задействованы в религиозных обрядах. Так произошло с картиной Сальвадора Дали «Тайная вечеря» (Sacrament of the Last Supper), которая хотя и интерпретирует христианский сюжет, создавалась художником как предмет искусства, а не почитания. Картина привлекает посетителей, которые молятся перед ней и делают ей подношения, несмотря на то,

Фото 1. Церемониальные шелковые шарфы (алт. кадаки), подаренные «Укокской принцессе». Национальный музей им. А. В. Анохина Республики Алтай (Горно-Алтайск). Фото автора, 2017 г.

Photo 1. Ceremonial silk scarves (kadak) offered to the "Ukok Princess". Anokhin National Museum of Altai Republic. Photo by author, 2017.

что Национальная галерея искусств (Вашингтон) старается препятствовать ее прочтению в религиозном ключе, поскольку оно не отвечает целям этого музея (Buggeln, Paine, Plate, 2017).

В других случаях музеификация увеличивает популярность предметов и расширяет их семантику. Здесь интересна история Улуг Хуртуях Тас (Большой каменной старухи), изваяния окуневской культуры (III тысячелетие до н. э.), которое издавна почиталось жителями Аскизского района Хакасии как средство исцеления от бесплодия (Самушкина, 2009: 109–113). В 1954 г. изваяние было вывезено из Аскизской степи в Хакасский республиканский краеведческий музей в Аба-

кане, в котором почитание и кормление продолжались в течение нескольких десятилетий. В 2003 г. изваяние было возвращено в Аскизский район, и это событие торжественно отмечалось в присутствии республиканских политиков как праздник родов хакасского народа. Музеификация в советском Абакане, а позже возвращение в Аскиз, превратили изваяние из объекта узкофункционального местного поклонения в символ духовного и культурного возрождения всей Хакасии.

Кажется, что противопоставлять стирание религиозного смысла и его реактуализацию не имеет смысла. Судьба конкретных сакральных предметов в музеях на деле развивается разными путями. Она зависит не только от свойств самого предмета и позиции музея в отношении религии, но и от политических и институциональных факторов. Во-первых, деколонизация на Западе и этнокультурное возрождение в России притягивают общественное внимание к культурному наследию. Эти политические процессы делают более осязаемыми для публики сакральные смыслы предметов и легитимируют религиозные отношения в музейном пространстве. Во-вторых, на восприятие предмета влияют направленность музея, его отношения с идентичностью посетителей. Представляется, что в региональных музеях и культурных центрах коренных народов посетители чаще и легче вовлекаются в религиозные отношения с сакральными предметами, потому что уже обладают опытом взаимодействия с подобными предметами вне музея и представлениями об их истории и свойствах. Привилегированные отношения музея с культурой, которая создала предмет, объясняют разницу между шаманским костюмом в Музее истории Бурятии им. М. Н. Хангалова (Улан-Удэ), притягивающим подношения, и тофаларским шаманским костюмом в Музее набережной Бранли в Париже, который всегда «молчит». То же касается некоторых археологических человеческих останков. Если посетители наделяют их особым статусом и свойствами (например, способностью наносить вред или помогать), то возможно возникновение практик избегания или почитания, как это произошло с мумией «Укокской принцессы» после ее возвращения в Национальный музей им. А. В. Анохина (Горно-Алтайск) в 2012 г. (см. фото 1 и 2).

Трансформации музейной этики: исследования провенанса, экспонирование, репатриация

Процессы деколонизации и эпистемологические сдвиги в социальных науках имеют прямое отношение к трансформациям музейной этики и связаны между собой. Ниже будут рассмотрены несколько примеров из западной музейной практики, относящихся к исследованиям, экспонированию (и хранению) сакральных предметов, а также их репатриации.

Исследования провенанса предметов и прозрачная коммуникация вокруг истории отдельных предметов и коллекций декларируются как приоритетная задача во многих музеях и культурных институтах. Они позволяют проследить движения предметов в пространстве и в «большой» истории, которую важно знать музейной аудитории и широкой общественности. Эта масштабная задача редко осуществляется одними музеями, чаще — в рамках проектов, объединяющих сотрудников музеев с историками, этнографами и искусствоведами. Такие исследования позволяют заглянуть в историю колониального насилия, ограблений, продажи на черных рынках, и наконец попадания предметов в музеи, которое «легитимирует» их сомнительный провенанс.¹ В российских реалиях изучение истории коллекций сакральных предметов могло бы пролить свет на региональную историю советских антирелигиозных кампаний, в которой остаются белые пятна.

Применение музейной этики на практике нередко вступает в противоречие с универсалистскими принципами, лежащими в основе работы музеев: например, с бессрочным сохранением наследия ради будущего всего человечества и с обеспечением доступа к предметам. Одна из потенциально чувствительных областей музейного дела — экспонирование сакральных предметов. Музеи допускают к предметам всех посетителей, не дифференцируя их по этническим, клановым или половозрастным категориям. Однако если в христианстве и буддизме нет ограничений на осмотр сакральных изображений (икон в христианстве и тханк в буддизме), то в других случаях недифференцированное экспонирование вступает в противоречие с религиозными представлениями коренных народов.

Самым ярким примером табуированных предметов, которые требуют пересмотра стратегий экспонирования, являются *чуринга* (*churinga*, *tjuringa*) — секретно-сакральные предметы, хорошо известные в антропологии благодаря Э. Дюркгейму. *Чуринга* — круглые или продолговатые камни или куски дерева с нанесенными на них рисунками, кодирующими секретную информацию, связывают индивида с тотемом клана, с предками, духами и территорией традиционного проживания рода. Аборигены Австралии прячут их в тайных местах и достают на время клановых церемоний. *Чуринга* также определяют права клана на землю, и с 1970-х гг. австралийское законодательство признает их как полноценные документы в судебных процессах. Учитывая эти свойства, открытое экспонирование *чуринга* не только неэтично, но и чревато втягиванием музеев в политико-юридические конфликты между отдельными аборигенными группами по поводу владения землей и ее недрами. Секретный характер *чуринга* не только налагает ограничения на экспонирование, но и ставит перед музейными сотрудниками и учеными вопросы об этике музейного хранения. Многие австралийские, а затем и европейские музеи, уже с 1980-х гг. начали снимать свои коллекции секретно-сакральных предметов с экспозиции и организовывать для них отдельное хранение с ограниченным доступом, куда можно заходить нескольким сотрудникам и членам соответствующих кланов (Batty, 2016).

Фото 2. Сотрудница Национального музея им. А. В. Анохина Республики Алтай (Горно-Алтайск) А. Аргокова показывает платье и пальто из женского костюма, привезенного в дар «Укокской принцессе» посетителем из Казахстана. Шелк, войлок. Фото автора, 2017 г.
Photo 2. An employee of the Anokhin National Museum of Altai Republic (Gorno-Altai) A. Argokova shows women's dress and coat offered to "Ukok Princess" by a visitor from Kazakhstan. Silk, felt.
Photo by author, 2017.

¹ См., например, проект Translocations: Historical Enquiries into the Displacement of Cultural Assets: <http://www.translocations.net/en/project/>

Конечно, отказ от экспонирования — радикальная стратегия, в которой уважение к самому предмету и к коренным народам, которые его создали, выводит предметы из общего доступа. Однако она касается далеко не всех сакральных предметов. В зависимости от свойств предметов возможны другие этические сценарии. Например, у канаков Новой Каледонии широко распространено использование магических камней для обрядовых задач как положительного, так и отрицательного характера (войны, колдовство). В отличие от *чуринга*, магические камни не содержат секретной информации, но считаются вместилищем духов, которые могут нанести вред всем, кто смотрит на них или трогает их без соответствующей инициации. К счастью, в канакской традиции широко практикуется ритуальная «деактивация» магических камней. В культурном центре Жан-Мари Тьйбао (Нумеа, Новая Каледония) их экспонирование стало возможным благодаря предварительно проведенным обрядам выселения духов. Камни превратились из магических предметов в культурные артефакты, которые не пугают посетителей и хранителей музея (Kasarhérou, 2016).

Другие сакральные предметы требуют не «деактивации», а соблюдения определенных правил поведения. Например, погребальные статуи *рамбарамп* (архипелаг Вануату) моделировались из глины и листьев по телу умершего, украшались его прижизненными регалиями (клыками кабана, раковинами) и содержат внутри его череп, который считается вместилищем души. *Рамбарамп* изготавливались только для мужчин, достигших высших степеней инициации, и хранились в мужских церемониальных домах, откуда изредка выносились в деревню, участвуя в коллективных обрядах наравне с ее жителями. Статуи репрезентируют покойного как живого человека, воплощают высокий социальный престиж индивида и более общем смысле — высокий статус мужчин по сравнению с женщинами, которые не должны смотреть на *рамбарамп* сверху вниз. Экспонирование *рамбарамп* стремится по возможности учитывать эти традиционные гендерные иерархии, поэтому в некоторых музеях статуя поднимается таким образом, чтобы уровень ее глаз был выше среднего роста посетительниц. Специальные правила применяются и для хранения статуй. Вертикальное положение, в котором традиционно хранились эти статуи и которое наиболее соответствует этике обращения с «предметами-личностями», опасно в силу их хрупкости, поэтому статуи размещаются наклонно (Del Re, Countryman, 1995: Электр. ресурс).

Одна из возможных стратегий этичного экспонирования сакральных предметов — создание полужакрытых экспозиционных пространств. По такому пути, например, пошел Музей набережной Бранли в Париже, выставляя *рамбарамп* в затемненном боксе с узким коридором. Посетитель сначала узнает информацию об этих экспонатах, а потом самостоятельно выбирает между осмотром и отказом от него. Сходные стратегии, предлагающие посетителю информированный выбор, применяются при экспонировании человеческих останков, которые во многом сходны с сакральными предметами с точки зрения музейной этики (Jenkins, 2011).

Новая этика иногда также вступает в противоречие с принципом неделимости коллекций и целями сохранения наследия. Несмотря на общественную риторику и политику деколонизации, одной из тем, болезненных для музейного сообщества, является возвращение культурных артефактов, сакральных предметов и человеческих останков коренным народам. Хотя репатриация останков с последующим захоронением очень распространена, она не всегда ведет к нему автоматически. Иногда наиболее этичным компромиссом между хранением и репатриацией представляется дифференцированный подход, различающий идентифицированные и неидентифицированные останки. Такой путь был выбран при репатриации из австралийских, американских и европейских музеев *tokotokai* — высушенных человеческих голов, в которых по представлениям новозеландских маори хранится жизненная сила человека и рода. В XIX в. *tokotokai* стали объектами коллекционного бума, что привело не только к массовым продажам голов уже умерших людей, но с большой вероятностью — к казням неизвестных пленников. В случаях, когда провенанс и генетические исследования позволяют установить связь с современными родовыми группами, *tokotokai* передаются им для перезахоронения. Для неидентифицированных *tokotokai* в музее Те Папа Тонгарева (Веллингтон) создано сакральное пространство с ограниченным доступом, в котором они хранятся для дальнейшего изучения (Alderton, 2014). В России репатриация археологических останков исключает их захоронение и проходит по сценарию музейфикации. Возвращения мумии «Укокской принцессы» в Национальный музей им. А. В. Анохина Республики Алтай (Горно-Алтайск) и останков «Царской четы» в Национальный музей им. Алдын-Маадыр Республики Тыва (Кызыл) могут рассматриваться как компромиссные сценарии, в которых сохранение наследия не исключает будущих исследований и сочетается с идеей возвращения «домой». Осмотр «Укокской принцессы» считается у алтайцев неэтичным, поэтому экспонирование ограничено несколькими днями в месяц, что оставляет за посетителями право выбора.

Более сложным вопросом оказывается репатриация сакральных предметов. Практика в этой области мозаична и зависит от политики стран и отдельных музеев. В США, Австралии и Канаде сакральные предметы давно и регулярно передаются на постоянное или временное хранение в ассоциации, музеи и культурные центры коренных народов. Репатриация же сакральных предметов из Европы в другие страны пока касается только отдельных предметов и достаточно редка. Среди предметов, переданных индейцам лакота из Музеев Глазго, «рубаша духов» (Ghost Dance Shirt), священный атрибут религии пляски духа, индейского мессианского движения конца XIX века. Требования репатриации были удовлетворены только тогда, когда исследования провенанса подтвердили, что рубаша была снята с погибшего участника бойни при Вундед-Ни в 1890 г., в котором лакота потерпели сокрушительное поражение. На решение о репатриации здесь повлияло в большей степени значение этой битвы для народа лакота и связь со смертью, чем собственно сакральный характер предмета. При репатриации была достигнута договоренность о бессрочном хранении и передачи предмета в будущем для временных выставок в Глазго (Curtis, 2010: 237).

Говоря о репатриации, нельзя не упомянуть нашумевший в музейной среде доклад французского искусствоведа Бенедикт Савуа и сенегальского экономиста Фельвина Сарра «О реституции африканского культурного наследия. К новым этическим отношениям» (Sarr, Savouy, 2018: Электр. ресурс). В докладе представлены результаты масштабной инвентаризации африканских коллекций в государственных музеях Франции и предлагается «дорожная карта» репатриаций. Кандидатами на первый этап репатриации определяются военные трофеи колониальных кампаний, а также предметы, вывезенные из Африки на временные выставки и не возвращенные. Речь идет о высоко символических артефактах общим числом около 25 наименований, в отношении которых уже давно сформулированы официальные требования репатриации. Это королевские регалии и священные предметы (маски, культовые статуэтки *боли*, детали алтарей) из Бенина, Нигерии, Сенегала, Эфиопии, Мали и Камеруна. Доклад не рекомендует репатриацию законно приобретенных предметов и предписывает дальнейшее изучение и инвентаризацию в случаях сомнительного провенанса. Он также предполагает предварительную оценку состояния принимающих музеев в Африке для определения условий хранения предметов.

Доклад Савуа-Сарр также предлагает программу по развитию так называемой цифровой репатриации — созданию баз данных о предметах материального наследия. В отличие от репатриации физической, цифровая репатриация является передачей не самих предметов, а только документации, аудиозаписей, фото- и видео изображений. Интересно, что после цифровой репатриации правила обращения с информацией и изображениями выстраиваются с учетом сакральности, секретности и опасности оригинальных предметов (De Laryg Healy, 2011). Цифровая репатриация является еще одним вариантом компромисса между сохранением предметов, принципом неделимости коллекций и новой музейной этикой.

Заключение: музейная этика в республиканских музеях России

Многие аспекты этического обращения с сакральными предметами не могут быть проанализированы в рамках этой статьи. Приведенные здесь примеры отражают лишь основные тенденции в обращении с сакральными предметами, значимыми культурными артефактами и человеческими останками в музеях Европы, Северной Америки и Австралии.

Ситуация в России во многом иная. В жизни музейного сообщества на повестке дня на первом месте стоят вовсе не деколонизация и музейная этика, а другие вопросы бюрократического, финансового, юридического характера. Идея деколонизации не поддерживается законодательно, не является частью культурной политики и практически отсутствует в общественных дебатах о культурном наследии коренных народов России. Отдельные прецеденты репатриации человеческих останков в музеи Тувы и Алтая являются на этом фоне исключениями, а не правилами. Тем не менее, процессы этнокультурного и этнорелигиозного возрождения, которые идут в национальных республиках России с 1990-х годов, имеют структурные сходства с движениями коренных народов Америки и Австралии. В сибирских республиках интеллектуальные и культурные элиты и религиозные лидеры постепенно нормализуют идею культурного самоопределения местных сообществ. Важную роль в этих процессах играют республиканские музеи, такие, как Национальный музей им. Алдын-Маадыр Республики Тыва в Кызыле и Национальный музей им. А. В. Анохина Республики Алтай в Горно-Алтайске.

Представляется, что важная роль в распространении новой музейной этики в российских реалиях будет принадлежать именно республиканским и краеведческим музеям. Подобно музеям и культурным центрам коренных народов Америки или Австралии, такие музеи в России отражают и формируют идентичность одной этнотерриториальной общности и гораздо сильнее включены в ее религиозную, культурную и этнополитическую жизнь, чем столичные музеи этнографии, представляющие наследие разных коренных народов. Местные музеи являются «музеями Себя» в отличие от «музеев Других» (de l'Estoile, 2007). Они хранят сакральные предметы только «своих» народов и экспонируют их местной публике, которая иногда еще помнит об их бытовании во внемузейном контексте. Сотрудники республиканских и краеведческих музеев — этнографы, искусствоведы, археологи — не только являются носителями академического знания, но социализированы с детства в своих этнокультурных и обрядовых традициях. Дистанция, с помощью которой «музеи Других» могут отгораживаться от религии, сводится здесь к минимуму, а актуализация религиозных смыслов предметов происходит более коротким путем. В силу своей природы именно местные музеи оказываются в выигрышной позиции с точки зрения внедрения музейной этики и могут адекватно адаптировать ее правила к особенностям религиозной жизни своих групп.

Благодарности

Благодарю дирекцию и сотрудников Национального музея им. А. В. Анохина Республики Алтай за предоставленную возможность провести полевые исследования в музее в 2017 г., а также Алевтину Соловьеву (РГГУ, Москва / Тартусский университет, Эстония) за ценную информацию о шаманском костюме в Музее истории Бурятии им. М. Н. Хангалова (Улан-Удэ).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анохин, А. В. (1924) Материалы по шаманству у алтайцев. Л. : Издательство Российской академии наук. 248 p.
- Баранов, Д. А. (2016) О чем молчат вещи // Российская антропология и «онтологический поворот» / С. В. Соколовский (ред.). М. : Институт этнологии и антропологии РАН. 404 с. С. 33–83.
- Потапов, Л. П. (1997) Шаманский бубен — уникальный памятник духовной культуры тюркских народов Алтая // Этнографическое обозрение. № 4. С. 25–39.
- Самушкина, Е. В. (2009) Символические и социо-нормативные аспекты современного этнополитического движения Республики Алтай, Республики Тыва, Республики Хакасия (конец XX — начало XXI в.). Новосибирск : Издательство Института археологии и этнографии СО РАН. 274 с.
- Соколовский, С. В. (2016) Вместо введения. Теории вещей и этнографии материальности // Российская антропология и «онтологический поворот» / С. В. Соколовский (ред.). М. : Институт этнологии и антропологии РАН. 404 с. С. 3–30.
- Этический кодекс ИКОМ для музеев [Электронный ресурс] // ICOM. URL: https://icom.museum/wp-content/uploads/2018/07/code_russia2013-1.pdf (дата обращения: 01.03.2019).
- Alderton, Z. (2014) The Secular Sacred Gallery: Religion at Te Papa Tongarewa // Secularisation: New Historical Perspectives / Ch. Hartney (ed.) Newcastle upon Tyne : Cambridge Scholars Press. Pp. 251–264.
- Batty, Ph. (2016) Problems associated with the management of secret / sacred objects in Australia: the Melbourne Museum Experience // Baessler-Archiv. Beiträge zur Völkerkunde. No 63. Pp. 11–16.
- Bennett, T. (2018) Museums, Power, Knowledge. Selected Essays. London : Routledge. 340 p.
- Buggeln, G., Paine, C., Plate, B. (2017) Religion in Museums. Global and Multidisciplinary Perspectives. London ; New York : Bloomsbury. 265 p.
- Chambers, I., De Angelis, A. (2014). The Postcolonial Museum: the Arts of Memory and the Pressures of History. Farnham : Ashgate. 274 p.
- Clifford, J. (1997) Routes. Travel and Translation in the Late Twentieth Century. Cambridge, Massachusetts : Harvard University Press. 416 p.
- Curtis, N. (2010) Repatriation from Scottish Museums: Learning from NAGPRA // Museum Anthropology. No 33(2). P. 234–248.
- de l'Estoile, B. (2007) Le Goût des Autres. De l'Exposition coloniale aux arts premiers. Paris : Flammarion. 454 p.
- De Lary Healy, J. (2011) Pour une anthropologie de la restitution. Archives culturelles et transmissions des savoirs en Australie // Cahiers d'ethnomusicologie. No 24. P. 45–62.

Del Re, Ch., Countryman, P. (1995) How would you mount a Rambaramp? [Электронный ресурс] // American Institute for Conservation. Resources | Conservation Online. URL: <http://resources.conservation-us.org/wp-content/uploads/sites/8/2015/02/osg003-02.pdf> (дата обращения: 01.03.2019).

Dudley, S. (2012) *Museum Objects: Experiencing the Properties of Things*. London : Routledge. 347 p.

Gell, A. (1998) *Art and Agency. An Anthropological Theory*. Oxford : Clarendon Press. 296 p.

Grimes, R. (1992) Sacred Objects in Museum Spaces // *Studies in Religion / Sciences religieuses*. No. 21(4). P. 419–430.

Hirsch, F. (2005) *Empire of Nations. Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*. Ithaca : Cornell University Press. 392 p.

Hodder, I. (2012) *Entangled. An Archaeology of the Relationships between Human and Things*. London : Wiley-Blackwell. 252 p.

Hoskins, J. (1998) *Biographical Objects. How Things Tell the Stories of People's Lives*. New York ; London : Routledge. 213 p.

Ingold, T. (2011) *Being Alive. Essays on Movement, Knowledge and Description*. London : Routledge. 270 p.

Jenkins, T. (2011) *Contesting Human Remains in Museum Collections. A Crisis of Cultural Authority*. New York : Routledge. 174 p.

Kasarhérou, E. (2016). Indigenous perspectives on sacred objects and museums in Melanesia: the New Caledonia case // *Baessler-Archiv. Beiträge zur Völkerkunde*. No. 63. P. 24–28.

Kirschenblatt-Gimblett, B. (1998) *Destination Culture. Tourism, Museums, and Heritage*. Berkeley : University of California Press. 326 p.

Kopytoff, I. (1986) The cultural biography of things: Commoditization as process // *The social life of things: commodities in cultural perspective / Appadurai, A. (ed.)*. Cambridge : Cambridge University Press. 339 p. Pp. 64–91.

Kreinath, J. (2015) *Museality* // R. A. Segal and Von Stuckrad, K. *Vocabulary for the Study of Religion*. Vol. 2 (F-O). Leiden : Brill. 1842 p. P. 481–486.

Kreps, Ch. (2015) Appropriate museology and the “new museum ethics”. *Honoring diversity // Nordisk Museologi*. No 2. P. 4–16.

Küchler, S. (2002) *Malanggan: Art, Memory and Sacrifice*. London : Bloomsbury. 256 p.

Lonetree, A. (2012) *Decolonizing Museums. Representing Native America in National and Tribal Museums*. Chapel Hill : University of North Carolina Press. 248 p.

Marstine, J. (2011) The contingent nature of the new museum ethics // *Routledge Companion to Museum Ethics. Redefining Ethics for the Twenty-First Century / Marstine, J. (ed.)*. London : Routledge. 486 p. P. 3–25.

Minucciani, V. (2013) *Religion and Museums. Immaterial and Material Heritage*. Torino : Umberto Allemandi. 110 p.

Munn, N. (1986) *The Fame of Gawa. A Symbolic Study of Value Transformation in a Massim (Papua New Guinea) Society*. Cambridge : Cambridge University Press. 331 p.

O'Neill, M. (2017) Museums and the Repatriation of Objects, 1945–2015 // Buggeln, G., Paine, C., and Plate, B. (eds.) *Religion in Museums. Global and Multidisciplinary Perspectives*. London-New York : Bloomsbury. 265 p. P. 99–109.

Paine, C. (2013) *Religious Objects in Museums. Public Lives and Public Duties*. London ; New York : Bloomsbury. 192 p.

Sarr, F., Savoy, B. (2018) *The Restitution of African Cultural Heritage. Toward a New Relational Ethics* [Электронный ресурс] // restitutionreport2018.com. URL: http://restitutionreport2018.com/sarr_savoy_en.pdf (дата обращения: 01.03.2019).

Stanley, N. (2007) Can Museums become Indigenous? The Asmat Museum of Culture and Progress and Contemporary Papua // Stanley, N. (ed.) *The Future of Indigenous Museums. Perspectives from the Southwest Pacific*. New York : Berghahn Books. 272 p. P. 190–204.

Teryukova, E. (2014) Display of religious objects in museum space. Russian museum experience in the 1920s and the 1930s // *Material Religion*. No. 10 (2). P. 255–258.

Turnbull, P., Pickering, M. (2010) *The Long Way Home. The Meaning and Values of Repatriation*. New York : Berghahn Books. 224 p.

Tythacott, L., Arvanitis, K. (2014) *Museums and Restitution: New Practices, New Approaches*. London ; New York : Routledge. 224 p.

Дата поступления: 15.03.2019 г.

REFERENCES

Anokhin, A. V. (1924) *Materialy po shamanstvu u altaitsev. [Materials on shamanism among the Altai people]*. Leningrad, Russian Academy of Sciences publ. 248 p. (In Russ.)

Baranov, D. A. (2016) O chem molchat veshchi [What things keep silence on]. In: *Rossiiskaia antropologiia i «ontologicheskii povorot» [Russian anthropology and the 'ontological turn']* / ed. S. V. Sokolovskii. Moscow, Institute of Ethnology and Anthropology RAS. 404 p. Pp. 33–83. (In Russ.)

Potapov, L. P. (1997) Shamanskii buben — unikal'nyi pamiatnik dukhovnoi kul'tury tiurkskikh narodov Altaia [The shamanic drum, a unique item of spiritual culture of Turkic peoples of Asia]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 4, pp. 25–39. (In Russ.)

Samushkina, E. V. (2009) *Simvolicheskie i sotsio-normativnye aspekty sovremennogo etnopoliticheskogo dvizheniia Respubliki Altai, Respubliki Tyva, Respubliki Khakasiia (konets XX — nachalo XXI v.) [Symbolic and socionormative aspects of ethnopolitical movements of Republics of Altai, Tuva and Khakassia, late 20th to early 21st century]*. Novosibirsk, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch, RAS. 274 p. (In Russ.)

Sokolovskii, S. V. (2016) Vmesto vvedeniia. Teorii veshchei i etnografii material'nosti [In place of an introduction. Theories of objects and ethnographies of materiality]. In: *Rossiiskaia antropologiia i «ontologicheskii povorot» [Russian anthropology and the 'ontological turn']* / ed. S. V. Sokolovskii. Moscow, Institute of Ethnology and Anthropology RAS. 404 p. Pp. 3–30. (In Russ.)

Eticheskii kodeks IKOM dlia muzeev [ICOM Ethical Code for Museums]. *ICOM* [online] Available at: https://icom.museum/wp-content/uploads/2018/07/code_russia2013-1.pdf (access date: 01.03.2019). (In Russ.)

Alderton, Z. (2014) The Secular Sacred Gallery: Religion at Te Papa Tongarewa. In: *Secularisation: New Historical Perspectives* / Ch. Hartney (ed.). Newcastle upon Tyne, Cambridge Scholars Press. Pp. 251–264.

Batty, Ph. (2016) Problems associated with the management of secret / sacred objects in Australia: the Melbourne Museum Experience. *Baessler-Archiv. Beiträge zur Völkerkunde*, no. 63, pp. 11–16.

Bennett, T. (2018) *Museums, Power, Knowledge. Selected Essays*. London, Routledge. 340 p.

Buggeln, G., Paine, C. and Plate, B. (2017) *Religion in Museums. Global and Multidisciplinary Perspectives*. London; New York, Bloomsbury. 265 p.

Chambers, I. and De Angelis, A. (2014). *The Postcolonial Museum: the Arts of Memory and the Pressures of History*. Farnham, Ashgate. 274 p.

Clifford, J. (1997) *Routes. Travel and Translation in the Late Twentieth Century*. Cambridge, Massachusetts, Harvard University Press. 416 p.

Curtis, N. (2010) Repatriation from Scottish Museums: Learning from NAGPRA. *Museum Anthropology*, no. 33(2), pp. 234–248.

de l'Estoile, B. (2007) *Le Goût des Autres. De l'Exposition coloniale aux arts premiers*. Paris, Flammarion. 454 p.

De Lary Healy, J. (2011) Pour une anthropologie de la restitution. *Archives culturelles et transmissions des savoirs en Australie. Cahiers d'ethnomusicologie*, no 24, pp. 45–62.

Del Re, Ch., Countryman, P. (1995) How would you mount a Rambaramp? *American Institute for Conservation. Resources | Conservation Online* [online] Available at: <http://resources.conservation-us.org/wp-content/uploads/sites/8/2015/02/osg003-02.pdf> (access date: 01.03.2019).

Dudley, S. (2012) *Museum Objects: Experiencing the Properties of Things*. London, Routledge. 347 p.

Gell, A. (1998) *Art and Agency. An Anthropological Theory*. Oxford, Clarendon Press. 296 p.

Grimes, R. (1992) Sacred Objects in Museum Spaces. *Studies in Religion / Sciences religieuses*, no. 21(4), pp. 419–430.

Hirsch, F. (2005) *Empire of Nations. Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*. Ithaca, Cornell University Press. 392 p.

Hodder, I. (2012) *Entangled. An Archaeology of the Relationships between Human and Things*. London, Wiley-Blackwell. 252 p.

Hoskins, J. (1998) *Biographical Objects. How Things Tell the Stories of People's Lives*. New York; London, Routledge. 213 p.

Ingold, T. (2011) *Being Alive. Essays on Movement, Knowledge and Description*. London, Routledge. 270 p.

Jenkins, T. (2011) *Contesting Human Remains in Museum Collections. A Crisis of Cultural Authority*. New York, Routledge. 174 p.

Kasarhérou, E. (2016). Indigenous perspectives on sacred objects and museums in Melanesia: the New Caledonia case. *Baessler-Archiv. Beiträge zur Völkerkunde*, no. 63, pp. 24–28.

Kirschenblatt-Gimblett, B. (1998) *Destination Culture. Tourism, Museums, and Heritage*. Berkeley, University of California Press. 326 p.

Kopytoff, I. (1986) The cultural biography of things: Commoditization as process. In: *The social life of things: commodities in cultural perspective* / Appadurai, A. (ed.). Cambridge, Cambridge University Press. 339 p. Pp. 64–91.

Kreinath, J. (2015) Museality. In: R. A. Segal and Von Stuckrad, K. *Vocabulary for the Study of Religion*. Vol. 2 (F-O). Leiden, Brill. 1842 p. P. 481–486.

Kreps, Ch. (2015) Appropriate museology and the “new museum ethics”. Honoring diversity. *Nordisk Museologi*, no. 2, pp. 4–16.

- Küchler, S. (2002) *Malanggan: Art, Memory and Sacrifice*. London, Bloomsbury. 256 p.
- Lonetree, A. (2012) *Decolonizing Museums. Representing Native America in National and Tribal Museums*. Chapel Hill, University of North Carolina Press. 248 p.
- Marstine, J. (2011) The contingent nature of the new museum ethics. In: *Routledge Companion to Museum Ethics. Redefining Ethics for the Twenty-First Century* / Marstine, J. (ed.). London : Routledge. 486 p. Pp. 3–25.
- Minucciani, V. (2013) *Religion and Museums. Immaterial and Material Heritage*. Torino, Umberto Allemandi. 110 p.
- Munn, N. (1986) *The Fame of Gawa. A Symbolic Study of Value Transformation in a Massim (Papua New Guinea) Society*. Cambridge, Cambridge University Press. 331 p.
- O'Neill, M. (2017) Museums and the Repatriation of Objects, 1945–2015. In: Buggeln, G., Paine, C., and Plate, B. (eds.) *Religion in Museums. Global and Multidisciplinary Perspectives*. London-New York : Bloomsbury. 265 p. P. 99–109.
- Paine, C. (2013) *Religious Objects in Museums. Public Lives and Public Duties*. London; New York, Bloomsbury. 192 p.
- Sarr, F., Savoy, B. (2018) The Restitution of African Cultural Heritage. Toward a New Relational Ethics. *restitutionreport2018.com* [online] Available at: http://restitutionreport2018.com/sarr_savoy_en.pdf (access date: 01.03.2019).
- Stanley, N. (2007) Can Museums become Indigenous? The Asmat Museum of Culture and Progress and Contemporary Papua. In: Stanley, N. (ed.) *The Future of Indigenous Museums. Perspectives from the Southwest Pacific*. New York, Berghahn Books. 272 p. Pp. 190–204.
- Teryukova, E. (2014) Display of religious objects in museum space. Russian museum experience in the 1920s and the 1930s. *Material Religion*, no. 10 (2), pp. 255–258.
- Turnbull, P. and Pickering, M. (2010) *The Long Way Home. The Meaning and Values of Repatriation*. New York, Berghahn Books. 224 p.
- Tythacott, L. and Arvanitis, K. (2014) *Museums and Restitution: New Practices, New Approaches*. London; New York, Routledge. 224 p.

Submission date: 15.03.2019.

DOI: 10.25178/nit.2019.2.11

Письменные источники на тибетском языке из фондов Национального музея Тувы

Рита П. Сумба

Национальный музей им. Алдан-Маадыр Республики Тыва, Российская Федерация

В фондах Национального музея Республики Тыва хранится коллекция рукописей и ксилографов на тибетском языке, которая насчитывает примерно 20000 единиц хранения. Статья рассматривает историю формирования и исследования коллекции, анализируются различные аспекты изучения тибетских рукописей и ксилографов. Источниками выступила внутренняя документация музея (книги поступлений) и ряд научных работ по теме.

Первое поступление предметов зафиксировано в 1954 г. Фонд пополнялся неравномерно, в разные годы и из разных источников, но все же можно предположить, что основная часть коллекции тибетских рукописей и ксилографов поступила из бывших библиотек буддийских монастырей Тувы.

Почти 80% всей коллекции тибетских рукописей и ксилографов в фондах Национального музея в Туве составляют тексты культового и религиозно-обрядового содержания и труды буддийского канона. Один из них — редкий буддийский канон Ганджура, единственный в Туве. Был издан в Монголии, в Урге в 1908–1910 гг., найден в пещере в Кызылском районе, вероятно спрятанный во время репрессий священнослужителей 1930-х гг. Состоит из 94 томов и имеет 9 разделов. Представлены их названия на тибетском языке и санскрите.

Значительную часть тибетской коллекции в музее составляют небольшие по объему канонические сочинения из Ганджура в многочисленных изданиях-дубликатах. Отдельной группой является учебная литература, которая использовалась при изучении буддийской философии в монастырях. Ее не издавали в Туве, завозили из Бурятии и Монголии. Но тексты религиозно-обрядовой и бытовой практики издавали в печатнях крупных монастырях-хурээ Тувы. Мы можем судить об этом по коллекции резных ксилографических деревянных досок-клише, которые использовали для книгопечатания. Подчеркивается, что тем самым музейные коллекции проливают значительный свет на развитие буддизма в Туве.

Ключевые слова: памятник письменности; тибетский язык; Национальный музей Тувы; Тува; тибетская литература; ксилограф; буддизм Тувы; ургинский Ганджур; Ганджур

Для цитирования:

Сумба Р. П. Письменные источники на тибетском языке из фондов Национального музея Тувы [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2019, № 2. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/850> (дата обращения: дд.мм.гг.). DOI: 10.25178/nit.2019.2.11

Сумба Рита Петровна — научный сотрудник отдела культуры, науки и религии Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Титова, д. 30. Тел.: +7 (923) 384-32-91. Эл. адрес: risu1232001@yahoo.de ORCID ID: 0000-0002-6296-2809

Sumba Rita Petrovna, Research Fellow, Department of Culture, Science and Religion, Aldan-Maadyr National Museum of the Republic of Tuva. Postal address: 30 Titov St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (923) 384-32-91. E-mail: risu1232001@yahoo.de

Written sources in Tibetan language in the collections of the National Museum of the Republic of Tuva

Rita P. Sumba

Aldan-Maadyr National Museum, Republic of Tuva, Russian Federation

Among the collections of the National Museum of the Republic of Tuva there are over 20000 archival units of manuscripts and xylographs in Tibetan language. This article examines the history of the collection, focusing on the various aspects of studying Tibetan xylographs and manuscripts. For its sources, the article relies on the museum's acquisition books and a number of research works on the topic.

The earliest items in the collection were acquired in 1954. Since then, it was expanded at irregular times, over several decades and from various sources. However, it would not be a mistake to suggest that the bulk of the collection came from the libraries of Tuva's disbanded Buddhist monasteries.

Religious and ritualistic texts, together with books of the Buddhist canon, account for up to 80% of the collection of Tibetan manuscripts and xylographs in the museum's funds. One of them is a rare copy of the Kangyur Buddhist canon, the only one discovered in Tuva. It was made in Urga, Mongolia, in 1908-1910 and found in a cave in Kyzyl rayon – probably hidden during the anti-religious campaign of the 1930s. The copy consists of 94 volumes, categorized into 9 partitions (their titles in Tibetan and Sanskrit can be found in the article).

A large part of the Tibetan collection in the National Museum belongs to relatively small canonical works from the Kangyur in numerous reduplicating volumes. A separate group is found in the textbooks used in the monasteries for studying the Buddhist tradition. Never made in Tuva proper, it had been brought over from Buryatia and Mongolia. However, the texts of religious nature, as well as those dealing with ritual and everyday practice, were published at the printing shops of the largest Tuvan khuree (monasteries). This can be seen from a collection of a carved xylographic page boards which were used as a matrix for printing. Museum collections thus can be proved to have shed a lot of light on our understanding of the development of Buddhism in Tuva.

Keywords: monument of literature; Tibetan language; National Museum of the Republic of Tuva; Tuva; Tibetan literature; xylograph; Buddhism in Tuva; Kangyur of Urga; Kangyur

For citation:

Sumba R. P. Written sources in Tibetan language in the collections of the National Museum of the Republic of Tuva. *The New Research of Tuva*. 2019, № 2. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/850> (access date ...). DOI: 10.25178/nit.2019.2.11

Введение

В настоящее время в Национальном музее им. Алдан-Маадыр Республики Тыва проходит каталогизация и описание тибетских рукописей и ксилографов, хранящихся в его фондах. Основной целью этой работы является история формирования и комплектации фонда, ввод тибетской коллекции в широкий научный оборот. Помимо них, в фондах хранятся: живопись, скульптура, предметы тибетской медицины, ритуальные принадлежности и коллекция монгольских рукописей и ксилографов. Всего более 5500 буддийских предметов.

Первое поступление и начало буддийской коллекции в хранилище Тувинского республиканского краеведческого музея им. Алдан-Маадыр (прежнее название музея), зафиксировано в инвентарной книге основного фонда № 1 от 1954 г., где описаны 372 единицы хранения. Коллекция включала в себя бронзовые статуэтки божеств, маски Цама, музыкальные инструменты, деревянные матрицы для печатания книг (Книга поступлений — КП № 1 (1145–2842¹). Возможно, эти предметы были сданы в музей из расформированных буддийских монастырей в Туве. В 1960 г. в музей поступила основная часть буддийских предметов из села Кызыл-Чыраа, Дзун-Хемчикского района, после упразднения юрт — храмов. Здесь были конфискованы около 1500 предметов «буддийского культа и книги на тибетском и монгольском языках» (КП № 1 (1145–2842)).

¹Номера предметов, которые находятся в книге поступлений № 1, здесь всего 372 предмета, от 1145 по 2842.

При этом надо сказать, что коллекция монгольских рукописей и ксилографов (на монгольском и ойратском языках), которая в фондах НМРТ насчитывает 938 единиц хранения, более изучена (Сазыкин, 1992: 45). В 1983 г. коллекция была систематизирована А. Г. Сазыкиным, кандидатом филологических наук, научным сотрудником сектора тюркологии и монголистики Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР. Он описал название и краткое содержание каждого текста, указал объем страниц и размер (Бичелдей, 2011: 228).

Тибетский фонд музея располагает более 20 тысяч единиц музейного хранения. С начала поступления книг, сотрудниками музея фонд был приведен в порядок, коллекция была разобрана, изношенные барындаки (материя, в которые обернуты книги) заменены на новые. Ксилографы и рукописи разложены по размерам. Были выделены три основных размера: ксилографы длиной менее 45 см; ксилографы длиной от 45 до 65 см; ксилографы длиной более 65 см. Размеры были выбраны, исходя из наиболее часто встречающейся длины ксилографов (Воробьева-Десятовская, Савицкий, 1981: 142).

С 1982 г. и последующие несколько лет, проведена первичная инвентаризация сотрудником Государственного музея истории религии и атеизма А. А. Терентьевым и искусствоведом отдела эстампов Государственной публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина О. В. Горовой. Терентьевым была составлена бумажная картотека по алфавитному принципу, всего 915 карточек. На карточке отмечались инвентарный номер, название текста, количество листов и сколько текстов находится в томе, например, «плюс 34 текста» (+ 34 тк.). Работа была очень кропотливая и велась «вручную», чтобы написать все названия текстов не было ни возможности, ни времени.

Целью данной статьи является восстановление истории формирования коллекции тибетских рукописей в Национальном музее Тувы, введение информации в научный оборот, а также анализ различных аспектов изучения тибетских рукописей и ксилографов.

Буддийский канон Ганджура

А. А. Терентьев и О. В. Горова в 1980-х гг. впервые обработали и зарегистрировали буддийский канон Ганджура, который представляет для исследователей большой интерес. Это единственный экземпляр, который сохранился в Туве. Был издан в Монголии, в Урге с 1908 по 1910 гг. под патронажем Его Святейшества Богдо-Гегена VIII.

Ганджур был найден в пещере Кок-Хая вблизи пос. Кунгуртуг Кызылского района, возможно, здесь он был запрятан во время событий 30-годов XX века, когда в регионе проходили массовые репрессии, в том числе священнослужителей. В 1970 г. Ганджур был доставлен в музей директором, М. Л. Делегом, заведующим отделом истории, старшим научным сотрудником М. Б. Кенин-Лопсаном и шофером музея Д. Адыг-Тулушем.

*Фото 1. Ганджур в музее (в витринах слева и справа). Фото А. Д. Куулар, 2019 г.
Photo 1. The Kangjur in the museum (on display left and right). Photo by A. D. Kuular, 2019.*

Последний в 2014 г. издал книгу, в которой вспоминает: «Пещера находилась в местечке “Хаалга”. Это труднодоступная, высоко расположенная пещера в горах, до которой добраться очень сложно. До нее мы спускались сверху, по отвесной горе, обмотав себя веревками. Вход в пещеру был завален лиственницей. Перед входом в пещеру мы совершили обряд воскурения, разожгли можжевельник, разложили пищу: жирное мясо, лепешки, саржак-топленое масло и, молясь со словами: “хозяин горы, благослови”, сбросили деревья вниз. Внутри пещеры мы увидели деревянные сундуки, в которых лежали книги, длинные и большие размером. Каждая книга была обернута материей в несколько раз и очень хорошо сохранились. В сундуках находились 140 книг» (Адыг-Тулуш, 2014: 152).

Долгое время Ганджур хранился в фондах музея без описи, и только в 1986 г. была создана картотека с указанием номеров по книге поступления КП № 7 (6939), год поступления 1971 г.), описаны тома, разделы, название на тибетском языке и на санскрите, количество страниц (*фото 1, 2*).

Фото 2. Свитки томов Ганджура в витрине музея. Фото А. Д. Куулар, 2019 г.
Photo 2. Scrolls of the Kangyur in a museum glass case. Photo by A. D. Kuular, 2019.

Ганджур состоит из 94 томов и имеет 9 разделов. Представим их.

1. Виная. Нравственная дисциплина. Основание. Раздел состоит из семи трактатов:

- Винаявасту (тиб. *'dul ba gzhi*, санскр. *vinaya-vastu*). Содержит правила поведения монахов в общине. 4 тома;
- Протимокша-сутра (тиб. *so sor thar pa'i mdo*, санскр. *pratimokshha-sūtra*), том са. Сутра индивидуального освобождения;
- Винаявибханга (тиб. *'dul ba rnam par 'byed pa*, санскр. *vinaya-vibha-nga*) том cha, том nya. Нравственная дисциплина;
- Бхикшунипратимокша-сутра (тиб. *dge slong ma'i so sor thar pa'i mdo*, санскр. *bhikshuṇi pratimoksha-sūtra* и Бхикшунивинаявибханга (тиб. *dge slong ma'i 'dul ba rnam par 'byed pa*, санскр. *bhikshuṇi-vinaya-vibha-nga*), том ta. Нравственная дисциплина монахинь;
- Винаякшудракавасту (тиб. *'dul ba phrang tshegs kyi gzhi*, санскр. *vinaya-kshudraka-vastu*), том tha, том da. Детализируется правила поведения монашества;
- Винаютгарагрантха (тиб. *'dul ba gzhung bla ma* и *'dul ba gzhung dam pa*, санскр. *vinaya-uttara-grantha*), том na, том pa. Различные молитвенные тексты и благопожелания.

2. Праджняпарамита. О совершенстве мудрости в сто тысяч строф. Состоит из трех трактатов.

- А) Большая праджняпарамита (тиб. *shes rab kyi pha rol tu phyin pa stong phrag brgya pa*, санскр. *shata-sāhasrikā-prajñā-pāramitā*) — О совершенстве мудрости в сто тысяч строф ('bum). 11 томов.
- Б) Средняя праджняпарамита (имеет 3 варианта: большой, средний, сокращенный):
 - Большой вариант. Панчавимшатисахасрика праджняпарамита (тиб. *shes rab kyi pha rol tu phyin pa stong phrag nyi shu lnga pa*, санскр. *pañca-vimśati-sāhasrikā-prajñā-pāramitā*). Совершенство Мудрости, двадцать пять тысяч строф. 4 тома;

— Средний вариант. Аштасахасрика праджняпарамита (тиб. *'phags pa shes rab kyi pha rol tu phyin pa khri bryad stong pa zhes bya ba theg pa chen po'i mdo*, санскр. *ārya ashhTa-dasha-sāhasrikā-prajnyā-pāramitā-nāma-mahāyāna-sūtra*) Совершенство Мудрости, восемнадцать тысяч строф. 2 тома;

— Сокращенный вариант. Дашасахасрика праджняпарамита (тиб. *'phags pa shes rab kyi pha rol tu phyin pa khri ba zhes bya ba theg pa chen po'i mdo*, санскр. *ārya-dasha-sāhasrikā-prajnyā-pāramitā-nāma-mahāyāna-sūtra*). Совершенство Мудрости, десять тысяч строф. 1 том.

В) Краткая праджняпарамита. Аштасахасрика праджняпарамита (тиб. *'phags pa shes rab kyi pha rol tu phyin pa bryad stong pa*, санскр. *ārya-ashhTa-sāhasrikā-prajnyā-pāramitā*). Совершенство Мудрости, восемь тысяч строф. 1 том.

3. **Совершенство Мудрости** — Компендиум в стихах (тиб. *'phags pa shes rab kyi pha rol tu phyin pa tshigs bu bcad pa*, санскр. *ārya-prajnyā-pāramitā-sanyasa-gāthā*).

4. **Буддааватамсака** (тиб. *sangs rgya phal po che shes bya ba shin tu rgyas pa chen po mdo*, санскр. *buddha-avatamsaka-nāma-mahā-vaipulya-sūtra*). Здесь трактуется понятие «Будда», приводятся сведения о пантеоне махаяны, история рождения и жизни Будд. 3 тома.

5. **Ратнакута** — Собрание драгоценностей (тиб. *dkon mchog brtsegs pa*, санскр. *ratnakūta*). Ответы Будды на вопросы его учеников и дано описание местопребывания Дхьяни-Будд. 6 томов.

6. **Сутра** (тиб. *mdo sde*, санскр. *sūtra*). В разделе рассказывается об истории перерождений Будды. 31 том.

7. **Сто тысяч тантр** (тиб. *rgyud 'bum¹*). Описывается четыре степени тантрийской мистики, мандалы различных божеств, техники жертвоприношений, приводятся молитвы, заклинания, гимны. 6 томов.

8. **Тантра старых переводов** (тиб. *chos thams cad rdzogs pa chen po byang chub kyi sems kun byed rgyal po*, санскр. *sarva-dharma-mahā-santi-bothicitta-kulaya-rājā*). 1 том.

9. **Заклинание-дхарани** (тиб. *sryan 'dren rgyud gsum pa²*). Собрание мантр и дхарани. 2 тома.

В дальнейшем в планах работы с буддийским канонном описание всех названий сочинений «тувинского» Ганджура, которые входят в каждый том и по возможности, переводы этих названий.

Ургинское издание Ганджура имеется в библиотеке Международной академии индийской культуры в Нью-Дели (Индия). В научный оборот его ввел Локеш Чандра, индийский ученый, профессор. Он же дал подробные сведения на издание (Chandra, 1980). Гарчаг (оглавление полного собрания сочинения) этого комплекта Ганджура был опубликован Г. Бетленфальви (Bethlenfalvy, 1980). В России Ургинское издание Ганджура находится в Институте восточных рукописей РАН (Зорин, 2017), в Центре восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН (Ванчикова, 2012: 243). Как нам сообщили из Санкт-Петербурга, по словам настоятеля дацана Гунцечойнэй Буда Бадмаева, еще один Ганджур Ургинского издания есть у них. Как мы полагаем, такое издание еще можно найти в Иволгинском дацане Улан-Удэ и в Монголии.

Виды и типы тибетских рукописей

Пополнение фондов музея тибетскими рукописями происходило разными путями, в том числе в виде поступлений от частных лиц. Бывали и случайные находки.

В книге поступлений НМ РТ зафиксированы интересные записи, раскрывающие историю предметов, хранящихся в фондах музея.

В 1971 г. в пещере Оораш-Хем Хаттыг-Тайга, Улуг-Хемского района, была найдена статуя Будды. Она была передана в музей Серен-оолом Сергеем Сатовичем (КП № 4 (5246), 13.04.1971 г.). Строитель колхоза «Мурнакчы», Санчы-оол Сарыг-Донгак также передал медную статую Будды, которую он нашел в пещере местности Шокар-Хая (КП № 3-4 (5267), время поступления предмета неизвестно).

В 1975 г. в музей была сдана глиняная статуэтка Будды и книги, принадлежавшие шаману-ламе Салчаку Самдану Доржуевичу. Предметы были найдены в пещере Кара-Суг-Мээзи Бай-Тайгинского района. В каком состоянии находились книги, на каком языке они были написаны, в книге поступлений не было никакой информации (КП № 5 (5997), 29.05.1974 г.).

В 1990 г. в музей были сданы две большие раковины, которые использовались в качестве музыкальных инструментов, сосуд для воды, маленький чайничек, колокольчик, жертвенные тарелочки из меди. Эти предметы были обнаружены местными жителями в пещере, в верховьях реки Суглуг-Хем. Среди этих находок находился документ на тибетском языке о регистрации скота с подписью Оюна Санчата, ламы из монастыря Эртине-Булак, который располагался близ села Межегей (Кривдик, 1990).

¹ Сочинения тиб. школы ньинма не переводят на санскрит.

² То же самое.

Здесь необходимо вспомнить о том, что многие тувинские семьи традиционно имели в своих юртах и домах алтари со статуэтками Будд, божеств, книг на тибетском и монгольском языках. Иметь священные книги считалось благоприятным, поэтому многие тувинские семьи приобретали их, несмотря на дороговизну. В домашних библиотеках были популярны сочинения, относящиеся к буддийской философии: «Алдын-Херел», «Панчаракша», «Доржу Чотпа», «Чадамба» и т. д. Они имелись почти во всех семьях и часто приглашались ламы, которые зачитывали их, чтобы отвести болезни и несчастья, для умножения скота и богатства (Сумба, 2004: 55; Sumba, 2005: 305). Подобная книжная повседневная жизнь отмечается и у бурят (Базаров, Ринчинов, 2016).

Однако, после того как в 1930 г. вышел правительственный указ, требующий добровольной сдачи культовых предметов и буддийской литературы (Монгуш, 2001: 114; Чыргалан, 2017: Электр. ресурс), многие жители прятали свои семейные реликвии в пещерах или закапывали в земле. Спрятанные таким образом книги не сохранялись, со временем плесень и сырость разъедала страницы, происходил полный распад бумаги. Некоторым семьям удавалось сохранить семейные раритеты и книги. Позже какая-то часть попала в библиотеки или в архивы. Так, в Государственном архиве РТ находится небольшая коллекция книг на монгольском и китайском языках, также немногочисленна коллекция книг на тибетском и монгольском языках в библиотеке Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований в г. Кызыле.

Многие предметы культа, статуэтки божеств и книги, были подарены в тувинский музей или переданы за вознаграждения частными лицами. Об этом свидетельствуют записи в книге поступлений НМ РТ: «В июле 1977 года были сданы 13 книг на тибетской письменности. Книги принадлежали Очиржапу Александру Дандаровичу, проживающим в селе Кара-Тал, совхоз «Дружба», Улуг-Хемского района» (КП № 7 (6841)); «Сутры на монгольском и тибетском языках, в количестве 27 штук, принадлежали Эртине Бурату Энеековичу из Кунгуртуга. Переданы в музей его сыном Санчаа Григорием Буратовичем», запись была сделана 11 июня 1978 года (КП № 7 (7097)); «Буддийские сутры (22 штуки), принадлежали Куулару Даваа Кежиковичу 1905 года рождения, село Баян-Тала, Дзун-Хемчикского района», акт закупочной комиссии от 25.09.80 г. (КП № 8 (7649)).

Почти 80% всей коллекции тибетских рукописей и ксилографов в фондах Национального музея в Туве, составляют тексты культового и религиозно-обрядового содержания. Самые распространенные обрядники посвящены богине Палдан-Лхамо; восхваление и подношение Белой и Зеленой Таре; ритуалы божествам долголетия Амитаюсу и Ушнишавиджайе; дхарани и мантры для Белозонтичной Таре и божеству богатства Вайшраване. Подобную ритуальную и просветительскую литературу издавали в печатнях крупных монастырях-хурээ Тувы. Мы можем судить об этом по коллекции резных ксилографических деревянных досок-клише, которые использовали для книгопечатания.

На примере одного из таких экспонатов, который поступил в музей из буддийского монастыря Кызыл-Чыраа, Дзун-Хемчикского района, хорошо виден процесс создания досок. На одной из них вырезана только часть мантры «Ом-мани-падме-хум» на тибетском языке (КП № 3677/583, Буд — 411. Поступление: 21.06.1960). Остальной текст остался нетронутым и отчетливо видно, что он написан на бумаге, который наклеен на доску в зеркальном отображении. Для того чтобы отпечатать текст, доску покрывали тушью, накладывали бумагу и делали оттиск. Подобным образом печатали молитвы, мантры, обрядовые тексты (фото 3).

Известный ученый, Ю. И. Елихина, старший научный сотрудник Отдела Востока Государственного Эрмитажа, в 2016 г. изучала в фондах музея памятники буддийского искусства Тувы. Она отметила, что подобные работы демонстрируют не только высокий художественный уровень резьбы, но и умение передать сложные иконографические композиции и высокую грамотность тувинских лам (Елихина, Самосюк, 2015: 379). На ксилографической доске под номером (инв. № Буд-409), мантра «Ом-мани-

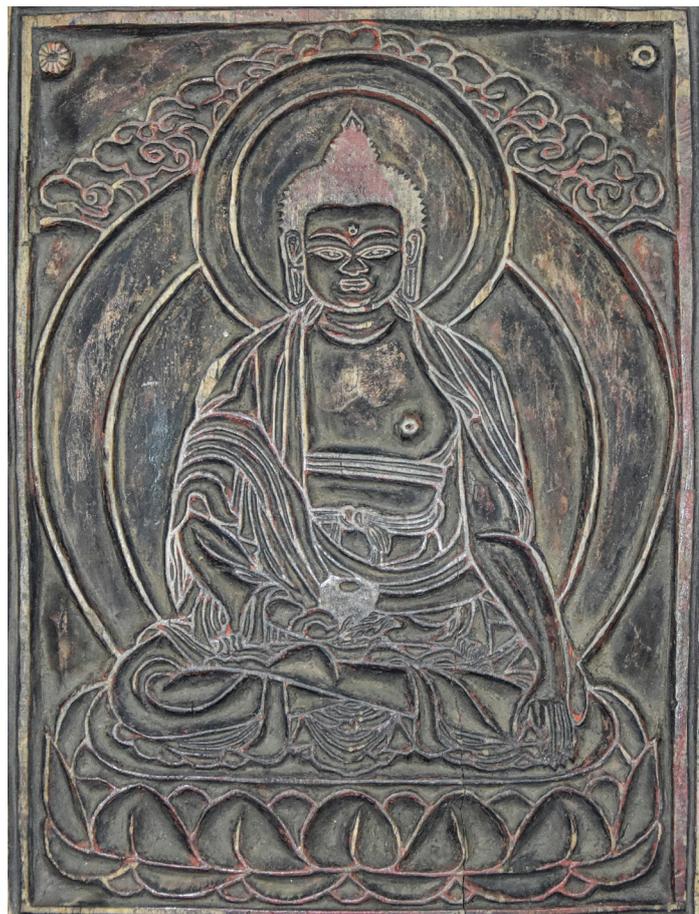

Фото 3. Деревянная матрица. Фото А. Д. Куулар, 2019 г.
Photo 3. A woodblock. Photo by A. D. Kuular, 2019.

падме-хум» вырезана сразу на нескольких языках: на санскрите, тибетском, квадратным письмом, алфавитом ланча, монгольском и китайском, подобные мантры закладывались в молитвенные барабаны. На другой доске (инв. № Буд-469) вырезаны три божества долголетия: Белая Тара, Амитаюс и Ушнишавиджайя в зеркальном отображении. Культ Амитаюса был одним из самых распространенных. Тиражирование образов трех божеств долголетия ксилографическим способом свидетельствовало об особом их почитании в Туве (фото 4).

Значительную часть тибетской коллекции в музее составляют небольшие по объему канонические сочинения из Ганджура, которые представлены в многочисленных изданиях-дубликатах: «Сутра достижения счастья» (*'phags pa bkra shis brtsegs pa*); «Сутра тысяча Будд благой калпы» (*bhadrakalpikā sūtra*); Сутра, отвращающая все ссоры и опасности — «Успокоения черных скандалов» (*kha tchu nag po*); «Сутра великого освобождения» (*thar pa chen po*); «Сутра три скопления» (*phung po gsum pa*); Сутра махаяны, «Безмерно долгая жизнь и превосходящая мудрость» (*tshe dang ye shes dpag tu med pa*). Многие умирают несвоевременно, но при ежедневном чтении этой сутры, у них появится возможность прожить еще 100 лет.

Богатое собрание этих сочинений хранится в Калмыцком институте гуманитарных исследований РАН (Музраева, 2010: 233), в Государственной библиотеке г. Берлина (Taube, 1966a: 47; 1966b: 787; 1966c: 1050); в библиотеке восточных рукописей Венгерской Академии наук (Catalogue of the Tibetan ..., 2008: 2, 256, 784); в Институте восточных рукописей РАН (Воробьева-Десятовская, Савицкий, 1974: 139–153; Зорин, 2014: 143).

Отдельной группой документов из фондов НМ РТ на тибетском языке можно назвать учебную литературу, которая использовалась при изучении буддийской философии в монастырях. На территории Тувы на 1928 г. существовало 26 монастырей (Монгуш, 1992: 126). При крупных монастырях возникали школы, где традиционно преподавались дисциплины: философия, логика, грамматика, медицина, астрология. Большая роль придавалась изучению философии, программа которой состоит из пяти основных предметов (Базаров, 2017) и коренных¹ текстов к этим предметам.

На первом курсе таких школ изучали логику. Коренным текстом, по которому изучают эту дисциплину, являлся «Трактат о достоверном познании» (Праманаварттика — Краткий учебник логики), по сочинениям индийского философа VII в. Дхармакирти. По этому учебнику и в настоящее время обучаются в Гоман-дацане монастыря Дрепун, в монастырях Монголии и Бурятии. В фондах тувинского музея этого текста обнаружить не удалось, но есть комментарий на первую главу Праманаварттики — «Первая часть краткого учебника логики» (*tshad ma rnam 'grel gyi tshig le'u byas pa bzhuks so*) (3–43). И комментарий к работе Дхармакирти по логике: «Украшение семи разделов праманы» (*tshad ma sde bdun rgyan yid kyi min sel*).

На втором курсе изучалась литература по Праджняпарамите по базовому учебнику индийского ученого Майтреи-Асанги «Украшение полного постижения» (Абхисамаяламкара). Это сочинение имеет тибетское название: «*shes rab gyi pha rol tu phyin pa'i man ngag gi bstan bcos mngon par rtogs pa'i rgyan*». В

¹ Специальное название для источников или текстов по учебной литературе.

фондах тувинского музея имеется несколько экземпляров этого сочинения (под номерами: 1–443, 3–11, 3–44).

В качестве коренного текста для третьего курса по Мадхьямике, теории «срединности», использовалась работа Чандракирти «Введение в мадхьямику» (Мадхьямакааватара). Тибетское название сочинения: «*dbu ma la 'jug pa zhes bya ba bzugs so*», представлен в тувинском фонде в единственном экземпляре (3–11). В нем исследуется история философских систем и формирование различных школ Индии.

Наука о «высокой дхарме» (Абхидхармакоша) изучалась на четвертом курсе по работе легендарного проповедника буддизма, индийского ученого Васубандху «Сокровищница высшего учения» (тиб. *chos mngon ba mdzod bzugs so*). Это сочинение (под номером 3–3) также находится в одном экземпляре. Здесь излагается строение и организация живого и неживого материального мира, религиозно-философское воззрение школ хинаянского направления (вайбхашиков и саутрантиков).

И наконец, на пятом курсе изучался «Кодекс монашеской дисциплины» Виная. Коренным текстом являлся «Корень обетов», индийского ученого VI в. Гунапрабхи. Этого текста в музее обнаружить не удалось. Но имеется сочинение Цзонховы (2-143): «Объединенная сущность море Виная» (тиб. *'dul ba rgya mtsho snying po bsdus pa*), в котором предусматриваются устав и нормы поведения буддийской общины по «Ганджуру», приспособленные для школы Гелуг.

Заключение

Таким образом, тибетский фонд Национального музея Тувы, состоящий из более 20 тыс. единиц хранения, в основном состоит из обрядовых текстов, из текстов, которые использовались в храмовой, ежедневной службе. Фонд пополнялся неравномерно, в разные годы и из разных источников, но все же можно предположить, что основная часть коллекции тибетских рукописей и ксилографов поступила из бывших библиотек буддийских монастырей Тувы. Большинство из них были хорошо оснащены философско-схоластической литературой, учебными пособиями, словарями и дополнительной литературой тибетских, монгольских и бурятских авторов.

Состав музейных коллекций также косвенно говорит о том, что при монастырях-хурээ существовали печатные мастерские, были переводчики, лекари тибетской медицины, астрологи. Все это способствовало тому, что большинство семей были заинтересованы в обучении своих детей в буддийских монастырях — в то время единственных центрах образования. Большая часть литературы по философии, логике, медицине была привезена в Туву из Монголии, Китая и Тибета, где послушники края получали образование в буддийских университетах. И, конечно же, существовал свой класс тувинских ученых-лам, проповедников буддийского учения и лекарей.

Учитывая это, следует подчеркнуть: музейные коллекции проливают значительный свет на развитие буддизма в Туве, поэтому исследовательская работа по классификации, описанию хранящегося в Национальном музее республики коллекции представляется нам чрезвычайно важной.

В настоящее время ведется систематическая работа по научному описанию тибетского фонда, чтобы сделать его доступным для исследователей, ученых, востоковедов и широкой публике читателей. Предполагается выпуск небольшой части каталога, который будет включать информацию о примерно 500 единицах хранения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Адыг-Тулуш, Д. К. (2014) Скиф хун турк уранхайнын хуулгаазын тывалары [Мистические тувинцы — скифы, хунны, тюрки Урянхая]. Кызыл : ООО «Кооператив «Журналист». 152 с. (На тув. яз.).
- Базаров, А. А. (2017) Литература сиддханта (дубта) в бурятских монастырях на рубеже XIX-XX в // Востокведение. Т. 12. № 5. С. 105–111.
- Базаров, А. А., Ринчинов О. С. (2016) Буддийская книжная повседневность Бурятии: Геоинформационные подходы к реконструкции культурного явления // Библиосфера. № 1. С. 11–18.
- Бичелдей, У. П. (2011) Собрание буддийских рукописей и ксилографов в Фондах Национального музея Республики Тыва как памятник духовной культуры Тувинского народа // Память мира: Историко-документальное наследие буддизма. Материалы международной научно-практической конференции: сборник статей / отв. ред. В. В. Минаев. М. : Российский государственный гуманитарный университет. 229 с. С. 228–233.
- Ванчикова, Ц. П. (2012) Буддологические исследования в Центре восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН // Вестник Бурятского Научного Центра СО РАН. № 3 (7). С. 243–258.

Воробьева-Десятовская, М. И., Савицкий, Л. С. (1981) Тибетский фонд ЛО ИВАН СССР // Письменные памятники Востока : Историко-филологические исследования. Ежегодник 1974. М. : Наука ; ГРВЛ. 139 с. С. 139–153.

Елихина, Ю. И., Самосюк, К. Ф. (2015) «Обитель милосердия». Искусство тибетского буддизма : каталог выставки. СПб. : Издательство Государственного Эрмитажа. 379 с.

Зорин, А. В. (2014) Тибетский фонд Института Восточных рукописей РАН: Из истории формирования и каталогизации (1917–2013 гг.) // Страны и народы Востока / под ред. И. Ф. Поповой, Т. Д. Скрынниковой. М. : Наука, Восточная литература. 143 с. С. 143–168.

Зорин, А. В. (2017) Каталог сочинений тибетского буддийского канона из собрания ИВР РАН. Вып. 1: Кагьюр и Тэнгьюр / под общ. ред. А. В. Зорина. СПб. : Петербургское Востоковедение. 512 с.

Кривдик, В. (1990) Тайна пещеры // Тувинская правда. № 23. С. 4.

Монгуш, М. В. (1992) Ламаизм в Туве. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 126 с.

Монгуш, М. В. (2001) История буддизма в Туве (вторая половина VI —конец XX в). Новосибирск : Наука. 114 с.

Музраева, Д. Н. (2010) О составе и содержании коллекций буддийских письменных памятников, сохранившихся в Калмыкии к началу XX в // Память мира: Историко-документальное наследие буддизма. Материалы международной научно-практической конференции: сборник статей / отв. редю В. В. Минаев М. : Российский государственный гуманитарный университет. 233 с. С. 233–240.

Сазыкин, А. Г. (1992) Собрание монгольских рукописей и ксилографов из фондов Тувинского республиканского краеведческого музея им. 60 Богатырей // Тюркские и монгольские письменные памятники / отв. ред. С. Г. Кляшторный, Ю. А. Петросян. М. : Наука, Издательская фирма «Восточная литература». 151 с. С. 45–59.

Сумба, Р. П. (2004) Шаманские тексты на тибетском языке в фондах Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тува // Библиотеки в жизни общества, развитии науки и образования: материалы междунар. науч.-практ. конф. / отв. за вып. О. В. Фенцель. Кызыл : Вариант. 64 с. С. 55–58.

Сумба, Р. П. (2005) Тибетские рукописи и ксилографы в фондах Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тува // 48th Permanent International Altaistic Conference, Moscow 10 – 15 July / Ed. by E. V. Boikova, R. B. Rybakov / Asiatische Forschungen, vol. 150. Wiesbaden : Harrassowitz Verlag. 353 с. S. 305–309.

Чыргалан, С. Ю. (2017) Буддийские монастыри в Туве до начала XX века [Электронный ресурс] // Молодой ученый. № 6. С. 384–387. URL: <https://moluch.ru/archive/140/39539/> (дата обращения: 25.02.2019).

Bethlenfalvy, G. A (1980) Catalogue of the Urga Kanjur in the Prof. Raghuvira Collection at the International Academy of Indian Culture. Vol. 246 / њата-Pitaka Series: Indo-Asian Literatures. New Delhi : Published by International Academy of Indian Culture. 319 с.

Chandra, L (1980) A newly Discovered Urga Edition of the Tibetan Kanjur [Электронный ресурс] // Scribd. URL: <https://ru.scribd.com/document/148361294/A-Newly-Discovered-Urga-Edition-of-the-Tibetan-Kanjur/> (дата обращения 10.02.2019).

A Catalogue of the Tibetan Manuscripts and Block Prints in the Library of the Hungarian Academy of Sciences by Gergely Orosz (2009) : in 3 vol. Comp. by G. Orosz, ed. by D. Kinga. Budapest : Published by the library of the Hungarian Academy of sciences. Vol. 2. 894 p.

Taube, M. (1966a) Tibetische Handschriften und Blockdrucke : Verzeichnis der Orientalischen Handschriften in Deutschland / im Einvernehmen mit der Deutschen Morgenlandischen Gesellschaft herausgegeben von Wolfgang Voigt / Im Auftrag der Akademie der Wissenschaften in Goettingen. Teil 1–4. Wiesbaden : Franz Steiner Verlag GMBH. T. 1. 371 с.

Taube, M. (1966b) Tibetische Handschriften und Blockdrucke : Verzeichnis der Orientalischen Handschriften in Deutschland / im Einvernehmen mit der Deutschen Morgenlandischen Gesellschaft herausgegeben von Wolfgang Voigt / Im Auftrag der Akademie der Wissenschaften in Goettingen. Teil 1–4. Wiesbaden : Franz Steiner Verlag GMBH. T. 3. 995 с.

Taube, M. (1966c) Tibetische Handschriften und Blockdrucke : Verzeichnis der Orientalischen Handschriften in Deutschland / im Einvernehmen mit der Deutschen Morgenlandischen Gesellschaft herausgegeben von Wolfgang Voigt / Im Auftrag der Akademie der Wissenschaften in Goettingen. Teil 1–4. Wiesbaden : Franz Steiner Verlag GMBH. T. 4. 1280 с.

Дата поступления: 01.03.2019 г.

REFERENCES

Adyg-Tulush, D. K. (2014) *Skif khun turk urankhainyn khuulgaazyn tyvalary [Mystical Tuva — the Scythians, Huns, Turks of Uryankhay]*. Kyzyl, ООО «Кооператив «Zhurnalist». 152 p. (In Tuv.).

Bazarov, A. A. (2017) Literatura siddkhanta (dubta) v buriatskikh monasteryakh na rubezhe XIX-XX v. [The literature of Siddhanta (doubt) in the Buryat monasteries at the turn of 20th century]. *Vostokovedenie*, vol. 12, no. 5, pp. 105–111. (In Russ.).

Bazarov, A. A. and Rinchinov O. S. (2016) Buddiiskaia knizhnaia povsednevnost' Buriatii: Geoinformatsionnye podkhody k rekonstruktsii kul'turnogo iavleniia [Books in everyday life of Buddhist Buryatia: Geoinformational approaches to reconstructing a cultural phenomenon]. *Bibliosfera*, no. 1, pp. 11–18. (In Russ.).

Bicheldei, U. P. (2011) Sobranie buddiiskikh rukopisei i ksilografov v Fondakh Natsional'nogo muzeia Respubliki Tyva kak pamiatnik dukhovnoi kul'tury Tuvinskogo naroda [A collection of Buddhist manuscripts and xylographs in the collections of the National Museum of the Republic of Tuva as a monument of the spiritual culture of the Tuvan people]. In: *Pamiat' mira: Istoriko-dokumental'noe nasledie buddizma [Memory of the world: Historical and documentary heritage of Buddhism]*: Proceedings of the international scientific-practical conference: collection of articles / ed. by V. V. Minaev. Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet. 229 p. Pp. 228–233. (In Russ.).

Vanchikova, Ts. P. (2012) Buddologicheskie issledovaniia v Tsentre vostochnykh rukopisei i ksilografov IMBT SO RAN [Buddhist studies at the Center of Oriental manuscripts and woodcuts of IBT SB RAS]. *Vestnik Buriatskogo Nauchnogo Tsentra SO RAN*, no. 3 (7), pp. 243–258. (In Russ.).

Vorob'eva-Desiatovskaia, M. I. and Savitskii, L. S. (1981) Tibetskii fond LO IVAN SSSR [The Tibetan collection at LO IVAN USSR]. In: *Pis'mennye pamiatniki Vostoka: Istoriko-filologicheskie issledovaniia. Ezhegodnik 1974 [Written monuments of the East: Historical and philological studies. Yearbook 1974]*. Moscow, Nauka; GRVL. 139 p. Pp. 139–153. (In Russ.).

Elikhina, Iu. I. and Samosiuk, K. F. (2015) «Obitel' miloserdiia». *Iskusstvo tibetskogo buddizma [An "abode of mercy": The art of Tibetan Buddhism]*: exhibition catalogue. St. Petersburg, State Hermitage Publishing House. 379 p. (In Russ.).

Zorin, A. V. (2014) Tibetskii fond Instituta Vostochnykh rukopisei RAN: Iz istorii formirovaniia i katalogizatsii (1917-2013 gg.) [The Tibetan collection at the Institute of Oriental manuscripts, Russian Academy of Sciences: From the history of acquisition and cataloguing (1917-2013).]. In: *Strany i narody Vostoka [The countries and peoples of the East]* / ed. by I. F. Popova and T. D. Skrynnikova. Moscow, Nauka, Vostochnaia literatura. 143 p. Pp. 143–168. (In Russ.).

Zorin, A. V. (2017) *Katalog sochinenii tibetskogo buddiiskogo kanona iz sobraniia IVR RAN [A catalogue of the writings of the Tibetan Buddhist canon from the collections of the IOM RAS]. Issue 1: Kagyur and Tengyur* / ed. by A. V. Zorin. St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie. 512 p. (In Russ.).

Krivdik, V. (1990) Taina peshchery [The mystery of the cave]. *Tuvinskaia Pravda*, no. 23, p. 4. (In Russ.).

Mongush, M. V. (1992) *Lamaizm v Tuve [Lamaism in Tuva]*. Kyzyl, Tuvan book publ. house. 126 p. (In Russ.).

Mongush, M. V. (2001) *Istoriia buddizma v Tuve (vtoraia polovina VI — konets XX v.) [A history of Buddhism in Tuva from the latter half of 6th to the end of 20th century]*. Novosibirsk, Nauka. 114 p. (In Russ.).

Muzraeva, D. N. (2010) O sostave i sodержanii kollektcii buddiiskikh pis'mennykh pamiatnikov, sokhranivshikhsia v Kalmykii k nachalu XX v. [On the composition and content of collections of Buddhist written monuments preserved in Kalmykia by the early 20th century]. In: *Pamiat' mira: Istoriko-dokumental'noe nasledie buddizma [Memory of the world: Historical and documentary heritage of Buddhism]*: Proceedings of an international conference / ed. by V. V. Minaev. Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet. 233 p. Pp. 233–240. (In Russ.).

Sazykin, A. G. (1992) Sobranie mongol'skikh rukopisei i ksilografov iz fondov Tuvinskogo respublikanskogo kraevedcheskogo muzeia im. 60 Bogatyrei [Mongolian manuscripts and woodcuts from the collections of the Tuvan Republican Museum of Local History]. In: *Tiurkskie i mongol'skie pis'mennye pamiatniki [Turkic and Mongolian manuscripts]* / ed. by S. G. Kliashtornyi and Iu. A. Petrosian. Moscow, Nauka, Vostochnaia literatura Publ. 151 p. Pp. 45–59. (In Russ.).

Sumba, R. P. (2004) Shamanskii teksty na tibetskom iazyke v fondakh Natsional'nogo muzeia im. Aldan-Maadyr Respubliki Tyva [Shamanic texts in Tibetan in the funds of the Aldan-Maadyr National Museum of the Republic of Tuva]. In: *Biblioteki v zhizni obshchestva, razvitiia nauki i obrazovaniia [Libraries in society, science and education]*: Proceedings of an international conference / ed. by O. V. Fentsel'. Kyzyl, Variant. 64 p. Pp. 55–58. (In Russ.).

Sumba, R. P. (2005) Tibetskie rukopisi i ksilografi v fondakh Natsional'nogo muzeia im. Aldan-Maadyr Respubliki Tyva [Tibetan manuscripts and woodcuts in the collections of the Aldan-Maadyr National Museum of the Republic of Tuva]. In: *48th Permanent International Altaistic Conference, Moscow 10–15 July* / Ed. by E. V. Boikova and R. B. Rybakov / Asiatische Forschungen, vol. 150. Wiesbaden, Harrassowitz Verlag. 353 p. Pp. 305–309. (In Russ.).

Chyrgalan, S. Iu. (2017) Buddiiskie monastyri v Tuve do nachala XX veka [Buddhist monasteries in Tuva before 20th century]. *Molodoi uchenyi*, no. 6, pp. 384–387 [online] Available at: <https://moluch.ru/archive/140/39539/> (access date: 25.02.2019). (In Russ.).

Bethlenfalvy, G. A. (1980) *Catalogue of the Urga Kanjur in the Prof. Raghuvira Collection at the International Academy of Indian Culture*. Vol. 246 / ĩata-Piřaka Series: Indo-Asian Literatures. New Delhi, Published by International Academy of Indian Culture. 319 p.

Chandra, L. (1980) A newly Discovered Urga Edition of the Tibetan Kanjur. *Scribd* [online] Available at: <https://ru.scribd.com/document/148361294/A-Newly-Discovered-Urga-Edition-of-the-Tibetan-Kanjur/> (access date: 10.02.2019).

A Catalogue of the Tibetan Manuscripts and Block Prints in the Library of the Hungarian Academy of Sciences by Gergely Orosz (2009) : in 3 vol. Comp. by G. Orosz, ed. by D. Kinga. Budapest : Published by the library of the Hungarian Academy of sciences. Vol. 2. 894 p.

Taube, M. (1966a) *Tibetische Handschriften und Blockdrucke : Verzeichnis der Orientalischen Handschriften in Deutschland / im Einvernehmen mit der Deutschen Morgenleandischen Gesellschaft herausgegeben von Wolfgang Voigt / Im Auftrag der Akademie der Wissenschaften in Goettingen. Teil 1–4*. Wiesbaden : Franz Steiner Verlag GMBH. T. 1. 371 p. (In Germ.).

Taube, M. (1966b) *Tibetische Handschriften und Blockdrucke : Verzeichnis der Orientalischen Handschriften in Deutschland / im Einvernehmen mit der Deutschen Morgenleandischen Gesellschaft herausgegeben von Wolfgang Voigt / Im Auftrag der Akademie der Wissenschaften in Goettingen.* Teil 1–4. Wiesbaden : Franz Steiner Verlag GMBH. T. 3. 995 p. (In Germ.).

Taube, M. (1966c) *Tibetische Handschriften und Blockdrucke : Verzeichnis der Orientalischen Handschriften in Deutschland / im Einvernehmen mit der Deutschen Morgenleandischen Gesellschaft herausgegeben von Wolfgang Voigt / Im Auftrag der Akademie der Wissenschaften in Goettingen.* Teil 1–4. Wiesbaden : Franz Steiner Verlag GMBH. T. 4. 1280 p. (In Germ.).

Submission date: 01.03.2019.

DOI: 10.25178/nit.2019.2.12

О ксилографическом сборнике буддийских текстов на монгольском языке из Национального музея Тувы*

Деляш Н. Музраева

Калмыцкий научный центр Российской академии наук, Российская Федерация,

Рита П. Сумба

Национальный музей им. Алдан Маадыр Республики Тыва, Российская Федерация

Статья вводит в научный оборот сборник буддийских текстов в транслитерации и переводе на русский язык из собрания Национального музея Республики Тыва. Он представляет собой довольно редкое издание ксилографического сборника на монгольском языке (шифр М–143). В нем насчитывается 11 листов малого формата. Сборник состоит из кратких извлечений из таких сочинений, как «Лхантаб», Сутра пробуждения почитания идама (yi dat), «Субхашита» Сакья-пандиты, наставления Джанджа-хутухты Ролби-Дорджэ и Ёндзин Еше Джалцана.

Известный российский монголовед А. Г. Сазыкин при описании монгольской коллекции музея отмечал наличие в ней бурятских изданий. Одним из таких образцов является ксилографический сборник о соблюдении буддийских обетов, который ему не доводилось встречать ранее. Его особенностью является то, что в нем принята иная система постановки диакритических знаков, чем в традиционных монгольских ксилографах. Так, диакритические знаки в виде двух точек, указывающие на согласную ү, в данном печатном издании указывают на согласную q.

Компоновка этого сборника свидетельствует о высокой эрудиции его составителя. Хотя его имя эксплицитно не указано в тексте, имеется лишь косвенное указание на то, что текст составлен не одним пишущим, а при участии кого-то еще.

Рассмотренный сборник позволяет пролить свет на принципы использования известных сочинений при разъяснении положений буддийской доктрины. То, что в тексте присутствует апелляция к верующим из числа светских последователей Учения Будды, демонстрирует значимость этой сферы проповеднической деятельности, практики буддийских священнослужителей в тувинской среде.

Ключевые слова: буддизм; письменный источник; музей; Тува; ксилографический сборник; монгольский язык; перевод; Лхантаб; Сакья-пандита; Субхашита; Джанджа-хутухта

* Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (регистрационный номер АААА-А19-119011490036-1).

Для цитирования:

Музраева Д. Н., Сумба Р. П. О ксилографическом сборнике буддийских текстов на монгольском языке из Национального музея Тувы [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2019, № 2. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/852> (дата обращения: дд.мм.гг.). DOI: 10.25178/nit.2019.2.12

Музраева Деляш Николаевна — кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, заведующий отделом монгольской филологии Калмыцкий научный центр Российской академии наук. Адрес: 358000, Россия, г. Элиста, ул. И. К. Илишкина, д. 8. Тел.: +7 (917) 680-80-21. Эл. адрес: deliash@mail.ru ORCID ID: 0000-0002-8619-9369

Сумба Рита Петровна — научный сотрудник отдела культуры, искусства и религии Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Титова, д. 30. Тел.: +7 (923) 384-32-91. Эл. адрес: risu1232001@yahoo.de
Muzraeva Delyash Nikolaevna, Candidate of Philology, Leading Research Fellow and Head, Department of Mongolian Philology, Kalmyk Scientific Center, Russian Academy of Sciences. Postal address: 8 Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation. Tel.: +7 (917) 680-80-21. E-mail: deliash@mail.ru

Sumba Rita Petrovna, Research Fellow, Department of Culture, Science and Religion, Aldan-Maadyr National Museum of the Republic of Tuva. Postal address: 30 Titov St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (923) 384-32-91. E-mail: risu1232001@yahoo.de

On a xylographic compilation of Buddhist texts in Mongolian language from the National Museum of the Republic of Tuva*

Delyash N. Muzraeva

Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation,

Rita P. Sumba

Aldan-Maadyr National Museum of the Republic of Tuva, Russian Federation

This publication discusses a woodcut compilation of Buddhist texts from the collection of the National Museum of the Republic of Tuva, also providing a transliteration and Russian translation of the text. This woodcut collection in Mongolian (code M-143) is a rather rare edition. It has 11 sheets of small format and consists of short extracts from such works as the “Lhantab”, “The Awakening Sutra of the worship of Yidam (yi dam)”, “Subhashita” by Sakya Pandita, the teachings of Janja-Khutuhta Rolby-Dorje (Icang skya rol ba'i rdo rje) and Yonjin Yeshe Dzhaltsana (yongs 'dzin ye shes rgyal mtshan).

A well-known Mongolian researcher A. G. Sazykin, when describing the Mongolian collection of the Museum, noted the presence of Buryat publications in it. One such sample is a woodcut compilation of the observance of Buddhist vows (M-143), which he had never seen before. The peculiarity of this woodblock is that it adopts a system for placing diacritical marks which differs from that in traditional Mongolian woodblock prints. Thus, diacritical marks in the form of two points, indicating the consonant ᠶ, here indicate the consonant q.

The layout of this collection demonstrates the high erudition of its compiler. Although his name is not explicitly mentioned in the text, there is only an indirect indication that the text was put together by several, rather than one, compilers.

The text allows us to shed some light on the principles of the use of well-known writings in explaining the provisions of the Buddhist doctrine. The fact that the text contains an appeal to believers from among the secular followers of the Buddha's teaching demonstrates the importance of this field of preaching, practised by Buddhist clergy among Tuvans.

Keywords: *Buddhism; written source; museum; xylographic compilations; Mongolian woodblock print; Mongolian language; Lhantab; Sakya Pandita; Subhashita; Ichang skya rol ba'i rdo rje*

*The study was carried out within the framework of state subsidies — the project “Oral and Written Heritage of the Mongolian Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions” (registration number AAAA-A19-119011490036-1).

For citation:

Muzraeva D. N. and Sumba R. P. On a xylographic compilation of Buddhist texts in Mongolian language from the National Museum of the Republic of Tuva. *The New Research of Tuva*, 2019, no. 2 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/852> (access date: ...). DOI: 10.25178/nit.2019.2.12

Введение

Буддизм является важной составной частью духовной культуры народов Азии, в том числе проживающих в России — калмыков, тувинцев, бурят. Об этом можно судить по тем письменным источникам, которые сохранились в архивных и музейных фондах и книгохранилищах (Музраева, 2011; Мирзаева, 2018), частных коллекциях (Корнеев, 2016), а также по образцам фольклора, в основу которых были положены сочинения средневековой тибето-монгольской историографии (Донгак, 2018). Именно они позволяют исследователям составить представление о текстах, имевших хождение в среде лам и светских верующих, по ним можно реконструировать систему взглядов, философских концепций, обрядовую религиозную жизнь буддистов, каким божествам они поклонялись, какие обряды совершались в их честь, каких иерархов почитали и т. д.

Одно из интересных собраний восточных книг находится в Национальном музее им. Алдан-Маадыр Республики Тыва. Коллекция музея включает письменные источники преимущественно на тибетском и монгольском языках, есть небольшое количество текстов на ойратском языке (см.: Sazykin, 1996: 44; Бичелдей, 2011: 230).

В данной публикации мы даем описание, транслитерацию и перевод одного из интереснейших образцов буддийских печатных текстов на старописьменном монгольском языке, хранящихся в фонде

Национального музея Республики Тыва, тем самым вводя в научный оборот. Наш интерес к нему был вызван отчасти той характеристикой, которую дал этому памятнику А. Г. Сазыкин при описании монгольской коллекции музея. Он отметил, что в музейной коллекции имеются бурятские ксилографы. Одним из таких образцов является ксилографический сборник о соблюдении буддийских обетов, который ему не доводилось встречать ранее (Sazykin, 1996: 45). Он также отметил, что в данном ксилографе (шифр М-143) отсутствует титульный лист, соответственно, не определено общее название сборника (там же: 45). Поскольку в ксилографе нет колофона (послесловия), в котором оно могло быть зафиксировано, и в котором могло быть указание на место издания, мы определяем его как ксилографический сборник на старописьменном монгольском языке, изданный в одном из бурятских дацанов.

Описание ксилографа М-143

Рассматриваемый сборник сравнительно небольшой по объему. В нем насчитывается 11 листов малого формата. Текст отпечатан на бумаге русского образца. Имеется рамка, сделанная в две линии. Печати отсутствуют. Пагинация полистная, монгольскими словами слева на полях вне рамки. На каждой странице по 15 строк текста.

Особенностью данного ксилографа является то, что в нем принята иная система постановки диакритических знаков, чем в традиционных монгольских ксилографах. Так, диакритические знаки в виде двух точек, указывающие на согласную *γ*, которые обычно ставятся напротив указанной графемы слева от основной вертикальной линии, в данном печатном издании указывают на согласную *q* в твердых словах (словах) и согласную *k* в словах *ke*, *ki*, *kü*.

Примечательно, что в тексте отдельные имена и термины дублируются тибетскими эквивалентами, вписанными слева от поясняемого фрагмента текста или слова. Эти тибетские параллели мы приводим в тексте транслитерации, представленной далее, в фигурных скобках {}. В тех случаях, когда в тексте перевода мы вводим поясняющее слово, мы берем его в квадратные скобки []. Варианты переводов слов, словосочетаний указаны в тексте перевода в круглых скобках.

Фото 1. Фотокония листа 1а ксилографа М-143.
Photo 1. A photocopy of page 1a of xylograph M-143.

Структура и содержание

Относительно содержания этого сборника можно указать на такие его составные фрагменты, как:

- 1) *Em-ün sudur Lhan-tabs-un qorin yisüdüki kijig-ün bölg-eče* ('Из 29 й главы «О простудных болезнях» медицинской сутры (лечебника) Лхантаб').
- 2) *Idam bisilyaqu-yin egüskel-ün jerge-yin sudur-ača* ('Из сутры пробуждения почитания идама (поклонения идаму)').
- 3) *Saskya-yin sayin nomlal-ača* ('Из наставлений (назидательных речений, поучений) Сакья-пандиты' или из «Субхашиты»).
- 4) *Ljangsky-a Rolbiy Rdôrje-yin gegen-ü jarliq-ača* ('Из наставлений Джанджа Ролби Дорджи').
- 5) *Yöng-a-gjin Yišis Rgyaltšan-u gegen-eče* ('Из [разъяснений] сиятельного Ёндзин Еше Джалцана').

Фото 2. Фотокопия листов 16–2а ксилографа М-143.
Photo 2. A photocopy of pages 16–2a of xylograph M-143.

Первым в сборнике представлен фрагмент из 29-й главы известного медицинского трактата, хорошо известного под кратким названием «Лхантаб» (от тиб. *lhan thabs*). Этот памятник известен также под кратким названием «Маннаг Лхантаб» (тиб. *man ngag lhan thabs* 'Дополнение к «Тантре наставлений»'¹) (Болсохоева, 2009: Электр. ресурс). «Лхантаб» был составлен в качестве дополнения к 3-му тому «Чжуд-ши» (Чжуд-ши. ... , 2001), но, по сути, является самостоятельным руководством по практической медицине (Болсохоева, 2009: Электр. ресурс; Санчжей Чжамцо, 1999). Его автором является известный тибетский буддийский деятель Дэсрид Санчжай-Чжамцо (Деси Сангье Гьяцо)² (1653–1705), регент Далай-ламы V, крупнейший ученый своего времени, автор фундаментальных трудов по астрономии и астрологии, в том числе комментария к «Чжуд-ши», именуемого «Вайдурья-онбо» ('Голубой берилл'), истории тибетской медицины и др. Как отмечают исследователи, «Лхантаб» служил основным лечебным руководством для монахов-лекарей (эмчи-лам) Бурятии, практиковавших тибетскую медицину (Санчжей Чжамцо, 1999; Аюшеева, 2007: 9). Этот памятник был хорошо знаком не только бурятам, о чем свидетельствуют многочисленные образцы «Лхантабов» в фондах Центра восточных рукописей и ксилографов (ЦВРК) Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Ванчикова и др. 2011: 74), но и калмыкам. Одним из авторов русского перевода 30-й гл. «Лхантаба» является калмыцкий буддийский священнослужитель Дамбо-Даши Ульянов (1844–1913), лама Войска Донского, врач тибетской медицины (Перевод из тибетских медицинских сочинений Дже-ду-нинг-нор, 1902).

Особо хотелось бы сказать еще об одном буддийском памятнике, к тексту которого отсылает рассматриваемый сборник. Это хорошо известное сочинение из разряда дидактической литературы «Субхашита» (или «Драгоценная сокровищница изящных изречений»), автором которого является известный ученый, политический деятель XIII в. Сакья-пандита Гунга Джалцан (1182–1251). Примечательно,

¹ Под «Тантрой наставлений» имеется в виду классический медицинский трактат «Чжуд-ши» ('Четыре медицинские тантры').

² Тиб. *sDe srid sangs rgya rgya mtsho*. В отечественном востоковедении (тибетологии и монголоведении) передача тибетских имен на кириллице несколько отличается. Исторически сложилось, что российские тибетологи ориентировались на монголизированное произношение тибетских имен, которое сохраняется и в настоящее время, когда рассматриваются монгольские источники. При описании тибетских источников и реалий в современных материалах специалисты стали ориентироваться на нормы произношения литературного тибетского языка с опорой на лхаский диалект.

что в коллекции старописьменных источников Калмыцкого научного центра РАН в г. Элисте имеются тексты «Субхашиты» на тибетском и ойратском языках (Музраева, 2015).

Из описания монгольской коллекции музея Тувы, выполненного монголоведом А. Г. Сазыкиным, следует, что последними в указанном сборнике представлены сочинения Джанджа-хутухты Ролби-Дорджэ и Ёндзин Еше Джалцана. Из примечаний к указанной выше публикации ее автор показывает, что речь идет о двух разных авторах, чьи труды цитируются (Sazykin, 1996: 48).

Предпоследний из приведенных в списке фрагментов представляет собой краткое изложение, скорее тезисное изложение мысли о принятии обета светскими лицами, сделанное Джанджа Ролби-Дорджэ, известным буддийским иерархом времен китайской империи Цин (1644–1912) — Джанджа-хутухты¹ II Ролби-Дорджэ (1717–1786) (Успенский, 2011: 112–116). Завершают ксилографический сборник слова разъяснений относительно принятия и нарушения однодневного обета, данных учителем по имени Ёндзин Еше Джалцан. На наш взгляд, этим наставником может быть следующий в линии преемственности Джанджа-хутухт — Джанджа-хутухта III Ешей-Данби-Джалцан (1787–1846) (Успенский, 2011: 18, 105, 117).

В данной работе мы представляем полный текст данного сборника в виде транслитерации и перевода на русский язык с комментариями.

Транслитерация текста

[1a:1] Ene čaq-tu ebedčün ükül neng (2) olan boluysan tula dab deger-e (3) egün-eče aburaqu-yin arу-a erke (4) ügei olqu keregtei tula: ebedčün (5) olan boluysan-u učir siltayan-i (6) öčüken tedüi ilerkeyilebesü: (7) em-ün sudur lhan tabs {lhan thabs}-un (8) qorin yisüdüki kijig-un bölüg-|eče yerü-yin kümün-nügüd tabun (10) jayun-u ečüs čay-tur öber-ün (11) amuyulang-i küsegsen-ü erke-ber (12) degedüs-ün mör-eče buruyudaju (13) arban qara nigül terigüten-i (14) edelkübe yurban erdeni kiged (15) tngri čidkür-i gereči-dür [1b:1] bayiyulju am-a aldaqu terigüten (2) gem-tei yabudal üyledügsen (3) tere čay-tur sansar-tur (4) törügsed-i ebdeküi-dür erkešig|sen mamô mka-a agro {ma mo mkha' 'gro} бүкүн (6) kimurayad kijig ebedčün erkim (7) boluysan aman-u ayural šira ulayan (8) qara-nuyud-i talbiysan-|iyar egülen metü toytaysan-ača (10) buyan dooratu amitan-nuyud-tur (11) tusuysan-iyar šira ayural-ača (12) balnad kemekü ujy kijiy ba (13) qaniyadun kiged: ulayan-ača (14) gedüsün-ü qadquly-a: qara-ača (15) sayaqu boyom-a qoyulai-yin šir-q-a: [2a:1] qara botuyu kemekü tomu iširgene (2) beki {beg ge} kemekü jiči iširgene (3) terigüten jöb-ün čay-tu (4) toy-a-bar nerleju güyčeši ügei (5) doyšın kijig ebedčün bolqu kemen (6) nomlaysan böged: basa ču idam (7) bišilyaqu-yin egüskel-ün jerge-yin (8) sudur-ača: ene jöb-ün čay-tu (9) teyirang {the'u rang²} mamô³ terigüten buruyu (10) uriduyči ende todqar oytaryui-|yin qur-a metü elbeg bayuqu (12) čaq-tu nigen küčü-tei idam (13) burqan-i šitül ügei yabuju ülü (14) bolqu čay kemen nomlaysan bui (15) böged: tere ču yerü-yin [2b:1] qara ger ten-ü sitükü idam (2) anu Otači: Ary-a Balo: (3) Dar-a eke terigüten blam-a coqay (4) degedü yurban erdeni-dür itegel (5) yabuyulju amurlingyui abural-un (6) oron-i idam baribasü küčütei (7) idam burqan anu tere bolumui: (8) ende todqar olan boluysan učir (9) anu jöb-ün čay bolqu tutum (10) amitan-u nom-du qarsilaqu buruyu (11) yabudal ulam yekedegsen-iyer nasun (12) buyan ulam doroyitaysan-u tula (13) buyan-iyar jiryaqu kümün cuqay (14) boluysan-iyar qoorlayči ende (15) todqar olan bolulčamui:

[3a:1] saskya {sa skya}⁴-yin sayin nomlal {legs bshad}⁵-ača: ene (2) temečel-ün čay-tu jayun kümün-ü (3) dotur-ača nigen tegüs buyan-tai (4) kümün cuqay kemen nomlaysan bui (5) böged: teyimü bolbaču ene (6) šasin delgeregsen oron-u dumda (7) kümün-ü törül olju törügsen (8) inu uridu jayayan-du oğlige (9) ba bačay šayšabad sakiysan (10) irügel talbiysan terigüten (11) yeke buyan-u küčün-iyer kümün-ü (12) törül olju törügsen-i (13) bačay terigüten-iyer törülki (14) buyan-i selbibesü: ene nasun-a (15) čay busu-yin ükül ebedčün-iyer [3b:1] nerbegdel ügei amur jiryaqu-ača (2) yadan-a törül tutum бүкүн-dür (3) mayu jayayan-dur unal ügei tngri (4) kümün-ü öndür ijayur-iyar (5) damjiysayar Mayidari burqan-u (6) šasin-luy-a učiraju qutuy-tanu (7) mör-i olqu kemen nomlaysan (8) bolbaču jöb-ün čay boluysan-u (9) tula tere metü buyan бүтүгегчин (10) čuqay boluyad olangkis anu nasun buyan-i türgen doroyidayulqu (11) nigül-tü buruyu yabudal бүтүгегсен-ü (12) üyle-ber jiryal

¹ Джанджа-хутухта (чжанчжа-хутухта) — так именовали буддийских святителей, чья резиденция находилась в Пекине; он считается воплощением грозного буддийского божества-хранителя Демчога (от тиб. *bde mchog* 'высшее счастье') (Рерих, 1985: 263–264). Другое имя этого же божества Самвара (Чакрасамвара).

² *the'u rang* = *thebs rang* — класс демонов (Das, 1902: 588).

³ *ma mo* — разновидность злых демонов (Das, 1902: 949).

⁴ *sa skya* — зд. речь идет о Сакья-пандите Гунга Джалцане.

⁵ *legs bshad* — это сокращенное тибетское название знаменитого труда сакьяского иерарха, которое более известно под санскритским наименованием «Субхашита».

öçüken ebedçin (13) jobalang ükül olan boluysan (14) böged: burqan ber buyan ügei bolbasu [4a:1] jiryaqu yosu ügei: nigül ügei (2) bolbasu jobaqa yosun ügei kemen (3) nomlaysan bui böged: teyimü-eçe (4) jiryaqu dur-a-tai bolbasu (5) jobalang ireküi-yin urida nigül (6) kilinçe arilyaqa ba buyan (7) quriyaqu keregtei tula burqan (8) ber qara gerten-dür šasin-u (9) qubiyari-ača buyan quriyaqu (10) kilinçe arilyaqa-yin degedü (11) ene mön kemen edür-ün bačay-un (12) sanvar qayiralaysan bayina:

(13) Lcangskiy-a Rolbiy Rdorji {lcang skya rol ba'i rdo rje}-yin (14) gegen-ü jarliy-ača: qar-a ger|ten yurban duyçin¹-dü bačay [4b:1] yosuçilan sakibasü ükül-ün (2) iru-a tusbaču ničuju bolqu: (3) kemen nomlaysan bui böged: yongs (4) ajin Yišis Rkyalmcan {yongs 'dzin ye shes rgyal mtshan}-u gegen-eče: (5) basa yosuçilan sakiqı bolbasu (6) burqan-u šasin-dur oruysan-u (7) tula edür büri yurban erdeni- (8) dü itegel yabuylqu ba bačay-un (9) üy-e-dü arban qar-a nigül-eče (10) angqan-u dörben ündüsün ba (11) dörben gešigün-i tebçikü-yin (12) am-a abuysan degere arban qara (13) nigül-ün üldügsen jiryaqan-i tegün-llüge jüg jokildulun arban (15) qara nigül-i bačay-un üy-e-dü [5a:1] tebçikü yosutai tula: tedeger (2) arban qara nigül inu bey-e-ber (3) üyledkü ami tasulqu ba: ese (4) öggügsen-i abqu: buruyı qoriçal-|luy-a yurban: kelen-iyer üyledkü (6) qudal üge. qob üge. širügün (7) üge. jaliqai üge dörben (8) bolai: sedkil-iyer üyledkü busud-|un ed tavar-tu qomuylajı (10) sedkil: busud-tu qoorlaqu (11) sedkil: buyan nigül-i itegekü ügei (12) buruyı üjel böged qamtu arban (13) bolai: jöb-ün čay-un amitan edeger (14) nigülüd-i ene törül-tegen (15) kibesü mamô mka-a gro {ma mo mkha' 'gro}-yin [5b:1] aman-u ayur tusçu eldeb (2) qatayı doyšın kijig-iyer nerbeg|dekü-eče yadan-a tedeger nigül-üd-i (4) uridu törül-tegen kigsen üyileyin (5) ür-e deger-e nemeri selbilte (6) boluysan-iyar türgen bolbasurajı (7) ebedçin ükül ügegüü yadaqu (8) jobalang-iyar jobajı bayigçid-i (9) ene jöb-ün čay-tu ilede (10) üjegseger sonusuqsayar bayıday (11) tula bačaq sakiqı büri-dü (12) arban qar-a nigül-i büridken (13) toyalajı tedeger-eče ali bolqu (14) nigen-i kigsen bolbasu jobalang-un (15) köröngge ene aysan bayina kemen [6a:1] kigsen-degen qoor-a idigsen metü (2) gemšiged tebçijü čidaqu nigül-i (3) nasun turqaru tebçinem kemen (4) sanaıı ülü čidaqu-yi bačay-un (5) nigen edür qonoy-tu oytu (6) ülü üyledümüi kemen bačay sakiqı (7) büri-dü ene metü namançılajı bayıba|su arıluysan-iyar uridu-yin üyleyin (9) kilinçe tüydker-iyer ebedçin (10) jobalang edlekü ba ene nasun-u (11) gem aldal-un üyile-ber kijig (12) terigüten ebedçin jobalang-iyar (13) jobaqa namdaqı bolqu-ača (14) yadan-a törül tutum bükün-|dür mayı jayayan-dur unal ügei [6b:1] tngri kümün-ü törül-iyer damjiy|sayar Mayidari burqan-u šasin-|luy-a učırajı qutuı-tan-u (4) ür-e-yi olqu kemen nomlaysan (5) böged: tere ču ene metü bačay (6) sakiqı büri-yin segül-dür kücü-|tei irügel talbiıı qutuı (8) yuyuyısan-iyar bütükü tula (9) Yongsajin Yišes Rgyalmcan {yongs 'dzin ye shes rgyal mtshan}-u (10) ayıladuysan bačay-un čoga-ača (11) ilangyuy-a bačay sakiısan terigüten (12) ali üyledügsen buyan-iyar ene (13) törül-eče törül tutum bügüde-|dür mayı jayayan kiged čilüge (15) ügei oron-nuyud dotur nigen [7a:1] gšan tedüi ču ülü oyıratuyad (2) nayman čilüge arban učıral (3) büridügsen sayın bey-e-yi ürgülji (4) oluyad: bey-e tegün-dür ču (5) jalayı nasun-ača burqan-u šasin-|dur orııı toyın boluyad (7) šayšabad sanvar-ıyan nidun-u (8) sečegei metü sakiqı sudur (9) tarni-yin nom üleğel ügei (10) sonosqu sanaqu bišilyaıı (11) yurban-u egüden-eče angqarun (12) abču bodısadu-a-yin arban oron (13) tabun mör bügüde-yin ečüs-tür (14) kürüged: ečiğe eke boluysan (15) qamuy amitan-i tusalaqu-yin [7b:1] tula ilede tuyuluysan burqan (2) bolqu boltuyai kemen bačay-un (3) segül-dür qutuı yuyumui kemen (4) nomlaysan bolai: tere metü edür-ün (5) bačay-un sanvar sakiısan tusa (6) erdem inu maši yeke böged: (7) sudur-ača Gangya terigüten tabun (8) yeke mören kiged yeke dalai-yin (9) usun-i bumba ber toyalan (10) čıdamui j-a: edür-ün bačay-un tus (11) erdem-ün kemjiy-e-yi toyalan ülü (12) čidaqu böged: Zanbutiib düğüren (13) dayini daruısad-tur ed tavar (14) ergügsen-ü buyan ber bačay sakiısan (15) buyan-u jayun-u nigen qubi-dür ču [8a:1] ülü oduqu: mingyan-u nigen (2) qubi-dür ču ülü oduqu (3) kemen nomlaysan tula ene metü (4) buyan quriyaqu kilinçe arilyaqa-|yin ary-a bayıtala endegürejü (6) jiryanam kemen nasun buyan-i (7) türgen baraqu-yin siltayan-i (8) üyledügsen-iyer ene nasun-a (9) eldeb jobalang-iyar nerbegdeg|seger üküjü ečüs-tür mayı (11) jayayan-dur unaqu bolbasu: (12) tegüneče ilegüü endegürel doroi|tal yayun bayuqu bile: bačay (14) yosuçilan sakiııı ene nasun-a (15) čay busu-yin ükül ebedçin ende [8b:1] ber nerbegdel ügei ečüs qoyıtu (2) törül tutum bükün-dür mayı (3) jayayan-dur unal ügei tngri (4) kümün-ü öndür ijayur-iyar (5) damjiysayar kejiy-e Mayidari (6) burqan-ııı kalab ejelekü čay-tu (7) tegün-ü šasin-luy-a učırajı (8) qutuıtan-u mör-i olqu bolbasu: (9) qara gerte[n]-dür tegüneče ači-tai (10) tusa-tai yabudal yayun bayiııı (11) bile: teyimü bolbaču edüge (12) nigen kedün jiryanam kemejü (13) sayıtala-a genedte ebedçin (14) jobalang-iyar nerbegdegseger (15) üküjü door-a-ača dooruyçı [9a:1] mayı jayayan-dur unabasu (2) tegüneče ken tataııı abul-tai (3) bayına kemebesü: ene engke elegüür (4) čilüge-tei bayiııı čay-tu (5) bačay terigüten-iyer buyan (6) quriyaııı

¹ Дуйцэн (от тиб. *duś chen* букв. 'великое время') — день, когда Будда, пребывавший в медитации под деревом бодхи, достиг просветления. Согласно мифологии, именно в этот день Будда был рожден, а также погрузился в нирвану, что признается большинством буддийских школ. Этот день приходится на 15-й день, полнолуние 4-го лунного месяца (Сага Дава), который выпадает на конец мая — начало июня согласно григорианскому календарю.

² Будда Майтрея — грядущий Будда.

³ *gürim* от тиб. *sku rim* 'религиозная церемония, религиозный обряд' (Рерих, 1983: 168–169).

kilinče arilyaysan- (7) iyar čaj busu-yin ebedčün (8) ükül mayu jayayan-ača öber-ün (9) bey-e-yi öber-iyen tataju abqu-|ača busu üyle-yin ür-e (11) bolbasuraju dayusuysan-iyar (12) ebedčün jobalang-iyar nerbegdeglsen qoyina buyan bütügeju tataqu (14) čidal ügei bolumui: üyle-yin (15) ür-e-yin ebedčün-dü em ba [9b:1] gürüm³ tusa ügei kemegsen (2) tula: ary-a baraydaqy-yin (3) uridu bui čidal-iyar buyan (4) bütügekü keregtei: Mañjušri-yin (5) gegen-eče mayu jöb-ün čaj-un (6) amitan üyleyin tüydker eldeb (7) jüyl-iyer doroyituysan-|ača ebedčün eldeb jüyl-iyer (9) nerbegdeglsen yačalang kiged (10) jobalang eldeb jüyl-iyer (11) könügegdeju mayu üjel eldeb (12) jüyl-iyer oçuyata tüydügsen-|iyer yañar mör door-a-ača (14) door-a-dur unaqu bolumui: (15) kemen nomlaysan bui böged: [10a:1] teyimü-eče ene nasun-ača (2) bačaq terigüten buyan bütügegsen-ü (3) üyle-ber amur jiryaysayar (4) burqan bolqui kürtele tngri (5) kümün-ü amuyulang amsaqu ba: (6) ene nasun-ača nigül kigsen-ü (7) üyle-ber čaj busu-yin ükül (8) ebedčün-iyer doroyitaysayar (9) üküju mayu jayayan-dur unaqu (10) xoyar-i öberün duran deger-e (11) songyaju orun čidaqu-yin (12) tulada: sayijiraqu mayudaqu (13) qoyar-un ilyal-i tung medekü (14) ügei kümün ele busu bolbasu (15) songyalta-yi buruyudqaqu [10b:1] ügei keregtei böged: bačaq (2) terigüten yerü buyan bütüge[kü]-du (3) ürjil-tei čaj anu caq anu: (4) ridi qubilyan sara-yin nigen (5) sine-eče arban tabun kürtele (6) kiged: qabur-un segül sara-yin (7) sine-yin nayman ba arban tabun (8) qoyar: jun-u nigen sara-yin (9) sine-yin nayman ba arban tabun-|nujud yeke čaj mön-ü tula (11) aliba buyan bütügebesü abum (12) örcikü kemen nomlaysan böged: (13) edeger bačaq sakiqu yosu ba (14) tusa erdem kiged buyan (15) bütügekü-yin ürjilgenügü-d-i: [11a:1] Yongajin Yešes Rgyalmcan-u (2) ayiladuysan edür-ün bačaq-un (3) sanvar-un čoga-ača nom medekü (4) ügei ulus-un toytayaqu-yin (5) kiri-ber üge čöken udq-a (6) burin bolyan tusuyar ilyaju (7) bičiküi-dür jöb-ün čaj-un (8) amitan-u buruyu yabudal-ača (9) ebedčün ada ükül jobalang (10) ulam olan boluysan učir-tu (11) bačaq sakibasü tegün-i amurli|yulqu yeründeg bolulčaqu-yin (13) učir siltayan-i ilerkeyilen (14) bičilčebei:

Перевод

[1a:1] В это время, когда неизмеримо увеличилось число болезней и смертей, поскольку не оказалось способа и возможности тотчас же спастись от этого и возникла необходимость найти их, если вознамечиться немного прояснить причину и обстоятельства болезней, то согласно 29-й главе «О простудных болезнях¹» лечебной (медицинской) сутры «Лхантаб», обычные люди в то время, когда заканчивается пять столетий, в силу того, что желают собственного благоденствия, сходят с пути наивысших, предаются десяти черным грехам, делают [1b:1] свидетелями Три драгоценности, а также тенгриев, злого духа (дьявола), совершают неблагоприятные деяния, начиная с того, что дают обещание. В это время все дакини ма-мо², обладающие властью истреблять всех рожденных в этой сансаре, приходят в возмущение, тем, что словесным гневом, [вызывающим] эпидемии, насылают желтое, красное и черное, когда подобно облаку успокаиваются, достигают (настигают) живых существ, обладающих малой добродетелью, от желтого происходят такие болезни, как балнад³, неизлечимые хронические болезни и кашель, от красного — колющие боли (колики) во внутренностях, от черного — нарыв, болезни горла, [2a:1] такие, как черная оспа, простуда (насморк, кашель), беки⁴ {beg ge} и другие. В зловерные времена придут эпидемии, которые невозможно исчислить, — так было проповедано.

Также из Сутры о пробуждении почитания идама⁵ [следует, что] в это время бедствия страшные демоны во главе со злыми демонами в то время, когда тех, кто ведет к неправедному, здесь станет очень много, подобно дождю, когда будут жить, не почитая какого-то сильного идама-будду, неподобающее время — так проповедал. [2b:1] Идамы, в которых следует верить простым мирянам, — это Отачи⁶, Арьябала⁷, Дара Эхэ⁸. Приняв прибежище в наивысших Трех драгоценностях и в ламе (учителе), если станут почитать идамов в [качестве] места спасения, то это и будут всемогущие будды-идамы. Поскольку здесь появилось множество препятствий, всякий раз, когда будет наступать время зла, по мере того как станет все больше неправедных деяний, препятствующих живым существам [обращаться к] вере, поскольку еще больше сократились срок жизни и добродетель, стало мало людей, которые бы благоденствовали добродетелью, здесь появилось очень много препятствий преград (препон), наносящих вред.

¹ Тиб. *čam pa* (Санчжей Чжамцо 1999: 94–98).

² Согласно тексту «Лхантаб» в переводе А. Кособурова, «Демоны: “странствующие по небу” [демоны класса] ма-мо, “подстрекая” друг друга, возбуждаются и вызывают появление болезней ...» (Санчжей Чжамцо, 1999: 5–6).

³ «балнад» от тиб. *bal nad* ‘назв. инфекционной болезни’ (Рерих, 1986а: 178).

⁴ от тиб. *beg ge* ‘корь’ (Рерих, 1986а: 194).

⁵ идам (тиб. *yi dam*) — зд. в значении «божество-хранитель»; др. значение ‘почт. обет; обещание, слово’ (Рерих, 1986b: 247–248).

⁶ Отачи — монгольский эквивалент имени Бхайшаджья-гуру (Будды врачевания, медицины).

⁷ Арьябала — Авалокитешвара.

⁸ Дара Эхэ — богиня Тара.

[3a:1] Из наставлений Сакья-пандиты «Легшад»: В это время состязательности среди ста человек очень редко найти одиночку, [обладающего] совершенной добродетелью, — так проповедано. Хотя это и так, то, что получили рождение людьми в стране, в которой распространилось Учение, те, кто в предшествующем рождении произнесли благопожелание о том, чтобы соблюдать обет и совершать подношения, в силу великой добродетели обрели рождение людьми. Если обетами и прочим приумножить изначальную добродетель, помимо того, что в этой жизни будешь пребывать в мире и счастье, не подвергаясь болезням и смертям, в каждом перерождении не получая¹ неблагоприятные рождения, последовательно обретая высокое рождение тенгрием и человеком, повстречавшись с Учением Будды Майтрейи, встанут на путь святых, — так хотя и было проповедано, поскольку настало время зла, подобных тому практикующих добродетель стало мало, большинство своими деяниями, совершая несправедливые, греховные поступки, скорейшим образом сократили срок жизни и добродетель, в силу совершения несправедливых деяний приумножились болезни, страдания и смерти. Будда проповедал: «Если не станет добродетели, [4a:1] не будет основания² для благоденствия». Исходя из этого, если имеешь желание благоденствовать, необходимо до наступления страданий избавиться от грехов и прегрешений и накапливать добродетель. Поскольку так, Будда даровал наставление, говоря, что наивысшим очищением от грехов и стяжанием добродетели в отношении веры для мирян³ воистину является обет принятия однодневного поста.

Из наставлений сиятельного (гэгээна) Джанджа Ролби Дордже. «Если миряне будут соответствующим образом [4b:1] соблюдать пост (воздержание) в течение трех [дней] дуйцэнг, даже если наступит признак смерти, смогут избежать», — так наставлял.

Сиятельным (гэгээном) Ёндзин Еше Джалцаном было проповедано: «Если соблюдать [обет] подобающим образом, поскольку обратился в веру (Учение) Будды, помимо того, что дашь слово ежедневно принимать прибежище в Трех драгоценностях, в период поста будешь воздерживаться от совершения десяти греховных деяний — первых четырех основных и четырех второстепенных, шесть из совершенных десяти грехов соизмеряя с ними, в дни дуйцэнг должен отринуть десять грехов; [5a:1] в числе этих десяти грехов: совершаемые телом — убийство, отнятие того, что не принадлежит, вместе с похотью три [вида]; совершаемые изустно — ложные слова, клевета, резкие слова, вместе с коварными лживыми словами четыре [вида]; совершаемые мысленно — корыстные мысли по отношению к чужому имуществу, мысль навредить другим, неверие в добродетели и грехи, несправедливые воззрения — все вместе [составляют] десять. Если живые существа этого зловерного времени станут совершать грехи в этом перерождении, то [их] наступит словесный гнев злой дакини; [5b:1] помимо того, что подвергнутся всевозможным страшным, суровым эпидемиям, в силу того, что грехи становятся дополнением к плоду деяний, совершенных в прошлых рождениях, [который] быстро созревает, страдают от болезней, смертей и нищеты; поскольку они в это злобное время достоверно распознают таких и слышат [о них], всякий раз, когда держат пост, подсчитывают десять черных грехов, если был совершен хотя бы один из них, с мыслью⁴, что это и есть семена страданий, [6a:1] испытывая сожаления от того, что совершили, как если бы проглотили яд, решив на всю жизнь отказаться от грехов, от которых способны отказаться, — думая так, но не [имея] сил осуществить, если всякий раз в течение одного дня соблюдения поста подобно тому молиться, то очистишься, помимо того, что станешь меньше испытывать страданий из-за грехов и препятствий прежних деяний, из-за порочных деяний этого срока жизни страдать от болезней, в том числе от эпидемий, помимо этого, в каждом перерождении не «упадешь»⁵ в неблагоприятные рождения, [6b:1] а получая рождения попеременно тенгрием или человеком, повстречавшись с Учением Будды Майтрейи, обретете плод святых», — так проповедал. Поскольку он также, подобно этому, всякий раз по окончании поста возносил действенное благопожелание, испрашивая святости и исполнял, из чоги (обряда соблюдения) поста, преподанной Ёндзин Еше Джалцаном, в особенности те, кто соблюдают пост, в силу любой накопленной добродетели, начиная с этого перерождения в каждом рождении не приблизившись даже на одно [7a:1] мгновение к неблагоприятному рождению или к месту (стране), где испытывают мучения, постоянно обретая благоприятное тело, преисполненное

¹ букв. 'не низвергаясь в неблагоприятные перерождения'.

² зд. букв. 'не будет закона'.

³ зд. 'хар гертен'.

⁴ букв. 'говоря'.

⁵ т. е. 'не будешь получать'.

⁶ зд. 'став тойном'.

⁷ т. е. 'с позиций'.

восемью свободами, десятью приобретениями, [пребывая] в этом теле, с раннего возраста проникшись Учением Будды, став монахом⁶, приняв во внимание всеохватно из трех врат⁷ слушания, осмысливания (обдумывания) и размышления (созерцания) учение сутр и дхарани (тарни) о том, как следует хранить как зеницу ока свои обеты и нравственные принципы¹, достигнув в конечном итоге² десяти стран, пяти путей бодхисаттвы, ради того чтобы оказать помощь всем живым существам, которые являлись отцом и матерью, **[7b:1]** да станете Победоносными Буддами! — сказав так, по окончании поста испросите святости, — такими словами наставил. Подобно тому, польза и заслуга (добродетель) от соблюдения однодневного обета очень велика. Из сутр [следует, что] вместилище вод великого океана и пяти великих рек во главе с Гангом можно определенно сосчитать. Мету определенно заслуги (пользы) от однодневного обета нет возможности сосчитать. Добродетель от того, что сделал подношение вещами (т. е. чем-то материальным) архатам³, заполнившим Замбутиб, **[8a:1]** не сравнится даже с одной сотой доли добродетели от того, что соблюдал обет, не сравнится даже с одной тысячной доли добродетели, — поскольку было так проповедано, в то время как существует подобный этому способ стяжать добродетель и очиститься от грехов, заблуждаясь, говоря, что [желаешь] блаженствовать, тем, что создаешь причину быстрого исчерпания добродетели этого срока жизни, в этой жизни подвергаясь многочисленным страданиям, погибаешь и в конечном итоге обретаешь неблагоприятное рождение. Может ли быть какое-то иное, еще большее заблуждение и падение? Соблюдая обет соответствующим образом, в этой жизни **[8b:1]** не подвергаясь безвременным болезням и смерти, в каждом последующем рождении не получая неблагоприятного рождения, получая попеременно высокое рождение человеком или тенгрием, в то время, когда наступит калпа (кальпа) Будды Майтрейи, повстречавшись с его Учением, обретешь путь святых, что может быть более славным и полезным делом для мирян! Хотя [дело обстоит] так, сейчас те некоторые, в то время как жили с мыслью о счастье, внезапно подвергаясь мучениям от болезней и страданий, умирают и, когда низвергаются в самое низкое из низших **[9a:1]** неблагоприятных рождений, если спросить, кто способен вытянуть оттуда? — В то время, когда [пребываешь] в мире, когда свободен, накопив добродетель обетами, очистившись от грехов, только сам собственными силами вытянешь себя⁴ из плохой участи с безвременными болезнями и смертями; когда полностью созреет плод иных деяний, после того как испытаешь мучения от страданий и болезней, не будет сил творить добродетель и вытянуть. Поскольку было преподано, что при болезни плода деяний бесполезны лекарства и **[9b:1]** религиозные обряды (гурэм), до того как исчерпаются возможности, изо всех имеющихся сил следует накапливать добродетель.

Сиятельный Манджушри проповедал, что в силу того, что живые существа плохого неблагоприятного времени самыми разными изобилующими препонами деяний пришли в упадок, стали терзаемы многими болезнями, их стали преследовать горести и страдания, а поскольку стали испытывать препятствия от многочисленных неправедных воззрений, то будут низвергаться в самые низкие из низших земель и пути, — так наставлял. **[10a:1]** Поскольку так, во имя того, чтобы иметь возможность свободного выбора и вступления на один из двух [путей]: начиная с этой жизни совершая деяния добродетели в первую очередь⁵ с принятия обета, живя в спокойствии, вплоть до того как станешь Буддой, испытывать блаженство тенгриев и людей, либо начиная с этого срока жизни, в силу совершенных грехов приходя в упадок от безвременных болезней и смертей, умирая, получать неблагоприятное рождение. Если не являетесь такими людьми, которые совершенно не понимают, в чем разница между тем, когда становится лучше, и тем, когда становится плохо, то следует не ошибиться в выборе, **[10b:1]** а также благодатным временем для того, чтобы творить обычную добродетель во главе с обетом, [является время] с первого дня месяца волшебных превращений⁶ до пятнадцатого дня, а также с восьмого числа последнего весеннего месяца по пятнадцатый день, с восьмого дня первого летнего месяца и пятнадцатое — это воистину «великое время»⁷, если совершать любого рода добродетель, она увеличится в сто тысяч раз, — так проповедал. Эти правила соблюдения обета, приумножения заслуг и

¹ Согласно сочинению «Бодхичарья-аватара» («Путь бодхисаттвы») Шантидевы, «Что бы ни совершил я / В омрачении и по незнанию, / Будь то деяния, порочные по своей природе, / Или нарушенные обеты, — / Во всем этом я смиренно / Сознаюсь пред Покровителями» (Шантидева, Электр. ресурс: 15), из чего следует, что под порочными деяниями понимаются 1) деяния, пагубные по своей природе, и 2) деяния, связанные с нарушением обета. Эта мысль озвучена и в данном сборнике текстов.

² букв. 'в конце всего'.

³ букв. 'подавившим врагов'.

⁴ зд. букв. 'свое тело'.

⁵ зд. букв. 'во главе с принятием обета'.

⁶ зд. речь идет о чудесах, проявленных Буддой.

⁷ под «великим временем» понимаются дни дуйцэн, см. прим. 1 на стр. 144.

добродетели [11a:1] были выписаны, из обряда (чога) однодневного обета, изложенного Ёндзин Еше Джалцана, в соответствии с той мерой, особо различая, чтобы могли усвоить люди, не сведущие в Учении, когда слов мало, а смысл их совершенен. Когда в неблагоприятное время из-за несправедливых поступков живых существ еще более прибавилось болезней, злых демонов, смертей и страданий, для того чтобы соблюдение обета стало противоядием, успокаивающим все это, проясняя причину и основание этого, записали.

Заключение

Таким образом, рассмотренный текст ксилографа на монгольском языке — это лишь малая часть того богатства, которым располагает Национальный музей Республики Тыва.

Компоновка этого сборника свидетельствует о высокой эрудиции его составителя. Хотя его имя эксплицитно не указано в тексте, имеется лишь косвенное указание на то, что текст составлен не одним пишущим, а при участии кого-то еще.

Рассмотренный сборник позволяет пролить свет на принципы использования известных сочинений при разъяснении разного рода положений буддийской доктрины. И это выводит нас к такой малоизученной области буддологических исследований, как комментаторская литература.

То, что в тексте присутствует апелляция к верующим из числа светских последователей Учения Будды, демонстрирует значимость этой сферы проповеднической деятельности, практики буддийских священнослужителей в тувинской среде. Этот момент, а также то, что круг текстов и имен представителей высшей буддийской иерархии были известны не только тувинским буддистам, но и калмыцким, позволяют в дальнейшем проводить сопоставительный анализ письменных источников, имевших хождение в среде верующих в XIX–XX вв. и сохранившихся к началу XXI столетия в Калмыкии и Туве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аюшеева, Л. В. (2007) Роль тибетского врачевания в отечественной медицине (XVII–XX вв.) : автореф. дис. ... канд. мед. наук. М. 24 с.

Бичелдей, У. П. (2011) Собрание буддийских рукописей и ксилографов в фондах Национального музея Республики Тыва как памятники духовной культуры тувинского народа // Память мира: историко-документальное наследие буддизма. Мат-лы Межд. науч.-практ. конф. / отв. ред. В. В. Минаев. М. : РГГУ. 359 с. С. 228–233.

Болсохоева, Н. Д. (2009) «Лхантаб» — ключ к изучению клиники и терапии тибетской медицины в манба дацанах Центральной Азии [Электронный ресурс] // Синология.Ру. URL: <http://www.synologia.ru/a/«Лхантаб»> (дата обращения: 27.02.2019).

Ванчикова, Ц. П., Жабон, Ю. Ж., Ринчинов, О. С., Елепов, Б. С., Шабанов, А. В. (2011) Коллекция медицинских текстов тибетского фонда Центра восточных рукописей и ксилографов (ЦВРК) Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН // Библиосфера. № 3. С. 72–76.

Донгак, А. С.-О. (2018) Легенды и устные рассказы об истории распространения буддизма в тувинском фольклоре // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. № 1. С. 113–120.

Корнеев, Г. Б. (2016) Об ойратском старописьменном памятнике, посвященном традиции исполнения обряда «мацг» // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. № 3. С. 201–208.

Мирзаева, С. В. (2018) Монгольская рукопись «Царя молитв-устремлений о благом пути» («Бхадрачарья») в Тувинском архиве // [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 4. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/814> (дата обращения: 27.02.2019). DOI: 10.25178/nit.2018.4.11

Музраева, Д. Н. (2011) О составе и содержании коллекций буддийских письменных памятников, сохранившихся в Калмыкии к началу XXI века // Память мира: историко-документальное наследие буддизма. Мат-лы Межд. науч.-практ. конф. / отв. ред. В. В. Минаев. М. : РГГУ. 359 с. С. 233–240.

Музраева, Д. Н. (2015) Тексты «Субхашиты» на тибетском и ойратском языках из Научного архива КИГИ РАН // Азия и Африка в меняющемся мире. XXVIII Межд. науч. конф. по источниковедению и историографии стран Азии и Африки», 22–24 апреля 2015 г.: Тезисы докладов / отв. ред. Н. Н. Дьяков, А. С. Матвеев. СПб. : ВФ СПбГУ. 556 с. С. 247.

Перевод из тибетских медицинских сочинений Дже-ду-нинг-нор, гл. 91 и Хлан-таб, гл. 30. Лечения чумы, холеры и проказы. Штатного гелюна Дамбо Ульянова (1902). СПб. : Паровая Скоропечатня «Восток» М.М. Гутцац. 25 с.

Рерих, Ю. Н. (1983) Тибетско–русско–английский словарь с санскритскими параллелями : в 10 вып. М. : Наука. ГРВЛ. Вып. I. 378 с.

Рерих, Ю. Н. (1985) Тибетско–русско–английский словарь с санскритскими параллелями : в 10 вып. М. : Наука. ГРВЛ. Вып. IV. 374 с.

Рерих, Ю. Н. (1986a) Тибетско–русско–английский словарь с санскритскими параллелями : в 10 вып. М. : Наука. ГРВЛ. Вып. VI. 372 с.

Рерих, Ю. Н. (1986b) Тибетско–русско–английский словарь с санскритскими параллелями : в 10 вып. М. : Наука. ГРВЛ. Вып. VIII. 311 с.

Санчжей Чжамцо (1999) : Практическое руководство по тибетской медицине Лхан-тхабс. Разделы га, нга, ча. Главы 15–47 : перев. с тиб. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН. 216 с.

Успенский, В. Л. (2011) Тибетский буддизм в Пекине. СПб. : Студия «НП-Принт». 368 с.

Чжуд-ши. Канон тибетской медицины (2001) / перев. с тибетского, предисл., прим., указ. Д. Б. Дашиева. М. : Восточная литература. 766 с.

Шантидева. Бодхичарья-аватара (Путь бодхисаттвы) / пер. Ю. Жиронкиной [Электронный ресурс] // Интернет-библиотека буддийских текстов. URL: <http://abhidharma.ru/A/Bodhissatva/Content/Bodhicharya-avatara.pdf> (дата обращения: 21.02.2019).

Das, S. Ch. (1902) A Tibetan-English Dictionary. Calcutta : Bengal Secretariat Press. 1353 p.

Sazykin, A. (1996) The Collection of Mongolian Manuscripts and Xylographs in the Ethnological Museum of the Republic of Tuva in Kyzyl // *Manuscripta Orientalia*. Vol. 2. № 2. P. 44–49.

Дата поступления: 07.03.2019 г.

REFERENCES

Ayusheeva, L. V. (2007) *Rol' tibetskogo vrachevaniya v otechestvennoy meditsine (XVII–XX vv.) [The role of Tibetan healing in Russian medicine, 17th–20th centuries]* : Thesis of Diss. ... Candidate of Medical sciences. Moscow. 24 p. (In Russ.).

Bicheldey, U. P. (2011) *Sobranie buddiiskikh rukopisey i ksilografov v fondakh Natsional'nogo muzeya Respubliki Tyva kak pamyatniki dukhovnoy kul'tury tuvinskogo naroda [Buddhist manuscripts and woodcuts in the collections of the National Museum of the Republic of Tuva as monuments of spiritual culture of the Tuvan people]*. In: *Pamyat' mira: istoriko-dokumental'noe nasledie buddizma [Memory of the world: the historical and documentary heritage of Buddhism]*: Proceedings of an international conference / ed. by V. V. Minaev. Moscow, Russian State University for the Humanities. 359 p. Pp. 228–233. (In Russ.).

Bolsokhoeva, N. D. (2009) «Lkhantab» — klyuch k izucheniyu kliniki i terapii tibetskoy meditsiny v manba datsanakh Tsentral'noy Azii ["Lhantab" as the key to the study of the clinic and therapy of Tibetan medicine in manba datsans of Central Asia]. *Sinologiya.Ru* [online] Available at: <http://www.synologia.ru/a/Lkhantab> (access date: 27.02.2019). (In Russ.).

Vanchikova, Ts. P., Zhabon, Yu. Zh., Rinchinov, O. S., Elepov, B. S. and Shabanov, A. V. (2011) *Kollektsiya meditsinskikh tekstov tibetskogo fonda Tsentra vostochnykh rukopisey i ksilografov (TsVRK) Instituta mongolovedeniya, buddologii i tibetologii SO RAN [Medical texts in the Tibetan collection at the Center for Oriental Manuscripts and Woodcuts (TsVRK) of the Institute of Mongolian Studies, Buddhism and Tibetology SB RAS]*. *Bibliosfera*, no. 3, pp. 72–76. (In Russ.).

Dongak, A. S.-O. (2018) *Legendy i ustnye rasskazy ob istorii rasprostraneniya buddizma v tuvinskom fol'klore [A history of Buddhism's dissemination in Tuvan folklore: Legends and oral narratives]*. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences*, vol. 35, issue 1, pp. 113–120. (In Russ.).

Korneev, G. B. (2016) *Ob oiratskom staropis'mennom pamyatnike, posvyashchennom traditsii ispolneniia obriada «matsg» [On an Oirat written monument devoted to the tradition of 'matsg' ritual performance]*. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences*, vol. 25, issue 3, pp. 201–208. (In Russ.).

Mirzaeva, S. V. (2018) *Mongol'skaia rukopis' «Tsaria molitv-ustremlenii o blagom puti» («Bkhadrachar'ia») v Tuvinskom arkhive [The Mongolian manuscript of the «Bhadracarya» (The King of Aspiration Prayers, The Aspiration for Noble Excellent Conduct) from a Tuvan archive]*. *The New Research of Tuva*, no. 4 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/814> (access date: 27.02.2019). DOI: 10.25178/nit.2018.4.11 (In Russ.).

Muzraeva, D. N. (2011) *O sostave i sodержanii kollektcii buddiiskikh pis'mennykh pamyatnikov, sokhranivshikhsya v Kalmykii k nachalu XXI veka [On the composition and content of the collections of Buddhist written monuments preserved in Kalmykia by the beginning of the 21st century]*. In: *Pamyat' mira: istoriko-dokumental'noe nasledie buddizma [Memory of the world: the historical and documentary heritage of Buddhism]*: Proceedings of an international conference / ed. by V. V. Minaev. Moscow, Russian State University for the Humanities. 359 p. Pp. 233–240. (In Russ.).

Muzraeva, D. N. (2015) *Teksty «Subkhashity» na tibetskom i oiratskom yazykakh iz Nauchnogo arkhiva KIGI RAN» [Texts of "Subhashita" in Tibetan and Oirat languages from the Scientific Archive of the Kalmyk Institute for Humanitarian Studies of the RAS]*. In: *Aziia i Afrika v meniaiushchemsia mire [Asia and Africa in a changing world]*. 28th International conference on source studies and historiography of Asian and African countries, April 22–24, 2015: Abstracts. / ed. by N. N. Dyakov and A.S. Matveev. St. Petersburg, Faculty of Asian and African studies of the St. Petersburg State University. 556 p. P. 247. (In Russ.).

Perevod iz tibetskikh meditsinskikh sochineniy Dzhe-du-ning-nor, gl. 91 i Khlan-tab, gl. 30. Lecheniya chumy, kholery i prokazy. Shtatnogo gelyuna Dambo Ul'yanova [A Translation from Tibetan medical writings, Je-du-ning-nor, ch. 91 and Hlan-tab, ch. 30. Treatments for the plague, cholera and leprosy. By Staff geljun Dumbo Ulyanov] (1902). St. Petersburg, Steam Reprint "Orient" of M. M. Gutzats. 25 p. (In Russ.).

Roerich, Yu. N. (1983) *Tibetsko-russko-angliyskiy slovar' s sanskritskimi parallelyami [A Tibetan-Russian-English dictionary with Sanskrit parallels]*: in 10 issues. Moscow, Nauka. GRVL. Issue I. 378 p. (In Tib., Russ. and Engl.).

Roerich, Yu. N. (1985) *Tibetsko-russko-angliyskiy slovar' s sanskritskimi parallelyami [A Tibetan-Russian-English dictionary with Sanskrit parallels]*: in 10 issues. Moscow, Nauka. GRVL. Issue IV. 374 p. (In Tib., Russ. and Engl.).

Roerich, Yu. N. (1986a) *Tibetsko-russko-angliyskiy slovar' s sanskritskimi parallelyami [A Tibetan-Russian-English dictionary with Sanskrit parallels]*: in 10 issues. Moscow, Nauka. GRVL. Issue VI. 372 p. (In Tib., Russ. and Engl.).

Roerich, Yu. N. (1986b) *Tibetsko-russko-angliyskiy slovar' s sanskritskimi parallelyami [A Tibetan-Russian-English dictionary with Sanskrit parallels]*: in 10 issues. Moscow, Nauka. GRVL. Issue VIII. 311 p. (In Tib., Russ. and Engl.).

Sanchzhey Chzhamtso (1999) *Prakticheskoe rukovodstvo po tibetskoy meditsine Lkhan-tkhabs. Razdely ga, nga, cha. Glavy 15-47. Perv. s tib. [A practical guide to Tibetan medicine Lhan-Thabs. Sections ga, nga, cha. Chapters 15-47].* Transl. from Tibetan. Ulan-Ude, Buryat Scientific Center SB RAS. 216 p. (In Russ.).

Uspenskiy, V. L. (2011) *Tibetskiy buddizm v Pekine [Tibetan Buddhism in Beijing]*. St. Petersburg, NP-Print. 368 p. (In Russ.).

Chzhud-shi. Kanon tibetskoy meditsiny [Zhud-shi. The canon of Tibetan medicine] (2001). Translation from Tibetan, preface, notes, indexes by D. B. Dashiev. Moscow, Vost. lit. Publ. 766 p. (In Russ.).

Shantideva. Bodkhichar'ya-avatara (Put' bodkhisattvy) [Shantideva. Bodhicharya-avatara (Path of Bodhisattva)] / transl. by Yu. Zhironkina. *Internet-biblioteka buddiyskikh tekstov* [online] Available at: <http://abhidharma.ru/A/Bodhissatva/Content/Bodhicharya-avatara.pdf> (access date: 21.02.2019). (In Russ.).

Das, S. Ch. (1902) *A Tibetan-English Dictionary*. Calcutta, Bengal Secretariat Press. 1353 p. (In Tib. and Engl.).

Sazykin, A. (1996) The Collection of Mongolian Manuscripts and Xylographs in the Ethnological Museum of the Republic of Tuva in Kyzyl. *Manuscripta Orientalia*, vol. 2, no. 2, pp. 44-49.

Submission date: 07.03.2019.

DOI: 10.25178/nit.2019.2.13

Коллекция шаманских бубнов в фондах Национального музея Тувы

Ульяна П. Бичелдей

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Российская Федерация,

Анай-Хаак М. Допай, Саида Л. Бырыннай

Национальный музей им. Алдан-Маадыр Республики Тыва, Российская Федерация

В статье представлены материалы шаманской коллекции, в частности шаманских бубнов, из фондов Национального музея Республики Тыва. Предметов шаманского культа насчитывается здесь более 500 единиц, бубнов — 14. Имеются также и колотушки, неизменные спутники шаманского бубна. Все они принадлежали тувинским шаманам разных лет. Рассматриваются вопросы коллекционирования, комплектации, хранения бубнов. Источниковой базой стали сведения книги поступления, инвентарной книги. Статья сопровождается фотографиями бубнов. Предметы размещены в постоянной экспозиции музея.

Сбором шаманских бубнов в музее начали заниматься с середины XX в. Первый поступил, предположительно, в 1951 г. Подробно описаны имеющиеся сведения по ряду бубнов: история поступления, датировки, изготовитель, материал, инвентарный номер, сохранность и пр.

Авторами статьи выявлено, что бубны различаются по способу изготовления и по методике украшения разной специальной атрибутикой. Подтверждены предположения исследователей о различиях между бубнами в зависимости от места их происхождения — западная и восточная Тува. Главные различия в использовании шкур разных животных, составе деревянного остова бубна, в символике рукояти, в количестве резонаторов на ободке, особенностях дополнительных атрибутов во внутренней части бубна.

Сам состав коллекции, ее характеристики, позволяют заключить, что она является одной из наиболее укомплектованных, представляющей практически всю культовую атрибутику тувинских шаманов. Коллекция продолжает дополняться теперь и атрибутикой неошаманов.

Ключевые слова: Национальный музей Тувы; шаманская коллекция; бубен; шаманизм; шаманский бубен; тувинский шаманизм

Для цитирования:

Бичелдей У. П., Допай А.-Х. М., Бырыннай С. Л. Коллекция шаманских бубнов в фондах Национального музея Тувы [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2019, № 2. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/853> (дата обращения: дд.мм.гг.). DOI: 10.25178/nit.2019.2.13

Бичелдей Ульяна Павловна — доктор религиоведения (Ph.D), руководитель группы религиоведения Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 4. Тел.: +7 (913) 341-28-33. Эл. адрес: opei-ool@yandex.ru ORCID ID: 0000-0001-5588-9167

Допай Анай-Хаак Михайловна — хранитель I категории отдела учета и хранения фондов (религиозно-культурные предметы) Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Титова, д. 30. Тел.: +7 923-549-98-46. Эл. адрес: dopay2017@mail.ru ORCID ID: 0000-0002-1725-4600

Бырыннай Саида Лопсановна — хранитель I категории отдела учета и хранения фондов (предметы декоративно-прикладного искусства) Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Титова, д. 30. Тел.: +7 (923) 380-84-77. Эл. адрес: saidabyrynay-68@mail.ru ORCID ID: 0000-0001-9653-8654

Bicheldei Ulyana Pavlovna, Doctor of religious studies (Ph.D), Head, Religious studies unit, Tuvan Institute for the Humanities and Applied Social and Economic Studies. Postal address: 4 Kochetov St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. Tel. +7 (394-22) 2-39-36. E-mail: opei-ool@yandex.ru

Dopay Anai-Khaak Mikhailovna, Category I Custodian, Department of Collections Storage and Control (religious and ritual objects), Aldan-Maadyr National Museum of the Republic of Tuva. Postal address: 30 Titov St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (923) 549-98-46. E-mail: dopay2017@mail.ru

Byrynay Saida Lopsanovna, Category I Custodian, Department of Collections Storage and Control (decorative and applied arts), Aldan-Maadyr National Museum of the Republic of Tuva. Postal address: 30 Titov St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (923) 380-84-77. E-mail: saidabyrynay-68@mail.ru

A collection of shaman tambourines from the National Museum of the Republic of Tuva

Ulyana P. Bicheldey

Tuvan Institute for Humanities and Applied Socioeconomic Studies, Russian Federation,

Anai-Khaak M. Dopay, Saida L. Byrynnai

Aldan-Maadyr National Museum, Republic of Tuva, Russian Federation

This article is an attempt to bring together data relating to the shaman's tambourine and its features, based on the materials of the shaman collection in the National Museum of the Republic of Tuva. The collection holds more than 500 objects of shamanic ritual, including 14 tambourines and a number of beaters, which always come together with the former. Each of the tambourines once was property of a shaman. The article also looks at the issues of collecting, acquiring and preserving tambourines, relying on the acquisition and storage books. It is also accompanied by photos of the tambourines in the museum's permanent collection.

The museum's tambourine collection began in the middle of the 20th century, with the earliest piece arriving, allegedly, in 1951. The article provides detailed metadata on a number of tambourines, including their provenance, dating, maker, material, current state and inventory number, among other parameters.

The authors have discovered that tambourines differ by the way they are made and decorated with various accoutrements. It has also been proved that tambourines made in western Tuva differ from their counterparts in the east of the region, the major difference lying in the use of skins of various animals, composition of the tambourine's wooden frame, the symbolism of the handle, the number of cavities in the rim, and the use of additional elements inside the tambourine.

The composition and structure of the collection make it one of the best among its competitors, since almost all of the ritual attributes of Tuva shamans are features on it. At present, the collection is being expanded to include objects of used by neo-shamans.

Keywords: *National Museum of the Republic of Tyva; shaman collection; tambourine; Shamanism; shaman's tambourine; Shamanism in Tuva*

For citation:

Bicheldey U. P., Dopay A.-Kh. M. and Byrynnai S. L. A collection of shaman tambourines from the National Museum of the Republic of Tuva. *The New Research of Tuva*. 2019, № 2 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/853> (access date ...). DOI: 10.25178/nit.2019.2.15

Введение

Одним из феноменов духовного и материального наследия тувинского народа является шаманизм, изучение которого на сегодня является актуальным как в общих вопросах (религиозные воззрения, социокультурные функции и пр.) (Потанин, 1883; Элиаде, 2015; Федоров, 2005; Потапов, 1969), так и в частных. К числу последних можно отнести исследования предметов шаманского культа, самым узнаваемым из которых является бубен. Он играл первостепенную роль в шаманских церемониях и является важной ритуальной принадлежностью шамана. У тувинских шаманов, по утверждению М. Б. Кенин-Лопсана, бубен служил одновременно «конем» и «щитом» во время его путешествий по разным мирам (Кенин-Лопсан, 1987: 51–55). Также шаманский бубен имели право носить только «сильные» шаманы (Кенин-Лопсан, 2009: 137). Вместе с возрастанием жреческого дара или особой силы, шаман, по внушению духа-предка, начинал просьбу у своих сородичей, дать ему колотушку (*орба*) и бубен (*дүңгүр*). У тувинских шаманов бытовала традиция, имеющая отношение к бубну и шаманскому жезлу (*даяк*), который, на наш взгляд, доказывает неразрывную связь бубна и жезла. Если шаман получал даяк осенью, то бубен ему делали либо зимой в середине февраля, либо весной к середине мая (Вайнштейн, 1961: 177).

Национальный музей им. Алдан-Маадыр Республики Тыва имеет значительную коллекцию предметов шаманского культа — более 500 единиц хранения. При этом это одна из самых ценных и востребованных этнографических коллекций тувинского музея. Ее состав в полной мере отражает культовую атрибутику тувинского шаманизма, начиная с одежды шамана (*тон* — плащ, *бөрт* — головной убор), основных его атрибутов (*даяк* — жезл, *күзүнгү* — зеркало, хомус и т. д.), и заканчивая разновидностями многочисленных духов-помощников шамана (*ээрэн*), а также семейными охранителями-оберегами (*эмгелчин*).

Шаманских бубнов (*дүңгүр*) в музее насчитывается 14 экз. Все они принадлежали тувинским шаманам разных периодов. Имеются также и колотушки (орба), которые являются неизменными спутниками шаманского бубна. Тувинские шаманы использовали орба в двух целях: 1) для ударов о бубен, чтобы извлечь из него звук; 2) для проведения гадания с целью предсказания судьбы человека (Кенин-Лопсан, 2009: 137–144). Этот обряд шаманы называли *төлге каары* — гадание при помощи шаманской колотушки, которым, обычно, завершалось шаманское действие. Орба заслуживает отдельного внимания исследователей, поскольку имеет собственную, не менее интересную символику.

Настоящая статья представляет собой попытку свести воедино данные, касающиеся одного из главных атрибутов шаманской мистерики — бубна и его особенностей, опираясь на материалы шаманской коллекции фондов Национального музея Республики Тыва.

При подготовке данной статьи авторы, прежде всего, опирались на исследования известного этнографа, доктора исторических наук, ветерана Национального музея Республики Тыва М. Б. Кенин-Лопсана, который всю свою музееведческую деятельность занимался систематическим описанием и анализом тувинского шаманства (Кенин-Лопсан, 1987, 2009). Особую ценность для исследователей шаманизма представляют его выводы, сделанные в отношении исторических и культурных аспектов тувинского шаманизма. Работая в Национальном музее Республики Тыва с 1966 г. по настоящее время, он много времени уделил также комплектации шаманских предметов.

Необходимо также отметить большой вклад в работу по научной инвентаризации и атрибуции шаманской коллекции, в том числе и бубнов, внесенный сотрудниками музея — Л. М. Салчак, У. Б. Нурзат и А. В. Дамба. Научные изыскания и фактический музейный материал, собранный М. Б. Кенин-Лопсаном и указанными научными сотрудниками музея, легли в основу этой работы.

Из истории изучения шаманских бубнов

Первые материалы о тувинском шаманизме содержатся в работе востоковеда П. А. Чихачева, издавшего в 1845 г. фундаментальный труд «Путешествие в восточный Алтай», в котором он утверждал, что тувинское шаманство идентично с алтайским (Chikhachev, 1845; Чихачев, 1974: 172).

Атрибутам тувинских шаманов уделил внимание Г. Н. Потанин в «Очерках в Северо-Западной Монголии» (Потанин, 1883: 7–10). О тувинском шаманском бубне и колотушке оставил свои наблюдения известный хакасский исследователь Н. Ф. Катанов, посетивший Урянхайский край (Туву) в начале XX в. (Катанов, 1893: 114).

Наиболее глубокое исследование тувинского шаманизма осуществил М. Б. Кенин-Лопсан. В 1987 г. на основе его кандидатской диссертации впервые была издана монографическая работа, посвященная тувинскому шаманизму (Кенин-Лопсан, 1987).

М. Б. Кенин-Лопсан выделил два этапа как в развитии, так и научном изучении шаманизма Тувы. Первый этап изучения тувинского шаманизма, по его мнению, определяется работами Е. К. Яковлева (Яковлев, 1900: 87–122), Ф. Я. Кона (Кон, 1934), Г. Е. Грумма-Гржимайло (Грумм-Гржимайло, 1926: 119–183). Второй этап изучения тувинского шаманства и его атрибутики обозначился именами таких известных советских ученых, как С. И. Вайнштейн (Вайнштейн, 1961), В. П. Дьяконова (Дьяконова, 1977), Л. П. Потапов (Потапов, 1960), Н. А. Алексеев (Алексеев, 1980).

Свои работы тувинскому шаманизму посвятили и зарубежные исследователи. Венгерский ученый В. Диосеги изучал как внутриэтнические различия, так и межэтническую аналогию тувинского шаманизма (Dioszegi, 1962). Шаманизм у тувинцев сумона Сэнгэл Баян-Ульгийского аймака Монголии исследовала немецкий монголовед Э. Таубе (Taube, 1981: 33).

Описание коллекции бубнов

Коллекция шаманских бубнов с колотушками, которая хранится сегодня в Национальном музее Тувы, как сама по себе, так и в части истории своего формирования — представляет собой интереснейшую источниковую базу для исследования особенностей этих предметов шаманского культа.

Сбором шаманских бубнов в музее начали заниматься с середины XX в.

14 шаманских бубнов с колотушками зафиксированы в книгах поступлений (КП) под №№ 1, 3, 9, 17, 19, 20 и 21 основного фонда.

Представим некоторые из них.

Первый шаманский бубен в фонды музея поступил, предположительно, в 1951 г. (*фото 1*).

Он представляет для музея большую ценность, потому что был доставлен из Тоджи известным ученым-этнографом С. И. Вайнштейном во время его научной экспедиции. Но, к сожалению, нет достоверной информации, кому из тоджинских шаманов он принадлежал.

Бубен сделан из кожи крупного рогатого скота, стянутой у основания обечайки (*өзээ*) или обода (*куржаг*). Обод представляет собой основу бубна, и состоит из деревянного кольца, на который натягивается шелковой нитью кожа. Вокруг обода бубна имеются 18 резонаторов (*хөөн дынзыдыкчызы*). Рукоятка бубна украшена геометрическим орнаментом. На него подвешены конусообразные латунные подвески. Инвентарный № 1130, размеры — 73×18 см., акт приемки отсутствует.

Следующий бубен (*фото 2*) изготовлен из белой, неокрашенной кожи, вероятнее всего, домашнего козла, натянутой на деревянный обод. Рукоять округлая, с барельефными фигурами змеи и шамана. На внутренней части обода имеются две скобы, к которым прикреплены железные свирельки. К рукояти бубна привязаны шелковые тэнгрианского синего цвета хадаки. На бубне имеется большой ритуальный разрез. Инвентарный № 1537; размеры — 57×17 см., год поступления, предположительно, 1950-е гг., акт приемки отсутствует.

В 1963 г. С. И. Вайнштейн в очередной раз побывал с экспедицией на озере Тере-Холь, где он проводил раскопки на развалинах уйгурской крепости Пор-Бажын. В это время ему удалось встретиться с местным знаменитым шаманом Сояном Шончуром и получить для музея его бубен (*фото 3*).

Бубен шамана Шончура отличается тем, что он изготовлен из кожи марала и на лицевой части его кожного покрытия нарисован своеобразный рисунок, выполненный оранжевой охрой. Аналогов подобного бубна в фондах музея не имеется. Рисунок представляет собой схематическое изображение верхнего и нижнего миров, напоминает древние наскальные рисунки, относящиеся к самому началу нашей эры. В верхнем мире изображены девятиярусное небо — Тос Дээр, в нижнем — марал и 2 хвойных дерева, вероятнее всего, красные лиственницы. Инвентарный № 112, размеры — 70×17 см.

Следующий шаманский бубен был доставлен из западной Тувы. Он сделан из кожи домашнего козла, натянутой на деревянный обод. На верхней части рукояти — резные изображения духа-покровителя и духа-предка шамана. Инвентарный номер отсутствует, размеры — 68×16 см., акт приемки от 1960 г.

Следующий шаманский бубен (*фото 4*) с колотушкой принадлежит шаману С. С. Дугеру из с. Кунгуртут Тере-Хольского кожууна. Бубен изготовлен из кожи домашнего козла, натянутой на деревянный обод (*куржаг*). Он отличается от других бубнов 9 резонаторами. Необходимо подчеркнуть, что число резонаторов на бубне наделяется магическим смыслом с многочисленными толкованиями. Рукоять бубна состоит из крестообразных деревянных палок с *чалама* и двумя жгутами — символами шаманских змей. Инвентарный № 5105, размеры — 69×16 см., акт приемки от 1970 г.

В 1983 г. у Лазо Монгуша, уроженца села Хорум-Даг Дзун-Хемчикского кожууна, музеем был закуплен шаманский бубен с колотушкой (*фото 5*). Бубен сделан из кожи домашнего козла с дополнительной отделкой из овечьей шкуры, что отличает его от других бубнов, в которых часто используется шкура только одного животного. Остов бубна состоит из двух алюминиевых обручей. На рукояти бубна прикреплено изображение фигуры шамана, вырезанной из картонной бумаги. По краям бубна пришиты кисточки с вдетыми бусинками красного цвета и игральными костями, также имеются металлические колокольчики. Инвентарный № 8338, размеры — 67×14,5 см., акт приемки от 01.08.1983 г.

Следующие поступления в шаманское собрание музея отмечены уже началом XXI века.

В 2003 г. фонды музея пополнились сразу двумя шаманскими культовыми коллекциями, которые были сданы родственниками умерших шаманов.

Одна из коллекций принадлежала целителю-костоправу О. П. Тойдуку, уроженцу села Кызыл-Даг Чаа-Хольского кожууна.

На деревянный обод бубна жильными нитями натянута шкура домашней козы (*фото 6*). Рукоять состоит из двух крестообразных деревянных жердочек с колокольчиками и *чалама* (ленточки). По краю околыша бубна имеются 12 выступов, символизирующих 12 годов летоисчисления. От других шаманских коллекций музея данный бубен отличается своим внушительным размером и сильными резонаторами. На бубне ритуальный разрез отсутствует. Инвентарный № 10718/1, размеры — 74×10 см., акт приемки от 18.08.2003 г.

Следующий бубен О. П. Тойдука (*фото 7*) состоит из деревянной обечайки с 9-ю резонаторами. Обтянут кожей домашнего козла, предположительно белого цвета, на некоторых местах обечайки сохранились шерстинки белой окраски. Кожа у основания обечайки стянута толстой шелковой нитью.

Фото 1-6: 1 — Бубен, доставленный С. И. Вайнштейном из Тоджи, прим. в 1951 г. Фото А. Д. Куулар, 2019 г.;
 2 — Бубен неизвестного шамана, поступил прим. в 1950-е гг. Фото А. Д. Куулар, 2019 г.; 3 — Бубен Соян Шончура, поступил в
 1963 г. Фото С. М. Еловикова, 2015 г.; 4 — Бубен С. С. Дугера, доставленный из западных районов в 1970 г. Фото А. Д. Куулар,
 2019 г.; 5 — Бубен шамана Л. Д. Монгуш, поступил в 1983 г. Фото А. Д. Куулар, 2019 г.;
 6 — Бубен 1 О. Тойдука. Фото А. Д. Куулар, 2019 г.

Photo 1-6: 1. The tambourine brought by S. I. Vainshtein from Toja, acq. 1951. Photo by A. D. Kuular, 2019;
 2. The tambourine of an unknown shaman, acq. c. 1950s. Photo by A. D. Kuular, 2019;
 3. Soyán Shonchur's tambourine, acq. 1963. Photo by S. M. Elovikov, 2015;
 4. S. S. Duger's tambourine, brought from the western rayons of Tuva in 1970. Photo by A. D. Kuular, 2019;
 5. The tambourine of shaman L.D. Mongush, acq. 1983. Photo by A. D. Kuular, 2019;
 6. БО. Toyduk's tambourine 1. Photo by A. D. Kuular, 2019.

Фото 7-9: 7 — Бубен 2 О. Тойдука. Фото А. С. Хертек, 2017 г.; 8 — Бубен, вывезенный из Тувы в 1929 г. О. Мэнхен-Хельфеном. Фото А. Д. Куулар, 2019 г.; 9 — Бубен с колотушкой А.-Ч. Ш. Оюн. Фото С. М. Еловикова, 2016 г.
 Photo 7-9: 7. O. Toyduk's tambourine 2. Photo by A. S. Khertek, 2017;
 8. The tambourine which Otto Männchen-Helfen brought from Tuva in 1929. Photo by A. D. Kuular, 2019;
 9. A-Ch. Sh. Oyun's tambourine and beater. Photo by S.M. Elovikov, 2016.

Резонаторы бубна прикреплены к ободу поперечно через равные расстояния, каждый резонатор имеет три выступа. Лицевая часть бубна без рисунков, на ней появились трещинки, возможно, от того, что бубен не используется уже длительное время. Также во внутренней части бубна, имеются 2 деревянные крестообразные перекладки, вставленные в пазы друг друга, посередине их соединения забит гвоздик. Одна из перекладин (вертикальная) служит рукоятью. К ней привязаны 3 ленты (одна под другой):

- шелковый кадак белого цвета с бахромой на концах;
- отрез прямоугольного шелкового лоскута с вышивкой из блестящих желтых ниток цветочного узора, сделанной на швейной машинке;
- отрез шелкового двустороннего прямоугольного лоскута ткани, с вышитым контрастными нитками цветочным узором (с одной стороны — зеленый фон с вышивкой желтыми нитками, с другой стороны — желтый фон с зеленой вышивкой).

На расстоянии 13,5 см. от верха второй поперечной (горизонтальной) перекладки, являющейся нижней частью, прикреплена рукоять бубна. На бубне ритуальный разрез отсутствует. Инвентарный № 10718/3, размеры — 45×12,5 см.

Среди 10 предметов, принадлежащих умершему шаману М. С. Куулару, также имеются бубен с колотушкой. Бубен М. С. Куулара обтянут шкурой домашнего козла и закреплен к нижнему краю обечайки стежками. Внутренняя часть представлена крестообразными деревянными перекладинами разной

ширины. На узкой перекладине привязаны разноцветные *чалама*, медный колокольчик, вероятно, подаренные духу бубна, с целью его умилоствления.

На верхней части широкой перекладины вырезан некий лик, символизирующий камлающего шамана, явно находящегося в разъяренном состоянии. Инвентарный № 10693, размер — 58,8×13,2 см.; акт приемки от 26.03.2003 г.

Следующий бубен имеет интересную историю. В 1929 г. он был подарен известному этнографу и писателю О. Мэнхен-Хельфену в знак благодарности за его искренний интерес к культуре народа молодого тувинского государства (*фото 8*). Завершив свое путешествие по Туве, путешественник взял этот бубен в Австрию. Когда семья Мэнхена-Хельфена эмигрировала из Европы, бубен вместе с ними оказался в США (Оюн, 2006: Электр. ресурс). Спустя почти 80 лет он снова оказался в Туве. Его привезли тувинские музыканты этноансамбля «Алаш». Об этом бубне упоминает Анна — вдова О. Мэнхен-Хельфена в предисловии английского перевода книги «Reise ins Asiatische Tuwa» («Путешествие в азиатскую Туву»), изданной в 1931 г. в Берлине по итогам его путешествия в ТНР. К сожалению, информация о том, кому из шаманов принадлежал этот бубен, не сохранилась.

На обод этого бубна жильными нитями натянута шкура животного. Лицевая часть бубна имеет два ритуальных разреза. На деревянной рукояти вырезаны фигуры змейки и человека. Инвентарный № 11306, размеры — 63×15 см., акт приемки от 03.03.2009 г.

В 2011 г. в фонды музея поступил шаманский бубен с колотушкой, принадлежащие молодому шаману Б. А. Сояну. По словам Буяна Адавасовича, бубен был изготовлен Константином Ажы, мастером шаманских предметов. Бубен из неокрашенной шкуры, с девятью выступами по краям. Рукоять деревянная, резная. К ней привязаны *чалама*, *ээрен* в виде духа стихии, пять когтей медведя, клыки волка, ракушки, колокольчики и бусы. Особенностью данного бубна является наличие в нем бронзовой буддийской ваджры. Инвентарный № 11384, размеры 52×10 см., акт приемки от 13.05.2011 г.

Наиболее многочисленную коллекцию в количестве 135 единиц составляют шаманские атрибуты известной в Туве, России и европейских странах шаманки Ай-Чурек Оюн. Они поступили в фонды тувинского музея после ее смерти, в 2016 г.

На деревянном остове бубна (*фото 9*) кожаными нитями (*сиур*) гладко перетянута шкура животного. Рукоять бубна сделана из сплетенных кожаных веревок (*баг*) с разноцветными жгутами — символами змей. Инвентарный № 12056/1, размеры: 48×6 см., акт приемки от 23.10.2017 г.

В фондах Национального музея имеются два бубна, принадлежащие М. Б. Кенин-Лопсану. Помимо того, что он является видным ученым этнографом, он также известен как практикующий шаман, перенявший свой дар по наследству от матери. Следует отметить, что, возможно, второй бубен не принадлежал М. Б. Кенин-Лопсану. Его дочь, А. М. Кенин-Лопсан при сдаче предметов указала, что первый бубен принадлежит ее отцу и ничего не сказала про второй.

У первого бубна шамана М. Кенин-Лопсана (*фото 10*) остов состоит из деревянных планок круглой формы, на которую натянута кожа. По краям остова нанесен S-образный узор, а по бокам с четырех сторон имеются рисунки в виде кругов. Рукоять бубна состоит из поперечной алюминиевой трубки и вырезанной из дерева фигуры человека, укрепленной горизонтально. Поперек рукояти прикреплены 5 железных свирелей и жгутики, из разноцветных нитей. Инвентарный № 11972/1, размеры — 56×12 см.

Фото 10. Бубен М. Б. Кенин-Лопсана. Фото А. Д. Куулар, 2019 г.

Photo 10. M. B. Kenin-Lopsan's tambourine.

Photo by A. D. Kuular, 2019.

Второй бубен изготовлен из кожи, по внешним краям выступают девять наростов, символизирующих 9 небес. Рукоять этого бубна также, как и бубен шаманки А.-Ч. Оюн, сделана из кожаных ремешков, соединенных сложным плетением (*каздын*). Инвентарный №11972/1, размеры — 51×9 см., акт приемки датируется 10.04.2017 г.

Особенности бубнов тувинских шаманов

Л. П. Потапов при классификации бубнов тувинских шаманов по форме их рукоятки, ссылаясь на Г. Н. Потанина (Потанин, 1883: 41), относил их к алтае-саянскому типу, имеющему две перекладины с внутренней стороны: вертикальную и горизонтальную (Потанин, 1883: 41). Также, бубны тувинских шаманов он подразделил на западные и восточные (Потапов, 1969: 351).

Это же отметила и Е. Д. Прокофьева. Она писала: «особенно отличались бубны восточных и западных тувинцев по устройству рукоятки. У восточных тувинцев рукоять бубна представляла собой плоскую, обязательно березовую пластину, украшенную прорезями и орнаментом и выточенную в средней части (для держания рукой). На верхнем конце рукояти иногда вырезали изображения шамана; ниже прикрепляли скобу с длинными лентами — чалама, из тряпок» (Прокофьева, 1961: 455).

Обследование имеющихся в распоряжении музея бубнов показало нам, что они действительно имеют различия и эти различия позволяют их разделять на «западные» и «восточные». Основываясь на сведениях Л. П. Потапова и Е. Д. Прокофьевой, эти различия мы увидели по оформлению рукоятей шаманских бубнов и их обечаяк.

По данным Л. П. Потапова, у западных тувинцев из Хемчика на деревянной рукоятке бубна обычно вырезали рельефные изображения горного козла (*те*), шкурой которого был обтянут бубен, и всадника верхом на горном козле. В нижней части рукоятки часто вырезали змею. Кожа покрывала только наружную сторону обода, а с другой стороны полость бубна оставалась свободной. Здесь помещались рукоять с перекладиной и подвески (Потапов, 1966: 51).

Е. Д. Прокофьева отмечает, что «в западных районах бубен обтягивали кожей горного козла, в восточных — кожей дикого оленя, а чаще самки марала» (Прокофьева, 1961: 455).

Остов бубна также занимает внимание исследователей. Он состоит исключительно из дерева. Бубны, у которых остов был бы сооружен из другого материала (например, пластик, металл и т. д.), не встречаются. По нашим наблюдениям, в Туве почти повсеместно остов шаманского бубна изготавливают из лиственницы.

По информации Л. П. Потапова, тувинцы-тоджинцы на деревянный остов бубна натягивали кожу лося или марала. У северо-западных тувинцев, как это было установлено нами, бубен обычно обтягивался кожей дикого горного козла. Таким образом, материалы, из которых изготавливалась обечайка шаманского бубна, в разных районах Тувы иногда различались между собой с учетом символики тех животных, к коим шаманы поклонялись, воспринимая их в качестве тотемного животного своего рода.

Необходимо также отметить, что на обечайках у большинства бубнов, хранящихся в музее, имеются большие надрезы. Согласно традиции, после смерти хозяина бубна совершается специальный обряд прекращения звучания бубна.

Что касается гендерных отличий шаманских бубнов, то они не различаются на мужские и женские, в основе своей они все одинаковые.

Заключение

В результате изучения коллекции бубнов тувинских шаманов можно констатировать следующее. Наблюдения исследователей, сделанные ранее, позволяют составить мнение, что бубны тувинских шаманов четко различаются на западные и восточные. И эта традиция продолжает сохраняться и по настоящее время. Главные различия бубнов шаманов западной и восточной частей Тувы в следующем: используемые шкуры животных; состав деревянного остова бубна; наличие определенной смысловой нагрузки как в символике рукояти, так и в количестве резонаторов на ободе; особенность дополнительных атрибутов во внутренней части бубна.

Сам состав коллекции, ее характеристики, позволяют заключить, что она является одной из наиболее укомплектованных, представляющей практически всю культовую атрибутику тувинских ша-

манов. Важной особенностью этой коллекции, на наш взгляд, является то, что в силу бытования и функционирования практики шаманизма на территории Тувы в современное время, она продолжает дополняться новыми материалами, в особенности, атрибутикой неошаманов.

Что касается вопросов экспонирования шаманских бубнов с колотушками, то они вместе с другими атрибутами шаманской коллекции представлены в постоянной экспозиции, размещенной в зале № 5 Национального музея. Помимо этого, она периодически выезжает в другие города и регионы России, а также в зарубежные страны, с целью участия в различных выставках. Так, шаманская коллекция тувинского музея с 1997 по 1999 гг. была показана на выставке «Шаманизм тюркоязычных народов Центральной Азии», которая в течение трех лет экспонировалась в таких европейских странах, как Бельгия, Австрия, Германия. По результатам этих экспозиций был издан каталог выставки на английском и немецком языках.

Тем не менее, степень изученности шаманской коллекции на сегодня недостаточна, и в этом направлении исследователям-шамановедам, религиоведам, культурологам и др. предстоит осуществить еще много работы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев, Н. А. (1980) Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние. 317 с.
- Вайнштейн, С. И. (1961) Тувинцы-тоджинцы: Историко-этнографический очерк. М.: Издательство Восточной Литературы. 218 с.
- Грумм-Гржимайло, Г. Е. (1926) Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 3. Вып. 1. Л.: Типография Главного Ботанического Сада. 414 с.
- Дьяконова, В. П. (1977) Религиозные культы тувинцев // Сборник Музея антропологии и этнографии. Памятники культуры народов Сибири и Севера (вторая половина XIX — начало XX в). Т. XXXIII. / отв. ред. И. С. Вдовин Л. : Наука. 232 с. С. 172–216.
- Катанов, Н. Ф. (1893) Письма из Сибири и Восточного Туркестана / Зап. имп. Акад. Наук. СПб.: Записки Императорской Академии наук. Т. XXIII. Т. 53, № 8. 114 с.
- Кенин-Лопсан, М. Б. (1987) Обрядовая практика и фольклор тувинского шаманства. Конец XIX — начало XX в. Новосибирск.: Наука. 168 с.
- Кенин-Лопсан, М. Б. (2009) Тувинские шаманы. М.: ООО ИПЦ «Маска». 325 с.
- Кон, Ф. Я. (1934) За пятьдесят лет : Собрание сочинений : в 3 т. М. : [Изд-во Всес. о-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев]. Т. 3: Экспедиция в Сойотию. 293 с.
- Прокофьева, Е. Д. (1961) Шаманские бубны // Историко-этнографический атлас Сибири / под общ. ред. М. Г. Левина, Л. П. Потапова. М.: Изд-во Академия наук СССР. 499 с. С. 455.
- Потанин, Г. Н. (1883) Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1879 г. Материалы этнографические с 26-ю таблицами, рисунками. Вып. IV. СПб. : Типография В. Киришбаума. 1054 с.
- Потапов, Л. П. (1966) Очерки этнографии тувинцев бассейна левобережья Хемчика // Труды тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции 1959–1960: Материалы по этнографии и археологии районов бассейна р. Хемчика / отв. ред. Л. П. Потапов. М. ; Л. : Наука. Т. II. 364 с. С. 3–13.
- Потапов, Л. П. (1969) Очерки народного быта тувинцев. М.: Наука. 402 с.
- Федоров, В. Н. (2005) Тайны вуду и шаманизма. М.: Вече. 480 с.
- Чихачев, П. А. (1974) Путешествие в Восточный Алтай. М.: Наука. 360 с.
- Яковлев, Е. К. (1900) Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея. Минусинск: Тип. В. И. Корнакова. 357 с.
- Элиаде, М. (2015) Шаманизм. Архаические техники экстаза. М. : Науч.-изд. центр «Ладомир». 553 с.
- Оюн, Д. И. (2006) Древний шаманский бубен вернулся на родину [Электронный ресурс] // ИА «Туваонлайн». 2 мая. URL: <https://www.tuvaonline.ru/2006/05/02/buben.html> (дата обращения: 21.02.2019).
- Chikhachev, P. A. (1845) Voyage scientifique dans l'Altaï oriental et les parties adjacentes de la frontière de Chine: fait par ordre de S. M. l'empereur de Russie. Paris : Gide. 466 p.
- Dioszegi, V. (1962) Tuva Shamanism-Intraethnic Differences and Analogies and interethnic Analogies // Acta Ethnographica Academiae Scientiarum Hungaricae. Vol. XI. P. 143–190.
- Taube, E. (1981) Notizen zum Shamanismus bei den Tuwinern des Gengelsum // Jahrbuch des Museums fur Volkerkunde zu Leipzig. Band XXXIII. Berlin : Akademie-Verlag. 216 p. P. 43–69.

Дата поступления: 01.03.2019 г.

REFERENCES

- Alekseev, N. A. (1980) *Rannie formy religii tiurkoiazыchnykh narodov Sibiri [Early forms of religion among the Turkic-speaking peoples of Siberia]*. Novosibirsk, Nauka. Sib. otd.-nie. 317 p. (In Russ.).
- Vainshtein, S. I. (1961) *Tuvintsy-todzhintsy. Istoriko-etnograficheskie ocherki [Tozhu tuvans: historical and ethnographic essays]*. Moscow, Nauka. 218 p. (In Russ.).
- Grumm-Grzhimailo, G. E. (1926) *Zapadnaia Mongoliia i Uriankhaiskii krai. [Western Mongolia and Uryankhai krai]*. Vol. 3. Issue 1. Leningrad, Tipografiia Glavnogo Botanicheskogo Sada. 414 p. (In Russ.).
- D'iakonova, V. P. (1977) Religioznye kul'ty tuvintsev [Religious cults of Tuvans]. In: *Pamiatniki kul'tury narodov Sibiri i Severa (vtoraia polovina XIX – nachalo XX v.) [Monuments of culture of the peoples of Siberia and the North (second half of the 19th – early 20th century)]*. Vol. XXXIII / ed. by I. S. Vdovin. Leningrad, Nauka. 232 p. Pp. 172–216. (In Russ.).
- Katanov, N. F. (1893) *Pis'ma iz Sibiri i Vostochnogo Turkestana [Letters from Siberia and East Turkestan]* / Zap. imp. Akad. Nauk. St. Petersburg, Zapiski Imperatorskoi Akademii nauk. Vol. XXIII. Vol. 53, no. 8. 114 p. (In Russ.).
- Kenin-Lopsan, M. B. (1987) *Obriadovaia praktika i fol'klor tuvinskogo shamanstva. Konets XIX – nachalo XX v [Ritual practice and folklore of Tuva shamanism in the late 19th – early 20th century]*. Novosibirsk, Nauka. 168 p. (In Russ.).
- Kenin-Lopsan, M. B. (2009) *Tuvinskie shamany [Tuva shamans]*. Moscow, OOO IPTs «Maska». 325 p. (In Russ.).
- Kon, F. Ia. (1934) *Za piat' desiat let : Sobranie sochinenii [Fifty years : a Collection of essays]*: in 3 vol. Moscow, Izd-vo Vses. o-va politkatorzhan i ssyl'no-poselentsev. Vol. 3: *Ekspeditsiia v Soiotiiu [An expedition to Soiotia]*. 293 p. (In Russ.).
- Prokof'eva, E. D. (1961) Shamanskii bubny [Shaman tambourines]. In: *Istoriko-etnograficheskii atlas Sibiri [A historical and ethnographic atlas of Siberia]*. Ed. by M. G. Levin and L. P. Potapov. Moscow, Izd-vo Akademii nauk SSSR. 499 p. P. 445. (In Russ.).
- Potantin, G. N. (1883) *Ocherki Severo-Zapadnoi Mongolii. Rezul'taty puteshestviia, ispolnennogo v 1879 g. Materialy etnograficheskie s 26-iu tablitsami, risunkami. Vyp. IV. [Essays on North-Western Mongolia. Outcomes of the journey completed in 1879. Ethnographic materials with 26 tables and figures. Issue IV]*. St. Petersburg, Tipografiia V. Kirshbauma. 1054 p. (In Russ.).
- Potapov, L. P. (1966) Ocherki etnografii tuvintsev basseina levoberezh'ia Khemchika [Essays on the ethnography of the Tuvans of the basin of the Khemchik (left bank)]. In: *Trudy tuvinskoi kompleksnoi arkhologo-etnograficheskoi ekspeditsii 1959–1960: materialy po etnografii i arkhologii raionov basseina r. Khemchika [Proceedings of Tuva complex archaeological-ethnographic expedition of 1959–1960: Materials on the ethnography and archaeology of the areas in the Khemchik river basin]* / Vol. II, ed. by L. P. Potapov. Moscow, Leningrad, Nauka. 364 p. 3–13 pp. (In Russ.).
- Potapov, L. P. (1969) *Ocherki narodnogo byta tuvintsev [Essays on the everyday life of Tuvans]*. Moscow, Nauka. 402 p. (In Russ.).
- Fedorov, V. N. (2005) *Tainy vudu i shamanizma [Secrets of voodoo and shamanism]*. Moscow, Veche. 480 p. (In Russ.).
- Chikhachev, P. A. (1974) *Puteshestvie v Vostochnyi Altai [A journey to the Eastern Altai]*. Moscow, Nauka. 360 p. (In Russ.).
- Iakovlev, E. K. (1900) *Etnograficheskii obzor inorodcheskogo naseleniia doliny Iuzhnogo Eniseia [An ethnographic review of the non-Russian population of the Southern Yenisei valley]*. Minusinsk, Tip. V. I. Kornakova. 357 p. (In Russ.).
- Eliade, M. (2015) *Shamanizm. Arkhaicheskie tekhniki ekstaza [Shamanism. Archaic Techniques of Ecstasy]*. Moscow, Ladomir. 553 p. (In Russ.).
- Oyun, D. I. (2006) Drevnii shamanskii buben vernulsia na rodinu [An old shaman tambourine returned to its homeland]. *IA Tuvaonline*, 2 May [online] Available at: <https://www.tuvaonline.ru/2006/05/02/buben.html> (access date: 21.02.2019). (In Russ.).
- Chikhachev, P. A. (1845) *Voyage scientifique dans l'Altai oriental et les parties adjacentes de la frontiere de Chine: fait par ordre de S. M. l'empereur de Russie*. Paris, Gide. 466 p. (In Fr.).
- Dioszegi, V. (1962) Tuva Shamanism – Intraethnic Differences and Analogies and interethnic Analogies. *Acta Ethnographica Academiae Scientiarum Hungaricae*, vol. XI, pp. 143–240. (In Russ.).
- Taube, E. (1981) Notizen zum Shamanismus bei den Tuwinern des Gengelsum. In: *Jahrbuch des Museums fur Volkerkunde zu Leipzig*. Band XXXIII. Berlin, Akademie-Verlag. 216 p. Pp. 43–69. (In Germ.).

Submission date: 01.03.2019.

DOI: 10.25178/nit.2019.2.14

Самый большой аппликационный буддийский свиток из фондов Национального музея Тувы

Ульяна П. Бичелдей

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Российская Федерация

Творчество тувинских мастеров в русле традиций буддийской иконографии ведет отсчет истории со второй половины XVIII в. Оно имеет свои локальные особенности, в отличие от методов монгольских художников. В фондах Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва хранятся три буддийских свитка (иконографические изображения на ткани), выполненных техникой аппликации. Среди них особо выделяется аппликационное иконографическое изображение буддийского божества достаточно большого размера. Она имеет значение и как ценный источник по религиозной культуре, и как священная реликвия региона. Статья вводит в научный оборот информацию о не изученных реликвиях, и вносит вклад в исследования храмового искусства Тувы.

Даны основные сведения о всех трех аппликационных свитках (время поступления, время создания, описание изображения), в том числе их фотографии. Самый большой свиток был сдан в хранилище музея в июне 1960 г. вместе с другими многочисленными предметами буддийского культа, после конфискации имущества молитвенных юрт местечка Кызыл-Чыраа Дзун-Хемчикского района. Описан оклад свитка, изображение трехликого божества белого цвета с четырьмя руками, облаченный в прекрасное одеяние. Предполагается, что это одна из ипостасей бодхисаттвы безграничного сострадания Авалокитешвары.

Сделан вывод, что данная аппликация, возможно, была изготовлена на территории Тувы усилиями местных мастеров с использованием китайского материала.

Ключевые слова: буддийская храмовая живопись; тханка; буддийская икона; буддийский свиток; аппликационная тханка; Национальный музей Тувы; Тува

Для цитирования:

Бичелдей У. П. Самый большой аппликационный буддийский свиток из фондов Национального музея Тувы [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2019, № 2. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/854> (дата обращения: дд.мм.гг.). DOI: 10.25178/nit.2019.2.14

Бичелдей Ульяна Павловна — доктор религиоведения (Ph.D), руководитель группы религиоведения Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 4. Тел.: +7 (394-22) 2-39-36. Эл. адрес: opei-ool@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0001-5588-9167

Bicheldey Ulyana Pavlovna, Doctor of religious studies (Ph.D), Head, Religious studies unit, Tuva Institute for the Humanities and Applied Social and Economic Studies. Postal address: 4 Kochetov St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (394-22) 2-39-36. E-mail: opei-ool@yandex.ru

The largest appliqué Buddhist scroll in the collections of the National Museum of the Republic of Tuva

Ulyana P. Bicheldey

Tuvan Institute for the Humanities and Applied Socioeconomic Studies, Russian Federation

Tuvan craftsmen had been following the traditions of Buddhist iconography since the latter half of the 18th century. Their work has its distinctive local features, setting it apart from the methods employed by their Mongolian counterparts. The Aldan-Maadyr National Museum of the Republic of Tuva has in its collections three Buddhist thangkas (iconographic compositions on textile) made in the technique of the appliqué. Among the three, one stands out – a large appliqué image of a Buddhist deity. It is significant both as a valuable source of information on religious culture of the region and as its sacred object. This article for the first time describes some of the understudied relics, also offering a contribution to the studies of Tuva's religious architecture.

Provided are the metadata on each of the three appliqué thangkas (acquisition date, time of creation, description of the imagery), accompanied by their photographs. The largest of the three thangkas were donated to the museum in June 1960, together with a number of other ritual objects confiscated from the prayer yurts of Kyzyl Chyraa in Dzun-Kemchik rayon. Also described is the piece of cloth encasing the appliqué. It features a three-faced deity with four arms clad in a beautiful garment – probably an avatar of bodhisattva Avalokiteśvara (Padmapani) of endless compassion.

The article concludes that appliqué could have been made by local craftsmen in Tuva, while the textiles must have come from China.

Keywords: *Buddhist religious decorative art; thangka; Buddhist icon; appliqué thangka; Buddhist scroll; National Museum of the Republic of Tuva; Tuva*

For citation:

Bicheldey U. P. The largest appliqué Buddhist scroll in the collections of the National Museum of the Republic of Tuva. *The New Research of Tuva*. 2019, № 2. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/854> (access date ...). DOI: 10.25178/nit.2019.2.14

Введение

Тува является одной из трех буддийских регионов Российской Федерации, население которой — тувинцы, — будучи тюркоязычным народом, традиционно исповедуют буддизм. Обосновавшись в регионе во второй половине XVIII в., претерпев сложные и драматические исторические события XX века, буддизм по настоящее время продолжает оставаться важнейшей основой духовной культуры тувинцев. За более чем 200-летнюю историю присутствия буддизма на территории Тувы, здесь в достаточной мере получил развитие один из видов религиозной творческой культуры — храмовая живопись.

Храмовое искусство в Туве, в целом, является малоизученной темой. Из числа исследователей этому направлению должное внимание уделила только Т. Б. Будегечиева (Будегечи, 1995, 2018). Исследуя историю храмовой живописи у тувинцев, она сделала вывод, что истоки изобразительности на территории Тувы, представленные в различных традиционных ремеслах, уходят в глубокую древность. Развиваясь с течением времени, они впитывали в себя тысячелетний эстетический опыт народа, весь его художественный генофонд (Будегечиева, 2018: 89). При этом она совершенно справедливо отмечает, что в этом направлении имеются вопросы, которые до сих пор остаются неизученными. Таким белым пятном, по ее мнению, в осмыслении изобразительного наследия тувинцев остается культовое искусство, в частности храмовая живопись (там же).

Помимо этого, ее работы представляют для исследователей ценность тем, что она впервые в истории исследования буддийского культового искусства Тувы представила информацию о тувинских мастерах по иконографии, храмовой оформительской работе и ремеслу. На основе изучения фрагментов буддийских сооружений, каменных и глиняных изваяний, рельефных и живописных изображений на скалах Тувы, Т. Б. Будегечиева сделала вывод о том, что в Туве подобные объекты буддийского культа более древних периодов создавались мастерами монгольских и китайских поселений.

В фондах Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва хранятся несколько буддийских свитков, выполненных техникой аппликации — посредством соединения разноцветных лоскутков шелка. Среди них особо выделяется аппликационное иконографическое изображение буддийского божества достаточно большого размера. Оно состоит из разноцветных лоскутков шелка и обшито в хлопчатобумажную ткань, служащего ему окладом. Высота шелковой аппликации с изображением божества — 2 м 22 см., ширина — 1 м 83 см. Высота всей картины с окладом составляет 4 м 35 см., ширина — 2 м 42 см.

Целью данной статьи является введение в научный оборот информации о хранящихся в музее свитках и представление самого большого из них — самого важного в коллекции главного музея Тувы. Он имеет значение и как ценный источник по религиозной культуре, и как священная реликвия региона.

Буддийские свитки: общая справка

Буддийские свитки (*тханки*) — вид особого храмового искусства, своеобразная буддийская икона, которой принято украшать святилища буддийской религии. В фондах тувинского музея хранятся свитки двух видов: рисованные на грунтованном куске полотна с тканевой основой и сшитые из лоскутков шелковой ткани.

В словаре буддийских терминов дается следующее толкование храмовой иконы, исполненной росписью: «*танка, тханка, кутханг* (тиб., букв. *свиток*) — в тибетском изобразительном искусстве — изображение, преимущественно религиозного содержания, выполненное клеевыми красками или отпечатанное на шелке или хлопчатобумажной ткани, предварительно загрунтованной смесью из мела и животного клея» (Буддизм ..., 1992: 236–237).

Если учесть, что буддизм проник в Туву из Монголии (Кузьмин, 2016: 24–31) вместе с другими видами храмового искусства, то и техника грунтовки полотна, вероятнее всего, была заимствована тувинцами, прежде всего, от монголов. Действительно, исследователи истории тувинского буддизма отмечают несколько этапов проникновения его на территорию Тувы (Монгуш, 2001). Более детальное знакомство тувинских племен с буддизмом принято относить к IX в. — ко времени господства уйгурских племен (Берзин, 1992: 16). В связи с этим, Т. Б. Будегечиева предполагает, что с этого времени, возможно, стали появляться здесь и предметы буддийского культа, которые, в дальнейшем, продолжали поступать до господства в ней монгольских Алтын-ханов, Джунгарии и в последующие периоды (Будегечиева, 2018: 89, 90).

По мнению Т. Б. Будегечиевой, определено о творчестве именно местного населения в русле традиций буддийской иконографии можно говорить начиная со второй половины XVIII в. — времени захвата Тувы маньчжуро-китайскими завоевателями, и до 30-х гг. XX столетия (там же: 90).

О технике изготовления тханки посредством нанесения рисунка из природных красок на грунтованное полотно подробно написано в книге монгольского искусствоведа Ням-Осорын Цултэма «Искусство Монголии» (Цултэм, 1984: 81). Автор подчеркивает, что в Монголии указанной техникой изготовления полотна, необходимой для написания красками картин на религиозные сюжеты, пользовались все живописцы. Н.-О. Цултэм писал, что после того, как работа над картиной завершалась, ее обрамляли в шелковое полотно. Цвет шелка, используемого для обрамления, должен был гармонировать с тоном картины. В верхний и нижний концы тханки вставляли круглые деревянные бруски — своеобразные штанги. За концы верхней штанги привязывали шнур, за который тханку подвешивали на стену храма. А нижняя штанга служила своего рода отвесом (там же: 97).

Описывая технику изготовления тханки тувинским мастером храмового иконотворчества (тув. *чуррукчу*) Даваа Ондаром из Сут-Хольского кожууна, Т. Б. Будегечиева, будучи очевидцем, наблюдавшим работу мастера во время творческого процесса, выявила некоторые локальные особенности подготовки тханки, отличающиеся от методик монгольских художников. Например, указанный мастер во время приготовления клея для пропитки тканевой основы картины пользовался порошком, добытым из рогов марала (там же: 92). Или, тувинские мастера для палитры использовали обычные плоские камни (там же: 94).

Несомненно, в каждом из буддийских регионов были выработаны собственные локальные особенности в технике и манере исполнения нарисованных красками свитков. Искусствоведы в данной области без труда распознают — в какой мастерской была изготовлен тот или другой свиток.

Одним из уникальных видов древнего буддийского искусства, наравне с нарисованными на грунтованном полотне картинами, является создание буддийских икон методом аппликации — *аппликационный свиток*. Подобная техника также принадлежит к храмовому искусству, а вернее, особому виду храмового ремесла, и широко применялась для изготовления изображений божеств разных размеров, использовавшихся во время религиозных празднеств (там же: 103).

Аппликационные свитки в фондах Национального музея Тувы

В фондах Национального музея Тувы хранятся три единицы хранения буддийских *свитков*, выполненных техникой аппликации.

В книге поступлений № 2 (дубликат 2) за порядковым номером 3677 от 21.07.1960 г. зафиксирован свиток с изображением Будды Шакьямуни. В графе о наименовании музейного предмета имеется запись: «*Бурган Башкы Туваан. Изображение вышитое цветной аппликацией*» (фото 1).

В книге поступлений № 1 под номером 1666 от 27.03. 1954 г. значится музейный предмет с наименованием: «*Занавеска хурэ с изображением человеческих голов окаймлена шелковыми нитками, обратная сторона — холст*» (фото 2).

Фото 1. Аппликационное изображение Будды Шакьямуни. Фото А. Д. Куулар, 2019 г.
Photo 1. An appliqué with Gautama Buddha. Photo A. D. Kuular, 2019.

Фото 2. Аппликационное изображение головы докшита. Фото А. Д. Куулар, 2019 г.
Photo 2. An appliqué with the head of a dharmapala. Photo by A.D. Kuular, 2019.

На этой аппликации изображена голова грозного докшита или дхармапалы, которые в буддийской мифологии представляют защитников учения и его последователей (Буддизм, 1992: 117, 121).

Еще один аппликационный свиток (фото 3) экспонируется в зале № 6, где развернута постоянная выставка буддийской коллекции под названием «Буддизм в Туве». В книгах поступлений музея информация об этом свитке не обнаружена.

Вероятнее всего, этот свиток, наряду с изображением Будды Шакьямуни, также была сдан в хранилище музея в июне 1960 г., вместе с другими многочисленными предметами буддийского культа, после конфискации имущества молитвенных юрт, располагавшихся в местечке Кызыл-Чыраа Дзун-Хемчикского района и функционировавших с 1946 по 1960 гг.

Окладом этого свитка служит коричневый плотный шелк очень хорошего качества. На нем вытканы восточный символ «узел счастья» (олчей удазыны), чередующийся с другим знаком, состоящим из двух пересеченных квадратных или ромбических фигур. Этот знак в качестве символа крепких семейно-брачных отношений до настоящего широко используется у монголов.

На иконе изображено трехликое божество белого цвета с четырьмя руками, облаченное в прекрасное одеяние. Изображение божества обрамлено двойным ореолом святости: первый — розового цвета (у трехликой головы божества), второй — ярко красного цвета (обрамляет все тело божества).

Изображенное на свитке божество имеет сложный головной убор. На верхней части прически, где, в соответствии с буддийской традицией должна быть ушниша¹, изображены три дополнительные лики красного цвета. Возможно, эти три головы, одновременно выполняют функцию своеобразного головного убора данного божества, символизирующего «три прибежища» или «три драгоценности» буддизма: Будду, его Учение и монашескую общину.

¹ Ушниша в буддизме — выпуклость на макушке головы, являющаяся символом достигнутого просветления. Согласно буддийскому канону, ушниша входит в число обязательных иконографических признаков буддизма (Буддизм, 1992: 255).

*Фото 3. Апликационное изображение Будды Амогхапаша. Фото А. Д. Куулар, 2019 г.
Photo 3. An appliqué with Amoghpaśha Buddha. Photo by A. D. Kuular, 2019.*

Кроме этого, божество имеет головное украшение — диадему в виде венца, которое служит символом королевского (царского, ханского) происхождения или достоинства. Иногда его определяют как знак избранности. Она состоит из семи видимых и двух невидимых зубцов, украшенных драгоценностями синего и красного цветов. Всего зубцов у диадемы — девять, следовательно, на каждый лик божества приходится по три зубца. Девять зубцов диадемы, вероятнее всего, символизируют девять уровней Учения буддизма.

Три лика божества выполнены в трех разных цветах. Главное его лицо белого цвета как и все его тело; правое — красного, обычно таковым изображался лик Будды Амитабхи, левое — синего, в традиционном цвете головы Ваджрапани в гневном аспекте. Каждое из трех ликов божества имеет по три глаза. Правому

и левому ликам божества придан грозный вид. Центральное лицо божества выражает спокойствие, на губах угадывается легкая улыбка, глаза излучают теплый, полный сострадания, безгранично милостивый взгляд. Правая нижняя рука с розовым лотосом, изображает распространенный жест «даяние», или по-тибетски «дарования высшего» (Терентьев, 2004: 56). Подобное расположение руки еще называют жестом «варада-мудры» (жест дарения блага) (Буддизм, 2010: 448). Правая верхняя рука изображает жест трех драгоценностей и сжимает один из самых значимых и распространенных символов — трезубец со штандартом. В левой нижней руке божества имеется атрибут, изображающийся в руках множества гневных божеств — веревку с крюком — петлю или аркан. На конце стилизованного аркана изображен китайский символ бесконечности — *инь* и *ян*. Левая верхняя рука божества изображает жест дарования безопасности, которую в тибетской иконографической традиции отождествляют с жестом дарования защиты (там же).

Божество изображено восседающим на белом полукруге, похожем на лунный диск. В связи с этим, вспоминается еще одна эманация Авалокитешвары — покровителя Тибета Ченрезик Чакчжипа, который в этой ипостаси всегда изображается сидящим на диске луны, поддерживающимся распустившимися лепестками лотоса (Буддизм, 2010: 448). Лепестки цветка чередуются: красный с оранжевым и синий с зеленым. Центральный или главный облик божества наделен набедренной повязкой коричневого цвета. С его плеч, обвивая руки, ниспадает шелковый шарф; в ушах — круглые серьги; на груди, на уровне пупка, у предплечья, на запястьях, а также на ногах — ожерелья и браслеты. Через левое плечо перекинута стилизованная шкура антилопы, а возможно и оленя.

Такого же типа украшения можно обнаружить на буддийских скульптурных и живописных изображениях выдающегося религиозного деятеля средневековой Монголии Дзанабадзара. Следовательно, можно сделать вывод, что данная аппликационная картина была изготовлена по правилам и опыту монгольских мастеров. Н.-О. Цултэм утверждает, что украшения божеств и бодхисатв, изготавливаемых монгольскими мастерами, часто повторяли монгольские узоры и орнамент (Цултэм, 1984: 82).

При оформлении общего фона аппликационной иконы автор работы, видимо, строго придерживался правил традиций буддийской живописи, подразделив картину на три части. В верхней расположил облака, небо, солнце и луну. На середине — горы, деревья, землю. Нижняя часть иконы украшена специальным китайским шелком сложной технологии. На нем изображены драконы — символы власти.

Лик божества, вероятнее всего, выполнено в соответствии с установленными в буддийской живописи правилами. Высота лица божества равна его ширине. Овал лица округлый и тем самым уподоблен полной луне.

Несмотря на близость к манере и стилю монгольских мастеров в изображении, тем не менее, мы наблюдаем здесь и особые нюансы. Например, форма носа описываемого божества отличается от формы носа монгольских изображений. Если монгольские мастера изображаемым божествам придавали прямую форму носа или с легкой горбинкой, то у данного божества форма носа укороченный, даже чуть вздернутый, т. е. уподоблен форме носа большинства коренных жителей центральной Тувы.

Остается раскрыть вопрос о конкретном персонаже, изображенном на этом свитке.

Судя по белому цвету тела, четырем рукам и множеству лиц, можно предположить, что на большой аппликации присутствует изображение одной из ипостасей бодхисаттвы безграничного сострадания Авалокитешвары (санскр. *Avalokitesvara*, тиб. *Ченрези*, *Ченрезиг* / *Chenrezig*) — иными словами, бодхисаттва семейства Падма (Буддизм, 2010: 448).

По причине того, что данная икона является единственной аппликационной храмовой картиной большого объема, имеющейся на территории Тувы, она представляет собой большую ценность как часть культурного наследия республики. Об этом свидетельствует тот факт, что во время одного массового религиозного мероприятия, проводившегося в августе 2005 г. в г. один из высших иерархов традиции Гелугпа Богдо-геген IX Халха Джецуна Дамба Ринпоче обратил внимание на эту икону и дал высокую оценку ее изготовлению.

В настоящее время руководство Национального музея Тувы ведет работу по подготовке к изданию каталога буддийских предметов и изображений божеств, хранящихся в его фондах. В осуществлении этой работы музеем оказывает помощь старший научный сотрудник отдела Востока Государственного Эрмитажа, хранитель монгольской, тибетской и хотанской коллекции, кандидат исторических наук Ю. И. Елихина. Как эксперт в области буддийского искусства, изображение божества, запечатленное

на вышеописанном большом свитке тувинского музея, Ю. И. Елихина определила как Авалокитешвару Амогхапашу. Другие названия бодхисаттвы сострадания: Амогхапаша Локешвара или Падмани Локешвара.

Амогхапаша Локешвара или «Господь мира Благой Аркан» является эманацией Авалокитешвары. Он обычно изображается также бодхисаттвой с телом белого цвета, правый лик красный, левый — синий, имеет четыре руки, правой верхней рукой он творит *абхья-мудру* (защиту), нижней — мудру отдачи. В левой верхней руке держит *тришулу с бунчуком*, нижняя рука находится на уровне живота. Во всех остальных иконографических деталях этот *дхьяни-бодхисаттва* подобен вышеуказанным изображениям Авалокитешвары (Буддизм, 2010: 448–450).

Заключение

Итак, самый большой буддийский свиток Национального музея Республики Тыва, также, как и два других, представляет собой огромную религиозную и искусствоведческую ценность и является уникальным объектом культурного наследия народов Республики Тыва. Без сомнения он выполнен мастерами аппликации высокого уровня. В нем нет ни одной детали, которая отклонялась бы от правил изображения буддийских божеств — даже самые маленькие штрихи строго выдержаны в духе установленной буддийской регламентации. Во время работы над изготовлением иконы мастерами соблюдены соотношение разных деталей, система координат, цветовая гамма, композиция рисунка и сложная система мифологии, знаний и трактовки.

После изучения соответствующей литературы и обобщения знаний, полученных при общении со знатоками буддийского изобразительного искусства, мы пришли к выводу, что данная религиозная аппликация, возможно, была изготовлена на территории Тувы усилиями местных мастеров с использованием китайского материала. Образцами для изображения божества, послужили живописные иконы и статуэтки, изготовленные в литейных мастерских Монголии по эскизам и формам великого Дзанабазара, которые в свое время широко доставлялись в буддийские монастыри, воздвигнутые по всему ареалу распространения северного буддизма, в том числе и на территорию Тувы, а затем сохранившиеся и использовавшиеся, в тувинских хурээ со второй половины XVIII и до начала XX века.

Помимо этого свитка и другие предметы буддийского искусства, которые являются достоянием фондов Национального музея Тувы, нуждаются в научном описании и обработке. Но трудность научного описания, как справедливо отметил А. А. Терентьев, заключается в чрезвычайной сложности самого предмета буддийской иконографии (Терентьев, 2004: 18).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Берзин, А. (1992) Тибетский буддизм: История и перспективы развития. Волгоград : Полиграфическое предприятие «Офсет». 32 с.
- Буддизм (1992) : Словарь / Л. Л. Абаева, В. П. Андросов, Э. П. Бакаева и др.; под общ. ред. Н. Л. Жуковской и др. М. : Республика. 287 с.
- Буддизм (2010) : иллюстрированная энциклопедия / отв. ред. А. Богословский. М. : Эксмо. 576 с.
- Будегечи, Т. Б. (1995) Художественное наследие тувинцев. М. : Внешторгиздат. 152 с.
- Будегечиева, Т. Б. (2018) Тувинская культура: материальное и духовное, традиции и новации. Кызыл : Издательство ТувГУ. 115 с.
- Кузьмин, С. Л. (2016) Буддизм как традиционная религия России : историческая основа и перспективы // Буддизм в третьем тысячелетии : тенденции и перспективы развития. Материалы Международной научной конференции (7–9 сентября 2016 г.) : в 2 т. / отв. ред. М. М.-Б. Харунова, О. М. Хомушку. Кызыл : Изд-во ТувГУ. Т. I. 340 с. С. 24–31.
- Монгуш, М. В. (2001) История буддизма в Туве (вторая половина VI — конец XX в.). Новосибирск : Наука. 200 с.
- Терентьев, А. А. (2004) Определитель буддийских изображений. СПб. : Нартанг. 304 с.
- Цултэм, Н.-О. (1982) Искусство Монголии. М. : Изобразительное искусство. 232 с.

Дата поступления: 12.03.2019 г.

REFERENCES

Berzin, A. (1992) *Tibetskii buddizm: Istorii i perspektivy razvitiia* [Tibetan Buddhism: History and prospects]. Volgograd, Poligraficheskoe predpriatie «Ofset». 32 p. (In Russ.).

Buddizm : Slovar' [Buddhism: a Dictionary] (1992) / L. L. Abaeva, V. P. Androsov, E. P. Bakaeva et al., ed. by N. L. Zhukovskaya et al. Moscow, Respublika. 287 p. (In Russ.).

Buddizm : illiustrirovannaia entsiklopediia [Buddhism: an illustrated encyclopedia] (2010) / ed. by A. Bogoslovskii. Moscow, Eksmo. 576 p. (In Russ.).

Budegechi, T. B. (1995) *Khudozhestvennoe nasledie tuvintsev* [The artistic heritage of Tuvans]. Moscow, Vneshtorgizdat. 152 p. (In Russ.).

Budegechieva, T. B. (2018) *Tuvinskaia kul'tura: material'noe i dukhovnoe, traditsii i novatsii* [Tuvan culture: the material and spiritual, traditions and innovations]. Kyzyl, TuvGU Publ. 115 p. (In Russ.).

Kuz'min, S. L. (2016) *Buddizm kak traditsionnaia religiiia Rossii: istoricheskaiia osnova i perspektivy* [Buddhism as a traditional religion of Russia: historical basis and prospects]. In: *Buddizm v tret'em tysiacheletii: tendentsii i perspektivy razvitiia* [Buddhism in the third Millennium: trends and prospects]. Proceedings of an international conference (7-9 September 2016): in 2 vols. / ed. by M. M.-B. Kharunova and O. M. Khomushku. Kyzyl, TuvGU Publ. Vol. I. 340 p. Pp. 24–31. (In Russ.).

Mongush, M. V. (2001) *Istoriiia buddizma v Tuve (vtoraia polovina VI — konets XX v.)* [A history of Buddhism in Tuva from the latter half of 6th to the end of the 20th century]. Novosibirsk, Nauka. 200 p. (In Russ.).

Terent'ev, A. A. (2004) *Opredelitel' buddiiskikh izobrazhenii* [A guide to Buddhist images]. St. Petersburg, Nartang. 304 p. (In Russ.).

Tsultem, N.-O. (1982) *Iskusstvo Mongolii* [The art of Mongolia]. Moscow, Izobrazitel'noe iskusstvo. 232 p. (In Russ.).

Submission date: 12.03.2019.

DOI: 10.25178/nit.2019.2.15

Редкие и исчезающие виды животных в таксидермической коллекции Национального музея Тувы

Чайзу С. Кыргыз, Валерия Ч. Донгак

Национальный музей им. Алдан-Маадыр Республики Тыва, Российская Федерация

Национальный музей Тувы является не только культурным, но и эколого-просветительским центром региона. В статье анализируется экологическое состояние фауны млекопитающих Тувы на примере редких и исчезающих видов животных в зоологической коллекции Национального музея Тувы и обозначается роль музея как «банка данных» ценного биологического материала в Алтае-Саянском экорегионе.

Основу естественнонаучного фонда музея составляет таксидермическая коллекция. Она состоит из 790 единиц чучел и тушек животных. Среди экспонатов 59 редких и исчезающих видов животных особую ценность представляют виды, имеющие международный статус охраны — снежный барс (*Uncia uncia*), архар (алтайский горный баран) (*Ovis ammon*), дзерен (*Procapra gutturosa*).

Проводимая в течение длительного времени научно-хранительская деятельность музея позволяет обеспечивать непрерывность исследований флоры и фауны региона. Анализ имеющегося фондового таксидермического материала показывает, что в настоящий момент целенаправленного пополнения зоологических коллекций музея не требуется. Однако необходимо наладить работу по научной инвентаризации объектов, обеспечивать непрерывное накопление данных по отдельному виду охраняемой фауны. Такой подход позволит систематизировать научное направление работы естественнонаучного блока музея.

Принимая за основу системное изучение фондовых материалов музея, авторы ставят вопрос о необходимости мониторинга исчезающих и редких видов животных в республике.

Ключевые слова: Национальный музей Тувы; зоологическая коллекция; Красная книга; биоразнообразие; Алтае-Саянский экорегион; Международный союз охраны природы; проблемы экологии; экологическая культура

Для цитирования:

Кыргыз Ч. С., Донгак В. Ч. Редкие и исчезающие виды животных в таксидермической коллекции Национального музея Тувы [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2019, № 2. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/855> (дата обращения: дд.мм.гг.). DOI: 10.25178/nit.2019.2.15

Кыргыз Чайзу Суван-ооловна — кандидат биологических наук, старший научный сотрудник отдела краеведения и туризма Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Титова, д. 30. Тел.: +7 (394-22) 2-28-04. Эл. адрес: chaizu@rambler.ru ORCID ID: 0000-0001-6347-5896

Донгак Валерия Чаш-ооловна — старший научный сотрудник, отдел краеведения и туризма Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Титова 30. Тел.: +7 (39422) 2-28-04. Эл. адрес: dongak-1964@mail.ru ORCID ID: 0000-0001-8249-5980

Kyrgyz Chaizu Suvan-oolovna, Candidate of Biology, Senior research fellow, Department of Local History and Tourism, Aldan-Maadyr National Museum of the Republic of Tuva. Postal address: 30 Titov St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (39422) 2-28-04. E-mail: chaizu@rambler.ru

Dongak Valeriya Chash-oolovna, Senior research fellow, Department of Local History and Tourism, Aldan-Maadyr National Museum of Tuva. Postal address: 30 Titov St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (39422) 2-28-04. E-mail: dongak-1964@mail.ru

Rare and endangered species in the taxidermy collection of the National Museum of the Republic of Tuva

Chaizu S. Kyrgys, Valeriya Ch. Dongak

Aldan-Maadyr National Museum of the Republic of Tuva, Russian Federation

The Aldan-Maadyr National Museum of the Republic of Tuva is both a cultural and environmental center of the region. This article assesses the environmental status of species of mammals found in Tuva, paying particular attention to rare species of animals listed in the Red Data Books of the Russian Federation and the Republic of Tuva, their protected status, and categories of endangerment. The article underscores the importance of the zoological collection of the National Museum of the Republic of Tuva as a “databank” of valuable biological material of the Altai-Sayan ecoregion.

*The basis of the museum's natural science fund is the taxidermy collection, which consists of 790 items. Among the exhibits are 59 rare and endangered species. Of particular value are those with international protected status, including the snow leopard (*Uncia uncia*), argali (*Ovis ammon*), and Mongolian gazelle (*Procapra gutturosa*).*

The museum's long history of scientific work and ongoing conservation activities help ensure continuity of research on flora and fauna of the region. The analysis of the museum's taxidermy collection allows the authors to assert that, at the moment, there is no need for purposeful replenishment of the museum's zoological collections. However, it is necessary to set up a research program to study the museum's existing scientific inventory of objects and to develop a system for the regular accumulation and updating of data on particular types of protected fauna. Such an approach will facilitate systematization of the scientific work of the museum's local history department and allow museum personnel to participate in regional biodiversity monitoring programs.

Accepting the systemic study of the collection as the methodological basis, the authors conclude by calling for a monitoring procedure to protect the rare and endangered species of animals in Tuva.

Keywords: National Museum of the Republic of Tuva; zoological collection; Red Data Book; biodiversity; Altai-Sayan ecoregion; International Union for the Conservation of Nature (IUCN); environmental issues; environmental culture

For citation:

Kyrgys Ch. S. and Dongak V. Ch. Rare and endangered species in the taxidermy collection of the National Museum of the Republic of Tuva. *The New Research of Tuva*. 2019, № 2 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/855> (access date ...). DOI: 10.25178/nit.2019.2.15

Введение

Национальный музей им. Алдан-Маадыр Республики Тыва, отмечающий в этом году 90-летие, является культурным, научным и эколого-просветительским центром, позволяющим посетителям ознакомиться не только с культурой населения, но и с богатством природных ресурсов и разнообразием флоры и фауны Тувы. В зоологической коллекции музея есть экспонаты, которые вошли в 1950-1960-х гг. как обычные охотхозяйственные виды, но со временем они изменили свой статус — стали считаться исчезающими, исчезающими или редкими видами животных. Этот факт наглядно свидетельствует об угрозах сохранения биоразнообразия региона и о том, какую важную миссию выполняет также главный музей республики. Именно музей, имеющий значительный естественнонаучный фонд, может выступать как учреждение, сохраняющее преемственность и непрерывность между прежними и современными исследованиями флоры и фауны региона.

Целью данной работы является анализ экологического состояния фауны млекопитающих Тувы на примере редких и исчезающих видов животных в зоологической коллекции Национального музея Тувы и обозначение роли музея как «банка данных» ценного биологического материала в Алтае-Саянском экорегионе. Источниковой базой выступили экспозиционный материал, музейная фондовая документация (книга поступления предметов, инвентарные книги, картотека, тематико-структурный план экспозиций, топографические описи, акты выдачи).

О коллекции редких и исчезающих животных музея

Создание и становление Национального музея Тувы пришлось на период формирования всех социальных сфер молодого государства — Тувинской Народной Республики (ТНР). Учрежденный правительством, музей имел статус государственного и на него возлагалась важнейшая культурно-образовательная задача (Дыртык-оол, 2005).

В структуре музея молодого тувинского государства отдел природы появился в 1941 г. При содействии Всероссийского общества по культурным связям с зарубежными странами (ВОКС) для установления связи с научными учреждениями и музеями в 1929 г. в Советский Союз был направлен первый директор музея В. П. Ермолаев. Из Москвы и Ленинграда им были привезены школьные пособия (карты, мокрые препараты земноводных, пресмыкающихся и др.), чучела обезьян и птиц, ставшие первыми экспонатами отдела природы. Некоторые экспонаты для отдела природы были изготовлены в СССР по заказу через ВОКС по темам «Происхождение жизни», «Происхождение человека» и «Учение дарвинизма» (там же).

Весной 1942 г. Государственному музею ТНР имени Алдан-Маадыр было предоставлено здание бывшего клуба профсоюзов имени Оюна Шагдыр-Сюрюна. И отдел природы был одним из трех отделов музея, который получил активное развитие под заведованием В. П. Ермолаева в 1951–1953 гг. И до настоящего времени в архиве музея хранятся разработанные им материалы: тематико-экспозиционные планы, тексты экскурсий по разделам отдела природы. Экспозиция отдела природы занимала два зала, где были представлены в основном фотоматериалы о богатстве и разнообразии природы Тувы, отснятые самим В. П. Ермолаевым. В качестве дополнительных материалов в экспозициях использовались таблицы, схемы, карты и другие привезенные учебные материалы из Москвы. По отчетам В. П. Ермолаева следует, что он всегда работал с членами музейного совета, которые помогали ему создавать экспозицию, собирать шкуры промысловых зверей, случайные палеонтологические находки (бивни и зубы мамонта, рога тура, череп носорога, бизона и др.). Данные сведения отражены в Книгах поступлений предметов, хранящихся в фондах Национального музея Республики Тыва (КП 1/1-1975), комплектование которых происходило за счет закупок музеем, даров, покупок и обмена предметов.

Через экспозицию отдела природы в музее посетители могли знакомиться с географической характеристикой, геологией и геоморфологией, климатом, растительным и животным миром Тувы. Почти каждый, кто посещал музей до переезда его в новое здание в 2008 г. по ул. Титова, д. 30, помнит, как красочно и содержательно были показаны в старом здании по адресу ул. Ленина, д. 7 натурные экспонаты и образцы, раскрывающие основу ландшафтов: «Тайга», «Горы», «Степь», «Водные угодья» (следует подчеркнуть, что и в новом здании оформление экспозиций выдержано почти без изменений — согласно ландшафтному принципу). Также многим запомнился оформленный В. П. Ермолаевым раздел «Палеонтология», который был представлен в прежнем здании музея по геохронологической шкале показом трех основных периодов разных геологических периодов: каменноугольного, юрского и четвертичного.

В настоящее время экспозицией (расположенной в залах на втором этаже № 1 «Тува — жемчужина в центре Азии», № 2 «Степные экосистемы» и № 7 «Тайга») о природных богатствах Тувы начинается знакомство не только с музеем, но и с Тувой; показано разнообразие ландшафтов, животного и растительного мира республики. Сформированные по ландшафтному принципу, диорамы воссоздают весь спектр природных экосистем Тувы, с присущим только им растительным и животным миром, дополненные художественным оформлением конкретного природного комплекса. Соответственно, на каждом «куске», представляющем какую-либо природную зону, на обозрение выставлены наиболее яркие представители фауны и флоры Тувы.

В зоологической коллекции музея особое место занимают редкие и исчезающие виды животных, занесенные в Красный список Международного союза охраны природы (МСОП), в Красную книгу Российской Федерации и Красную книгу Республики Тыва. Например, это снежный барс (*Uncia uncia*), архар (алтайский горный баран) (*Ovis ammon*), дзерен (*Procapra gutturosa*).

Среди всех естественнонаучных сборов музея коллекция по фауне является самой многочисленной. Заметное место в ней занимает коллекция млекопитающих, насчитывающая 1102 единиц. Примечательно, что в начале формирования фаунистической коллекции музея в 1950–1960 гг. все объекты животного мира при сборах классифицировались как обычные охотхозяйственные виды. Статус и категории редкости видов были определены после выхода «Красной книги СССР» (Красная книга СССР, 1978).

Целевое направление и комплектование фондов имело высокий уровень в период с 1963 по 1977 гг., когда в музее была штатная единица таксидермиста. Существенные пополнения коллекции, напри-

мер, чучел крупных животных произошли в результате многочисленных экспедиций и полевых работ Ивана Матвеевича Путинцева, известного таксидермиста и большого знатока животного мира Тувы.

Проведенный нами анализ сведений о пополнениях фондов показал, что комплектование таксидермической коллекции имеет тенденцию снижения с конца 1990-х гг. и прекратилось с 2011 г. (диаграмма 1). Произошедший кризис объясняется отсутствием профессионалов-таксидермистов в штате музея (а в республике — всего 2 специалиста). В связи с этим назрел вопрос об обучении собственных кадров и оборудовании специального помещения для таксидермических работ.

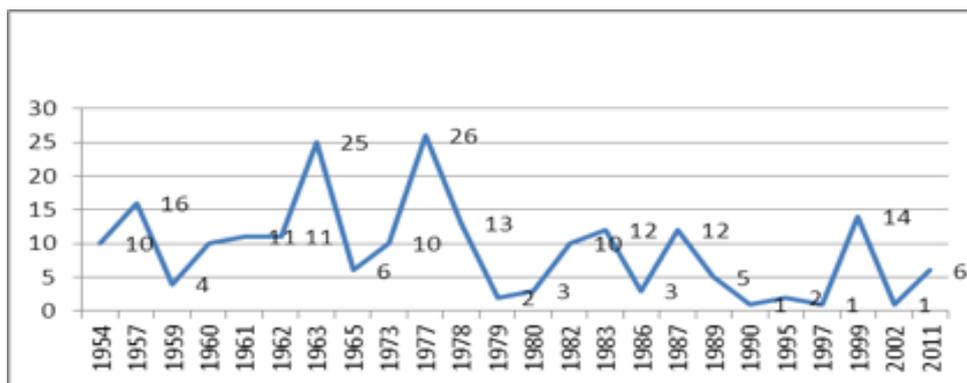

Диаграмма 1. Комплектование фонда в разные годы.
Diagram 1. Taxidermic collection, acquisition over years.

Краснокнижные животные в коллекции

Красная книга — юридическая основа сохранения редких видов. С середины XX в. исследования по инвентаризации редких видов привели к принятию необходимых мер по их охране на глобальном уровне. С момента публикации первой Красной книги МСОП в 1963 г. стали появляться национальные и региональные Красные книги, на основании которых принимаются меры по сохранению уязвимых видов. Для включения в Красную книгу классификация животных по редкости их таксонов и популяций осуществляется по 6 категориям: вероятно исчезнувшие (0), находящиеся под угрозой исчезновения (1), сокращающиеся в численности (2), редкие (3), неопределенные по статусу (4) и восстановленные и восстанавливающиеся (5) (Ильяшенко В., Ильяшенко Е., 2000).

В Туве первая Красная книга появилась почти двадцать лет назад в двух частях: (том «Растения») (Красная книга Республики Тыва: Растения, 2002) и (том «Животные») (Красная книга Республики Тыва: Животные, 2002). Следует подчеркнуть, что издание было проиллюстрировано снимками, а также рисунками, выполненными по чучелам и тушкам редких видов животных зоологической коллекции музея. Составители в основном ссылались на трудности фотографирования животных в естественной среде, и наличие чучел исключительно редких представителей фауны в коллекциях музея сыграло важную роль в наглядном представлении животных Красной книги Тувы.

Одновременно с тем, что занесенные в Красные книги разного уровня редкие и исчезающие объекты фауны представлены в коллекциях музея и несут историческую, научную и природоохранную ценность, они также имеют многостороннее значение для сохранения традиций и жизнедеятельности тувинского народа. Несомненно, когда многие животные, например, сурок тарбаган — редкий в масштабе страны и требующий охраны вид — является традиционным объектом добычи и рациона жителей высокогорных районов Тувы, создается противоречивая ситуация между соблюдением природоохранного законодательства и сохранением традиций. Если традиции яркого вида охоты на тарбагана, со своеобразным ритуалом (обрядом переодевания, элементами танцев при подходе к животному и т. д.), почти утеряны и не практикуются, то в рационе жителей суровых гор сурчатина сохраняется, то есть ведется скрытая, а значит, незаконная добыча. И здесь, в отличие от надзорных структур, принимающих жесткие меры наказания (в виде штрафов, изъятия орудий добычи, возбуждения административных или уголовных дел), музеем отводится важная роль в освещении вопросов сохранения редких видов, доведении информации до каждого посетителя посредством демонстрации уникальности и уязвимости того или иного объекта флоры и фауны.

Ниже приводятся описания некоторых редких видов зоологической коллекции музея, где наряду со стандартными научными сведениями об экспонатах затронуты вопросы их экологического благополучия в регионе.

Монгольский дзерен (*Procapra gutturosa* Pallas, 1777¹).

Несмотря на то, что в предыдущей версии Красной книги Республики Тыва (Красная книга ... , 2002), виду придавался статус находящегося под угрозой исчезновения, в новой версии (Красная книга ... , 2018), дзерена исключили из перечня представителей фауны Тувы. В Красной книге Российской Федерации вид имеет категорию 1 и статус находящегося под угрозой исчезновения. Таким образом, его исключение из региональной Красной книги, по нашему мнению, приводит к правовой коллизии. Данное утверждение связано с тем, что обязательным условием при создании региональных Красных книг является включение в них животных, занесенных в Красную книгу Российской Федерации, в свою очередь, руководствующейся списком МСОП.

Дзерен (по-тувински *чээрэн*) относится к отряду парнокопытных (*Artiodactyla*), семейству полорогих (*Bovidae*). Зобатая антилопа (другое название дзерена) была распространена на юге Тувы, совершала заходы в Тувинскую котловину через хребет Восточный Танну-Ола. По сведениям М. Н. Смирнова, известного исследователя промысловых млекопитающих Южной Сибири, численность дзерена в Туве в конце 1950-х гг. оценивалась в 5000 особей (Смирнов, 2002а: 145). Затем произошло катастрофическое снижение из-за антропогенного пресса: браконьерства, распашки целинных земель — их местообитаний. Последние сведения о встречах дзеренов в Туве получены в конце 1970-х гг., а заходы мелких групп или единичных особей из Монголии наблюдаются в сухих степях по бассейну р. Тес-Хем.

Фото 1. Дзерен в диораме «Степные экосистемы». Фото А. Д. Куулар, 2019 г.

Photo 1. The dzeren (Mongolian gazelle) in the «Ecosystems of the steppes» dioram. Photo by A. D. Kuular, 2019.

В 1961 г. в России охота на дзерена была полностью запрещена. Однако в соседней Монголии дзерен остается охотничьим видом, по категории МСОП имеет статус вида с низким риском для исчезновения. В связи с тем, что забайкальская популяция с конца 1990-х гг. начала восстанавливаться и охраняться в пределах Даурского заповедника, появились шансы реинтродукции и восстановления вида в пределах исторического ареала в южных районах Тувы, а в рамках природоохранной стратегии сохранения вида разработана программа восстановления популяции дзерена (Кирилюк, Лущеккина, 2017). В настоящее время приграничные с Северо-Западной Монголией типичные биотопы² зобатой антилопы не подвергаются распашкам, считаются восстановленными. Продуктивность данных сухих степей составляет в среднем 2 тонны на гектар³, что является показателем устойчивости стабильных пастбищ (Титлянова и др., 2002: 122, 127), которые могут прокормить как домашний скот, так и диких копытных.

По данным МСОП, группой исследователей по антилопам было предложено выделить два подвида дзерена: монгольский дзерен (номинативный подвид) и алтайский дзерен (*Procapra gutturosa altaica*). Второй подвид имеет несколько более темную шерсть, более широкий череп, более крупные коренные зубы и более широко расставленные рога (Сорокин, 2005). Ввиду незначительных морфологических отличий от номинативной версия выделения второго подвида дзерена не получило развития. Тем не менее, исследования вида продолжаются, и учеными предлагается для изучения, например, филогеографии⁴, использовать ткани различной степени сохранности, включая музейные образцы.

По данным МСОП, группой исследователей по антилопам было предложено выделить два подвида дзерена: монгольский дзерен (номинативный подвид) и алтайский дзерен (*Procapra gutturosa altaica*). Второй подвид имеет несколько более темную шерсть, более широкий череп, более крупные коренные зубы и более широко расставленные рога (Сорокин, 2005). Ввиду незначительных морфологических отличий от номинативной версия выделения второго подвида дзерена не получило развития. Тем не менее, исследования вида продолжаются, и учеными предлагается для изучения, например, филогеографии⁴, использовать ткани различной степени сохранности, включая музейные образцы.

¹ Здесь и далее, согласно правил биологической номенклатуры, полное научное название вида на латыни включает также имя ученого, давшего это название, и год описания.

² Биотоп — однородный по условиям жизни для определенных видов растений или животных участки территории.

³ Масса производимого растительного вещества в тоннах на площади в один гектар.

⁴ Область исследований, связанная с принципами и процессами, ответственными за географическое распространение генных родословных.

Чучело дзерена (фото 1), выставленное в экспозиции «Степные экосистемы», было изготовлено таксидермистом И. М. Путинцевым по заказу музея в 1958 г. За 60-летний срок экспонирования состояние и сохранность экземпляра остается на хорошем уровне.

Алтайский горный баран (*Ovis ammon ammon Linnaeus, 1758*).

Категория и статус: 1 — находящийся под угрозой исчезновения вид.

Архар (по-тувински *аргар* — самка, *кошкар* — самец горного барана) относится к отряду парнокопытных (*Artiodactyla*), семейству полорогих (*Bovidae*). В коллекции музея архар представлен чучелами двух взрослых особей и ягненка, изготовленными таксидермистом И. М. Путинцевым в 1960 г. (фото 2). В настоящее время состояние чучел не вызывает беспокойства. Экспонаты представлены в экспозиции «Высокогорные экосистемы».

Самые крупные из представителей горных баранов, архары когда-то были распространены повсеместно по низкогорьям Тувы. Сегодня ареал значительно сузился до труднодоступных горных мест на юго-западе Тувы на границе с Республикой Алтай и Монголией. Вид взят под охрану заповедником «Убсунурская котловина», однако его ареал выходит за пределы границ охраняемой территории. В соседней Монголии архар остается охотничьим, трофейным видом.

В Туве существует традиционное ремесло — изготовление предметов искусства из рогов архара. Нередки случаи нахождения местными жителями останков животных. Черепа и рога в последующем становятся предметом скупки на теневом рынке. Сегодня данная деятельность подпадает под действие статьи Уголовного кодекса Российской Федерации 258.1. «Незаконная добыча и оборот особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации». В этой связи, в первую очередь, природоохранным ведомствам необходимо на регулярной основе проводить разъяснительную работу среди населения, а также наладить оказание юридической и иной помощи ремесленникам, занятым народными промыслами, во избежание проблем с законодательством.

Лесной северный олень (*Rangifer tarandus sibiricus Murray, 1866*).

Категория и статус: 3 — редкий узкоареальный подвид.

В настоящее время основные ресурсы вида сосредоточены в высокогорьях Большого Саяна в Тоджинском районе, на востоке Каа-Хемского и Тере-Хольского районов. Очаговый ареал приходится на хребет Обручева, нагорье Сангилен, на западе — в северной части Шапшальского хребта. Специальные учетные работы по определению ресурсов лесного северного оленя в республике не проводились. Ориентировочная численность в 1990-е гг. оценивалась от 1200 до 1500 особей (Смирнов, 2002b: 144). По данным зимних маршрутных учетов Государственного комитета по охране объектов животного мира и биологических ресурсов Республики Тыва, с которыми один из соавторов данной статьи регулярно работает, в Тоджинском и Тере-Хольском районах в 2011–2012 гг. численность лесного северного оленя ориентировочно оценивалась в 4–4,5 тыс. особей.

В перспективе, в связи с гораздо меньшим уровнем освоения угодий оленеводами, охотниками, возможен дальнейший рост численности диких северных оленей. В постсоветский период, в результате развала совхозов и других хозяйств, были факты перехода многих домашних оленей в стада диких соотродичей, что способствовало увеличению численности последних. Также, по утверждениям оленеводов Тоджи, часты случаи угона домашних оленей дикими (Donahoe, 2004: 111).

Фото 2. Архары в экспозиции «Высокогорные экосистемы». Фото А. Д. Куулар, 2019 г.

Photo 2. Argalis in the «Ecosystems of the highlands» exposition. Photo by A. D. Kuular, 2019.

Отсюда следует, что как биологический вид объект — очень гибкий, в то же время его кормовая база (ягельные пастбища) легко уязвима, в связи с чем требуется охрана местообитаний от воздействия негативного характера (пожары, лесозаготовка, строительство дорог).

Одомашненный сородич лесного подвида северного оленя традиционно использовался тувинцами-тоджинцами, признанными коренным малочисленным народом Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, как вьючный транспорт, также удобный для верховой езды в таежных условиях (фото 3). С северным оленем тесно связана жизнь тувинцев-тоджинцев, их этническая идентичность определяется его наличием, как сами оленеводы признают: «Без оленей мы не тожу кизи (тувинцы-тоджинцы)» (Donahoe, 2004: 135).

Фото 3. Северный олень — незаменимый таежный транспорт.

Фото Б. Донахо, 2011 г.

Photo 3. The reindeer are the indispensable means of transport in the taiga.

Photo by B. Donakho, 2011.

В коллекции музея имеется чучело домашнего лесного северного оленя, экспонат представлен в диораме «Тоджинский чум».

Ирбис (снежный барс) (*Uncia uncia Schreber, 1776*).

Категория и статус: 1 — находящийся под угрозой исчезновения вид.

Ирбис (по-тувински *ирбиш*) относится к отряду хищных (*Carnivora*), семейству кошачьих (*Felidae*), внесен в Приложение 1 Конвенции о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения (СИТЕС; Конвенция о международной торговле ..., Электр. ресурс).

По сведениям исследователя ирбиса в Туве А. Н. Куксина, за период после выхода первого издания Красной книги Республики Тыва благодаря проекту Всемирного фонда дикой природы (WWF) «Обеспечение долгосрочного сохранения биоразнообразия Алтае-Саянского экорегиона» ключевые очаги обитания снежного барса выявлены на стыке Алтая и Тувы. Ареал ирбиса представлен двумя основными участками — западным и восточным, между которыми имеются промежуточные поселения ирбиса Западного Саяна и Западного Танну-Ола, которые играют ключевую роль в расселении зверей и генетическом обмене между двумя участками ареала. Имеющиеся оценки численности вида основаны на экспертных заключениях и ориентировочно составили по Туве около 40 особей. Однако ситуация с сохранением ирбиса остается нестабильной ввиду возрастающего антропогенного пресса на высокогорные экосистемы, становящиеся

Фото 4. Снежные барсы (самка с подростками котятми). Снимки с фоторегистраторов в кластере «Шуйский» природного парка «Тыва», 2015 г.
Photo 4. A female snow leopard with older cubs. Security camera snapshot at the Shuiskii cluster of Nature Park "Tuva", 2015.

обеспечение долгосрочного сохранения биоразнообразия Алтае-Саянского экорегиона» ключевые очаги обитания снежного барса выявлены на стыке Алтая и Тувы. Ареал ирбиса представлен двумя основными участками — западным и восточным, между которыми имеются промежуточные поселения ирбиса Западного Саяна и Западного Танну-Ола, которые играют ключевую роль в расселении зверей и генетическом обмене между двумя участками ареала. Имеющиеся оценки численности вида основаны на экспертных заключениях и ориентировочно составили по Туве около 40 особей. Однако ситуация с сохранением ирбиса остается нестабильной ввиду возрастающего антропогенного пресса на высокогорные экосистемы, становящиеся

все более доступными для человека. Основными угрозами для снежного барса в регионе являются: петельный промысел кабарги и волка; облавные охоты с собаками; развитие скотоводства в местах обитания хищника; браконьерский промысел диких животных — объектов питания; а также убийство скотоводами в качестве мести за нападения на скот (Куксин, 2018: 51–52).

Устойчивые группировки снежного барса взяты под охрану на территории заповедника «Убсунурская котловина» и прилегающих к нему заповедников «Алтайский» и «Саяно-Шушенский». Вид успешно размножается на территории кластерного участка «Шуйский» регионального природного парка «Тыва» в Бай-Тайгинском кожууне, об этом свидетельствуют ежегодные данные, получаемые с установленных на особо охраняемой природной территории (ООПТ) фоторегистраторов (фото 4).

В зоологической коллекции музея имеются два чучела снежного барса, изготовленные из заказанных по плану музея шкур таксидермистом И. М. Путинцевым в 1955 г. и В. И. Шмаковым в 1994 г. Они представлены в экспозиции «Высокогорные экосистемы». Состояние чучел удовлетворительное, требуется очистка меха.

Манул (дикий кот) (*Felis manul Pallas, 1776*).

Категория и статус: 3 — восстанавливающийся вид.

Манул (по-тувински *мань*) относится к отряду хищные (*Carnivora*), семейству кошачьи (*Felidae*). В музее имеется чучело манула (в двух экземплярах), изготовленное И. М. Путинцевым в 1954 и в 1999 гг., а также шкуры выделки Московской биофабрики. Их состояние удовлетворительное, требуется легкая очистка меха и создание удобного постаamenta для чучел.

Вид в прошлом был обычным на южных микросклонах Западной и Восточной Танну-Ола, в Центральнотувинской и Хемчикской котловинах, но его ареал не доходил до бассейна Бий-Хема. До 1970-х годов манул добывался по всей республике. С вводом запрета на его добычу, ареал и численность вида начали восстанавливаться, и уже в первой половине 1980-х годов он встречался почти во всех районах республики (Шурыгин, 2002: 140).

В настоящее время состояние численности не вызывает опасения. Манул является единственным видом, популяция которого успешно восстановлена в регионе (фото 5). Наряду с принимаемыми мерами по сохранению манула, основной причиной такого положительного процесса может быть прекращение распашки степей и связанных с этим массовое истребление грызунов — объектов добычи этого дикого степного кота.

Таким образом, если на примере с дзереном, которого считают утраченным для фауны Тувы, мы видим негативные последствия человеческой деятельности, то восстановление манула, одного из трех видов диких кошек нашей фауны, доказывает возможность регулирования антропогенного фактора. И здесь роль музея как просветительского и, в перспективе, научного центра огромна.

Тувинский бобр (*Castor fiber tuvunicus Lavrov, 1969*).

Категория и статус: 1 — находящийся под угрозой исчезновения вид.

Вид с очень ограниченным ареалом, относится к отряду грызунов (*Rodentia*), семейству бобровых (*Castoridae*), эндемик Тувы. В зоологической коллекции музея имеется чучело бобра (по-тувински *сарыг кундус*), изготовленное И. М. Путинцевым в 1954 г., а также шкуры выделки Московской биофабрики.

После создания в 1976 г. в бассейне р. Азас комплексного республиканского заказника, впоследствии (в 1984 г.), преобразованного в государственный заповедник, бобры начали активно расселяться по всему бассейну Азаса — местах бывшего обитания. Далее, благодаря охранной деятельности запо-

Фото 5. Степной кот манул у своей норы. Фото А. Барашковой, 2011 г.
Photo 5. The Pallas's cat (manul) at its den. Photo by A. Barashkova, 2011.

ведника, наблюдался рост численности бобров, которая в конце 1980-х гг. составила 100 особей, а в середине 1990-х гг. — 130 (Савельев и др., 2016).

Известно, что в 1953 г. в Тоджинскую котловину было выпущено 38 белорусских бобров, однако проведенными впоследствии исследованиями ущерб генофонду азасской популяции от «пришельцев» не выявлен. Данные исследования проводились в рамках комплексной научной программы «Тувинский бобр» под руководством д. б. н. А. П. Савельева в 1995–2005 гг. Также в рамках данной программы выполнены отдельные проекты: «Реаклиматизация тувинского бобра в Тодже» (2000–2004 гг.); «Изучение, сохранение и восстановление редкого вида тувинского бобра на территории Республики Тыва» (2003 г.). В 1997–2002 гг. проведено изучение популяции тувинского бобра с использованием метода животолова и мечения специалистами Всероссийского научно-исследовательского института охотничьего хозяйства и звероводства им. проф. Б. М. Житкова Российской Академии сельскохозяйственных наук (г. Киров) при участии профессоров М. Штуббе и А. Штуббе из Германии (г. Халле). В лаборатории Института цитологии и генетики СО РАН (г. Новосибирск) установлен кариотип¹ тувинского бобра и создан его генетический банк данных. Заложена основа мониторинга тувинского бобра на р. Азас. В 2003–2004 гг. выполнено переселение 17 бобров с р. Азас на р. Белин, в результате был создан новый очаг обитания тувинского бобра (Научная программа «Тувинский бобр»: Электр. ресурс). С 2015 г. данная территория охраняется образованным там кластерным участком «Уш-Белдир» природного парка «Тыва».

Тувинские бобры в настоящее время высоко уязвимы воздействию биотических факторов среды и, в первую очередь, антропогенному прессу (браконьерство, рекреация). Кроме того, сегодня важнейшим условием сохранения аборигенной популяции является недопустимость интродукции в пределы ее коренного ареала особей других подвидов бобра, гарантирующая сохранение генетической чистоты тувинского бобра. Такая угроза, по мнению специалистов, уже существует, и сегодня стоит задача регулирования численности неаборигенных видов (Кельбешев, 2005).

Вид экспонируется в музее в разделе «Сезонные изменения в природе». В связи с возрастанием проникновения людей в местообитания тувинского бобра, работу по популяризации сохранения эндемика Тувы в музее необходимо продолжать.

Серый (алтайский) сурок (*Marmota baibacina Kastschenko, 1889*).

Категория и статус: 2 — сокращающийся в численности вид.

Редкий и исчезающий вид в Тыве. В Монгун-Тайгинском районе его численность низкая. Был распространен по восточному макросклону хр. Чихачёва, окрестностях оз. Хиндиктиг-Холь и в верхней части бассейна р. Моген-Бурен. Относительно высокие показатели численности регистрировались только в верхней части долины Асхатийн-Гол на границе с Монголией. На остальной территории преобладают очаговые поселения сурков с низкой численностью, часто временные (Шурыгин, Ондар, 2018: 34).

Наряду с тарбаганом (монгольским сурком), также редким видом, сурок является важным ресурсом высокогорной фауны как объект добычи снежного барса, других хищников. Несмотря на «краснокнижный» статус, сурки массово добываются местными жителями. Хотя раньше мех использовался на изготовление головных уборов, сегодня данная традиция почти изжита. Мясо сурков считается целебным, а жир используется в народной медицине.

Виды сурков представлены в экспозиции «Высокогорные экосистемы».

Заключение

Учет таксидермического материала млекопитающих, относящихся к редким и исчезающим видам фауны и их предварительная инвентаризация показали, что «краснокнижные» виды зоологической коллекции животных Национального музея Тувы находятся в удовлетворительном состоянии, а также по статусу относятся: 6 видов — к 1 категории редкости, 1 вид — к 2 категории, 12 видов — к 3 категории, по одному виду к 4 и 5 категории.

¹ Кариотип — совокупность признаков хромосомного набора, характерная для каждого биологического вида. К таким признакам относятся число, размер, форма хромосом и детали их микроскопического строения. Кариотип служит «паспортом» вида, надежно отличающим его от кариотипов других видов (Биология. Современная иллюстрированная энциклопедия, 2006: 184).

Наличие экспонатов, представленных объектами животного мира, в том числе, редкими и исчезающими видами Алтае-Саянского экорегиона, позволяет краеведческому отделу музея проводить большую эколого-просветительскую и воспитательную работу среди широких слоев населения. В этой связи, кроме хранительских и просветительских работ, на основании данных по редким животным, имеющимся в фондах музея, можно начать проведение работ научно-исследовательского уровня: по их систематике, численности и распределению на территории республики.

Проблема в изучении редких и исчезающих животных, их местообитаний, а также их депопуляции состоит в том, что в настоящий момент полноценных исследований в данном направлении в республике не проводится. Для ведения региональной Красной книги необходимо проводить мониторинговые исследования согласно соответствующим требованиям. Действительность такова, что подготовка и издание Красной книги происходит за критически малый срок, приводя к многочисленным неточностям.

Несмотря на то, что функции по мониторингу редких и исчезающих объектов животного и растительного мира возложены на региональное министерство природных ресурсов и экологии, в структуре данного органа исполнительной власти научного отдела не имеется. Государственные инспекторы по охране объектов животного мира проводят ежегодные учеты численности животных, однако специальных исследований по «краснокнижным» животным они не осуществляют. В двух заповедниках Тувы федерального значения («Убсунурская котловина» и «Азас»), имеющих научные отделы, исследования по редким животным и растениям проводятся в основном в пределах границ данных особо охраняемых природных территорий (ООПТ). Относительный мониторинг численности архара и снежного барса в заповедниках проводится совместно с другими ООПТ Алтае-Саянского экорегиона и финансово поддерживаются грантами различных природоохранных фондов и крупных компаний.

В связи с вышеизложенным, предлагается обозначить одним из направлений научной деятельности музея проведение исследований по редким и исчезающим видам флоры и фауны. Эту работу можно проводить, опираясь на сотрудничество с исследователями академических институтов и вузов региона. Бесспорным фактом является наличие фондового материала, хранящегося в соответствующих условиях, что может позволить музею выступать в роли базового научного учреждения. Также данные исследования позволят пополнить единицами или обновлениями сведений не только часть коллекции по «краснокнижной» фауне, но и естественнонаучный фонд в целом.

Поскольку музей является социальным институтом, необходимы также социологические исследования, позволяющие определить степень восприятия посетителями редких и исчезающих видов как музейный предмет. Такой мониторинг можно также сочетать с исследовательской работой по редким видам флоры и фауны с привлечением школьных музеев. Сегодня получение информации от населения возможно с помощью мобильной связи или через социальные сети, например, о встречах с животными или о фактах их добычи, о численности и местах обнаружения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Биология. Современная иллюстрированная энциклопедия (2006) / гл. ред. А. П. Горкин. М.: Росмэн-Пресс. 560 с.
- Дыртык-оол, А. О. (2005) Национальный музей имени Алдан-Маадыр Республики Тыва: история и современность // Музей в XXI веке: проблемы и перспективы / сост. А. О. Дыртык-оол. Кызыл: КЦО «Аныяк». 160 с. С. 34–37.
- Ильяшенко, В. Ю., Ильяшенко, Е. И. (2000) Красная книга России: правовые аспекты. М.: б. и. 143 с.
- Кельбешев, Б. К. (2005) Проблемы сохранения тувинского подвида бобра // Труды заповедника «Тигирекский». № 1. С. 297–299.
- Кирилюк, В. Е., Лушекина, А. А. (2017) Современное состояние дзерена (*Procavia gutturosa*: Bovidae) в России // Nature Conservation Research. Заповедная наука. Т. 2 (Suppl. 1). С. 81–99. DOI: 10.24189/ncr.2017.018
- Конвенция о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения. Принята 3 марта 1973 года [Электронный ресурс] // ООН. Конвенции и соглашения. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cites.shtml (дата обращения: 20.02.2019).
- Красная книга Республики Тыва: Животные (2002) / науч. ред. Н. И. Путинцев, Л. К. Аракчаа, В. И. Забелин, В. В. Заика. Новосибирск: Изд-во СО РАН. 168 с.
- Красная книга Республики Тыва: Растения (2002) / отв. ред. И. М. Красноборов. Новосибирск: Изд-во СО РАН. 150 с.
- Красная книга Республики Тыва (животные, растения и грибы) (2018). 2-е изд. перераб. / отв. ред. С. О. Ондар, Д. Н. Шауло. Кызыл: Фаворит. 564 с.

Красная книга СССР. Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды животных и растений (1978) / ред. А. М. Бородин, А. Г. Банников, Е. Е. Сыроечковский др. М. : Изд-во «Лесная промышленность». 460 с.

Куксин, А. Н. (2018) Ирбис (снежный барс) // Красная книга Республики Тыва (животные, растения и грибы). 2-е изд. перераб. / отв. ред. С. О. Ондар, Д. Н. Шауло. Кызыл : Фаворит. 564 с. С. 51–52.

Научная программа «Тувинский бобр» [Электронный ресурс] // Особо охраняемые природные территории Российской Федерации. URL: <http://zapoved.ru/science/topic/403/Научная-программа-ТУВИНСКИЙ-БОБР> (дата обращения 19.02.2019).

Савельев, А. П., Карташов, Н. Д., Путинцев, Н. И., Штуббе, М., Штуббе, А., Молокова, Н. И., Демкин, И. В. (2016) Программа «Тувинский бобр»: основные результаты 20-летней работы // Современное состояние редких видов растений и животных Республики Тыва. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (28-29 апреля 2016 г.) / отв. ред. У. В. Ондар. Кызыл: Изд-во ТувГУ. 130 с. С. 106–116.

Смирнов, М. Н. (2002a) Дзерен // Красная Книга Республики Тыва: животные / науч. ред. Н. И. Путинцев, Л. К. Аракчаа, В. И. Забелин, В. В. Заика. Новосибирск : Изд-во СО РАН. 168 с. С. 144–145.

Смирнов, М. Н. (2002b) Лесной северный олень // Красная Книга Республики Тыва: животные / науч. ред. Н. И. Путинцев, Л. К. Аракчаа, В. И. Забелин, В. В. Заика. Новосибирск : Изд-во СО РАН. 168 с. С. 143–144.

Сорокин, П. А. (2005) Филогеография монгольского дзерена (*Procavia gutturosa*): дисс. ... канд. биол. наук. М. 102 с.

Титлянова, А. А., Миронычева-Токарева, Н. П., Романова, И. П., Косых, Н. П., Кыргыс, Ч. С., Самбуу, А. Д. (2002) Продуктивность степей // Степи Центральной Азии / отв. ред. И. М. Гаджиев, А. Ю. Королюк, А. А. Титлянова и др. Новосибирск : Изд-во СО РАН. 229 с. С. 95–173.

Шурыгин, В. В. (2002) Манул // Красная Книга Республики Тыва: животные / науч. ред. Н. И. Путинцев, Л. К. Аракчаа, В. И. Забелин, В. В. Заика. Новосибирск : Изд-во СО РАН. 168 с. С. 140–141.

Шурыгин, В. В., Ондар, С. О. (2018) Серый (алтайский) сурок // Красная книга Республики Тыва (животные, растения и грибы). 2-е изд. перераб. / отв. ред. С. О. Ондар, Д. Н. Шауло. Кызыл : Фаворит. 564 с. С. 34–35.

Donahoe, B. (2004) A Line in the Sayans: History and Divergent Perceptions of Property Among the Tozhu and Tofa of South Siberia. Unpublished Ph.D. dissertation, Indiana University, Department of Anthropology. 329 p.

Дата поступления: 01.03.2019 г.

REFERENCES

Biologiya. Sovremennaya illiustrirovannaya entsiklopediya [Biology. A modern illustrated encyclopedia] (2006) / ed. by A. P. Gorkin. Moscow, Rosmen-Press. 560 p. (In Russ.).

Dyrtyk-ool, A. O. (2005) Natsional'nyi muzei imeni Aldan-Maadyr Respubliki Tyva: istoriia i sovremennost' [The Aldan-Maadyr National Museum of the Republic of Tuva: past and present]. In: *Muzei v XXI veke: problemy i perspektivy [The museum in the 21st century: issues and prospects]* / comp. by A. O. Dyrtyk-ool. Kyzyl, KTSo «Anyiak». 160 p. Pp. 34–37. (In Russ.).

Il'iashenko, V. Iu. and Il'iashenko, E. I. (2000) *Krasnaya kniga Rossii: pravovye aspekty [The Red Data Book of Russia: legal aspects]*. Moscow, s. n. 143 p. (In Russ.).

Kel'beshekov, B. K. (2005) Problemy sokhraneniia tuvinskogo podvida bobra [The problems of protecting the Tuvan beaver subspecies]. *Trudy zapovednika «Tigerekskii»*, no. 1, pp. 297–299. (In Russ.).

Kiriliuk, V. E. and Lushchekina, A. A. (2017) Sovremennoe sostoiianie dzerena (*Procavia gutturosa*: Bovidae) v Rossii [The current state of the dzeren (*Procavia gutturosa*: Bovidae) in Russia]. *Nature Conservation Research. Zapovednaia nauka*, vol. 2 (Suppl. 1), pp. 81–99. DOI: 10.24189/ncr.2017.018 (In Russ.).

Konventsiiia o mezhdunarodnoi trgovle vidami dikoi fauny i flory, nakhodiashchimisia pod ugrozoi ischeznoveniia. Priniata 3 marta 1973 goda [Convention on International Trade in Endangered Species of Wild Fauna and Flora. Adopted on 3 March 1973]. *OON. Konventsii i soglasheniia* [online] Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cites.shtml (access date: 20.02.2019). (In Russ.).

Krasnaya kniga Respubliki Tyva: Zhivotnye [The Red Data Book of the Republic of Tuva: Animals] (2002) / ed. by N. I. Putintsev, L. K. Arakchaa, V. I. Zabelin and V. V. Zaika. Novosibirsk, SO RAN Publ. 168 p. (In Russ.).

Krasnaya kniga Respubliki Tyva: Rasteniia [The Red Data Book of the Republic of Tuva: Plants] (2002) / ed. by I. M. Krasnoborov. Novosibirsk, SO RAN Publ. 150 p. (In Russ.).

Krasnaya kniga Respubliki Tyva (zhivotnye, rasteniia i griby) [The Red Data Book of the Republic of Tuva: animals, plants and mushrooms] (2018). 2nd ed. / ed. by S. O. Ondar and D. N. Shaulo. Kyzyl, Favorit. 564 p. (In Russ.).

Krasnaya kniga SSSR. Redkie i nakhodiashchiesia pod ugrozoi ischeznoveniia vidy zhivotnykh i rastenii [The Red Data Book of the USSR: Rare and endangered species of animals and plants] (1978) / ed. by A. M. Borodin, A. G. Bannikov, E. E. Syroechkovskii et al. Moscow, Lesnaya promyshlennost' Publ. 460 p. (In Russ.).

Kuksin, A. N. (2018) Irbis (snezhnyi bars) [The irbis (snow leopard)]. In: *Krasnaia kniga Respubliki Tyva (zhivotnye, rasteniia i griby) [The Red Data Book of the Republic of Tuva: animals, plants and mushrooms]* (2018). 2nd ed. / ed. by S. O. Ondar and D. N. Shaulo. Kyzyl, Favorit. 564 p. Pp. 51–52. (In Russ.).

Nauchnaia programma «Tuvinskii bobr» [The "Tuvan beaver" research program]. *Osobo okhranaemye prirodnye territorii Rossiiskoi Federatsii* [online] Available at: <http://zapoved.ru/science/topic/403/Nauchnaia-programma-TUVINSKII-BOBR> (access date 19.02.2019). (In Russ.).

Savel'ev, A. P., Kartashov, N. D., Putintsev, N. I., Shtubbe, M., Shtubbe, A., Molokova, N. I. and Demkin, I. V. (2016) Programma «Tuvinskii bobr»: osnovnye rezul'taty 20-letnei raboty [The "Tuvan beaver": the main results of 20 years of work]. In: *Sovremennoe sostoianie redkikh vidov rastenii i zhivotnykh Respubliki Tyva [The current state of rare species of plants and animals in the Republic of Tuva]*. Proceedings of the all-Russian conference (28–29 April 2016). / ed. by U. V. Ondar. Kyzyl, TuvGU Publ. 130 p. Pp. 106–116. (In Russ.).

Smirnov, M. N. (2002a) Dzeren [The Mongolian gazelle]. In: *Krasnaia kniga Respubliki Tyva: Zhivotnye [The Red Data Book of the Republic of Tuva: Animals]* (2002) / ed. by N. I. Putintsev, L. K. Arakchaa, V. I. Zabelin and V. V. Zaika. Novosibirsk, SO RAN Publ. 168 p. Pp. 144–145. (In Russ.).

Smirnov, M. N. (2002b) Lesnoi severnyi olen' [The forest reindeer]. In: *Krasnaia kniga Respubliki Tyva: Zhivotnye [The Red Data Book of the Republic of Tuva: Animals]* (2002) / ed. by N. I. Putintsev, L. K. Arakchaa, V. I. Zabelin and V. V. Zaika. Novosibirsk, SO RAN Publ. 168 p. Pp. 143–144. (In Russ.).

Sorokin, P. A. (2005) *Filogeografiia mongol'skogo dzerena (Procapra gutturosa) [Phylogeography of the Mongolian gazelle (Procapra gutturosa)]*: Diss. ... Candidate of Biology. Moscow. 102 p. (In Russ.).

Titlianova, A. A., Mironycheva-Tokareva, N. P., Romanova, I. P., Kosykh, N. P., Kyrgys, Ch. S. and Sambuu, A. D. (2002) Produktivnost' stepei [Productivity of steppes]. In: *Stepi Tsentral'noi Azii [Steppes of Central Asia]* / ed. by I. M. Gadzhiev, A. Iu. Koroliuk, A. A. Titlianova et al. Novosibirsk, SO RAN Publ. 229 p. Pp. 95–173. (In Russ.).

Shurygin, V. V. (2002) Manul. [The Pallas's cat]. In: *Krasnaia kniga Respubliki Tyva: Zhivotnye [The Red Data Book of the Republic of Tuva: Animals]* (2002) / ed. by N. I. Putintsev, L. K. Arakchaa, V. I. Zabelin and V. V. Zaika. Novosibirsk, SO RAN Publ. 168 p. Pp. 140–141. (In Russ.).

Shurygin, V. V. and Ondar, S. O. (2018) Seryi (altaiskii) surok [The grey (Altai) groundhog]. In: *Krasnaia kniga Respubliki Tyva (zhivotnye, rasteniia i griby) [The Red Data Book of the Republic of Tuva: animals, plants and mushrooms]* (2018). 2nd ed. / ed. by S. O. Ondar and D. N. Shaulo. Kyzyl, Favorit. 564 p. Pp. 34–35. (In Russ.).

Donahoe, B. (2004) *A Line in the Sayans: History and Divergent Perceptions of Property Among the Tozhu and Tofa of South Siberia*. Unpublished Ph.D. dissertation, Indiana University, Department of Anthropology. 329 p.

Submission date: 01.03.2019.

DOI: 10.25178/nit.2019.2.16

Лексема *шаг* 'время' и вопросы грамматикализации в тувинском языке

Людмила А. Шамина

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук, Российская Федерация

В статье представлен анализ семантики и функционирования грамматикализованных структур с лексемой *шаг* — 'время' в тувинском языке. На фоне имеющихся исследований, посвященных проблемам грамматикализации элементов разных уровней тувинского языка (фонетика, лексика, грамматика), специальное исследование структуры, семантики и функционирования грамматикализованных единиц, создание классификационных схем для таких языковых единиц пока отсутствует.

Цель данной статьи – описание нового коммуникативного поведения лексем в условиях культурной адаптации, обеспечившей выполнение ими вновь возникающих функций.

Исследуются новые слова, значения слов, новые морфосинтаксические конструкции и новые значения существующих морфосинтаксических конструкций тувинского языка, которые добавились к уже имеющейся кодифицированной системе коммуникации. Для изучения проблемы были привлечены материалы из художественной литературы на тувинском языке, примеры из словарей и грамматик и полевые материалы, полученные автором во время экспедиций в Тувинскую АССР.

В результате исследования была выявлена основная тенденция грамматикализации причастно-послеложных конструкций тувинского языка с темпоральными лексемами *шаг* — 'время', *үе* — 'время': фразеологизация некоторого набора слов, позволяющая стать регулярно воспроизводимым либо зачалом в фольклорном повествовании, либо концовкой предложения.

Результаты исследования вносят вклад в развитие теории грамматикализации, вписывая материалы тувинского языка в группу языков, в которых данное явление уже исследовано.

Ключевые слова: лексика; семантика; грамматикализация; фразеологизация; причастно-послеложная конструкция; тувинский язык; послелог; вводное слово; устойчивая синтаксическая структура

Для цитирования:

Шамина Л. А. Лексема *шаг* 'время' и вопросы грамматикализации в тувинском языке [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2019, № 2. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/856> (дата обращения: дд.мм.гг.). DOI: 10.25178/nit.2019.2.16

Шамина Людмила Алексеевна — доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора языков народов Сибири, Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук. Адрес: 630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8. Тел.: +7 (383) 330-15-18. Эл. адрес: Shamina_la@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-0539-7732

Shamina Lyudmila Alekseevna, Doctor of Philology, Chief Research Fellow, Sector of languages of the peoples of Siberia, Institute of Philology, Siberian branch, Russian Academy of Sciences. Postal address: 8 Nikolaev St., 630090 Novosibirsk, Russian Federation. Tel.: +7 (383) 330-15-18. E-mail: Shamina_la@mail.ru

The lexeme *shag* ('time') and the issues of grammatization in Tuvan language

Lyudmila A. Shamina

Institute of Philology, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Russian Federation

The article analyzes the semantics and function of grammatized structures featuring the lexeme 'shag' (time) in Tuvan language. While a number of studies have dealt with grammatization on various levels of Tuvan language, such as phonetics, vocabulary or grammar, there is still no in-depth study of structure, semantics and function of grammatized structures, and a classification framework for such linguistic units is also missing.

This article aims to provide a description of a new communicative behavior of lexemes functioning under cultural adaptation, which in turn has enabled them to perform the new functions/

We have studied new words, meanings and morphosyntactic constructions, as well as new roles of existing morphosyntactic constructions in Tuvan which have been added to the existing system of communication. To study the issue, we have used samples from Tuvan literature, dictionaries and grammar books, as well as field materials collected by the author on her expeditions to Tuvan ASSR.

The outcomes of the study has allowed us to single out the main trend in grammatization of participial postfix constructions containing temporal lexemes 'shag' and 'ye' (time). The trend lies in phraseologization of a certain wordset which allows it to become a regularly reproduced element or a starting element in a folklore narrative, or be used at the ending of a sentence.

The conclusions contribute to the theory of grammatization by adding Tuvan linguistic material to that of the language group where the corresponding features have been already studied.

Keywords: *vocabulary; semantics; grammatization; phraseologization; participial postfix construction; Tuvan language; postfix; parenthetical construction; fixed syntactic structure*

For citation:

Shamina L. A. The lexeme *shag* ('time') and the issues of grammatization in Tuvan language. *The New Research of Tuva*. 2019, № 2 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/856> (access date ...). DOI: 10.25178/nit.2019.2.16

Введение

Теория грамматикализации за последние десятилетия стала неотъемлемой составляющей в исследованиях по языкам мира, в которых освещается и интерпретируется структура особых типов грамматикализованных конструкций. О явлении грамматикализации¹ лингвисты думали и писали на протяжении многих веков «в том числе задолго до появления самого термина “грамматикализация”» (обзор работ см.: Майсак, 2005: 23–36). Независимо от употребления этого термина вопросы развития грамматических показателей обсуждались в работах лингвистов 1960–1970-х гг. (Аналитические конструкции ... , 1965; Курилович Е., 1965; Касевич, 1988). В исследованиях разных периодов подчеркивается мысль, что основной причиной превращения лексических значений в грамматические является, во-первых, переосмысление имевшегося ранее материала, а во-вторых, ослабление лексического значения и преобладание грамматического компонента у исследуемого объекта.

На фоне немалого количества исследований, посвященных проблемам грамматикализации элементов разных уровней языка (фонетика, лексика, грамматика), в тувиноведении на сегодняшний день постановка проблемы в такой формулировке не нашла своего отражения в имеющихся публикациях. Крат-

¹ Грамматикализация — процесс, в ходе которого лексические единицы и конструкции приобретают грамматические функции и затем продолжают развивать новые грамматические функции (Майсак, 2005: 37–82). Например, полнозначный глагол со значением ‘стать’ может преобразоваться в маркер будущего времени или указательное местоимение может превратиться в определенный артикль.

ко представленные грамматикализованные структуры в «Грамматике тувинского языка ...» (Исхаков, Пальмбах, 1962), в работах Ш. Ч. Сата, Д. А. Монгуша, Т. А. Майсака, а также автора данной статьи (Сат, 1955, Монгуш, 1963; Майсак, 2005; Шамина, 2016) показывают острую необходимость обратить внимание исследователей на процессы, в которых сложные ментальные репрезентации дают старт образованию их нового коммуникативного поведения в условиях культурной адаптации и обеспечивают выполнение вновь возникающих функций. Таким образом, необходимость написания нашей статьи обусловлена тем, что в тувиноведении не существует обобщающих работ по данной тематике.

Исследуя грамматикализованные структуры тувинского языка, мы рассматриваем грамматикализацию как средство «оформления грамматической структуры, существующей независимо от самого процесса грамматикализации (Гращенко, 2015: 16).

Современные синтаксические теории, мир которых, как отмечает Я. Г. Тестелец, «совершенно необозрим» (Тестелец, 2001: 28), помогают объяснить правила внутренней организации, взаимодействия с внешним контекстом и интерпретации исследуемых тувинских конструкций, определить их место в грамматической системе тюркских языков. Установка на объяснение, содержательный семантический анализ синтаксических явлений и др. элементы активно развивающегося направления лингвистического анализа — «Грамматики конструкций» (обзор работ см.: Рахилина, Плунгян, 2011), — позволяет представить синтаксическую картину многих языковых фактов и находит прямые параллели в российской лингвистической традиции (Шведова, 1960; Русская грамматика, 1980; Арутюнова, 1976; Белошапкова, 1977; Черемисина, 1979; Предиктивное склонение ..., 1984; Структурные типы ..., 1986 и др.).

Целью данной статьи является исследование нового коммуникативного поведения лексем тувинского языка в условиях культурной адаптации, обеспечившей выполнение ими вновь возникающих функций.

Источниковой базой исследования стали тексты тувинского фольклора, опубликованные в сборниках (Алдай-Буучу, 1993; Аксагалдай ашак: тыва хуулгаазын тоолдар, 1992; Сарыкай, 1982, 1985; Даржай, 1994; С. Тамба, 1984; Бокту-Кириш, Бора-Шээлей: Тыва улустун маадырлыг тоолу, 1995; Тыва улустун тоолдары, 2012), примеры из словарей (Тувинско-русский словарь, 1955; Тувинско-русский словарь, 1968; Русско-тувинский словарь 1963; Русско-тувинский словарь, 1980) и грамматики (Грамматика тувинского языка, 1961), многотомной серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» (Памятники ..., 2010), а также полевые материалы, полученные автором во время экспедиций и командировок в Тувинскую АССР (1980, 1981–1985 гг. Полевые материалы хранятся в Институте филологии Сибирского отделения РАН). В статье также использованы фольклорные тексты «[Электронного корпуса текстов тувинского языка](#)», разработанного группой филологов Тувинского государственного университета (Научно-образовательный центр «Тюркология») под руководством М. В. Бавуу-Сюрюн.

Изменение морфосинтаксического статуса полнозначных лексем как результат процесса грамматикализации

Развитие морфосинтаксической структуры, выполняющей коммуникативные функции, происходит в языке преимущественно через диахронию (исторические изменения) (Гивон, 2015: 97), предполагающую рассмотрение индивидуальных инноваций и их социальное распространение как неотъемлемую часть истории культуры. В грамматической диахронии морфосинтаксические структуры возникают и исчезают, «и затем возникают снова, заново кодируя — часто при помощи новых морфосинтаксических средств — те же самые коммуникативные функции» (там же: 102). Утрата старых грамматических структур и реграматикализация происходит постепенно. Т. Гивон отмечает, что новые слова, значения слов, новые морфосинтаксические конструкции и новые значения существующих морфосинтаксических конструкций постепенно добавляются к уже имеющейся кодифицированной системе коммуникации (там же).

Одним из путей грамматикализации моделей бипредикативной конструкции (БПК) является фразеологизация полнозначной предикативной единицы (ПЕ), утрата ею самостоятельного значения и превращение в особое модальное средство оформления высказывания. Поясним, что под моделью БПК понимаем модель объединения двух предикативных единиц (ПЕ). Это отдельная языковая единица, планом содержания которой является некоторое смысловое отношение между событиями действительности; планом выражения — определенная схема соединения ПЕ (Структурные типы ..., 1986: 23). Показатель связи, оформляя зависимую предикативную единицу (ЗПЕ), является конструктивным центром модели, и выражает ее синтаксическую семантику (Черемисина, 1979: 13–20). Наблюдается определенная связь между структурой зависимой предикативной единицы ЗПЕ и семантикой выражаемых ею отношений.

В тувинском языке примерами такого рода служат формы причастия будущего времени на =р в дательном падеже. На базе этой полифункциональной формы, выражающей, прежде всего, значение общей временной соотнесенности, а также некоторые из значений блока обусловленности, развились значения оценки представления о событии потенциальном, оценка способности субъекта, черты его характера (ср.: *бодаарга* — ‘как подумаешь’, *минниирге* — ‘признавать’ и пр.).

(1) *Бир-бир бодаарымга, улус-чонга «думчуун сукпас чери чок» деп чемеледи-даа берги дег* (Даржай, 1994: 114)¹.

бир=бир порой	бода=ар=ым=га думать=PrP=1SG=DAT	улус-чон=га народ=DAT	думчу=ун нос=ACC	сук=пас совать=NEGPrP
чер=и	чок	деп	чемеле=д=и.даа	бер=ги.дег
место=POSS.3S	нет	CONJ	упрекать=CAUS=CV.PRTCL	AUX=POT

Перевод: ‘Порою мне думается, что его могут упрекнуть: «Куда не надо нос суешь»’.

Преобразование лексических единиц темпоральной семантики в грамматические единицы

Пространственно-временные представления, вырабатываемые языковым сознанием, участвуют в конструировании в рамках каждой культуры своей особой модели мира. Время, как и пространство, относится к базовым категориям человеческого мышления, в явном или скрытом виде присущим любому типу дискурса. Язык проявляет избирательность в кодировании тех или иных отношений наиболее грамматикализованными средствами (падежными и иными формами имен, служебными словами, временными предикатами и формируемыми ими конструкциями).

Тувинский язык располагает значительным количеством грамматических средств выражения временных отношений: локальные падежи, релятивные слова различных разрядов (послелогии, служебные имена, наречия). Мы, однако, сконцентрируемся только на употреблении слова *шаг* — ‘время’ в самостоятельном и служебном употреблении.

Самостоятельное употребление слова *шаг*. В тувинско-русском словаре (Тувинско-русский словарь, 1968: 653) *шаг* переводится как ‘время’: *ол шагда* — ‘в те времена’: *хостуг шаг (ге)* — ‘свободное время’; *бурунгу шагда* — ‘в древние времена’; *тарылга үези* — ‘время сева’. Производные от *шаг*: *шагда* — ‘давно’, *шаанда* — ‘давно’, *шаандакы (шаандагы)* — ‘давнишний’.

В эпическом тексте слово *шаг* способствует целостному восприятию художественной действительности, композиционно организует произведение. Предложения начинаются с традиционных *шак оон бээрле* — ‘именно с тех пор’, *шак ынчаар* — ‘именно так’². Ср.: *Эрте-бурунгу шагда* (Алдай-Буучу, 1993: 250) — ‘Прежде раннего времени’; *Эртенги бурунгу шагда* (Тыва улустуң ... , 2012: 155) — ‘Прежде завтрашнего времени’. В фольклорных текстах оно имеет значение ‘давнее время’.

(2) *Шаг шаа-биле турбас, чавылдак көгү-биле турбас* (Тувинско-русский словарь, 1968: 563).

шаг	шаа-биле	тур=бас	чавылдак	көгү-биле	тур=бас
время	время-с	стоять=NEGPrP	ирис	зеленый-с	стоять=NEGPrP

Перевод: ‘Времена (года) меняются, растения не стоят (всегда) зелеными’.

(3) ... *чиңгирти чуглуп, чиңгис чуруп турар шагда-даа чүвең иргин* (Аксагалдай ашак: тыва хуулгаазын тоолдар, 1992: 109).

чиңгирти	чуг=л=уп	чиңгис	чуру=п	тур=ар	шаг=да-даа
----------	----------	--------	--------	--------	------------

¹ Здесь и далее грамматические показатели в примерах имеют следующие сокращения: PrP — аффикс причастия настоящего будущего времени; DAT — аффикс датива; ACC — аффикс аккузатива; SG — показатель единственного числа; NEGPrP — отрицательный аффикс причастия; POSS — посессивный (лично-притяжательный) аффикс; CONJ — союз; CAUS — аффикс каузатива; CV — аффикс конверба; PRTCL — частица; AUX — вспомогательный глагол; POT — аффикс потенциалиса.

² Здесь *шак* — ‘час, время’ пример из «Тувинско-русского словаря» (Тувинско-русский словарь, 1968: 564) означает время суток, а звонкий вариант — *шаг* — век, времена, вечность.

чингирти	катиться=CAUS=CV	чингис	рисовать=CV	быть=PrP	время=LOC- PRTCL
чүвең= PRTCL ¹	иргин= PRTCL				

Перевод: ‘Было в то время, когда чингирти каталось, чингис рисовал’ (Букв.: *чингирти* — катавшееся, *чингис* — рисовавшее во времена было).

Зачин — начало произведения тувинского народного (фольклорного) творчества (мифов, сказок и т. д.) также характеризуется частым использованием рассматриваемых лексем, усиливающих образное восприятие текста.

4) *Шыяан-ам, шаанда шагда чүвең иргин.* (Мифы, легенды, предания тувинцев, 2010: 50).

шыяан-ам	шаанда	шаг=да	чүвең	иргин
так.вот	давно	время=LOC	PRTCL	PRTCL

Перевод: ‘Так вот, давным давно это было же’.

(5) *Биеэде, шаг-шаанда ийи ийис оолдуг Бора хой чоруп тур* (Тыва улустуң тоолдары, 2012: 555).

биеэде	шаг-шаанда	ийи	ийис	оол=дуг	бора
раньше	время-давно	два	двойня	детеныш=POSSV ²	серый
хой= овца	чор=уп=жить=CV	тур= AUX			

Перевод: ‘Раньше, давным-давно жила-была серая овца с двумя двойняшками’.

(6) *Эртенгиниң эртезинде, Эңге-тайбың турар шагда* (Тыва улустуң тоолдары, 2012: 239).

эртенги=ниң	эрте=зи=н=де	эңге-тайбың	тур=ар
утренний=GEN ³	рано=POSS.3=INFIX=LOC	самый-мирный	быть=PrP
шаг=да =время=LOC			

Перевод: ‘Раньше раннего, тихо-мирно было когда ...’

(7) *Шаанда, революция мурнунда, аңаа бай орустар алдын кастырып турган* (Тамба, 1984: 184).

шаанда	революция	мурнунда	аңаа	бай	орус=тар
давно	революция	перед	там	богатый	русский=PL
алдын	кас=тыр=ып	тур=ган			
золото	копать=CAUS=CV	AUX=PP			

Перевод: ‘Давно перед революцией там зажиточные русские заставляли золото рыть’.

Конец предложения. В самостоятельном употреблении слово *шаг* — ‘время’ может заканчивать повествовательное предложение, реализуя функцию финитного сказуемого. Оно относится ко всему предложению, сказуемое которого выражено причастием будущего времени на =*p* от глагола *тур*= ‘стоять’. Слово шаг оформлено аффиксом локатива (местного падежа) =*да*.

(8) *Те мыйызы дээрге шаштыгып турар шагда. Тевениң чолдак кудуруу черге дөжелип турар шагда* (Тыва тоолдар, 1957: 69).

те.мыйызы	дээр=ге	шаштыг=ып	тур=ар	шаг=да
козлиные рога	небо=DAT	упираться=CV	AUX=PrP	время=LOC

¹ LOC – аффикс локатива; PRTCL – частица.

² POSSV – форма обладания.

³ GEN – аффикс генитива; INFIX – морфема, вставляемая перед аффиксом косвенных падежей.

теве=нин	чолдак	кудуру=у	чер=ге	дөжел=ип
верблюд=GEN	короткий	кудуру=у	земля=DAT	стлаться=CV
тур=ар	шаг=да			
AUX=PrP	время=LOC			

Перевод: ‘В то время, когда рога козерога доходили до неба. В то время, когда короткий хвост верблюда покрывал землю’.

(9) *Дөңгеликтиң бажындан дөрт өң чечек үнүп, Дөңгүр инектиң бажындан мыйыс үнүп турар шагда* (Бокту-Кириш, Бора-Шээлей, 1995: 5).

дөңгелик=тиң	бажын=дан	дөрт	өң	чечек	үн=үп
кочка=GEN	макушка=ABL ¹	четыре	цвет	цветок	всходить=CV
дөңгүр	инек=тиң	бажын=дан	мыйыс	үн=ү	тур=ар
комольй	корова=GEN	голова=ABL	рог	вырастать=CV	AUX=PrP
шаг=да					
время=LOC					

Перевод: ‘В то время, когда на макушке маленького холма расцветали четырехцветные цветочки, в то время, когда выросли рога у комолой коровы’.

(10) *Сүт-Хөл шалбаа, Сүмбер-Уула тей турар шагда* (Тыва тоолдар, 2014: 172).

Сүт-Хөл	шалбаа	Сүмбер-Уула	тей	тур=ар	шаг=да
Сут-Хол	луза	Сумбер-Уула	сопка	AUX=PrP	время=LOC

Перевод: ‘Было в то время, когда Сут-Хол было лужицей, Сүмбер-Уула была сопкой’.

В данном примере наблюдается групповое оформление именной части двух событий сочетанием *турар шагда* — ‘в то время’, имевших место в прошлом.

Служебная функция лексемы *шаг*. Лексически полнозначные слова, используемые в функции связующего средства (скрепа внутри предложения или между предложениями, союз и т. п.), являются источником новых грамматических показателей.

Для лексемы *шаг* характерно то, что в служебном (грамматикализованном) использовании, органически сливаясь с падежом и растворяя в чисто грамматических функциях свое лексическое значение, оно превращается в формально грамматический элемент, осложняющий значение падежа особыми, главным образом, пространственными значениями.

Основная функция лексемы *шаг* в служебном употреблении состоит в формировании причастно-последложных конструкций сказуемого зависимой ПЕ. Такие конструкции включают в состав показателя связи послелог — лексический носитель выражаемого синтаксического отношения двух предикативных единиц (ПЕ). Это система развивающаяся, и в состав послелогов входят грамматикализовавшиеся лексемы разного характера, прежде всего, имена отношений, находящиеся на разной стадии грамматикализации.

Кроме послелогов, специфику причастно-последложных конструкций составляют разные причастия, сочетающиеся с одним и тем же послелогом. Конструкции, допускающие варьирование причастных форм при одном послелого, выражают разные временные значения. Заметим, что существуют особые лексические контексты, в которых активизируется аналогия с пространством и временные конструкции начинают вести себя параллельно пространственным.

Рассмотрим случаи со служебным словом *шагда* — ‘давно’, сочетания с которым составляют особую группу темпоральных конструкций с семантикой общей временной соотнесенности.

Своеобразие конструкций этого типа состоит в том, что передается темпоральная семантика с помощью форм имен со значением ‘время’: *шаанда (шагда), үемде (үеде), өйүнде (өйде)*. В составе БПК эти своеобразные послелогии не оторвались еще окончательно от именных основ. В них потенциальная позиция

¹ ABL — аффикс аблатива.

посессивного аффикса — морфологический признак служебных имен — может оставаться пустой (ср.: *шаг=да; шаа=м=да; шаа=н=да; шаа=н=да*). У служебного имени на месте выпадения сонорного г между гласным основы и аффиксом принадлежности 3-го лица =ы, произошло стяжение и полная ассимиляция гласных и образовался долгий гласный на стыке морфем (Грамматика тувинского языка ... , 1961: 57). Инфикс =н — вставной согласный перед падежным аффиксом.

Сочетаются указанные послелогои не с одной, а с несколькими формами зависимых сказуемых. Чередование причастных форм оказывает влияние на семантику БПК: внутри одного семантического типа — темпорального — это значение дифференцируется.

(11) *Оларның иштидаштынга чиңгине арыглаашкын кылдыртпаан шаамда амыравас мен* (Сарыкай, 1985: 7).

олар=ның	ишти-дашты=н=га	чиңгине	арыглаашкын	кылдыр=т=па=ан
они=GEN	внутри-	настоящий	чистка	делать=CAUS=NEG ¹ =PP ²
шаа=м=да	снаружи=INFIX=DAT	мен		
время=1SG=LOC	амыра=вас	я		
	успокаиваться=NEGPrP			

Перевод: 'Пока я не проведу среди них настоящую чистку, я не успокоюсь'.

В этом примере, сказуемое ЗПЕ, выраженное сочетанием причастия прошедшего времени на =ган в отрицательной форме с послелогом *шаамда*, передает значение предела во времени 'пока не'.

(12) *Мен аныякдаа, күшишдалдыгдаа, ажылишчидаа чоруур шаамда чүве ийин ол* (Тамба, 1984: 141).

мен	аныяк-даа	күш- шыдалдыг-даа	ажыл-ишчи-даа	чоруу=ур
я	молодой-PRТCL	сильный-PRТCL	труженик-PRТCL	быть=PrP
шаа=м=да	чүве	ийин	ол	
время=1SG=LOC	вещь	PRТCL	тот	

Перевод: 'Это было тогда, когда я был молодым, сильным, работягой'.

Здесь рассматриваемый послелог сочетается с формой причастия будущего времени на =р. Выражено значение одновременности 'в то время, когда'.

(13) *Чогум шаанда, бистиң-даа мурнувуста эрги Тыва үезинде, херээжен кижини кандыг-даа тура-сорук деп чүве барымдаалавас тудуп бериптер чүве дээн* (Тамба, 1984: 226).

чогум	шаа=н=да	бис=тиң-даа	мурну=вус=та	эрги	Тыва
именно	время=POSS.3=LOC	мы=GEN-PRТCL	раньше=1PL=LOC	старый	Тыва
үе=зи=н=де	херээжен	кижи=ни	кандыг-даа	тура-сорук	деп
время=POSS.3=INFIX=LOC	женщина	человек=ACC	никакой-PRТCL	желание-воля	CONJ
чүве	барымдаа=ла=вас	туд=уп	бер=ипт=ер		
дело	основание=VS=NEG	держать=CV	AUX=PERFV=PrP		
чүве= дело	дэ=эн= говорить=PP				

Перевод: 'Говорили, что раньше, когда нас еще не было, в старой Тыве женщину выдавали (замуж) без всякого желания'.

¹ NEG — отрицательный аффикс глагола.

² PP — аффикс причастия прошедшего времени.

В этом примере представлено именное сочетание *чогу́м шаа=н=да* — ‘именно то время’. В целом данное сочетание вводит тему высказывания, характеризуя ситуацию, имевшую место в далеком прошлом.

(14) *Мен ол аалга кадарчылап келген үемде черле ындыг чүве болбаан* (Тамба, 1984: 228).

мен	ол	аал=га	кадарчыла=п	кел=ген	үе=м=де
я	тот	аал=DAT	работать.пастухом=CV	AUX=PP	время=1SG=LOC
черле	ындыг	чүве	бол=ба=ан		
вовсе	такой	вещь	быть=NEG=PP		

Перевод: ‘В то время, когда я работал пастухом в этом аале, такого вовсе не было’.

Сделанные нами выводы не противоречат результатам, полученным другими исследователями. Например, А. А. Пальмбах, Ф. Г. Исхаков (Исхаков, Пальмбах, 1961: 439), М. В. Оюн (Оюн, 1988), говоря о самостоятельности служебных имен в фонетическом отношении, подчеркивают их формальную функцию в качестве маркеров пространственных падежей с дополнительной смысловой нагрузкой. Рассмотренные нами примеры с послелогом (*шаанда, үеде*), сохраняющими пока тесную связь с именами, от которых они образовались, подтверждают это наблюдение исследователей тувинского языка.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, выявлена структура, отражены семантика и функционирование морфосинтаксических конструкций, которые получают новую интерпретацию в условиях культурной адаптации, обеспечивающей выполнение ими вновь возникающих функций.

Во-вторых, установлено, что выявленные грамматикализованные причастно-послеложные конструкции с темпоральными лексемами *шаг* — ‘время’, *үе* — ‘время’ представляют регулярно воспроизводимые инновационные структуры, оформляющие либо зачала, либо концовки предложения. Лексема *шаг* функционирует, наряду с глагольными авторизаторами источника информации *бодаарга, минниирге, болза, дээрге*, как устойчивый лексический стандарт, обеспечивающий новое коммуникативное приращение в условиях фольклорного контекста.

Кроме того, лексема *шаг*, занимая разные позиции в структуре предложения, функционирует как: 1) скрепа; 2) член предложения с семантикой обстоятельства времени с именными определениями, 3) определение в зависимой ПЕ.

Тувинский язык выработал особые языковые средства выразительности, характерные для текстов определенного дискурса. Любому связному событийному тексту в совокупности с различными жизненными, социокультурными, психологическими и др. факторами присущи собственный набор стандартных фраз и собственное лексическое наполнение, зависящее, в том числе, и от культурных традиций народа.

Автор считает, что обозначенные в статье проблемы, требуют специального исследования структуры, семантики и функционирования грамматикализованных структур, создания классификационных схем для таких языковых единиц в тувиноведении. Результаты исследования вносят вклад в развитие теории грамматикализации, вписывая материалы тувинского языка в группу языков, в которых данное явление уже получило научную интерпретацию и широко изучено.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аксагалдай ашак: тыва хуулгаазын тоолдар [Старик Аксагалдай. Тувинские волшебные сказки] (1992) / сост. З. Б. Самдан. Кызыл: Тываның ном үндүрер чери. Т. 1. 220 арын. (На тув. яз.)

Алдай-Буучу: Тыва улустун маадырлыг тоолдары [Героические сказания тувинского народа] (1993) / сост. С. М. Орус-оол. Кызыл: Тываның ном үндүрер чери. Т. II. 288 арын. (На тув. яз.)

Аналитические конструкции в языках различных типов (1965) / ред. В. М. Жирмунский, О. П. Суник. М.; Л.: Наука. 343 с.

- Арутюнова, Н. Д. (1976) Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. М. : Наука. 383 с.
- Белошапкина, В. А. (1977) Современный русский язык. Синтаксис. М. : Высшая школа. 247 с.
- Бокту-Кириш, Бора-Шээлей: Тыва улустуң маадырлыг толу [Тувинский народный эпос] (1995) / сост. С. М. Орус-оол. Кызыл : Тываның ном үндүрер чери. , IV том 224 арын. (На тув. яз.)
- Гивон, Т. (2015) Сложность и развитие // Язык и мысль / отв. ред. А. А. Кибрик. М. : Языки славянской культуры. 843 с. С. 89–122.
- Гращенко, П. В. (2015) Тюркские конвербы и сериализация. Синтаксис, семантика, грамматикализация. М. : Языки славянской культуры. 264 с.
- Даржай, А. (1994) Душтук дүнү [Ночь невесты] // Улуг-Хем (альманах). № 5. Кызыл : Тываның ном үндүрер чери. 159 арын. А. 3–22 (На тув. яз.).
- Исхаков, Ф. Г., Пальмбаха А. А. (1961) Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М. : Издательство восточной литературы. 470 с.
- Касевич, В. Б. (1988) Семантика. Синтаксис. Морфология. М. : Наука. 320 с.
- Курилович, Е. (1965) О методах внутренней реконструкции // Новое в лингвистике. Вып. 4. М. : Прогресс. 592 с. С. 400–433.
- Майсак, Т. А. (2005) Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М. : Языки славянских культур. 480 с.
- Мифы, легенды, предания тувинцев (2010) // Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока / отв. ред. В. В. Илларионов. Новосибирск : Наука. Т. 28. 371 с. (На тув. яз.).
- Монгуш, Д. А. (1963) Формы прошедшего времени изъявительного наклонения в тувинском языке. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 167 с.
- Оюн, М. В. (1988) Определительные конструкции в тувинском языке : автореф. дисс. ... канд. филол. н. Алма-Ата. 19 с.
- Предикативное склонение причастий в алтайских языках (1984) / отв. ред. Е. И. Убрятова, Ф. А. Литвин. Новосибирск : Наука. 192 с.
- Плунгян, В. А. (2011) Ю. Д. Апресян как теоретик Грамматики конструкций // Слово и язык / отв. ред. Е. В. Рахилина. М. : Языки славянских культур. 736 с. С. 548–557.
- Русская грамматика (1980) : в 2 т. / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М. : Наука. Т. 2. Синтаксис. 709 с.
- Сат, Ш. Ч. (1955) Тувинский язык (грамматический очерк) // Тувинско-русский словарь / отв. ред. А. А. Пальмбаха. М. : Государственное издательство иностранных и национальных словарей. 724 с. С. 615–721.
- Сарыкай, Д. (1985) Буураашкын // Улуг-Хем (альманах). № 61. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 160 с. С. 3–31. (На тув. яз.).
- Структурные типы синтетических полипредикативных конструкций в языках разных систем (1986) / отв. ред. Е. И. Убрятова, Ф. А. Литвин. Новосибирск : Наука. 320 с.
- Тамба С. (1984) Уелерниң үскүлежии [Столкновение времен]. Кызыл : Тываның ном үндүрер чери. 256 арын. (На тув. яз.)
- Тестелец, Я. Г. (2001) Введение в общий синтаксис. М. : Издательский центр РГГУ. 798 с.
- Тувинско-русский словарь (1968) / отв. ред. Э. Р. Тенишев. М. : Советская энциклопедия. 646 с.
- Тыва тоолдар (2014) : О. К.-Ч. Дарыманың чыып бижээн материалдары [Тувинские сказки. Материалы, собранные О. К. Дарымой] / сост. С. М. Орус-оол, М. Б. Кунгаа. Кызыл : Тываның ном үндүрер чери. 234 арын. (На тув. яз.)
- Тыва тоолдар [Тувинские сказки] (1957). Кызыл : Тываның ном үндүрер чери. Т. IV. 183 арын с. (На тув. яз.)
- Тыва улустуң тоолдары (2012): Тываның тоолчуларының II дугаар следунуң материалдары [Тувинские народные сказки: Материалы II слета сказителей Тувы] / сост. С. М. Орус-оол. Кызыл : Тываның ном үндүрер чери. 405 арын. (На тув. яз.).
- Тыва маадырлыг тоолдар [Тувинские героические сказания] (1990) / сост. С. М. Орус-оол. Кызыл : Тываның ном үндүрер чери. 272 арын. (На тув. яз.).
- Черемисина, М. И. (1979) Некоторые вопросы теории сложного предложения в языках разных систем. Новосибирск: Издательство НГУ. 82 с.
- Шамина, Л. А. (2016) Грамматикализация глаголов «смены собственника в тувинском языке» // Международный научно-исследовательский журнал. № 12 (54). Ч. 2. С. 91–93.
- Шведова, Н. Ю. (1960) Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М. : Изд-во Акад. наук СССР. 378 с.

Дата поступления: 30.01.2019 г.

REFERENCES

- Aksagaldai ashak: tyva khuulgaazyn tooldar [Old Aksagaldai. Tuvan fairy tales]* (1992) / comp. by Z. B. Samdan. Kyzyl, Tuvan book publ. Vol. 1. 220 p. (In Tuv.)
- Aldai-Buuchu: Tyva ulustung maadyrlyg tooldary [Heroic legends of the Tuvan people]* (1993) / comp. by S. M. Orus-ool. Kyzyl, Tuvan book publ. Vol. II. 288 p. (In Tuv.)
- Analiticheskie konstruksii v iazykakh razlichnykh tipov [Analytical constructions in languages of various types]* (1965) / ed. by V. M. Zhirmunskii and O. P. Sunik. Moscow, Leningrad, Nauka. 343 p. (In Russ.).
- Arutiunova, N. D. (1976) *Predlozhenie i ego smysl: Logiko-semanticheskie problem [The sentence and its sense: Logical and semantic issues]*. Moscow, Nauka. 383 p. (In Russ.).
- Beloshapkova, V. A. (1977) *Sovremennyi russkii iazyk. Sintaksis [Modern Russian language: Syntax]*. Moscow, Vysshaia shkola. 247 p. (In Russ.).
- Boktu-Kirish, Bora-Sheelei: Tyva ulustung maadyrlyg tolu [Boktu-Kirish, Bora-Seelei: a Tuvan folk epic]* (1995) / comp. by S. M. Orus-ool. Kyzyl, Tuvan book publ. Vol. IV. 224 p. (In Tuv.).
- Givon, T. (2015) Slozhnost' i razvitiye [Complexity and development]. In: *Iazyk i mysl' [Language and thought]* / ed. by A. A. Kibrik. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury. 843 p. Pp. 89–122. (In Russ.).
- Grashchenkov, P. V. (2015) *Tiurkskie konverby i serializatsiia. Sintaksis, semantika, grammatikalizatsiia [Turkic converbs and serialization. Syntax, semantics, grammaticalization]*. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury. 264 p. (In Russ.).
- Darzhai, A. (1994) Dushtuk dünü [Night of the bride]. *Ulug-Khem* (almanac), no. 5. Kyzyl, Tuvan book publ. 159 p. Pp. 3–22 (In Tuv.).
- Iskhakov, F. G. and Pal'mbakh A. A. (1961) *Grammatika tuvinskogo iazyka. Fonetika i morfologiya [A grammar of Tuvan language. Phonetics and morphology]*. Moscow, Izdatel'stvo vostochnoi literatury. 470 p. (In Russ.).
- Kasevich, V. B. (1988) *Semantika. Sintaksis. Morfologiya [Semantics. Syntax. Morphology]*. Moscow, Nauka. 320 p. (In Russ.).
- Kurilovich, E. (1965) O metodakh vnutrennei rekonstruktsii [On methods of internal reconstruction]. In: *Novoe v lingvistike [Advances in linguistics]*. Vol. 4. Moscow, Progress. 592 p. Pp. 400–433. (In Russ.).
- Maisak, T. A. (2005) *Tipologiya grammatikalizatsii konstruksii s glagolami dvizheniia i glagolami pozitsii [Typology of grammaticalization of constructions with verbs of motion and verbs of position]*. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur. 480 p. (In Russ.).
- Mify, legendy, predaniia tuvintsev [Myths and legends of Tuvans] (2010). In: *Pamiatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East]* / ed. by V. V. Illarionov. Novosibirsk, Nauka. Vol. 28. 371 p. (In Tuv.).
- Mongush, D. A. (1963) *Formy proshedshego vremeni iz "iavitel'nogo nakloneniia v tuvinskom iazyke [Forms of the past tense of the indicative mood in the Tuvan language]*. Kyzyl, Tuvan book publ. 167 p. (In Russ.).
- Oyun, M. V. (1988) *Opredelitel'nye konstruksii v tuvinskom iazyke [Definitive constructions in the Tuvan language]* : Thesis of Diss. ... Candidate of Philology. Alma-Ata. 19 p. (In Russ.).
- Predikativnoe sklonenie prichastii v altaiskikh iazykakh [Predicative declension of participles in Altaic languages]* (1984) / ed. by E. I. Ubriatova and F. A. Litvin. Novosibirsk, Nauka. 192 p. (In Russ.).
- Plungian, V. A. (2011) Yu. D. Apresian kak teoretik Grammatiki konstruksii [Yu. D. Apresyan as a theorist of grammar constructions]. In: *Slovo i iazyk [The word and the language]* / ed. by E. V. Rakhilina. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur. 736 p. Pp. 548–557. (In Russ.).
- Russkaia grammatika [A grammar of Russian language]* (1980) : in 2 vol. / ed. by N. Yu. Shvedova. Moscow, Nauka. Vol. 2. Sintaksis. 709 p. (In Russ.).
- Sat, Sh. Ch. (1955) Tuvinskii iazyk (grammaticheskii ocherk) [Tuvan language: a grammar sketch]. In: *Tuvinsko-russkii slovar' [A Tuvan-Russian dictionary]* / ed. by A. A. Pal'mbakh. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarei. 724 p. Pp. 615–721. (In Russ.).
- Sarykai, D. (1985) Buuraashkyn. *Ulug-Khem* (almanac), no. 61. Kyzyl, Tuvan book publ. 160 p. Pp. 3–31. (In Tuv.).
- Strukturnye tipy sinteticheskikh polipredikativnykh konstruksii v iazykakh raznykh sistem [Structural types of synthetic polypredicative constructions in languages of various systems]* (1986) / ed. by E. I. Ubriatova and F. A. Litvin. Novosibirsk, Nauka. 320 p. (In Russ.).
- Tamba S. (1984) *Yelerning üskülezhii [Collision of temps]*. Kyzyl, Tuvan book publ. 256 p. (In Tuv.)
- Testeleis, Ia. G. (2001) *Vvedenie v obshchii sintaksis [An introduction to general syntax]*. Moscow, Publishing center RGGU. 798 p. (In Russ.).
- Tuvinsko-russkii slovar' [A Tuvan-Russian dictionary]* (1968) / ed. by E. R. Tenishev. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia. 646 p. (In Russ.).
- Tyva tooldar : O. K.-Ch. Darymanyng chyyp bizheen materialdary [Tuvan tales. Materials collected by O. K. Daryma]* (2014) / comp. by S. M. Orus-ool and M. B. Kungaa. Kyzyl, Tuvan book publ. 234 p. (In Tuv.)
- Tyva tooldar [Tuvan tales]* (1957). Kyzyl, Tuvan book publ. Vol. IV. 183 p. (In Tuv.)

Tyva ulustung tooldary : Tyvanyng toolchularynyng II dugaar sledunung materialdary [Tuvan folk tales: Materials of the 2nd gathering of the storytellers of Tuva] (2012)/ comp. by S. M. Orus-ool. Kyzyl, Tuvan book publ. 405 p. (In Tuv.).

Tyva maadyrlyg tooldar [Tuvan heroic tales] (1990) / comp. by S. M. Orus-ool. Kyzyl, Tuvan book publ. 272 p. (In Tuv.).

Cheremisina, M. I. (1979) Nekotorye voprosy teorii slozhnogo predlozheniia v iazykakh raznykh system [Some issues of complex sentence theory in languages of different systems]. Novosibirsk, NGU Publ. 82 p. (In Russ.).

*Shamina, L. A. (2016) Grammatikalizatsiia glagolov «smeny sobstvennika v tuvinskom iazyke» [Grammaticalization of verbs of change of ownership in the Tuvan language]. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal*, no. 12 (54), part 2, pp. 91–93. (In Russ.).*

Shvedova, N. Iu. (1960) Ocherki po sintaksisu russkoi razgovornoj rechi [Essays on the syntax of Russian colloquial speech]. Moscow, Akad. nauk SSSR Publ. 378 p. (In Russ.).

Submission date: 30.01.2019.

DOI: 10.25178/nit.2019.2.17

Урянхай и урянхайцы. Проблема поисков локуса и этносов*

Алексей А. Бурыкин

Калмыцкий научный центр Российской академии наук, Российская Федерация

Статья посвящена проблеме наименований местности Урянхай и этнонима урянхайцы, занимавших значительное место в древней и новой истории Центральной Азии. Как известно, Тува в русской научной литературе именовалась Урянхайский край, а тувинцы — урянхайцами. Эти названия, известные еще по средневековым источникам по истории тюркских и монгольских народов и широко распространенные в географическом отношении далеко в Забайкалье до территории Дальнего Востока, до сих пор не имели даже сколько-нибудь правдоподобного объяснения. Не была ясна и языковая принадлежность наименования местности (историко-географической провинции) Урянхай, и можно было только догадываться, что живущий там этнос и небольшие этнические группы получили свое название по месту проживания. Использование в якутском фольклоре названия (по существу фольклорного самоназвания) ураангхай-сахалар связывает поставленные вопросы с проблемой этногенеза и этнической истории якутов и с этнической историей народов окрестностей озера Байкал.

Автор собрал топонимические параллели для географического имени Урянхай. Среди них: Уренгой — название реки в истоках Оби или Иртыша, отмеченное в дневнике путешественника Н. Г. Спафария 1675 г., Новый Уренгой — название города в низовьях Оби. Объяснение происхождения этих топонимов найдено на материале самодийских языков: на ненецком языке варё-нг-хой — «гора с проталинами, гора, на которой раньше всего тает снег». Такой осложненный географический апеллятив закрепился в качестве конкретного топонима лишь в некоторых местах, и, учитывая горный рельеф территории Тувы, закрепился как название территории в целом. Название «урянхайцы», которое не могло быть самоназванием ни одного из народов Тувы, распространилось, по-видимому, в связи с миграциями тюркоязычных народов в Прибайкалье и Забайкалье, а также на Дальний Восток. Вероятно, предки якутов принесли название Ураангхай как часть самоназвания из районов Прибайкалья, соседствующих с территорией Тувы, но, возможно, что наименование ураангхай-саха является благоприобретенной особенностью языка якутского фольклора, не связанной с дискуссионными проблемами этнической истории якутов.

Ключевые слова: Тува; топонимия; языковые контакты; тувинский язык; тофаларский язык; ненецкий язык; самодийские языки, Якутия, якутский язык, якутский фольклор, эвенкийский язык; Урянхай; урянхайцы

* Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (регистрационный номер АААА-А19-119011490036-1).

Для цитирования:

Бурыкин А. А. Урянхай и урянхайцы. Проблема поисков локуса и этносов [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2019, № 2. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/857> (дата обращения: дд.мм.гг.). DOI: 10.25178/nit.2019.2.17

Бурыкин Алексей Алексеевич — доктор филологических наук, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела монгольской филологии Калмыцкого научного центра РАН. Адрес: 358000, Россия, г. Элиста, ул. Илишкина, д. 8. Тел.: +7 (911) 709-14-76. Эл. адрес: albury@mail.ru

Burykin Aleksey Alekseevich, Doctor of Philology, Doctor of History, Leading Research Fellow, Department of Mongolian Philology, Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Postal address: 8 Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation. Tel.: +7 (911) 709-14-76. E-mail: albury@mail.ru

Uriankhai and Uriankhaians: finding the locus and ethnic groups*

Aleksey A. Burykin

*Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,
Russian Federation*

The article is devoted to the problem of the names of the placename of Uriankhai and the ethnonym Uriankhai people, who played an important part in the ancient and early modern history of Central Asia. Russian researchers are well known to have referred to Tuva as Uriankhai Krai, and called Tuvans the Uriankhai. These names, found as early as in medieval sources on the history of Turkic and Mongolian peoples and widely distributed geographically from the Transbaikalia up to the Far East, have yet resisted any plausible etymological explanation. The linguistic identity of the name of the locality of Uriankhai as a historical and geographical region was also unclear, and one could only infer by guesswork that both the main ethnicity in the region and smaller ethnic groups got their name from their area of residence. The use of the name (essentially a folk endonym) Uraangkhai-Sakhalar in Yakut folklore links these problems to the issues of ethnogenesis and ethnic history of the Yakuts and with the ethnic history of the peoples of the Baikal environs.

The author, in his search for toponymic parallels for the geographical name Uriankhai, focused on Urengoy - the name of the river in the headwaters of the Ob or Irtysh, noted in the travel diary of N.G. Spathari (Spafarius) in 1675, and Novy Urengoy - the name of the city in the lower reaches of the Ob. An explanation of the origin of these toponyms has been found in Samoyed languages: in Nenets, 'varyo-ng-hoi' means "a mountain with thawed patches, a mountain on which snow melts before everywhere else". Such a complicated geographical appellation entrenched as a specific toponym only in some places, and, taking into account the mountainous terrain of the territory of Tuva, it was fixed as the name of the territory as a whole. The name "Uriankhaians", which could not be the self-name of any of the peoples of Tuva, has apparently spread in connection with the migrations of the Turkic-speaking peoples in the Baikal and Transbaikalia, as well as to the Far East. Probably, the ancestors of the Yakuts brought the name Uraangkai as part of the self-name from the regions of the Baikal region adjacent to the territory of Tuva, but it is possible that the name Uraangkhai-Sakha is an acquired feature of the language of Yakut folklore, not related to the debatable problems of the Yakut ethnic history.

Keywords: Tuva; toponymy; linguistic contacts; Tuvan language; Tofalar language; Nenets language; Samoyed languages, Yakutia, Yakut language, Yakut folklore, Evenki language

* The study was carried out within the framework of state subsidies — the project "Oral and Written Heritage of the Mongolian Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions" (registration number AAAA-A19-119011490036-1).

For citation:

Burykin A. A. Uriankhai and Uriankhaians: finding the locus and ethnic groups. *The New Research of Tuva*. 2019, № 2. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/857> (access date ...). DOI: 10.25178/nit.2019.2.17

Введение

Понятия и термины «Урянхай» как указание на какую-то местность и территорию, и «урянхайцы» как население территории, называемой по приведенному выше названию, давно стали ключевыми элементами истории целого ряда народов Центральной Азии. В наибольшей мере эти понятия связаны с территорией и населением Тувы (Кузьмин, 2018: 2–3), и понятно влияние названия «Урянхайский край» на решение проблем исторической географии Центральной Азии и формирование представлений об этнической истории этого региона. Связь истории урянхайцев, известных нам по письменным источникам и фольклорным данным, оказывается важной не только для тувинцев и монголоязычных народов, но в той или иной степени для бурят и особенно для якутов, у которых в их собственной исторической традиции, основанной преимущественно на фольклорных данных, стало привычным рассматривать этноним **урянхай** как древнее название якутского народа. Не вполне понятно, по какой причине этническое наименование урянхай стало связываться с народами тунгусской группы, чаще всего с эвенками, и каковы основания для того, чтобы для решения проблемы этнического состава территории в прошлом можно было доверять фольклорным данным без поддержки иными историко-этнографическими источниками.

Один из главных вопросов, от которого будет зависеть направление поисков и характер решения поставленных проблем — это языковая принадлежность и этимология топонимического именования Урянхай — мы пока на основе имеющихся в литературе материалов не можем, да и не сможем определить локализацию этого источникового топонима. По опыту источниковедческого изучения связи этнонимов и топонимов, имеющих одну и ту же основу, мы можем быть уверены в том, что названия этнических групп обычно образовывались от топонимов, то есть в данном случае от названий мест, где проживали данные этнические группы — разумеется, в большинстве таких случаев речь шла об алло-этнонимах, названиях народов, бытующих в иной этноязыковой среде, хотя количество исключений, когда топоним (чаще всего гидроним) образовывался от самоназвания какой-либо этнической группы народа, трудноопределимо.

Из истории вопроса

В анонимном предисловии к первому изданию знаменитого труда Г. В. Ксенофонтова (о нем см.: Дьячкова, 1999; 2000; Романова, 2003) «Ураангхай-сахалар», вышедшему в 1937 г., автор его пишет: «Основываясь на этих данных, Ксенофонтов высказывает гипотезу, что как северные якуты-оленеводы, так и основное ядро вилюйских якутов-скотоводов по своему этническому происхождению не были турками. Всю эту группу автор объединяет под названием якутов-урянхайцев, усматривая в этом этническом термине позднейшую лингвистическую метаморфозу имени ороchon (оронchon) с переходными формами орон-кон, уран-кан, урааныкаан. При таком предположении, якуты-урянхайцы образовались из отуреченных тунгусских племен Манчжурии, Амура, Прибайкалья и самой Лены. В их составе автор предполагает небольшую примесь западных монголов-ойратов, в числе которых были и предки современных северобайкальских бурят, эхирит-булагатов» (Ксенофонтов, 1992а: 16)¹. К построениям Г. В. Ксенофонтова ныне написан достаточно качественный комментарий (Ушницкий, 2011).

Как отмечает В. В. Ушницкий, некоторые ученые (В. И. Рассадин, Б. З. Нанзатов, Д. Б. Цыбикдоржиев) пытаются отождествлять лингвистически этнонимы «курыкан» и «уранхай»; он же приводит сведения якутского фольклора о прародине саха в стране Ураанхай около Байкала, связывая их с курыканами (напр.: Цыбикдоржиев, 2003: 110). В этой связи представляется заманчивым констатировать этимологическую близость якутского эпонима «Урааныкаан» с урынкан. Однако урянхайцы в летописях поздних китайских династий упоминаются под именами улянга (волянга); и нет сведений об их связи с курыканами» (Ушницкий, 2010: 96; см. также: Нанзатов, 2016: 100).

Далее В. В. Ушницкий пишет: «По данным М. А. Кастрена, вероятно связь слова «урянхай» с кетским словом «уренгхит» ‘водяной (речной) человек’. Он считал, что термин «урянхит» сначала был самоназванием какого-то древнего, родственного кетам, «палеоазиатского» лесного племени Саяно-Алтайского района, занимавшегося охотой и рыболовством. Это племя распалось на несколько частей, в результате ассимиляции оно вошло в состав позднейших тюрков и монголов, в том числе якутов. Со временем было позабыто и их древнее самоназвание, которое сохранили степные народы как обозначение лесных жителей и которое имело пренебрежительный оттенок» (Ушницкий, 2010: 98). Как мы увидим далее, сохраняет свое значение цитированное Ксенофонтовым замечание Н. Ф. Катанова «Из данных языка и родовых имен можно вывести, что все урянхайцы — тюрки, представляющие смесь (уйгур, кыргыз, чоды, соян) и финнов или самоедов» (Ксенофонтов, 1992а: 92). Прав и сам В. В. Ушницкий, когда он говорит: «Но если вплоть до XIX в. в Южной и Восточной Сибири сохранялись этносы, представлявшие енисейские, самодийские, юкагирские и тунгусские языки, впоследствии окончательно отуреченные и монголизированные, то в XIII в. этническая картина региона могла быть еще более пестрой» (Ушницкий, 2013а: 69–70). Д. Д. Нимаев считает, что проблема этнической принадлежности курыкан значительно шире, чем поиски этимологии этнонима (Нимаев, 1988: 70).

В «Истории Бурятии» приводятся мнения Г. Н. Румянцева и Д. В. Цыбикдоржиева, развивающих гипотезу о происхождении этнонима урянхай от курыкан (История Бурятии, 2011: 262). Там же отмечено, что эта гипотеза была подвергнута критике Д. Д. Нимаевым (Нимаев, 2000: 66), который считает, что проблема этнической принадлежности курыкан значительно шире, чем поиски этимологии этнонима (Нимаев, 1988).

¹ Это предисловие, на которое при переиздании труда Г. В. Ксенофонтова в 1992 г. издатели не обратили внимания, требует определения авторства. Судя по всему, имя автора предисловия исчезло из издания в связи с репрессиями научных кадров сибиреведов в 1937 г. Как нам кажется, возможные его авторы — Н. Н. Козьмин (1872 — 21 августа 1938 г., арестован 23 августа 1937 г.) или, что менее вероятно, Б. Э. Петри (17 сентября 1884 г. — 25 ноября 1937 г.; арестован в мае 1937 г.). О них см.: Решетов, 2002; Романова 2003; Сирина, 2002.

Нам необходимо разобраться, какой оним является первичным — название местности или название народа. В целом в рамках методов исследования ответ ясен: необходимо решить вопрос о появлении географического даже не названия, а понятия *Урянхай*, которое впоследствии дало названия какому-то этносу или скорее интерэтническому объединению, к чему склоняются многие исследователи. Эти данные частично использовались теми, кто брался исследовать вопрос о происхождении этнопонима урянхай — этот термин позволит устраниться от повторов и повторения разнообразных утверждений относительно названий Урянхай и урянхайцы.

Авторы «Истории Тувы» отмечают «Кочевья тувинских племен в XVII и первой половине XVIII в. охватывали огромную территорию, включавшую в себя целый ряд горных систем и хребтов: Русский и Монгольский Алтай, Западный и Восточный Саян, Танну-Олу и др. На севере районы кочевий тувинцев достигали бассейна Верхней Оби и Минусинской котловины, на юге они простирались через Монгольский Алтай до верховьев Урунгу, Черного Иртыша, на востоке доходили до оз. Хубсугул, а на западе через Алтай достигали Иртыша» (История Тувы, 2001: 191).

В этом же издании подчеркивается: «В дореволюционной литературе и официальной документации тувинцев ошибочно именовали то “урянхайцами”, то “сойотами”, то “сойонами”. Сами тувинцы не называли себя урянхайцами, в их языке нет такого этнонима. Однако имеются основания полагать, что в прошлом, во всяком случае в XIII в., этноним “урянх”, “урянкат” был известен в Южной Сибири и Монголии. Такое название тувинцам в XVIII — начале XX в. давали соседние народы. Скорее всего, это имя распространялось монголами, что подтвердил, в частности, и Г. Н. Потанин: “Название “урянхи” дают этому народу, — писал он, — монголы, а сами же себя зовут “туба” или “тува”» (там же: 308).

Н. В. Абаев считает, что «Если территория Древнего Урянхья, как мы полагаем, в узком смысле полностью совпадает с местоположением Эргунэ-Хун, то территория Эргенекон в широком смысле, по-видимому, захватывает и Тянь-Шань (тюркск. “Тэнгри-таг”), и Горный Алтай (“Алтай-Хонгорай”), и Хакасию (“Хоорай”), но Тува в любом случае остается одним из центров начальных этапов этногенеза “северных тюрков”, т. е. племен теле (“туры”), уйгуров, урянхайцев и др., которые позднее приняли участие и в этногенезе монголов Чингис-Хана, а потому в исторической памяти как тюрков, так и монголов, этнопонимы Эргенекон и Эргунэ-Хун наложились друг на друга, но последний можно идентифицировать с Тоджинской котловиной, как с вполне реальным географическим местом» (Абаев, 2011: Электр. ресурс).

В огромной массе суждений историко-этнографического характера о границах области с названием Урянхай и расселении народа, в отношении к которому применялось название «урянхайцы», очень трудно найти подступы к новым и по-новому фундированным решениям существующих проблем.

Один из главных вопросов, от которого будет зависеть направление поисков и характер решения поставленных проблем — это языковая принадлежность и этимология топонимического именованья Урянхай — мы пока на основе имеющихся в литературе материалов не можем, да и не сможем определить характер этого источникового топонима.

В. В. Ушницкий, один из современных активных исследователей проблемы, справедливо замечает: «Следовательно, границы Баргуджин-Тукума могли меняться в трудах разных авторов, поскольку этот термин в целом обозначал огромные лесостепные пространства Южной и Восточной Сибири» (Ушницкий, 2013а: 53). На подвижность границ в понимании Эргунэ-Куна указывают другие авторы (Зориктуев, 2011: 10–11; Скрынникова, 1993).

Важна и следующая цитата из труда Г. В. Ксенофонтова: «За Серошевским в деле разработки древней истории якутов можно признать ту заслугу, что он указал на двойное этническое наименование якутов, а именно, “ураангхай саха”, употребляющееся “в торжественных оборотах речи, в сказках, песнях и молитвах”. В связи с этим он обратил внимание ученых на тот общеизвестный факт, что дархаты, монголы и китайские чиновники тем же именем “уранхай” или “урянх” называют обитателей современной Танну-Тувинской республики или Урянхайского края» (Ксенофонтов, 1992а: 82).

В современных Интернет-форумах пользователи пишут: «Слово урангхай = от слова — Уран = умелый (умелый мастер (уран тарбах); умелый кузнец; умелый хлебопашец, умелый воин и т. п.)»¹.

В. В. Ушницкий, рассматривая взгляды Г. В. Ксенофонтова, пишет: «По утверждению Г. В. Ксенофонтова, якутские уранхай принадлежали к тунгусским племенам Маньчжурии, но еще в древности утратили свои этнические признаки и усвоили целиком турецкий язык и культуру. Он предполагал, что этноним “уранкай” вошел в язык саха в ходе ассимиляции тюркоязычными саха аборигенов края — тунгусов или

¹ forum.ykt.ru/viewtopic.jsp?id=4040166

эвенков. Сторонники тунгусского происхождения этнонима ураанхай, выводили происхождение этнонима «урянкай» от слов — орон «олень», или урэнкэн «житель горной тайги» (Ушницкий, 2013а: 66).

Здесь уже начинаются странности. Приоритет Г. В. Ксенофонтова в связи наименований *урянкай* и *орон* не отмечен у Ю. Янхунена (Янхунен, 2018: 17–19) возможно, из-за того, что труд Г. В. Ксенофонтова не был указан в библиографии к работе Г. М. Василевич. Сама Г. М. Василевич писала: «Слово «уранкай» просится на сопоставление с тунгусским (эвенкийским, эвенским) урэ (ура, акающая огласовка), обозначающим «гора, покрытая лесом», а суффикс -нкан-ь-нкай обозначает «житель»; таким образом, слово «уранкай» буквально переводится из эвенкийского как «житель горной тайги». Так в сказаниях часто называют себя герои» (Василевич, 1966а: 340). Дело в том, что в слове урэ «гора» (эвен. *урэ:кчэ:н*) замена переднерядного гласного э на заднерядный а невозможна.

В. В. Ушницкий, не уходя от проблемы связи топонима *урянкай* с древним фольклорным наименованием якутов, предполагает, что связь топонима *урянкай* с названием предков якутов вполне логична (Ушницкий 2013а: 68) и ссылается на мнения Г. В. Ксенофонтова (Ксенофонтов, 1992) и Г. Н. Румянцева (Румянцев, 1951: 80). По мнению В. В. Ушницкого, версию о тождестве этнонимов *курукан* и *уранкай* из современных исследователей поддерживают бурятские ученые В. И. Рассадин, Д. В. Цыбикдоржиев и Б. З. Нанзатов, при этом В. И. Рассадин якобы ссылается на особенности тофаларского языка, в котором буква к отпадает и получается урынкан (Ушницкий, 2013а: 68). Последнее замечание — явное недоразумение: невозможно возводить название *урянкай* к тофаларскому языку¹. Указание на миграции монголоязычных племен из Забайкалья в Маньчжурию (Батоева, 2017) относится к довольно поздним событиям: важнее то, что в Китае при династии Цин урянхаями называли всех лесных охотников (там же: 72).

Необходимо разобраться, какой оним является первичным — название местности или название народа. В целом в рамках методов исследования ответ ясен: необходимо решить вопрос о появлении географического даже не названия, а понятия *Урянхай*, которое впоследствии дало названия какому-то этносу или скорее интерэтническому объединению. Эти данные частично использовались теми, кто брался исследовать вопрос о происхождении этнонима урянхай — этот термин позволит устранить от повторов и повторения разнообразных утверждений относительно названий *Урянхай* и *урянкайцы*.

В. В. Ушницкий, обобщая итоги исследования урянхайской проблемы имел право сказать: «Однако, происхождение этнонима «ураанхай» является общеалтайской проблемой. Этноним «ураанхай» является самоназванием потомков, или названием родов и племен, вошедших в образование различных народов и племен. Так существование подобного этнонима зафиксировано среди калмыков, башкир, монголов, бурят, тувинцев, эвенков, маньчжур и алтайцев. Следовательно, такой этноним, имеется у народов всех трех языковых групп, входивших в алтайскую семью языков. Встречаются сообщения о существовании носителей подобного этнонима среди самодийских племен и кетов. Настоящей прародиной этнонима «уранкай» оказалась территория Маньчжурии. Так, известно о том, что корейцы называли маньчжур именем Оранкай. Китайские источники времен Минской династии и корейские источники часто сообщают о племени урянхайцев, помогавших 70 маньчжурам в борьбе против монголов. В них видят потомков урянхайских монголов, либо сильно монголизированное чжурчжэньское племя. По последним данным ляодунские урянхайцы являлись по своему происхождению ойратами, впоследствии они были ассимилированы маньчжурами. Урянхайцами в маньчжурских источниках названы также эвенки Маньчжурии — солонь» (Ушницкий, 2013а: 69–70). Здесь В. В. Ушницкий не совсем точен в характеристике источников: он только стремится акцентировать присутствие формы *оранкай* у корейцев. Г. М. Василевич (Василевич, 1966а: 65–75) действительно пыталась найти сходно звучащие этнонимы у соседей эвенков — кетов и самодийских народов, однако не смогла решить поставленную ею же задачу.

Н. В. Кюнер собрал сводку о возможных вариантах именования народа урянхай — *улянка, улянкай, урянхай, урянхиты, уранкай, унянгай, волангай, оренгай, уренкат, волянхэтэ* и т. д. (Кюнер, 1961: 367)².

Как отмечает Б. З. Нанзатов, по описанию регион, где проживали лесные урянхаты, находился высоко в таежных горах, где-то примерно в районе Присяянья-Прихубсугуля, или же в Окинском плато или Дархатской котловине (Нанзатов, 2008: 428). Это в общем не противоречит представлениям о былом местопроживании урянхайцев, как бы его ни называть.

¹ Похожая ошибка делается всеми, кто пытается сопоставлять этноним *саха* — самоназвание якутов с иранским этнонимом *саки* (в том числе Ушницкий, 2013а): в якутском языке древний исконно тюркский начальный согласный *с* отпадает.

² В специальной работе Н. В. Кюнер пишет: «Последний вопрос, который надлежит рассмотреть, это вопрос о самом имени улянкай (урянкай). Впоследствии это имя получило широкое распространение среди народов (племен) алтайской группы языков и даже как бы утратило специальное этническое значение, превратившись в прозвище (кличку) или просто в нарицательное слово для обозначения обнищавшего угнетённого народа. А так как именно в таком подчиненном

Публикации В. В. Ушницкого в настоящее время наиболее насыщены материалом из источников по средневековой истории Центральной Азии. Обобщая исследованные источники, он пишет: «Следовательно, в Минский период урянхайцами назывался монголоязычный народ, образовавшийся после падения монгольских империй. В ходе междоусобных войн это кочевое образование было раздроблено, и вошло в состав других кочевых объединений как джунгары, чахары, халха и тувинцы. Часть оказалась в территории Западной Монголии и становится известным под именем алтайские урянхайцы. Таким образом, происхождение носителей имени урянхай связывается с одним, конкретным племенем хи (кумохи). Тот факт, что данное племя еще было известно под именем татаби, говорит о том, что улохоу или урянкхаты могли быть известными под именем южных шивэй, впоследствии ставших татарами Внутренней Монголии. Якутские предания свидетельствуют о возможности отдельного проникновения племени под именем ураанхай в территорию Якутии. О возможности участия степных урянкхатов через эвенкийское посредство в этногенезе саха можно только гадать, гипотетично, с ними можно связать происхождение Намского улуса. Якутские предания легендарную страну Ураанхай считают прародиной народа саха. Где искать эту прародину саха? Следует допустить, что именно Внутренняя Монголия, которую И. Страленберг первоначально указывал в качестве прародины саха, а Ю. А. Зуев считает прародиной кимеков и располагает там одну ветвь Канглы, отождествляя их с огузо-татарами, является древним местожительством саха. В монгольскую эпоху под этим именем были известны лесные, охотничьи племена Саян (сайн-урянхи), а также применительно к коренному этносу Эргуне-кун располагавшегося в горах Хингана и Приаргунья: улохоу — степные урянкхаты. Обитавшие в Восточном Забайкалье степные урянкхаты вошли в состав формирующегося монгольского этноса, возможно, часть стали хамниганскими эвенками (Ушницкий, 2013а: 82).

Надо иметь в виду, что урянхаев возводила к Хи (татаби) еще Л. Л. Викторова (Викторова, 1980: 5, 139, 156, 160, 165, 181).

Г. В. Ксенофонтов совершенно корректно ставит вопрос об исходной форме названия урянхай, перспективной для анализа «VI. Теперь мы попытаемся разобраться в семасиологии имени “ураангхай”. Прежде всего, необходимо установить первоначальную форму этого имени, чтобы определить его возможное значение. Мы раньше ссылались на слова проф. Я Ф. Катанова, что коренные обитатели Танну-Тувинского края, говорящие по-турецки, у монголов и манчжур известны под именем “уриан-гхай”: “Монголы и манчжуры в правительственных бумагах зовут уриангхай” <...>. Ничего нельзя возразить против того положения, что якутская форма “ураангхай” в точности совпадает с монголо-манчжурским произношением. С другой стороны, наряду с именем ураангхай, мы констатировали в фольклоре верхоянских якутов и ранних вилюйчан имя “урааныкаан”. Откидывая долготы, которыми якуты вообще злоупотребляют, мы получаем “уранкан”. В фольклорном пережитке нужно видеть первичное произношение этого имени, свойственное его носителем, тогда как форма “ураангхай” могла родиться в процессе международного общения с монголо-манчжурскими племенами. Карагассы-оленевоеды, бродящие на северной стороне Саянского хребта, и теперь называются нижнеудинскими бурятами “уранкан”» (Ксенофонтов 1992b: 164–165).

Лингвистическая проблематика исследования

Любопытно, что народные этимологии имени урянхай появляются в литературе довольно рано, и Г. В. Ксенофонтов рассматривает и эти соображения, приводя сообщения Е. К. Яковлева, Г. Н. Потанина и Б. Б. Бамбаева, связывающих название урянхай с монгольским словом оронхой «оборванный, презренный» (Бамбаев, 1929; Ксенофонтов, 1992b: 165).

Здесь начинается то, что стало объектом внимания многих из пишущих о проблеме имени урянхай. Эти сравнения дали основания и самому Г. В. Ксенофонтову, и его последователям, для дальнейших

и обедненном положении оказались в позднейшее время обитатели урянхайского (верхне-енисейского края), то за ними и закрепилось такое наименование. Но раньше положение восточной группы урянхайцев, бывших хисцев, было иным, и в то время, несомненно, это имя имело определенное этническое содержание. Но когда оно впервые появляется в китайской литературе и в какой форме?

На этот вопрос удачный ответ дает своевременная догадка Л. Л. Викторовой, которая в своей диссертации “Раннее расселение монгольских племен” (Л., 1952 г.) предлагает рассматривать известное в китайской литературе VII–VIII вв. наименование владения Улохоу как первоначальную китайскую форму последующего наименования Улянха. Владение Улохоу, расположенное в верховьях Амура, как раз соответствует той местности, где в эпоху Чингис-хана и в предшествующее время было местонахождение племени (поколения) Улянха (Урянхат, Урянхит “Сокровенного сказания”)» (Кюнер, 1958: 215). Отметим, что самостоятельный народ урянхай на Байкале видел Б. Б. Дашибалов (Дашибалов, 2002: 52), однако оценка историографии вопроса об урянхайцах, данная в этой книге (там же: 50), на наш взгляд, завышена.

рассуждений с одинаковыми объектами для сравнения и одинаковыми результатами. Он пишет: «Указанные попытки объяснить происхождение имени “уранхай” сами по себе не представляют большой ценности, ибо воспроизводят наивную народную этимологию, исходящую из фактов простого созвучия слов, но в этой этимологии монголов мы находим маленькое жемчужное зерно. Его мы видим в стародавней привычке монгольского народа сближать имя “уран-кай” со словом “орон-хой”. Это намекает на то, что “уранкан” первоначально произносилось “орон-кон”: орон-кон, (орон-кан), уран-кан, уран(ы)кан, урааныкаан.

Но, однако, что же представляет собой имя “орон-кон”? Оно есть нечто иное, как вполне законный и даже более основной вариант имени “оро(н)чон”, т. е. тунгусского народа, обитающего в Верхнем Амуре и в Северной Манчжурии. В древности ороचनाми назывались вообще все тунгусские племена Манчжурии» (Ксенофонов, 1992b: 166)¹.

В дальнейшем проблема происхождения имени урянхай у Г. В. Ксенофотова увязывается с идеями об этногенезе тунгусов и соответствующим его времени представлениями о якутско-тунгусских связях: «VIII. Наша гипотеза о тождестве имен “ураанхай”, “оранхай”, “уран-кан”, “орончон”, “орочи” и “ороки” подтверждается рассмотренной ранее легендой о бородатом народе (айнах), сохранившейся у северных якутов и на Вилюе. Наличие в составе якутов-оленьеводов и ранних вилюйчан тунгусских родов из Манчжурии (солонгов и лучин) точно также свидетельствует о первичном тунгусизме коренных вилюйчан» (там же: 170).

«Мы думаем, что именно в эту историческую эпоху (первый век н. э.) отуреченные тунгусские стрелки “уранхай” с частью хуннских окраинных родов эвакуировались из Халхи в Приангарье, в Баргуджин-Тукум монгольских преданий, т. е. в обычное место убежища разбитых родов, где они и образовали народ, позже известный под названием юч-курукан. Предположительно к этой же эпохе нужно приурочить и переселение на Вилюй местных отуреченных тунгусов с частью монгольских родов, которые в своей главной массе отходили в Урянхайский край и в сторону Енисея» (там же: 176).

Здесь, конечно, Г. В. Ксенофонов выдает желаемое ему за действительное. Во-первых, приводимые им отождествления названий народов до сих пор не являются общепринятыми среди специалистов, не говоря уже об этимологических версиях. Во-вторых, «бородатыми» для жителей бассейна Вилюя по антропологическим различиям с ними самими, тунгусами или якутами, вполне могли быть чукчи (Бурыкин, 2013: 454–456), тем более, что и название Вилюй, похоже, чукотское по происхождению (Вылгилвээм «Березовая река», что идеально соответствует растительности по берегам реки) (там же: 180–182).

Ю. Янхунен, развивая идеи, представленные в специальной работе Г. М. Василевич и частично совпадающие с построениями Г. В. Ксенофотова, уклоняется от обсуждения этимологии названия Урянхай (Janhunen, 2014). У Г. М. Василевич сказано: «Не затрагивая вопроса о первичном происхождении этого этнонима, мы можем отметить, что это общий термин, который относится к нескольким “лесным народам” и распространён от современных тюркоязычных популяций Саянского региона (тувинская группа) и Лены (якуты) до исторических и протоисторических групп в Хинганском регионе и далее к востоку Маньчжурии. Этот этноним зафиксирован в источниках, связанных с северными границами киданьского Ляо, средневековых монголов и Кореи позднего Средневековья. Группы с этим этнонимом также присутствуют в составе эвенков» (Василевич, 1966b: 56–93).

По мнению монгольского лингвиста А. Очира, этноним урянхай может происходить от монгольского боевого клича «uria» (уриа) и слова «khan» (хан). Во-вторых, по его же мнению, название урянхай может быть словом из тунгусо-маньчжурских языков. В эвенкийском языке слово уранкай указывает на человека, а в языке негидальцев слова уранкай бэжэ означают «живой человек». Маньчжурское слово уранка представляет собой этническое название урянхайцев. Эвенки словом уранкай называли охотников, обитавших в горах и тайге Забайкалья и Амура (Очир, 2016: 177–178).

Тувинские топонимисты оставляют без внимания проблему названия урянхай (Чулуун, Донгак 2015: Электр. ресурс; Донгак, 2016, 2018: Электр. ресурс; Саая, Бадарч, Донгак, 2018; Ондар, 2007), и, похоже, поступают правильно, поскольку исторические названия мест не относятся к актуальной локальной топонимике. Кстати, далеко не все исследователи этнографии якутов придают значение форме ураанхай саха как чему-то значимому для этнической истории якутов (Маркова, 2009). Фольклористы, увлеченные поисками истории в якутском эпосе, не обращают внимание на то, что урянхай-сахалар в некоторых текстах появляются с неба (Данилова, 2016). В новой монографии о тюрках Южной Сибири отмечается:

¹ В свете новых данных об исторической фонетике тунгусо-маньчжурских языков и якутского языка подобные преобразования слов невозможны и их выведение одного из другого неприемлемо.

«Точная этимология термина урянхай (также ураанхай, урянхи) все еще обсуждается... В Монголии слово урянхай использовалось и все еще используется как очень распространенный общий термин, относящийся ко всему населению северо-западных регионов Монголии (в основном тюркоязычному, но также и монгольязычному). Поскольку до 1914 г. территория современной Тувы входила и в состав Монголии, термин урянхай относился ко всем тувинцам, а также к тоджинцам, сойотам и духа (цаатанам) (Тюркские народы восточной Сибири, 2008: 189 прим.).

С. И. Вайнштейн в своей книге «Мир кочевников Центра Азии» обещает читателю дать этимологию названия урянхай (Вайнштейн, 1991: 13), но вместо этого дает только отсылку на свою более раннюю работу, рассматривая важные, но хорошо знакомые источники (Вайнштейн, 1961: 30–31, прим. 76).

Мы не можем дать исчерпывающий обзор точек зрения по поводу происхождения имени урянхай, поскольку ряд мнений и характер сопоставлений у некоторых авторов находится в сфере лингвистической паранауки, в которой ономастика всегда давала и дает максимум примеров¹. Поэтому здесь мы переходим к изложению результатов наших собственных разысканий.

Самодийская этимология именованя Урянхай и проблемы локализации объекта с этим именем

Н. Г. Спафарий в 1675 г. записал в своем дорожном дневнике путешествия в Китай: «Вершины реки Иртыша текут из Монгольских гор, которые по-русски именуются Камень, и от того места разделяются вершины Иртыша на две протоки: и одну протоку называют монгольцы и калмыки Уренгой, а другую — Балаган. И от того места недалеко есть рубеж Китайского государства, и при вершине реки Иртыша кочует монгольской тайша Зурухта-кун» (Спафарий, 1882: 41–42; Спафарий, 1960: 33). По современным географическим представлениям Иртыш не образуется за счет слияния каких-либо двух рек. Однако слова «сквозь то озеро прошла река Иртыш» — это указание на озеро Зайсан, в которое впадает Черный Иртыш, а из него вытекает собственно Иртыш. Разделяются вершины Иртыша на две протоки: и одну протоку называют монгольцы и калмыки Уренгой, а другую — Балаган. Судя по всему, ни то, ни другое название не являются гидронимами и указывают на находящиеся поблизости объекты. Видимо, с этими реками связано замечание Г. В. Ксенофонтова: «У В. И. Вербицкого мы находим сообщение, что калмыки-двоеданцы, кочующие в южной части Алтая по реке Чуе, впадающей в Катунь, именуют себя «урянхай» (Ксенофонтов, 1992b: 128). В данном случае, очевидно, перед нами указание на какую-то группу ойратов, называемую по реке.

То, что в рассматриваемой нами литературе по проблеме имени урянхай осталась без внимания форма, приведенная Спафарием, в общем не удивительно. Удивительно другое, то, что сходные топонимы в общем бассейне Оби и Иртыша, где и ныне проживают финно-угорские и самодийские народы, топоним Уренгой и Новый Уренгой остаются и без объяснения, и даже без надежного определения языковой принадлежности — этих названий нет ни в одном из словарей топонимики России.

В ресурсах Интернета находятся следующие толкования названия Уренгой: УРЕНГОЙ — поселок городского типа, он дал название крупнейшему газоконденсатному месторождению; г. Н. Уренгой. Толкований ненецкого слова «нгури хой» несколько: 1) «обгорелый холм»; 2) «лысый холм»; 3) «холм, на котором растут лиственницы, пригодные для шестов чума»; 4) «холм, поросший желтой травой»². В другом источнике говорится: «Существует несколько версий происхождения слова 'Уренгой'. В переводе с хантыйского языка слово 'Уре' означает 'старица' (старое русло реки), в ненецком языке есть слово 'Нго', или остров, т. е. 'остров среди старого русла реки'. В некоторых источниках слово 'Уренгой' переводится как 'лысый холм', 'холм, на котором растут лиственницы, пригодные для шестов чума', и 'холм, покрытый желтой травой'. Было время, когда считали, что слово 'Уренгой' означает 'гиблое место'. Скорее всего, так называли Уренгой строители одного из лагерей ГУЛАГа, которые прокладывали железнодорожную магистраль Салехард — Игарка, строительство которой было свернуто после смерти Сталина»³. Этот же материал обобщен в выпускной квалификационной работе выпускницы вуза, где рассматривается ойконим Новый Уренгой (Пищулина, 2016).

В кратком топонимическом словаре Казахстана отмечены этноним урангаи «этническая группа тюрков», и топоним Урынкай, оставшийся без объяснения (Яворская, 2002).

¹ См.: Научный доклад ..., Электр. ресурс.

² <http://www.bolshoyvopros.ru/questions/2737342-kakova-istorija-proishozhdenija-nazvaniya-goroda-novyj-urengoi.html>

³ <http://venividi.ru/node/4875>

Судя по всему, ни то, ни другое название, приведенное Н. Г. Спафарием, не являются гидронимами и указывают на находящиеся поблизости объекты: топоним Уренгой везде, где он встречается — самодийского происхождения, и довольно легко этимологизируется на самодийской основе ср. ненец. *варё'-нг-хой* 'гора с проталинами' (ненец. *варё*, мн.ч. *варё'* 'проталина', хой 'гора, хребет. холм').

Самое интересное, что в тувинской топонимии есть сходное образование, для которого не была определена этимология — это гидроним Уран-сай, объясняемый как уран «искусный, умелый» + сай «галка, мель» (в казахском «балка, лощина, сухое русло небольшой реки») (Ондар, 2007: 419). Здесь, конечно, значение названия «балка, лощина с проталинами».

Найденная этимология названия географического пространства Урянхай в виде ненецкого *варё'-нг-хой* 'гора с проталинами' не встречает ни одного противоречия: название в этой интерпретации как нельзя лучше соответствует горному рельефу местности в Туве и вокруг нее, и характеризует какие-то ее участки с точки зрения полезности для местных жителей-скотоводов, что актуально для хозяйства территории и поныне. Видимо, не случайно источники фиксируют название Урянхай с начальным согласным *в-*, который до полной адаптации или до полной ассимиляции самодийских народов на этой территории мог еще сохраняться в вариантах названия. Поиски самодийского и енисейского субстрата в Урянхайском крае в течение долгого времени привлекали внимание лингвистов и подпитывались большим количеством тюркизмов в сохранившихся словниках по языкам южносамодийских и енисейских народов, стимулировавшими лингвистов на разыскание аналогичного влияния этих языков на тюркские языки, в первую очередь на тувинский, тофаларский, языки тувинцев-тоджинцев и сойотов. Однако в самом раннем сойотском словаре 1819 г. мы нашли только одно слово самодийского происхождения — кат — «ветер» (ср. тув. хат «ветер») (Бурыкин, Насилов, 2014).

Становится ясным, что поиски нетюркских и немонгольских элементов в языках народов Центральной Азии представляют гораздо более сложную задачу, чем это представлялось ранее. Но и здесь есть сюрпризы. К нашей теме об именовании якутов ураангхай-сахалар имеет прямое отношение термин-название якутского эпоса олонхо. Это якутское слово не имеет ни тюркской, ни монгольской этимологии, если говорить о приемлемых и достоверных соответствиях слов. Но нельзя не отметить, что оно чрезвычайно похоже на ненецкое слово лаханак «сказка, рассказ, разговор», образованное от глагола *лаханась* «говорить», ср еще *лаханакось*, *лаханорць* «разговаривать, беседовать» (Хомич, 1954: 25).

Объяснение топографического имени Урянхай, предложенное нами, по существу уравнило именование Урянхай даже не с названиями мест, а с географическими апеллятивами — любая гора с проталинами, привлекающая скотоводов, называется по-ненецки *варёнгой*. Понятно, что не случайно историческая Тува как место формирования и расселения тувинского этноса получила название Урянхайский край. Название территории распространялось на жителей этого края, кем бы они ни были по этнической принадлежности — тюрками или монголами. Современный этноним урянхайцы связывается с некоторыми группами монголоязычных субэтносов (Агеева, 2000: 320–322).

Г. В. Ксенофонов, занимаясь поисками связей якутов, в фольклоре которых присутствует именование ураангхай-саха, во многом ориентировался на построение лингвистов — его предшественников и современников, занимавшихся поисками классификации тюркских языков. В это время — в конце XIX — первой трети XX в. — место якутского языка в классификации тюркских языков не было окончательно определено, и многие связи, наблюдаемые между якутским и другими тюркскими языками, выглядели иллюзорными и в наше время рассуждения ученого в этой сфере представляют чисто исторический интерес (см. историю вопроса в лингвистическом плане (Левин, 2010: Электр. ресурс). В настоящее время якутский язык в классификациях тюркских языков занимает особую позицию (Сравнительно-историческая грамматика, 2002: 10; Широбокова, 2005: 5–51), более того, сам язык обладает свойством изменяться по значимым классификационным параметрам группы языков (Широбокова, 2015: 249).

Заключение

Проблема фольклорного этнонима ураангхай саха, во всяком случае, до тех пор, пока не будет показано, что этот этноним есть чисто фольклорное явление, распространившееся вместе с самими эпическими произведениями, может связываться с миграциями тюркоязычных этнических групп к северу от исторического Баргуджин-Тохума в Прибайкалье и в бассейн Лены. Собственно говоря, современные лингвисты-якутоведы и находят ему место в территориальных наименованиях разных групп якутов, имеющих различное происхождение за счет поглощения каких-то соседей, чаще всего тунгусоязычных

(Ефремов, 2001: Электр. ресурс). Однако причины этих миграций следует искать не во взаимоотношениях этносов и этнических конфликтах с сильными соседями, а совсем в другом — в колебаниях климата Сибири и Центральной Азии, которые стали предметом фундаментальных исследований относительно недавно (см.: Борисенков, Пасецкий 1988; Леви и др., 2003; Задонина, Леви, 2009). Мы сейчас можем с уверенностью связывать с колебаниями климата по крайней мере два знаменательных факта в истории Восточной Сибири — это переход курыкан (предков якутов) из Прибайкалья в бассейн Лены примерно в VII в. и почти синхронная с ним параллельная по направлению миграция предков северных тунгусов на левый берег Амура, и потепление XIII в., вызвавшее вторую миграционную волну в бассейн Лены, в которой участвовали монголоязычные этнические группы (Бурыкин, Шарина, 2016). Вполне возможно, что ключом к проблеме распространения именованного Ураангкай-саха в якутском фольклоре является не этническая история народа саха, а фольклорные взаимосвязи тюркских и монгольских народов, где особое внимание привлекают параллели из тувинского эпоса и богатырских сказок к мотивам якутского эпоса и эпических произведений тунгусо-маньчжурских народов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абаев, Н. В. (2011) О прародине всех тюрков и монголов: «Эргенекон», «Эргунэ-хун» или Танну-Урянхай? [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 1. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/448> (дата обращения: 01.03.2019).
- Агеева, Р. А. (2000) Какого мы роду-племени? Народы России: имена и судьбы. Словарь-справочник. М. : Academia. 424 с.
- Бамбаев, Б. Б. (1929) К вопросу о происхождении бурят-монгольского народа. Верхнеудинск : Тип. БГИ. 21 с.
- Батоева, Д. Б. (2017) Миграции монголоязычных племен Забайкалья на территорию Маньчжурии // Oriental Studies. № 6. С. 71–78.
- Борисенков, Е. П., Пасецкий, В. М. (1988) Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М. : Мысль. 524 с.
- Бурыкин, А. А. (2013) Имена собственные как исторический источник. По материалам русских документов об открытии Сибири и Дальнего Востока XVII–XIX вв. СПб. : Петербургское востоковедение. 539 с.
- Бурыкин, А. А., Насилов, Д. М. (2014) Записи сойотских слов, опубликованные в «Сибирском вестнике» Г. И. Спаского (1819 г.) // Материалы Международной научной конференции «Актуальные проблемы современного монголоведения и алтаистики», посвященной 75-летию со дня рождения и 55-летию научно-педагогической деятельности профессора В. И. Рассадина (г. Элиста, 10–13 ноября 2014 г.). Элиста : Изд-во КалмГУ. 523 с. С. 19–25.
- Бурыкин, А. А., Шарина, С. И. (2016) Средневековые миграции народов Средней и Восточной Сибири: поиски причин и анализ последствий // Великие евразийские миграции. Материалы Международной научной конференции. 11–14 октября 2016 г. / [редакционная коллегия: В. И. Колесник (отв. ред.) и др.]. Элиста: Изд-во КалмГУ. 457 с. С. 133–139.
- Вайнштейн, С. И. (1961) Тувинцы-тоджинцы. Историко-этнографические очерки. М. : Изд-во Восточная литература. 218 с.
- Вайнштейн, С. И. (1991) Мир кочевников Центра Азии. М. : Наука. 296 с.
- Василевич, Г. М. (1966а) Исторический фольклор эвенков. Сказания и предания. М. ; Л. : Наука. 400 с.
- Василевич, Г. М. (1966б) Уранкай-эвенки // Доклады по этнографии ВГО. Сборник. Вып. 4 / отв. ред. С. И. Руденко. Л. : Изд. ВГО. 114 с. С. 56–93.
- Викторова, Л. Л. (1980) Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М. : ГРВЛ. 224 с.
- Данилова, А. Н. (2016) Чудесное рождение богатырки как архаический мотив в якутских олонхо о женщинах-богатырках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. № 11 (65): в 3-х ч. Ч. 3. С. 30–33.
- Дашибалов, Б. Б. (2002) Очерки по древней и средневековой истории монголов и бурят. Улан-Удэ : ОАО «Республиканская типография». 80 с.
- Донгак, А. С. (2015) Сюжетно-тематические циклы топонимических преданий Юго-Восточной Тувы // Всеобщая история. № 3. С. 17–26.
- Донгак, А. С. (2016) Топонимические предания и легенды Юго-Восточной Тувы: локальное своеобразие в русле межкультурных контактов // Сибирский форум фольклористов: тезисы докладов / отв. ред. Е. Н. Кузьмина. Новосибирск : ООО «Академиздат». 188 с. С. 54–56.
- Донгак, А. С. (2018) Топонимические предания и легенды Юго-Восточной Тувы [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 3. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/793> (дата обращения: 01.03.2019). DOI: 10.25178/nit.2018.3.9

- Дьячкова, А. Н. (1999) Г. В. Ксенофонтов: Ученый и общественно-политический деятель : дисс. ... канд. ист. наук. Якутск. 194 с.
- Дьячкова, А. Н. (2000) Г. В. Ксенофонтов: ученый и общественный деятель. Якутск : Изд-во Якутского гос. ун-та. 203 с.
- Ефремов, Н. Н. (2001) Старинное название якутов было ураангкай... [Электронный ресурс] // Илин. № 3–4. URL: <http://ilin-yakutsk.narod.ru/2001-34/12.htm> (дата обращения: 01.03.2019). DOI: 10.25178/nit.2018.3.9
- Задонина, Н. В., Леви, К. Г. (2009) Хронология природных и социальных феноменов в истории мировой цивилизации. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та. 863 с.
- Зориктуев, Б. Р. (2011) Актуальные проблемы истории монголов и бурят. М. : Восточная литература. 278 с.
- История Бурятии (2011): в 3 т. / гл. ред. и рук. проекта Б. В. Базаров. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН. Т. 1. Древность и средневековье. 328 с.
- История Тувы (2001). 2-е изд., перераб. и доп. / под общей ред. С. И. Вайнштейна, М. Х. Маннай-оола. Новосибирск : наука. Т. I. 367 с.
- Ксенофонтов, Г. В. (1992a) Ураангхай-сахалар : Очерки по древ. истории якутов. Якутск : Нац. изд-во Респ. Саха (Якутия). 20 см. Т. 1. Кн. 1. 416 с.
- Ксенофонтов, Г. В. (1992b) Ураангхай-сахалар : Очерки по древ. истории якутов. Якутск : Нац. изд-во Респ. Саха (Якутия). 20 см. Т. 1. Кн. 2. 416 с.
- Кузьмин, С. Л. (2018) Урянхайский вопрос и монголо-тувинские отношения в начале XX века // Oriental Studies. № 3. С. 2–14.
- Кюннер, Н. В. (1958) Восточные урянхайцы по китайским источникам // УЗ ТНИИЯЛИ. Вып. VI. / отв. ред. Н. А. Сердобов. Кызыл. 306 с. С. 202–216.
- Кюннер, Н. В. (1961) Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М. : Изд-во Восточная литература. 392 с.
- Леви, К. Г., Задонина, Н. В., Бердникова, Н. Е., Воронин, В. И., Глызин, А. В., Язев, С. А., Баасанджав, Б., Нинжбадгар, С., Балжинням, Б., Буддо, В. Ю. (2003) Современная геодинамика и гелиогеодинамика. Книга II. 500-летняя История аномальных явлений в природе и социуме Сибири и Монголии. Иркутск : Издательство Иркутского государственного технического университета. 383 с.
- Левин, Г. Г. (2010) О происхождении якутского языка в этнографических и лингвистических трудах исследователей XVII–XIX вв. [Электронный ресурс] // Ученые записки. № 4 (16). URL: www.scientific-notes.ru/pdf/017-18.pdf (дата обращения: 01.03.2019).
- Маркова, М. Ф. (2009) Отечественная историография этнографии якутов : автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ. 26 с.
- Нанзатов, Б. З. (2008) Расселение и племенной состав номадов Центральной Азии в пред-чингисовское и чингисовское время (по данным летописей Рашид-ад-Дина) // Монгольская империя и кочевой мир : сборник статей / редкол.: Б. В. Базаров, Н. Н. Крадин, Т. Д. Скрынникова. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. науч. центра СО РАН. Кн. 3. С. 377–443.
- Нанзатов, Б. З. (2016) К вопросу о ранней этнической истории баргу-бурятской общности // Oriental Studies. № 1. С. 99–106.
- Научный доклад «"Паранаука" в современной отечественной лингвистике». Докладчик член-корреспондент РАН Березович Елена Львовна (УрФУ). г. Екатеринбург [Электронный ресурс] // Российская академия наук. Уральское отделение. URL: <http://uran.ru/node/5153> (дата обращения: 01.03.2019).
- Нимаев, Д. Д. (1988) Проблемы этногенеза бурят. Новосибирск : Наука, Сибирское отделение. 167 с.
- Нимаев, Д. Д. (2000) Буряты: этногенез и этническая история. Улан-Удэ : ВСГАКИ. 190 с.
- Ондар, Б. К. (2007) Топонимический словарь Тувы. 2-е изд. перераб. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 552 с.
- Очир, А. (2016) Монгольские этнонимы: вопросы происхождения и этнического состава монгольских народов / Э. П. Бакаева, К. В. Орлова. Элиста : КИГИ РАН. 286 с. С. 175–178.
- Пищулина, В. Е. (2016) Происхождение, структура и семантика топонимов ЯНАО : выпускная квалификационная работа. Тобольск : Тобольский пед. инст-т им. Д. И. Менделеева. 73 с.
- Решетов, А. М. (2002) Николай Николаевич Козьмин: основные направления научной деятельности // Репрессированные этнографы / под ред. Д. Д. Тумаркина. М. : Изд-во «Восточная литература» РАН. 343 с. С. 81–100.
- Романова, Е. Н. (2003) Г. В. Ксенофонтов: миф о странствующем герое // Репрессированные этнографы. Вып. 2 / сост. и отв. ред. Д. Д. Тумаркин. М. : Восточная литература. 495 с. С. 78–104.
- Румянцев, Г. Н. (1951) Родоплеменной состав верхоленских бурят // Записки Бурят-монгольского НИИ культуры. Вып. XII. Улан-Удэ Бурмонгиз. 160 с. С. 78–108.

Саая, О. М., Бадарч, Б., Донгак, А. С. (2018) Этнокультурные традиции урянхайцев Монголии (на материале полевых исследований) // *Азия и Африка сегодня*. № 10 (735). С. 68–74.

Сирина, А. А. (2002) Забытые страницы сибирской этнографии: Б. Э. Петри // *Репрессированные этнографы* / под ред. Д. Д. Тумаркина. М. : Изд-во «Восточная литература» РАН. 343 с. С. 57–80.

Скрынникова, Т. Д. (1993) Этнотопоним Баргуджин-Токум // *История и культура народов Центральной Азии* / отв. ред. Ш. В. Чимитдоржиев. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН. 138 с. С. 41–49.

Спафарий, Н. Г. (1882) Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году. Дорожный дневник Спафария / с введ. и примеч. Ю. В. Арсеньева. СПб. : Тип. В. Киришбаума. 214 с.

Спафарий, Н. Г. (1960) Сибирь и Китай. Кишинев : Карта Молдовеняскэ. 514 с.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции (2002) / отв. ред. Э. Р. Тенишев. М. : Наука. 767 с.

Тюркские народы Восточной Сибири (2008) / отв. ред. Д. А. Функ, Н. А. Алексеев. М. : Наука. 422 с.

Ушницкий, В. В. (2010) Проблема происхождения этнонима урянхай // *Гуманитарные науки в Сибири*. № 4. С. 96–99.

Ушницкий, В. В. (2011) Историография этногенеза Саха: обзор научных гипотез и версий // *Вестник НГУ Серия филология, философия*. Т. 10, вып. 5. Археология и этнография. С. 73–81.

Ушницкий, В. В. (2013) Население Байкальского региона в эпоху средневековья (к проблеме этногенеза саха). Якутск : Изд-во ИГиИПМНС СО РАН. 173 с.

Хомич, Л. В. (1954) Ненецко-русский словарь. Л. : Учпедгиз. 122 с.

Цыбикдоржиев, Д. В. (1996) К вопросу о происхождении этнонима курыкан // *Гуманитарные исследования молодых ученых Бурятии : сборник статей / Янгутов Л. Е. (отв. ред.) и др. Улан-Удэ : БИОН*. 199 с. С. 143–148.

Чулуун, С., Донгак, А. С. (2015) Этнокультурные контакты народов Саяно-Алтая и Западной Монголии [Электронный ресурс] // *Новые исследования Тувы*. № 1. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/54> (дата обращения: 01.02.2019).

Широбокова, Н. Н. (2005) Отношение якутского языка к тюркским языкам Южной Сибири. Новосибирск : Наука. 269 с.

Широбокова, Н. Н. (2015) О смене классификационного типа (на материале тюркских языков Сибири) // *Сибирский филологический журнал*. № 4. С. 242–250.

Яворская, В. Н. (2002) Краткий топонимический словарь казахских географических названий и русских географических терминов. Петропавловск : Изд-во Североказахстанского университета. 27 с.

Янхунен, Ю. (2018) Об этнонимах ороки и урянхай // *Россия и АТР*. № 4. С. 11–24.

Janhunen, J. (2014) On the ethnonyms Orok and Uriankhai // *Studia Etymologica Cracoviensia*. Vol. 19. P. 71–81.

Дата поступления: 12.03.2019 г.

REFERENCES

Abaev, N. V. (2011) O prarodine vsekh tiurkov i mongolov: «Ergenekon», «Ergune-khun» ili Tannu-Uriankhai? [On the homeland of all Turks and Mongols: "Ergenekon", "Ergune-khun" or Tannu-Uriankhai?]. *The New Research of Tuva*, no. 1 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/448> (access date: 01.03.2019).

Ageeva, R. A. (2000) *Kakogo my rodu-plemeni? Narody Rossii: imena i sud'by. Slovar'-spravochnik [Who are our ancestors? Peoples of Russia: names and fates. A consise dictionary and reference book]*. Moscow, Academia Publ. 424 p. (In Russ.).

Bambaev, B. B. (1929) *K voprosu o proiskhozhdenii buriat-mongol'skogo naroda [On the issue of origin of Buryat-Mongols]*. Verkhneudinsk, BGI Publ. 28 p. (In Russ.).

Batoeva, D. B. (2017) Migratsii mongoloiazychnykh plemen Zabaikal'ia na territoriiu Man'chzhurii [Migrations of Mongol-speaking tribes from Transbaikalia to the territory of Manchuria]. *Oriental Studies*, no. 6, pp. 71–78. (In Russ.).

Borisenkov, E. P. and Pasetskii, V. M. (1988) *Tysiacheletniaia letopis' neobychnykh iavlenii prirody [A thousand-year chronicle of extraordinary natural phenomena]*. Moscow, Mysl'. 524 p. (In Russ.).

Burykin, A. A. (2013) *Imena sobstvennye kak istoricheskii istochnik. Po materialam russkikh dokumentov ob otkrytii Sibiri i Dal'nego Vostoka XVII–XIX vv. [Proper names as a historical source: from the Russian documents on the discovery of Siberia and the Far East, 17th to 19th centuries]*. St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie. 536 p. (In Russ.).

Burykin, A. A. and Nasilov, D. M. (2014) Zapisi soiotskikh slov, opublikovannye v «Sibirskom vestnike» G. I. Spasskogo (1819 g.) [Recordings of Soiot words, published in the "Sibirsky vestnik" by G. I. Spassky (1819)]. In: *Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Aktual'nye problemy sovremennogo mongolovedeniia i altaistiki», posviashchennoi 75-letiiu so dnia rozhdeniia i 55-letiiu nauchno-pedagogicheskoi deiatel'nosti professora V. I. Rassadina (g. Elista, 10–13 noiabria 2014 g.)*

[Proceedings of the international conference "Urgent issues of contemporary Mongolian and Altaic studies", dedicated to the 75th anniversary of the birth and the 55th anniversary of the research and educational work of Prof. V. I. Rassadin]. Elista, Kalmyk University Publishers. 523 p. Pp. 19–25. (In Russ.).

Burykin, A. A. and Sharina, S. I. (2016) Srednevekoveye migratsii narodov Srednei i Vostochnoi Sibiri: poiski prichin i analiz posledstviy [Medieval migrations of the peoples of Middle and Eastern Siberia: Search for causes and analysis of consequences]. In: *Velikie evraziiskie migratsii [Great Eurasian migrations]*. Proceedings of an international conference October 11–14, 2016. V. I. Kolesnik (ed.). Elista, Kalmyk University Publishers. 457 p. Pp. 133–139. (In Russ.).

Vainshtein, S. I. (1961) *Tuvinty-todzhinty. Istoriko-etnograficheskie ocherki [Tozhu tuvans: historical and ethnographic essays]*. Moscow, Nauka. 218 p. (In Russ.).

Vainshtein, S. I. (1991) *Mir kochevnikov Tsentra Azii [The world of nomads of Central Asia]*. Moscow, Nauka. 296 p. (In Russ.).

Vasilevich, G. M. (1966a) *Istoricheski fol'klor evenkov. Skazaniia i predaniia [Historical folklore of the Evenki: Stories and Legends]*. Moscow, Leningrad, Nauka. 400 p. (In Russ.).

Vasilevich, G. M. (1966b) Uriankhai-evenki [The Uriankhians-Evenki]. In: *Doklady po etnografii VGO. Vol. 4 / ed. by S. I. Rudenko*. Leningrad, VGO Publ. 114 p. Pp. 56–93. (In Russ.).

Viktorova, L. L. (1980) *Mongoly. Proiskhozhdenie naroda i istoki kul'tury [The Mongols. The origin of people and the sources of their culture]*. Moscow, Nauka Oriental literature publishers. 224 p. (In Russ.).

Danilova, A. N. (2016) Chudesnoe rozhdenie bogatyriki kak arkhaiskii motiv v iakutskikh olonkho o zhenshchinakh-bogatyrykh [The miraculous birth of a bogatyr woman as an archaic motif in Yakut Olonkho on female bogatyrs]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 11 (65): in 3 parts. Part 3. Pp. 30–33. (In Russ.).

Dashibalov, B. B. (2002) *Ocherki po drevnei i srednevekovo istorii mongolov i buriat [Essays on the ancient and medieval history of the Mongols and Buryats]*. Ulan-Ude, Republican Printing House OJSC. 80 p. (In Russ.).

Dongak, A. S. (2015) Siuzhetno-tematicheskie tsikly toponimicheskikh predanii Iugo-Vostochnoi Tuvy [Subject-thematic cycles of toponymic tales of South-Eastern Tuva]. *Vseobshchaia istoriia*, no. 3, pp 17–26. (In Russ.).

Dongak, A. S. (2016) Toponimicheskie predaniia i legendy Iugo-Vostochnoi Tuvy: lokal'noe svoeobrazie v rusle mezhkul'turnykh kontaktov [Toponymic oral tales and legends of South-Eastern Tuva: local originality in the course of intercultural contacts]. In: *Sibirskii forum fol'kloristov [Siberian Forum of Folklorists]: Abstracts / ed. by E. N. Kuz'min*. Novosibirsk, OOO «Akademizdat». 188 p. Pp. 54–56. (In Russ.).

Dongak, A. S. (2018) Toponimicheskie predaniia i legendy Iugo-Vostochnoi Tuvy [Toponymic oral tales and legends of South-Eastern Tuva]. *The New Research of Tuva*, no. 3 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/793> (access date: 01.03.2019). DOI: 10.25178/nit.2018.3.9 (In Russ.).

D'iachkova, A. N. (1999) *G. V. Ksenofontov: Uchenyi i obshchestvenno-politicheskii deiatel' [G. V. Ksenofontov, scholar and socio-political activist]*: Diss. ... Candidate of History. Iakutsk. 194 p. (In Russ.).

D'iachkova, A. N. (2000) *G. V. Ksenofontov: uchenyi i obshchestvennyi deiatel' [G. V. Ksenofontov, scholar and public figure]*. Yakutsk, Yakutsk State University Publ. 203 p. (In Russ.).

Efremov, N. N. (2001) Starinnoe nazvanie iakutov bylo uraangkai... [Yakuts' ancient name was the Uriankhai...]. *Ilin*, no. 3–4 [online] Available at: <http://ilin-yakutsk.narod.ru/2001-34/12.htm> (access date: 01.03.2019). DOI: 10.25178/nit.2018.3.9 (In Russ.).

Zadonina, N. V. and Levi, K. G. (2009) *Khronologiya prirodnykh i sotsial'nykh fenomenov v istorii mirovoi tsivilizatsii [A chronology of natural and social phenomena in the history of global civilisation]*. Irkutsk, Irkutsk State University Publ. 863 p. (In Russ.).

Zoriktuev, B. R. (2011) *Aktual'nye problemy istorii mongolov i buriat [Urgent issues in the history of Mongols and Buryats]*. Moscow, Vost. lit. Publ. 278 p. (In Russ.).

Istoriia Buriatii [A History of Buryatia] (2011): in 3 vols. / ed. by B. V. Bazarov. Ulan-Ude, BNTs SO RAN Publ. Vol. 1. Drevnost' i srednevekov'e [Antiquity and the Middle ages]. 328 p. (In Russ.).

Istoriia Tuvy [The History of Tuva] (2001). 2nd ed. / ed. by S. I. Vainshtein and M. Kh. Mannai-ool. Novosibirsk, Nauka. Vol. I. 367 p. (In Russ.).

Ksenofontov, G. V. (1992a) *Uraangkhai-sakhalar : Ocherki po drevnei istorii iakutov [Urianghai-sakhalar: Essays in ancient history of Yakuts]*. Iakutsk, National publishing house of the Republic of Sakha (Yakutia). Vol. 1. Book 1. 416 p. (In Russ.).

Ksenofontov, G. V. (1992b) *Uraangkhai-sakhalar: Ocherki po drevnei istorii iakutov [Urianghai-sakhalar: Essays in ancient history of Yakuts]*. Iakutsk, National publishing house of the Republic of Sakha (Yakutia). Vol. 1. Book 2. 416 p. (In Russ.).

Kuz'min, S. L. (2018) Uriankhaiskii vopros i mongolo-tuvinskie otnosheniia v nachale KhKh veka [The Uriankhai issue and Mongol-Tuvan relations at the beginning of the 20th century]. *Oriental Studies*, no. 3, pp. 2–14. (In Russ.).

Kiuner, H. V. (1958) Vostochnye uriankhaisy po kitaiskim istochnikam [Eastern Uriankhai in Chinese sources]. In: *UZ TNIIIaLI*. Vol. VI. / ed. by N. A. Serdobov. Kyzyl, s. n. 306 p. Pp. 202–216. (In Russ.).

Kiuner, N. V. (1961) *Kitaiskie izvestiia o narodakh Iuzhnoi Sibiri, Tsentral'noi Azii i Dal'nego Vostoka [Chinese news about the peoples of South Siberia, Central Asia and the Far East]*. Moscow, Vost. Lit Publ. 392 p. (In Russ.).

Levi, K. G., Zadonina, N. V., Berdnikova, N. E., Voronin, V. I., Glyzin, A. V., Iazev, S. A., Baasandzhav, B., Ninzhbadgar, S., Balzhinniam, B. and Buddo, V. Iu. (2003) *Sovremennaia geodinamika i geliogeodinamika. Kniga II. 500-letniaia Istoriia anomal'nykh iavlenii v prirode i sotsiume Sibiri i Mongolii [Modern geodynamics and heliogeodynamics. Book II. A 500-year history of anomalous phenomena in the nature and society of Siberia and Mongolia]*. Irkutsk, Irkutsk State technical University Publishers. 383 p. (In Russ.).

Levin, G. G. (2010) O proiskhozhdenii iakutskogo iazyka v etnograficheskikh i lingvisticheskikh trudakh issledovatelei XVII–XIX vv. [On the origin of the Yakut language in ethnographic and linguistic works of 17th-19th century researchers]. *Uchenye zapiski*, no. 4 (16) [online] Available at: www.scientific-notes.ru/pdf/017-18.pdf (access date: 01.03.2019). (In Russ.).

Markova, M. F. (2009) *Otechestvennaia istoriografiia etnografii iakutov [Russian historians on the ethnography of Yakuts]*: Thesis of Diss. ... Candidate of History. Ulan-Ude. 26 p. (In Russ.).

Nanzatov, B. Z. (2008) Rasselenie i plemennoi sostav nomadov Tsentral'noi Azii v pred-chingisovskoe i chingisovskoe vremia (po dannym letopisei Rashid-ad-Dina) [Spread and tribe nomenclature of Central Asian nomads in pre-Chingisian and Chingisian times (according to the chronicles of Rashid-ad-Din)]. In: *Mongol'skaia imperiia i kochevoi mir [The Mongol Empire and nomadic world]*: a collection of articles / edited by B. V. Bazarov, N. N. Kradin and T. D. Skrynnikova. Ulan-Ude, BNTs SO RAN Publ. Book 3. Pp. 377–443. (In Russ.).

Nanzatov, B. Z. (2016) K voprosu o rannei etnicheskoi istorii bargu-buriatskoi obshchnosti [On the issue of early ethnic history of the Bargu-Buryat community]. *Oriental Studies*, no. 1, pp. 99–106. (In Russ.).

Nauchnyi doklad «"Paranauka" v sovremennoi otechestvennoi lingvistike». Dokladchik chlen-korrespondent RAN Berezovich Elena Lvovna (UrFU). g. Ekaterinburg ["Para-science" in modern Russian linguistics. A report by Corresponding Member of RAS Elena Lvovna Berezovich (UrFU). Ekaterinburg]. *Rossiiskaia akademiia nauk. Ural'skoe otdelenie* [online] Available at: <http://uran.ru/node/5153> (access date: 01.03.2019). (In Russ.).

Nimaev, D. D. (1988) *Problemy etnogeneza buriat [The problems of the ethnogenesis of Buryats]*. Novosibirsk, Nauka, Siberian Branch Publishers. 167 p. (In Russ.).

Nimaev, D. D. (2000) *Buriaty: etnogenez i etnicheskaiia istoriia [The Buryats: ethnogenesis and ethnic history]*. Ulan-Ude, VSGAKI Publ. 190 p. (In Russ.).

Ondar, B. K. (2007) *Toponimicheskii slovar' Tuvy [A toponymical dictionary of Tuva]*. 2nd ed. Kyzyl, Tuvan publishing house. 552 p. (In Russ.).

Ochir, A. (2016) *Mongol'skie etnonimy: voprosy proiskhozhdeniia i etnicheskogo sostava mongol'skikh narodov [Mongol ethnonyms: the origin and the ethnic composition of the Mongolian peoples]*. Elista, KIGI RAN. 286 p. (In Russ.).

Pishchulina, V. E. (2016) *Proiskhozhdenie, struktura i semantika toponimov IaNAO [Origin, structure and semantics of the toponyms of Yamal-Nenets autonomous territory]*: a thesis. Tobol'sk, Tobol'skii ped. inst-t im. D. I. Mendeleeva. 73 p. (In Russ.).

Reshetov, A. M. (2002) *Nikolai Nikolaevich Koz'min: osnovnye napravleniia nauchnoi deiatel'nosti [Nikolai Nikolaevich Koz'min: basic directions of research]*. In: *Repressirovannye etnografy [Ethnographers who fell victim of the Purges]* / ed. by D. D. Tumarkin. Moscow, Vostochnaia literatura Publ. 343 p. Pp. 81–100. (In Russ.).

Romanova, E. N. (2003) G. V. Ksenofontov: mif o stranstvuiushchem geroe [G.V. Ksenofontov: a travelling hero myth]. In: *Repressirovannye etnografy [Ethnographers who fell victim of the Purges]* / ed. by D. D. Tumarkin. Moscow, Vostochnaia literatura Publ. Vol. 2. 495 p. Pp. 78–104. (In Russ.).

Rumiantsev, G. N. (1951) Rodoplemennoi sostav verkholenskikh buriat [Clan and tribal structure of Buryats of the Upper Lena]. In: *Zapiski Buriat-mongol'skogo NII kul'tury*. Vol. XII. Ulan-Ude, Burmongiz. 160 p. Pp. 78–108. (In Russ.).

Saaia, O. M., Badarch, B. and Dongak, A. S. (2018) Etnokul'turnye traditsii uriankhaitsev Mongolii (na materiale polevykh issledovani) [Ethno-cultural traditions of the Mongolian Uriankhai: from field studies]. *Aziia i Afrika segodnia*, no. 10 (735), pp. 68–74. (In Russ.).

Sirina, A. A. (2002) Zabytye stranitsy sibirskoi etnografii: B. E. Petri [Forgotten pages of Siberian ethnography: B. E. Petri]. In: *Repressirovannye etnografy [Ethnographers who fell victim of the Purges]* / ed. by D. D. Tumarkin. Moscow, Vostochnaia literatura Publ. 343 p. Pp. 57–80. (In Russ.).

Skrynnikova, T. D. (1993) Etnotoponim Bargudzhin-Tokum [Bargudzhin-Tokum: an ethnotoponym]. In: *Istoriia i kul'tura narodov Tsentral'noi Azii [History and culture of the peoples of Central Asia]* / ed. by Sh. V. Chimitdorzhiev. Ulan-Ude, BNTs SO RAN Publ. 138 p. Pp. 41–49. (In Russ.).

Spathari, N. G. (1882) *Puteshestvie cherez Sibir' ot Tobol'ska do Nerchinska i granits Kitaia russkogo poslannika Nikolaia Spafariia v 1675 godu. Dorozhnyi dnevniki Spafariia [A journey through Siberia from Tobolsk to Nerchinsk and the borders of China by the Russian envoy Nikolai Spathari in 1675. Spathari's travel diary]*. St. Petersburg, V. Kirshbaum., 214 p. (In Russ.).

Spathari, N. G. (1960) *Sibir' i Kitai [Siberia and China]*. Kishinev, Kartya Moldovenyaske Publishers. 514 p. (In Russ.).

Sravnitel'no-istoricheskaiia grammatika tiurkskikh iazykov. Regional'nye rekonstruktsii [A comparative historical grammar of Turkic languages] (2002) / ed. by E. R. Tenishev. Moscow, Nauka. 767 p. (In Russ.).

Tiurkskie narody Vostochnoi Sibiri [Turkic peoples of the Eastern Siberia] (2008) / ed. by D. A. Funk and N. A. Alekseev. Moscow, Nauka. 422 p. (In Russ.).

Ushnitskii, V. V. (2010) Problema proiskhozhdeniia etnonima uriankhai [The origin of the ethnonym Uriankhai]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, no. 4, pp. 96–99. (In Russ.).

Ushnitskii, V. V. (2011) Istoriografiia etnogeneza Sakha: obzor nauchnykh gipotez i versii [Historiography of the Sakha ethnogenesis: a review of hypotheses and versions in the field]. *Vestnik NGU Serii filologii, filosofii*, vol. 10, issue 5. *Arkheologii i etnografiia*, pp. 73–81. (In Russ.).

Ushnitskii, V. V. (2013) *Naselenie Baikal'skogo regiona v epokhu srednevekov'ia (k probleme etnogeneza Sakha) [The population of the Baikal region in the Middle ages: on the ethnogenesis of the Sakha]*. Yakutsk, IGIIPMNS SB of the RAS Publ. 173 p. (In Russ.).

Khomich, L. V. (1954) *Nenetsko-russkii slovar' [A Nenets-Russian dictionary]*. Leningrad, Uchpedgiz Publ. 122 p. (In Russ.).

Tsibikdorzhiev, D. V. (1996) K voprosu o proiskhozhdenii etnonima kurykan [On the origin of the ethnonym Kurykan]. In: *Gumanitarnye issledovaniia molodykh uchenykh Buriatii [Studies in the humanities by young scholars of Buryatia]*: a collection of articles / Iangutov L. E. (ed.) et al. Ulan-Ude, BION. 199 p. Pp. 143–148. (In Russ.).

Chuluun, S. and Dongak, A. S. (2015) Etnokul'turnye kontakty narodov Saiano-Altai i Zapadnoi Mongolii [Ethnocultural contacts between the peoples of Sayano-Altai and Western Mongolia]. *The New Research of Tuva*, no. 1 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/54> (access date: 01.02.2019). (In Russ.).

Shirobokova, N. N. (2005) *Otnoshenie iakutskogo iazyka k tiurkskim iazykam Iuzhnoi Sibiri [The relations between the Yakut language and the Turkic languages of Southern Siberia]*. Novosibirsk, Nauka. 269 p. (In Russ.).

Shirobokova, N. N. (2015) O smene klassifikatsionnogo tipa (na materiale tiurkskikh iazykov Sibiri) [On the change of classification type: the case of Turkic languages of Siberia]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal*, no. 4, pp. 242–250. (In Russ.).

Iavorskaia, V. N. (2002) *Kratkii toponimicheskii slovar' kazakhskikh geograficheskikh nazvanii i russkikh geograficheskikh terminov [A concise toponymical dictionary of Kazakh placenames and Russian geographic terms]*. Petropavlovsk, North Kazakhstan University Publishers. 27 p. (In Russ.).

Janhunen, J. (2018) Ob etnonimakh oroki i uriankhai [On the ethnonyms Oroki and Uriankhai]. *Rossiia i ATR*, no. 4, pp. 11–24. (In Russ.).

Janhunen, J. (2014) On the ethnonyms Orok and Uriankhai. *Studia Etymologica Cracoviensia*, vol. 19, pp. 71–81.

Submission date: 12.03.2019.

DOI: 10.25178/nit.2019.2.18

Тувинский фольклор и землетрясение в урочище Джарга середины XVIII века*

Юрий В. Бутанаев

*Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов Сибирского отделения Российской академии наук,
Российская Федерация,*

Александр Н. Овсяченко

Институт физики Земли РАН, Российская Федерация,

Амина М. Сугоракова

*Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов Сибирского отделения Российской академии наук,
Российская Федерация*

*Статья ретрагирована (отозвана) по причине повторной публикации
авторами в другом журнале ранее в этом же 2019 г.
Протокол № 4 от 21 августа 2019 г. обсуждения редколлегии.*

Для цитирования:

DOI: 10.25178/nit.2019.2.19

Проект урянхайско-тувинской энциклопедии

Чимиза К. Ламажаа

Московский гуманитарный университет, Российская Федерация,

Надежда Д. Сувандии

Тувинский государственный университет, Российская Федерация

Рецензия на издание: Словник «Урянхайско-тувинской энциклопедии» / ТРОО «Мир тувинцев». — Кызыл, 2019. — 388 с.

Дается информация о предыстории проекта, поддержке Фондом президентских грантов, презентации издания 1 марта 2019 г. в Туве при поддержке правительства республики. Отмечается актуальность и важность как научного, научно-популярного и просветительского издания. Даны общие, сравнительные характеристики энциклопедического проекта.

Отмечены причины, по которым интеллигенция Тувы возлагает на проект большие надежды. При этом также перечислены вопросы по структуре словника, указаны недостатки, ошибки, которые рекомендуется устранить уже при подготовке самой энциклопедии.

Ключевые слова: рецензия; энциклопедия; словник энциклопедии; тувинская культура; тувинцы; Тува

Для цитирования:

Ламажаа Ч. К., Сувандии Н. Д. Проект урянхайско-тувинской энциклопедии [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2019, № 2. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/859> (дата обращения: дд.мм.гг.). DOI: 10.25178/nit.2019.2.19

Ламажаа Чимиза Кудер-ооловна — доктор философских наук, заместитель директора по научной работе Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, д. 5, корп. 6, каб. 18. Тел.: +7 (499) 374-73-90. Эл. адрес: lamazhaa@tuvva.asia

ORCID ID: 0000-0003-1813-3605

Сувандии Надежда Дарыевна — кандидат филологических наук, декан филологического факультета Тувинского государственного университета. Адрес: 667004, Россия, г. Кызыл, ул. Педагогическая, д. 13. Тел.: +7 (923) 268-93-69. Эл. адрес: suvandiin@mail.ru

Lamazhaa Chimiza Kuder-oolovna, Doctor of Philosophy, Deputy Director, Institute of Fundamental and Applied Studies, Moscow University for the Humanities. Postal address: 5 Yunosti St., Moscow, Russian Federation, 111395. Tel.: +7 (499) 374-73-90. E-mail: lamazhaa@tuvva.asia

Suvandiin Nadezhda Daryevna, Candidate of Philology, Dean, Philological Faculty, Tuvan State University. Postal address: 13 Pedagogicheskaya, 667004, Kyzyl, Russia. Tel.: +7 (923) 268-93-69. E-mail: suvandiin@mail.ru

A project of Uriankhai-Tuva encyclopedia

Chimiza K. Lamazhaa

Moscow University for the Humanities, Russian Federation,

Nadezhda D. Suvandii

Tuvan State University, Russian Federation

Review of: Slovník «Uriankhaisko-tuvinskoi entsiklopedii» [Glossary of the Uriankhai-Tuva Encyclopedia] (2019). TROO «Mir tuvintsev». Kyzyl, 2019. 388 p. (In Russ.).

The review provides information on the history of the project, the support it received from the Presidential foundation, and the presentation of the book on March 1, 2019, held with support of the government of the republic. The book is an significant contribution into the fields of research and popularization. Also provided are the general characteristic of the encyclopedia project.

Tuvan intelligentsia put high hopes on the project. The publication of the glossary has made it possible to ask a number of questions on its structure and to point at mistakes and shortcomings which must be corrected before the encyclopedia goes into print.

Keywords: review;; encyclopedia; glossary for encyclopedia; Tuvan culture; Tuvans; Tuva

For citation:

Lamazhaa Ch. K. and Suvandii N. D. A project of Uriankhai-Tuva encyclopedia. *The New Research of Tuva*. 2019, № 2 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/859> (access date...). DOI: 10.25178/nit.2019.2.19

История Тувы насчитывает многовековую историю, этногенез тувинцев уходит «корнями» в общую историю кочевников центральноазиатского региона, благодаря чему культура тувинцев столь богатая. Ее относительная сохранность была обеспечена и изолированным географическим положением, и особенностями истории региона, самой последней территории, вошедшей в состав России в 1944 г. Несмотря на драматические страницы социокультурной жизни республики в XX веке, край древней культуры и почти нетронутой природы с разнообразными климатическими зонами до сих пор поражает и восхищает практически каждого путешественника, который посещает его.

Все это богатство давно нуждалось в систематизации знаний, в определенной «описи», в переводе на энциклопедический «язык». И это понимали многие деятели науки и культуры Тувы. Но подобный проект осуществить возможно только коллективными усилиями большого числа исследователей, специалистов в самых разных областях знания. Отдельные попытки составить словари, которые предпринимались ранее одиночными авторами, в том числе даже не специалистами по тувинской истории и культуре, имели свои недочеты, фактические ошибки.

Наконец дело сдвинулось. Общественная организация «Мир тувинцев» во главе с ее руководителем — докто-

Фото 1. Обложка Словника Урянхайско-тувинской энциклопедии, 2019 г.

Photo 1. Glossary of the Uriankhai-Tuva Encyclopedia, 2019: front cover.

ром филологических наук, профессором, известным научным и общественно-политическим деятелем К. А. Бичелдеем взялись в 2018 г. за подобный проект. Надо сказать, что идея создания тувинской энциклопедии у К. А. Бичелдея зрела давно, почти десять лет (Бичелдей, 2019: 5). Он об этом говорил также и нам (Ламажаа, 2009: Электр. ресурс). Тогда его проект задумывался, как «Тыва кижии» («Тувинец») и был призван, по словам автора, «зафиксировать что есть “тыва кижии” сегодня, и определить его потенциал на будущее развитие республики» (там же).

Сейчас идея претерпела определенную трансформацию и получила название «Урянхайско-тувинская энциклопедия». Создание энциклопедии поддержано и правительством Тувы, выпустившим в прошлом году Указ Главы Республики Тыва Ш.В. Кара-оола № 116 от 5 июня 2018 г. «О подготовке и издании “Урянхайско-тувинской энциклопедии”» (см. текст Указа: Словник ..., 2019: 4), и в этом же году – Фондом президентских грантов, выделившим финансирование на этот научно-просветительский проект.

За достаточно короткий срок, который был обусловлен сроками первого этапа реализации грантового проекта, состоялась мобилизация творческих сил сразу десяти научных и научно-образовательных, культурных организаций Тувы: Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований, Тувинского государственного университета, Тувинского института комплексного освоения природных ресурсов СО РАН, Тувинского научно-исследовательского института сельского хозяйства, Научно-исследовательского института медико-социальных проблем и управления РТ, Убсунурского международного центра биосферных исследований, Института развития национальной школы Министерства образования и науки РТ, Национального музея им. Алдан Маадыр РТ, Государственного архива РТ, Национальной библиотеки им. А. С. Пушкина РТ, Центра развития народных традиций и ремесел РТ.

Эта мобилизация привела к созданию словника энциклопедии, который содержит более 12 тысяч терминов на 388 страницах (фото 1).

Его презентация состоялась 1 марта 2019 г. в Доме Правительства Республики Тыва (В Туве презентовали ..., 2019: Электр. ресурс) (фото 2). В презентации приняли участие Глава Тувы Ш. В. Кара-оол, спикер Верховного Хурала РТ К. Даваа, председатель Общественной палаты Тувы Чимит-Доржу Ондар, члены Правительства РТ, депутаты и другие приглашенные.

Фото 2. Презентация Словника Урянхайско-тувинской энциклопедии. 1 марта 2019 г., зал заседаний Дома Правительства РТ. Фото пресс-службы Правительства РТ.

Photo 2. Book presentation of the Glossary of the Uriankhai-Tuva Encyclopedia. March 1, 2019, Sessions Hall, House of the Government of the Republic of Tuva. Photo courtesy of press service of the Government of the Republic of Tuva

Как пояснил на презентации руководитель проекта К. А. Бичелдей, впервые научное сообщество Тувы объединилось перед необходимостью представить свой народ, свою республику в формате систематизированного свода знаний об истории и современном состоянии Республики Тыва и тувинского народа (там же), поскольку Тува оказалась одним из последних российских регионов, не имеющих своей энциклопедии (в 82 регионах из 85 — они уже есть).

Авторский коллектив презентовал издание как научную основу для создания будущей трехтомной энциклопедии. Ее первый том планируется выпустить в декабре текущего года; второй том — в декабре 2020 г.; третий, заключительный — в августе 2021 года. Таким образом, весь труд будет завершен к 100-летию образования Тувинской народной республики, которое будет отмечаться в 2021 году.

При этом словник сам по себе является отдельным трудом со своей специфической задачей. Он представляет собой единый сводный список слов и понятий, рекомендуемых для включения в энциклопедию, носит предварительный характер как инструмент для формирования отраслевых словников. Язык словника — русский. В самой же энциклопедии планируется перевод каждого термина на тувинский и английский языки, дополнительно каждый естественнонаучный термин будет даваться буквами латинского алфавита и подчиняться правилам латинской грамматики, вне зависимости от того, из какого языка они заимствованы, как это полагается в соответствии с кодексами, например, биологической номенклатуры. Структура делится на две части: отраслевой словник (по отраслям знаний) и алфавитный (те же термины, но уже в алфавитном порядке).

Также авторы организовали его широкое обсуждение (с марта по июнь 2019 г.) в целях достижения полноты материала, а также для внесения дополнений и изменений по результатам обсуждения. Специально для этого трехтысячный (а, надо сказать, это огромная цифра для современного книгоиздания республики) тираж словника раздается по школам, сельским библиотекам, органам государственной власти, местного самоуправления, научным учреждениям. Макет словника также находится в Интернете, на [сайте ТРОО «Мир тувинцев»](#) — в открытом доступе. Там же открыта страница комментариев читателей (которые не замедлили появиться).

Непосредственно по тому, что написано в разделе «Основные положения концепции “Урянхайско-тувинской энциклопедии”», список задач перед проектом следующий:

— создать систематизированный свод знаний о реальной истории и современном состоянии РТ и тувинского народа с научной объективностью и путем тщательного отбора статей;

— дать сведения о природе и природных ресурсах, населении, экономике и народном хозяйстве, государственном и общественном устройстве, культуре во всей широте этого понятия (образование, наука, религии, искусство, средства массовой информации, книгоиздательское дело, спорт и т.д.), здравоохранении, связях РТ с другими регионами Российской Федерации и зарубежными странами,

— ознакомить широкий круг читателей с выдающимися историческими личностями, видными государственными, общественными, военными деятелями, учеными, писателями, деятелями искусства, новаторами производства и т.д., связанными своей жизнью и творчеством с Тувой, а также известными деятелями из Тувы, проживающими за ее пределами (Словник ..., 2019: 3).

Что же представляет собой словник и весь энциклопедический проект, который проглядывает сквозь структуру словника? Разберем их по пунктам.

Во-первых, конечно, это уже не энциклопедия тувинской культуры, которая подразумевалась в идее «Тыва кижии». Если рассматривать проект, опираясь на классификацию энциклопедий, то очевидно, это энциклопедия, которая относится к разряду региональных, призванных давать свод знаний о регионе, его истории, общественно-политической, культурной, социальной жизни, а также о ее географии, особенностях природы, климата (что позволяет также усматривать здесь и элементы отраслевой, универсальной и специализированной энциклопедий).

По объему энциклопедия заявляется трехтомной, что относит проект к типу энциклопедического словаря (1–3-томные), поскольку 4–6 томов — это краткие энциклопедии, 10–12 томов — малые, и лишь те, которые насчитывают по несколько десятков томов, обычно носят название «большие» энциклопедии (Гудовщикова, Терехов, 1978: 206).

Мы можем сравнить тувинский проект с аналогичным энциклопедическим словарем Республики Бурятия, который вышел двухтомником в 2011 г. (Бурятия ..., 2011). Первый том его содержит общие сведения о республике в следующей разбивке: «Паспорт Бурятии», «Паспорт Улан-Удэ», «Природа», «Обще-

ство», «Экономика», а также карты. Во втором томе представлена история края со времени появления древнейших людей до наших дней: основные этапы развития древних цивилизаций, формирования бурятского этноса, присоединения Бурятии к Российскому государству, дана характеристика политических, экономических, социальных и культурных составляющих исторического процесса. Издание иллюстрировано фотографиями, картами, таблицами. Фактически энциклопедический словарь разбивается структурно на два типа издания: региональная энциклопедия + исторический справочник.

Тувинская энциклопедия, судя по структуре словника, задумывается как однотипное издание (хотя, безусловно, авторы будут учитывать замечания по словнику и при подготовке самих томов, очевидно, могут вносить некоторые изменения). Сначала отметим те моменты, которые необходимо особо приветствовать.

Первое. То, что авторы предусмотрели раздел «Тувинцы за рубежом» и запланировали в нем представление тувинских субэтнических групп, элементов их культуры, на наш взгляд, это настоящее восстановление справедливости в отношении той части культуры тувинцев, которая не ограничивается только функционированием на территории самой республики (Словник ..., 2019: 116–122).

Второе. Раздел «Выдающиеся личности» в самой формулировке, конечно, содержит определенный оценочный момент (если есть «выдающиеся личности», то остальные — «не выдающиеся» и тогда общественный дискурс по определению расколется на лагеря, которые будут пытаться примерять на каждую более или менее известную персону оценки и пр.). Поэтому, возможно, стоило бы пересмотреть наименование раздела. Однако, сам раздел составляется из списков имен: шестидесяти богатырей (участников восстания аратов 1883–1884 гг.), героев Кобдинского сражения 1912 г., тувинцев-добровольцев — участников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., а также тружеников тыла, героев Советского союза, социалистического труда, кавалеров орденов ТНР, СССР, РФ и РТ, лауреатов государственных премий РСФСР, РФ и РТ. И данный принцип уже исключает возможности дискуссий по вопросам: достоин ли человек внесения в список «выдающихся людей» или нет (что, как мы знаем, нередко сопровождает издания, в которые вносятся имена современников).

Третье. Можно приветствовать также включение в план энциклопедии особого раздела, посвященного тувинским аржаанам — целебным источникам, поскольку это позволит помимо всего прочего дать весьма полезную информацию о карте аржаанов, наиболее ценных и популярных источниках, а также составе вод и воздействии, которое они оказывают на здоровье.

Четвертое. Издание данного словника и энциклопедических томов имеет большое просветительское и образовательное значение. В том числе для учащихся образовательных учреждений данный проект выступает ориентиром для понимания того, что следует изучать, исследовать как важные темы тувинской культуры.

В целом, отрасли в словнике указаны в следующем порядке: «Археология», «Архивное и библиотечное дело», «Архитектура», «Государство и право», «Изобразительное искусство», «Исследователи Тувы», «История», «Культурные объекты и сооружения», «Культура. Искусство», «Литература», «Музыкальная культура», «Населенные пункты и поселения», «Наука. Учреждения науки», «Общественные и партийные организации», «Особо охраняемые объекты», «Педагогика. Образование», «Религия. Философия», «Средства массовой информации», «Театр. Кино. Цирк. Хореография», «Труды по Туве», «Тувинцы за рубежом», «Физическая культура и спорт», «Фольклор», «Этнография», «Языкознание», «Выдающиеся личности», «Аржааны. Аржаанология», «Биология», «Генетика», «Геология», «Медицина и здравоохранение», «Почвоведение», «Природно-ландшафтные и природно-экономические зоны», «Животноводство. Ветеринария», «Предпринимательство и бизнес», «Промышленность», «Растениеводство», «Сельскохозяйственные предприятия, колхозы, совхозы», «Строительство», «Транспорт. Связь. Инфраструктура», «Экономика. Финансы». Как отмечается в пояснении словника, данная отраслевая часть издания — удобна для ученых, студентов и специалистов. Однако, очевидно, что в основе подобного структурирования лежит также и весьма непростая организационная задача координации работ авторов — представителей коллективов десяти организаций.

Понятно, что любой коллективный проект сложен с организационной точки зрения, но эта идея — настоящее испытание сотрудничества практически всех научных и научно-образовательных учреждений республики (которое, как мы надеемся, они успешно пройдут). Отчасти организационные проблемы, которые все равно следует как-то решать, по нашему мнению, уже видны в представленной структуре. Разумеется, весь замысел нами полностью поддерживается, один из соавторов данной рецензии уже вносил и свои конкретные предложения в один из разделов словника, и мы будем очень

рады воплощению в жизнь этого проекта, каждого из его томов. Но пока есть возможность внести свои предложения по корректировке, нам хотелось бы и высказать их в данной рецензии, и просим считать это одним из эпизодов публичного обсуждения труда.

Во-первых, учитывая масштабы задуманного, проект трех томов, нам кажется, что отраслевое деление (которое есть в словнике) не вполне продуманным. Например, раздел «Изобразительное искусство» вполне может быть включенным в раздел «Культура. Искусство». Туда же, даже по логике административного формата, входят и раздел «Музыкальная культура», «Театр. Кино. Цирк. Хореография». Также не понятно разнесение таких разделов, как «Фольклор», «Литература», «Языкознание».

Во-вторых, не будучи специалистами в области естественных наук, тем не менее выскажем сомнения в целесообразности включения в энциклопедию общих терминов. В том числе: «Автохоны», «Ветер», «Гибрид», «Засуха», «Звери», «Дерево» и пр. Понятно, что климатологи наверняка различают ветра и имеют представление о том, чем тувинский ветер отличается от других. Однако, поскольку авторы энциклопедии все-таки заявили издание как «национально-региональное издание», а не как «свод всеобщих знаний» (Словник ... , 2019: 3), нам кажется, что национально-региональному изданию нет необходимости объяснять читателям, что такое в целом «ветер» и «звери». Другое дело, если бы термин сразу подразумевал региональный вариант всеобщих явлений и имел соответствующее уникальное название (что-то вроде «тувинский ветер»).

В-третьих, в разделе, посвященном исследователям Тувы, не вполне понятен принцип отбора персоналий. То есть набор критериев настолько широк, что среди названных есть и классики тувиноведения, и ученые с разным вкладом в развитие науки, и не имеющие ученых степеней; есть и усопшие, и ныне здравствующие; есть и российские ученые, и зарубежные. Соответственно этому авторы не смогли охватить весь богатый список исследователей, сделали досадные упущения. Так, если назван американский филолог Д. Харрисон, то почему нет в списке его соотечественника — антрополога Б. Донахо? К сожалению, с данными на иностранных исследователей почти не работали (а учитывая сам факт издания и его большой тираж, теперь эти списки обречены на долгую жизнь). Есть ошибки в написании имен, неточности со специальностями, не указаны ученые степени. Так, например, Камогава Кадзую — первая японка, посетившая в 1984 г. Туву с целью сбора этнографического материала, указана только как журналистка, хотя она защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата наук с темой «Этнокультурные процессы у тувинцев» в Москве в 1986 г. (сама диссертация хранится в архиве ТИГПИ, карточка диссертации есть в каталоге Российской государственной библиотеки). В списках есть германская антрополог Аннет К. Ольшлегель, но фамилия ее написана с ошибкой «Оленшляйгель». Она также защитила ученую степень PhD с темой «Восприятие окружающей среды западными тувинцами» в Институте религиоведения Университета Лейпцига в 2005 г. Подчеркнем, что у всех иностранных ученых есть свои если не персональные сайты, то персональные страницы на сайтах их научных организаций, статьи о них размещены даже в Википедии, обзоры выходили и в журнале «Новые исследования Тувы».

Из российских ученых отсутствуют имена тех, которые очевидны должны быть в списках благодаря тому, что есть их ровесники и даже младшие поколения исследователей. Так, по нашему мнению, в персоналиях должны быть упомянуты: кандидатов филологических наук Артына Миры Кан-ооловны, Таргын Шончалай Хуреповны, Тарыма Алевтины Викторовны, Сат Киры Ангыр-ооловны. Уверены, что и по другим научным отраслям не названа еще масса имен.

И последнее замечание редакционного характера. Малый срок, отведенный на непосредственную подготовку словника, безусловно, сказался на качестве издания. По всему тексту есть масса недостающих сведений (годы рождения, жизни у разных персон, даже там, информации достаточно в любом справочнике, в Интернете или у самих авторов-составителей); видны ошибки верстки (например, разрывы между отчествами и фамилиями при переносе строк; разорванные предложения). Мы очень надеемся, что в самой энциклопедии подобных ошибок, опечаток будет гораздо меньше (они неизбежны в любом масштабном издании), поскольку издание действительно очень нужное, важное как для самой республики, так и для тех, кто интересуется Тувой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бичелдей, К. А. (2019) Обращение к читателю // Словник «Урянхайско-тувинской энциклопедии» / ТРОО «Мир тувинцев». Кызыл : б. и. 388 с. С. 5–6.

Бурятия = Buryatia : к 350летию вхождения Бурятии в состав Российского государства : энциклопедический справочник (2011) : в 2 т. / Базаров Б. В. (науч. ред.). Улан-Удэ : ЭКОС. 328 + 300 с.

В Туве презентовали Словник урянхайско-тувинской энциклопедии (2019) // Официальный портал Республики Тыва. 1 марта. URL: http://gov.tuva.ru/press_center/news/science/39089/ (дата обращения: 05.03.2019 г.).

Гудовщикова, И. В., Терехов, И. М. (1978) Энциклопедия // Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М. : Советская энциклопедия. Т. 30 (Экслибрис — ЯЯ). 631 с. С. 206.

Ламажаа, Ч. К. (2009) Каадыр-оол Бичелдей: «Важно вовлекать ученых в государственные дела» [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 1–2. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/656> (дата обращения: 12.03.2019).

Словник «Урянхайско-тувинской энциклопедии» (2019) / ТРОО «Мир тувинцев». Кызыл : б. и. 388 с.

Дата поступления: 15.03.2019 г.

REFERENCES

Bicheldei, K. A. (2019) Obrashchenie k chitateliu [To the reader]. In: *Slovník «Uriankhaisko-tuvinskoi entsiklopedii» [Glossary of the Uriankhai-Tuva encyclopedia]* / TROO «Mir tuvintsev». Kyzyl, s. n. 388 p. Pp. 5–6. (In Russ.).

Buriatiia = Buryatia : k 350letiiu vkhozheniia Buriatii v sostav Rossiiskogo gosudarstva [Buriatiia = Buryatia: the 350th anniversary of Buryatia's accession into Russia] (2011) : an encyclopedic reference book: in 2 vols. / Bazarov B. V. (ed.). Ulan-Ude, EKOS. 328 + 300 p. (In Russ.).

V Tuve prezentovali Slovník uriankhaisko-tuvinskoi entsiklopedii [Glossary for the Uriankhai-Tuva encyclopedia presented in Tuva] (2019). *Ofitsial'nyi portal Respubliki Tyva*, 1 Mars [online] Available at: http://gov.tuva.ru/press_center/news/science/39089/ (data obrashcheniia: 05.03.2019 g.). (In Russ.).

Gudovshchikova, I. V. and Terekhov, I. M. (1978) Entsiklopediia [Encyclopedia]. In: *Bol'shaia sovetskaia entsiklopediia [Great Soviet encyclopedia]*. 3rd ed. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia. Vol. 30 (Eklibris — IaIa). 631 p. Pp. 206. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2009) Kaadyr-ool Bicheldei: «Vazhno vovlekat' uchenykh v gosudarstvennye dela» [Kaadyr-ool Bicheldei: «It is important to involve researchers into the affairs of state»]. *The New Research of Tuva*, no. 1–2 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/656> (access date: 12.03.2019). (In Russ.).

Slovník «Uriankhaisko-tuvinskoi entsiklopedii» [Glossary of the Uriankhai-Tuva Encyclopedia] (2019) / TROO «Mir tuvintsev». Kyzyl, s. n. 388 p. (In Russ.).

Submission date: 15.03.2019.

С О Д Е Р Ж А Н И Е

АСПЕКТЫ КУЛЬТУРЫ

Бичелдей К. А., Чыргалан С. Ю., Иргит О. Ю., Кадыг-оол Х. К. (Россия) Развитие музейного дела в Республике Тыва: история и современность4

Дыртык-оол А. О., Мартынов А. И. (Россия) Выставочная деятельность Национального музея Тувы в 1991–2018 гг.21

Хертек А. С., Бичелдей К. А. (Россия) Проблемы сохранности картин и выставок русской живописи XIX века в Национальном музее Тувы36

Наксыл М. Д., Санчай Ч. О. (Россия) Историческая живопись С. К. Ланзы в собраниях Национального музея Тувы46

Айжы Ж. Э., Бурбужеп Д. Д. (Россия) Графика Нади Рушевой в контексте экспозиционной деятельности Национального музея Тувы59

Ламажаа Ч. К., Сузукей В. Ю. (Россия) Тувинское горловое пение как нематериальное культурное наследие и как культурный бренд Тувы72

Монгуш Ч. А.-С. (Россия) Коллекция каменных памятников в собрании Национального музея Тувы84

Дыртык-оол М. О., Дыртык-оол А. О. (Россия) Коллекция колыбелей Национального музея Тувы как этнокультурное наследие тувинцев95

Харунова М. М.-Б. (Россия), Харунов Р. Ш. (Монголия), Санчай Ч. О. (Россия) Деньги Тувинской Народной Республики в коллекциях Национального музея Тувы105

Пименова К. В. (Бельгия) Сакральные предметы и трансформации музейной этики: истоки, проблемы, решения115

Сумба Р. П. (Россия) Письменные источники на тибетском языке из фондов Национального музея Тувы 128

Музраева Д. Н., Сумба Р. П. (Россия) О ксилографическом сборнике буддийских текстов на монгольском языке из Национального музея Тувы139

Бичелдей У. П., Допай А.-Х. М., Бырыннай С. Л. (Россия) Коллекция шаманских бубнов в фондах Национального музея Тувы151

Бичелдей У. П. (Россия) Самый большой аппликационный буддийский свиток из фондов Национального музея Тувы161

Кыргыз Ч. С., Донгак В. Ч. (Россия) Редкие и исчезающие виды животных в таксидермической коллекции Национального музея Тувы170

ФИЛОЛОГИЯ

Шамина Л. А. (Россия) Лексема *шаг* ‘время’ и вопросы грамматикализации в тувинском языке.....182

ТУВА ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Бурькин А. А. (Россия) Урянхай и урянхайцы. Проблема поисков локуса и этносов193

Бутанаев Ю. В., Овсяченко А. Н., Сугоракова А. М. (Россия) Тувинский фольклор и землетрясение в урочище Джарга середины XVIII века208

РЕЦЕНЗИИ, АННОТАЦИИ

Ламажаа Ч. К., Сувандии Н. Д. (Россия) Проект урянхайско-тувинской энциклопедии218

C O N T E N T S

ASPECTS OF CULTURE

Bicheldey K. A., Chyrgalan S. Yu., Irghit O. Yu., Kadyg-ool Kh. K. (Russia) Development of Museum Affairs in the Republic of Tuva: history and present time4

Dyrtyk-ool A. O., Martynov A. I. (Russia) Exhibition work at the National Museum of the Republic of Tuva, 1990-201821

Khertek A. S., Bicheldey K. A. (Russia) The problems of preserving objects and exhibition work at the Aldan-Maadyr National Museum of the Republic of Tuva: the case of 19th century Russian painting36

Naksyl M. D., Sanchai Ch. O. (Russia) S. K. Lanzy’s history painting in the collections of the National Museum of the Republic of Tuva46

Ayzhy Zh. E., Burbuzhep D. D. (Russia) Graphic art of Nadya Rusheva in the context of exhibition work at the National Museum of the Republic of Tuva59

Lamazhaa Ch. K., Suzukey V. Yu. (Russia) Tuvan throat singing as intangible cultural heritage and as Tuva’s cultural brand72

Mongush Ch. A.-S. (Russia) Rock monuments in the collection of the National Museum of Tuva84

Dyrtyk-ool M. O., Dyrtyk-ool A. O. (Russia) The cradle collection at the National Museum of Tuva as Tuvan ethnocultural heritage95

Kharunova M. M.-B. (Russia), Kharunov R. Sh. (Mongolia), Sanchai Ch. O. (Russia) Money of the People’s Republic of Tuva in the collections of the Aldan-Maadyr National Museum of Tuva105

Pimenova K. V. (Belgium) Sacred objects and transformations of museum ethics: origins, problems, solutions115

Sumba R. P. (Russia) Written sources in Tibetan language in the collections of the National Museum of the Republic of Tuva128

Muzraeva D. N., Sumba R. P. (Russia) On a xylographic compilation of Buddhist texts in Mongolian language from the National Museum of the Republic of Tuva139

Bicheldey U. P., Dopay A.-Kh. M., Byrynnai S. L. (Russia) A collection of shaman tambourines from the National Museum of the Republic of Tuva151

Bicheldey U. P. (Russia) The largest appliqué Buddhist scroll in the collections of the National Museum of the Republic of Tuva161

Kyrgys Ch. S., Dongak V. Ch. (Russia) Rare and endangered species in the taxidermy collection of the National Museum of the Republic of Tuva170

PHILOLOGY

Shamina L. A. (Russia) The lexeme *shag* (‘time’) and the issues of grammatization in Tuvan language ...182

TUVA YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

Burykin A. A. (Russia) Uriankhai and Uriankhaians: finding the locus and ethnic groups.....193

Butanayev Yu. V., Ovsyuchenko A. N., Sugorakova A. M. (Russia) Tuvan folklore and the earthquake at urochische Dzharga in mid-18th century208

REVIEWS AND ANNOTATIONS

Lamazhaa Ch. K., Suvandii N. D. (Russia) A project of Uriankhai-Tuva encyclopedia218

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ / THE NEW RESEARCH OF TUVA

Электронный научный журнал

Главный редактор *Ч. К. Ламажаа*.
Редактор переводов: *В. С. Макаров*.

№ 2, 2019

<https://nit.tuva.asia/nit/issue/view/42>

Для иллюстрации обложки использована фотография
Айдемира Мижита (Россия).

Подписано к публикации 27.05.2019 г.

Объем - 28,3 п. л.

Эл. адрес: article@tuva.asia